ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

PROPERTY OF THE
LIBRARY OF THE
JUN 9 1959
WOMAN'S COLLEGE
UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA

1959

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

БАК И. С. **Антифеодальные экономические учения в России второй половины XVIII века.** М. Соцэкгиз. 1958. 125 стр. 6 000 экз. 1 р. 95 к.

Великая Октябрьская социалистическая революция в Эстонии. Сборник документов и материалов. Таллин. Эстгосиздат. 1958. 622 стр. 2 500 экз. 12 руб.

ЖВАНИЯ Г. **Большевистская печать Закавказья накануне и в период первой русской революции.** Тбилиси. Изд-во ЦК КП Грузии. 1958. 415 стр. 5 000 экз. 10 руб.

ЗАЛКИНД Е. М. **Присоединение Бурятии к России.** Улан-Удэ. Бурятское кн. изд-во. 1958. 320 стр. 2 000 экз. 14 р. 30 к.

За творческое изучение марксизма-ленинизма. Л. Лениздат. 1959. 178 стр. 10 000 экз. 2 р. 20 к. Сборник статей об изучении истории КПСС и марксистско-ленинской философии в партийных организациях Ленинграда.

Из истории Великой Октябрьской революции и социалистического строительства. Саратов. Кн. изд-во. 1958. 316 стр. 3 000 экз. 5 р. 50 к.

Краткие сообщения. Т. 30. М. Изд-во АН СССР. 1958. 167 стр. 1 500 экз. 8 р. 10 к.

МИТУПОВ Б. М. **Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР. 1923—1937 гг.** Улан-Удэ. Бурятское кн. изд-во. 1958. 144 стр. 2 000 экз. 4 р. 75 к.

Национализация промышленности на Урале (октябрь 1917 — июль 1918 г.). Сборник документов. Свердловск. Кн. изд-во. 1958. 328 стр. 3 000 экз. 6 р. 35 к.

Очерки истории Коммунистической партии Туркестана. Социал-демократические организации Туркестана в дооктябрьский период (1903 — март 1917). Ташкент. Госиздат УзССР. 1958. 183 стр. 10 000 экз. 4 р. 30 к.

Рабочее движение в Петрограде в 1912—1917 гг. Документы и материалы. Л. Лениздат. 1958. 686 стр. 3 000 экз. 9 р. 95 к.

СОЛОВЬЕВ О. Ф. **Из истории русско-индийских связей.** М. Соцэкгиз. 1958. 99 стр. 10 000 экз. 1 р. 75 к.

СТРУМИЛИН С. Г. **На путях построения коммунизма.** М. Соцэкгиз. 1959. 104 стр. 60 000 экз. 1 р. 65 к. Автор анализирует закономерности перехода от социализма к коммунизму в СССР.

ФИЛИМОНОВ Н. П. **Два мира — два закона развития.** М. Соцэкгиз. 1959. 104 стр. 50 000 экз. 1 р. 25 к. Автор рассматривает пути развития двух мировых систем хозяйства — социалистической и капиталистической на данном историческом этапе.

ШИТОВ Н. Ф. **Пролетарский интернационализм и современный ревизионизм.** М. Госполитиздат. 1959. 111 стр. 50 000 экз. 1 р. 40 к.

ЮЛДАШБАЕВ Б. **Образование Башкирской АССР.** Исторический очерк. Уфа. Башкнигоиздат. 1958. 158 стр. 4 000 экз. 4 р. 10 к.

Всеобщая история

БЕДНЯК И. Я. и др. **Очерки новой истории Японии (1640—1917).** М. Изд-во восточной литературы. 1958. 598 стр. 2 300 экз. 26 р. 80 к.

Бирманский Союз. М. Изд-во восточной литературы. 1958. 292 стр. 2 500 экз. 15 руб.

ГРЕЧЕВ М. А. **Колониальная полит США после второй мировой вой** М. Изд-во АН СССР. 1958. 383 стр. 5 экз. 13 р. 25 к.

История международного рабочег национально-освободительного движе М. Изд-во ВПШ и АОН. 1959. 144 5 000 экз. 6 р. 65 к.

КАЖДАН А. П. и ЛИТАВРИН Г. Г. О **ки истории Византии и южных сла** Пособие для учителей. М. Учпедгиз. 1 326 стр. 9 000 экз. 7 р. 75 к.

КЕНЕН В. **Ноябрьская революция** **года в Германии.** Перевод с немецк М. Госполитиздат. 1958. 85 стр. 30 000 1 руб.

НАЦОКДОРЖИ Ш. **Из истории арат го движения во Внешней Монголии.** Изд-во АН СССР. 1958. 123 стр. 3 000 3 р. 40 к.

ПЕТРОСЯН Ю. А. **«Новые османы борьба за конституцию 1876 г. в Тур** М. Изд-во восточной литературы. 1 157 стр. 1 300 экз. 5 руб.

РАЗМЕРОВ В. В. **Экономическая по товка гитлеровской агрессии (19 1935 гг.).** М. Изд-во ИМО. 1958. 174 4 000 экз. 6 р. 65 к.

РУТЕНБУРГ В. И. **Народные движе в городах Италии.** XIV — начало X М.-Л. Изд-во АН СССР, Ленинградское о ление. 1958. 383 стр. 2 500 экз. 18 руб

СЕРГИЕВ А. **Роль демократической татуры народа в строительстве социа ма в Китае.** М. Госполитиздат. 1 339 стр. 10 000 экз. 9 руб.

Скандинавский сборник. Т. 3. Тал Эстгосиздат. 1958. 357 стр. 2 000 16 руб. Том содержит статьи советски скандинавских авторов по вопросам циально-экономической истории и и рии культуры скандинавских стран.

Современное экономическое положе капиталистических стран. М. Изд-во В и АОН. 1959. 144 стр. 15 000 экз. 6 р. 4 Сборник материалов дискуссии, сост шейся в Академии общественных н 15 апреля 1958 года.

ТОМСОН Д. **Исследования по исто древнегреческого общества. Доисто ский Эгейский мир.** Перевод с англий го. М. Изд-во иностранной литерату 1958. 659 стр. 28 руб.

ТЭЙЛОР А. Д. П. **Борьба за господ в Европе. 1848—1918.** Перевод с англ ского. М. Изд-во иностранной литер ры. 1958. 644 стр. 29 р. 90 к.

ФЕЙГИНА С. А. **Аландский конгр** Внешняя политика России в конце Сем ной войны. М. Изд-во АН СССР. 19 546 стр. 2 500 экз. 23 руб.

ХАРТ Ф. **Коммунистическая партия ликобритании и профсоюзы.** Перевод англійского. М. Госполитиздат. 19 46 стр. 20 000 экз. 50 коп.

ХЕЙФЕЦ А. Н. **Великий Октябрь и у тенные народы Востока.** М. Изд-во вос ной литературы. 1959. 195 стр. 2 700 6 руб.

ХОЛЛ Д. Д. Е. **История Юго-Восточ Азии.** Перевод с английского. М. Изд иностранной литературы. 1958. 597 34 р. 70 к.

ШИЛТОВА А. П. и МОРДВИНОВ В. **Национально-освободительное движе во Вьетнаме (1858—1945).** М. Изд-во И 1958. 199 стр. 5 000 экз. 8 р. 20 к.

Экономическое соревнование ме СССР и США. Критика взглядов америк ских буржуазных экономистов. М. 1 планиздат. 1959. 242 стр. 25 000 **6 р. 50 к.**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

№ 5 МАЙ 1959 г.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая — XXI съезд и дальнейшее укрепление мировой социалистической системы 3

СТАТЬИ

Г. А. Деборин, Г. Ф. Заставенко, Б. С. Тельпуховский — О причинах поражения германского империализма в двух мировых войнах 22

П. И. Олекас (Вильнюс) — Борьба Коммунистической партии Литвы за социалистическое преобразование сельского хозяйства . . . 44

И. Ф. Гиндин — К вопросу об экономической политике царского правительства в 60—80-х годах XIX века 63

А. Н. Красильников — Политика правящих кругов Англии в вопросе разоружения (1928—1933 гг.) 83

Джорджо Амендола, член секретариата ЦК Итальянской коммунистической партии — Борьба Итальянской коммунистической партии за единство рабочего класса 101

Павел Турчан (Чехословакия) — Социалистическая индустриализация Словакии 123

ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Е. Иллерицкий — О государственной школе в русской историографии 141

СООБЩЕНИЯ

В. И. Буганов — К вопросу о московском восстании 1662 года . . . 160

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ СССР

С. А. Сидоренко (Челябинск) — Сборники документов по истории борьбы за власть Советов в Сибири 176

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Е. В. Гутнова — А. И. Данилов. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в. 187

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

С. М. Майоров — Литература Госполитиздата, посвященная XXI съезду КПСС 194

А. М. Синицын — О работе Института истории Академии наук СССР в 1958 году 198

Н. А. Николаев — О постановке исторического образования в средней школе 207

Хроникальные заметки 221

XXI СЪЕЗД И ДАЛЬНЕЙШЕЕ УПРОЧЕНИЕ МИРОВОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В жизни народов и государств есть события всемирно-исторического значения, которые никогда не изгладятся из памяти человечества. Таким событием является XXI съезд КПСС.

Съезд подвел итоги внутренней и внешней политики партии за последние годы, обобщил опыт современного международного развития, открыл новый период в жизни Советского Союза и всего социалистического лагеря. Работа съезда была проникнута духом творческого марксизма. Выдающийся вклад съезда в революционную теорию получил высокую оценку международного коммунистического и рабочего движения.

Съезд дал ответ на коренные, животрепещущие вопросы современности. В своих решениях и материалах он поднял на новую ступень марксистско-ленинскую теорию пролетарской революции и диктатуры пролетариата, учение о стратегии и тактике коммунистических партий, разработал важнейшие проблемы строительства социализма и коммунизма в одной стране и в масштабах всего социалистического лагеря, рассмотрел перспективы борьбы народных масс за мир и мирное сосуществование двух систем. Обобщая гигантский опыт создания нового общественного строя в СССР и народно-демократических странах, XXI съезд выдвинул целый ряд важных теоретических положений, освещающих человечеству дорогу в светлое будущее.

Великий Ленин создал учение о возможности в эпоху империализма победы пролетарской революции и построения социалистического общества первоначально в нескольких странах или даже в одной отдельно взятой стране. Впервые в истории это учение было подтверждено на практике в СССР. Однако до образования и укрепления социалистического лагеря победа социализма в Советском Союзе не была еще полной и окончательной. До второй мировой войны СССР представлял собой единственную на земном шаре социалистическую страну, находившуюся во враждебном окружении капиталистических государств, намного превосходивших Советский Союз в экономическом и военном отношениях. В то время мы не могли считать себя вполне гарантированными от военной интервенции и опасности реставрации буржуазных порядков насильственным путем.

В современных условиях обстановка коренным образом изменилась. Сейчас существуют две противостоящие друг другу мировые общественные системы — социалистическая и капиталистическая. И теперь не устранена еще возможность нападения со стороны империалистов, но у них уже нет сил для того, чтобы восстановить капиталистический строй в нашей стране, уничтожить социалистический лагерь. «Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена,— говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде партии.— Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно»[1].

---

[1] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. 1. Госполитиздат. 1959, стр. 107.

Этот вывод, основанный на строго объективном анализе соотношения сил двух систем, имеет величайшее научное и политическое значение. Он учитывает быстро растущее экономическое и военное могущество Советского Союза и всех стран лагеря социализма в целом, их замечательные успехи в области науки, техники, культуры; прогрессирующее ослабление мирового капитализма, обострение противоречий между империалистическими державами и классовых противоречий внутри каждой из них; идущий исключительно быстрыми темпами распад колониальной системы; укрепление международного коммунистического и рабочего движения, усиление влияния марксистско-ленинских идей на сотни миллионов трудящихся всего земного шара.

Идеи марксизма-ленинизма, подтвержденные на практике, неоспоримо доказанные всем ходом общественного развития, обладают ныне для широчайших народных масс такой притягательной силой, какой они не имели никогда в прошлом. Эти идеи все больше овладевают сознанием рабочих и крестьян в капиталистических странах и тем самым превращаются в могучую материальную силу, которая горой стоит за Советский Союз и социалистический лагерь, за мирное сосуществование двух систем, решительно выступает против войны и агрессивных империалистических кругов.

Всесторонне обосновав вывод о полной и окончательной победе социализма в нашей стране, показав невозможность реставрации буржуазного строя в других социалистических государствах, XXI съезд разработал величественную программу развернутого строительства коммунистического общества в СССР. Она охватывает все без исключения сферы общественной жизни: экономику, политику, идеологию, международные отношения. Претворение в жизнь этой программы будет иметь решающее значение для всей мировой социалистической системы в целом. «Чем больших успехов добьется Советский Союз, тем более непобедимым и могучим станет социалистический лагерь,— говорил на XXI съезде Тодор Живков.— Советский Союз, который ставит на службу общему делу социализма и мира свой огромный экономический потенциал, созданный героическим трудом советского народа, является и будет являться все более прочной базой для развития всех социалистических стран, для гигантского роста непобедимой материальной и идейной силы социалистического лагеря»[2].

Съезд прежде всего поставил перед советским народом задачи всестороннего развития производительных сил, достижения такого роста производства во всех отраслях экономики на базе преимущественного развития тяжелой индустрии, который позволил бы добиться решающих успехов в создании материально-технической базы коммунизма, в обеспечении победы Советского Союза в мирном соревновании с капитализмом. Усиление экономического потенциала страны, всесторонний технический прогресс во всех отраслях народного хозяйства, непрерывный рост производительности труда явятся необходимыми материальными предпосылками для значительного повышения жизненного уровня народа.

В результате осуществления семилетнего плана на новую ступень поднимется индустрия Советского Союза и, следовательно, еще более расширятся ее возможности для взаимовыгодного хозяйственного сотрудничества со всеми социалистическими странами. Ленинский тезис о необходимости преимущественного развития тяжелой индустрии для подъема всех отраслей экономики нашел свое новое и всестороннее воплощение в решениях XXI съезда. Если в целом валовая продукция промышленности СССР увеличится за семь лет примерно на 80%, то производство средств производства — на 85—88%, предметов потребления — на 62—65%. В 1959—1965 гг. резко возрастет выпуск черных и цветных

[2] Там же, стр. 324.

металлов, изменится структура топливного баланса в результате быстрого увеличения добычи и производства нефти и газа; ускоренными темпами будут развиваться химическая промышленность, машиностроение. Решения съезда предусматривают значительный рост производства товаров народного потребления, расширение их ассортимента и улучшение качества.

В 1965 г. в нашей стране будет вырабатываться 500—520 млрд. квтч электроэнергии. Мощность только новых крупных электростанций, построенных и введенных в действие в течение семи лет, составит 58—60 млн. квтч — почти в 35 раз больше, чем предусматривал план ГОЭЛРО. Так жизнь подтверждает ленинское предвидение о том, что «электрификация на почве советского строя создаст окончательную победу основ коммунизма в нашей стране, основ культурной жизни без эксплуататоров, без капиталистов, без помещиков, без купцов» [3].

В области сельского хозяйства семилетний план предусматривает достижение такого уровня производства, который позволит полностью удовлетворить население продовольствием и промышленность сырьем, обеспечить все основные государственные нужды, и в том числе, разумеется, потребности нашей торговли с социалистическими государствами. Для этого необходимы прежде всего значительное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, увеличение поголовья скота и рост продуктивности общественного животноводства.

XXI съезд показал, что для успешного осуществления задач развернутого коммунистического строительства необходимо всемерно укреплять наш общественный и государственный строй, всесторонне совершенствовать социалистическую демократию, еще более активно вовлекать весь народ в управление государством и производством, в работу по осуществлению планов хозяйственного и культурного подъема, развивать активность и самодеятельность трудящихся, усиливать руководящую и направляющую роль партии во всей жизни советского общества.

Съезд наметил пути для дальнейшего упрочения союза рабочих и крестьян, дружбы народов нашей страны, их морального и политического единства. Большую роль в решении задач семилетки будет играть идеологическая деятельность партии, имеющая своей основной целью воспитание трудящихся, и прежде всего молодежи, в духе патриотизма и интернационализма, коммунистического отношения к труду и общественной собственности, преодоление пережитков капиталистического прошлого в сознании людей.

Семилетний план является важной составной частью гигантской программы экономического и культурного развития СССР, разработанной партией и рассчитанной на 15 лет. Его претворение в жизнь приведет к новому экономическому и культурному подъему всех социалистических государств, к укреплению миролюбивых сил на всем земном шаре. «Директивы по развитию советской экономики на ближайшие семь — пятнадцать лет и другие обсуждаемые вопросы имеют большое значение не только для Советского Союза, не только для социалистического лагеря, но и для всего мира» [4],— отметил в своей речи на XXI съезде Антонин Новотный.

Вот почему, развертывая борьбу за выполнение и перевыполнение семилетки, советский народ выполняет как свой патриотический, так и свой интернациональный долг перед трудящимися лагеря социализма, перед прогрессивным человечеством, кровно заинтересованным в быстрейшем утверждении нового общественного строя на всей нашей планете.

СССР — самая развитая в экономическом отношении страна ми-

---

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 30, стр. 343.

[4] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I, стр. 251.

ровой системы социализма. От состояния советской экономики в значи тельной мере зависят хозяйственные успехи и всех остальных социали стических государств, вступивших в современных условиях в новый эта своего развития.

Этот этап характеризуется прежде всего тем, что отсталые в прошло Польша, Венгрия, Румыния, Болгария, бывшие до второй мировой войн фактически аграрными придатками крупных империалистических держа стали сейчас индустриально-аграрными странами. В Китае и в европей ских странах народной демократии, кроме Албании, на долю промыш ленности приходится более половины всей продукции народного хозяй ства. К концу 1958 г. промышленное производство в социалистически государствах по сравнению с 1937 г. увеличилось в 5 раз. В КНР 1950 по 1958 г. промышленная продукция возросла примерно в 10 раз В 1958 г. довоенный уровень промышленного производства превзойде в Польше более чем в 5,5 раза, в Чехословакии — в 3,3 раза, в Германско Демократической Республике — свыше чем в 2,5 раза, в Румынии — почти в 4 раза, в Венгрии — более чем в 4 раза, в Болгарии — примерн в 9 раз, в Албании — в 18 раз. Промышленная продукция Корейско Народно-Демократической Республики превысила уровень 1949 г. 3,5 раза.

Исключительно быстрыми темпами развивает свою индустрию Ки тайская Народная Республика. Если в Китае с 1900 по 1948 г. был выплавлено 7,6 млн. т стали, то в одном лишь 1958 г.— свыше 11 млн. (в два раза больше, чем в 1957 г.). В связи с бурным подъемом металлур гии быстро возрастают добыча угля, выработка электроэнергии, выпус металлорежущих станков и т. д. В прошлом году сдано в эксплуатаци полностью или частично около 700 промышленных объектов. Китай сей час переживает эпоху большого скачка, когда, как говорят в китайском народе, «один день равен 20 годам».

Новый этап в экономике стран народной демократии характеризует ся высокими темпами развития тяжелой индустрии, являющейся ведущей силой технического прогресса, основой всего народного хозяйства, ре шающим источником подъема материального благосостояния народны масс. Удельный вес производства средств производства во всей промыш ленной продукции по сравнению с довоенным уровнем увеличился в 1957—1958 гг. в Китае на 28,2%, в Болгарии — на 22,4%, в Румынии — на 12,8%, в Польше — на 5,2%, в Венгрии — на 13,6%.

В народно-демократических государствах успешно решается задача социалистического преобразования деревни. В КНР, в КНДР, в Болга рии завершен перевод крестьянства на кооперативный путь. Благодаря этому в Китае, например, в прошлом году получен рекордный урожай сельскохозяйственных культур, достигнута самая высокая в истории стра ны урожайность с единицы площади. Во многих уездах досрочно выпол нены задания по увеличению производства зерна, предусмотренные основ ными положениями развития сельского хозяйства республики на 1956—1967 годы.

В Румынии к настоящему времени примерно из 3 600 тыс. крестьян ских семейств почти 2 млн. стали на путь кооперативного хозяйства. На долю кооперативного и государственного сектора приходится около 60% всей сельскохозяйственной площади. В Венгрии в конце прошлого года насчитывалось 2 776 производственных кооперативов. В течение 1958 г число семей в кооперативах увеличилось на 18%, а земельная площадь — на 27%. В Чехословакии существует более 12 тыс. единых сельскохозяй ственных кооперативов. В Германской Демократической Республике около 50% земельной площади сконцентрировано в кооперативах и государ ственных хозяйствах. В Албании в конце прошлого года имелось около 2 тыс. кооперативов, объединивших 76,2% всей пахотной земли и

63,2% крестьянских хозяйств. Во Вьетнаме создан 4 721 производственный кооператив. Более 65% всех крестьянских хозяйств объединились в группы взаимопомощи.

В докладе Н. С. Хрущева, в выступлениях делегатов съезда, представителей братских коммунистических и рабочих партий подчеркивалось, что достигнутый странами народной демократии уровень экономического развития — далеко не предел. Наоборот, это хорошие исходные позиции для нового, поистине гигантского скачка вперед. В современных условиях в народно-демократических государствах разработаны перспективные хозяйственные планы, которые служат ярким свидетельством неисчерпаемых возможностей социалистической системы хозяйства. «Жизнь показывает, что народы социалистических стран находят все новые резервы для быстрых темпов развития производства и повышения благосостояния трудящихся» [5],— указывал на съезде Н. С. Хрущев.

В своих речах на XXI съезде главы делегаций братских коммунистических и рабочих партий говорили о планах экономического и культурного развития народно-демократических стран. Так, в соответствии с решениями III съезда Польской объединенной рабочей партии выпуск промышленной продукции в стране возрастет в 1959—1965 гг. на 80% (десятикратное увеличение по сравнению с 1938 г.), сельскохозяйственной — на 30%. Особенно быстрыми темпами будет развиваться тяжелая индустрия; резко возрастут выплавка стали, производство электроэнергии; значительно увеличится выпуск товаров народного потребления.

VII съезд Болгарской коммунистической партии определил в качестве основной экономической задачи страны в ближайшем семилетии резкое увеличение продукции сельского хозяйства, перерабатывающих отраслей промышленности при сохранении преимущественного роста производства средств производства. В 1965 г. по сравнению с 1957 г. промышленное производство вырастет в 3—4 раза. После VII съезда БКП в стране сложились необходимые объективные и субъективные условия для еще более быстрого развития производительных сил, значительного улучшения материального и культурного положения народа.

В Румынии готовится экономическая программа на ближайшие 15 лет. Первый ее этап — шестилетний план (1960—1965 гг.), в ходе выполнения которого в стране будет в основном построен социализм.

Семилетка ГДР предусматривает рост промышленного производства к 1965 г. на 80%. Особое внимание в плане уделяется развитию химической индустрии. Ее валовая продукция возрастет за семилетие вдвое. Согласно постановлению V съезда СЕПГ, Германская Демократическая Республика должна до конца 1961 г. решить свою основную экономическую задачу — достигнуть и по некоторым показателям превзойти Западную Германию по потреблению на душу населения.

В Чехословакии намечено в течение семи лет увеличить выпуск промышленной продукции на 90—95%, а сельскохозяйственной — на 40%. За семилетие добыча угля возрастет по сравнению с 1957 г. почти на 40 млн. т, выплавка стали — на 4 млн. т, производство электроэнергии — более чем на 20 млрд. киловатт-часов. XI съезд Компартии Чехословакии взял курс на завершение в ближайшие годы строительства социализма в стране.

В Албании осуществление третьего пятилетнего плана (на 1961—1965 гг.) превратит некогда самую отсталую в Европе страну в индустриально-аграрное государство.

В Корейской Народно-Демократической Республике планируется в течение шести — семи лет увеличить добычу угля более чем на 18 млн. т, чугуна — свыше чем на 3,5 млн. т, стали — более чем на 3 млн. т, электроэнергии — на 11,4 млрд. киловатт-часов.

---

[5] Там же, стр. 69.

В Демократической Республике Вьетнам к 1960 г. объем промышле ного производства превысит уровень 1957 г. на 86,4%, а продукция сел ского хозяйства — на 78,6%.

В Монгольской Народной Республике в 1965 г. по сравнению с 1958 валовая продукция промышленности возрастет в 2 раза, посевные пл щади — более чем в 3 раза. Уже в 1960 г. предполагается заверши кооперирование аратских хозяйств.

Таковы величественные перспективы развития экономики мирово социалистической системы в ближайшие годы. Уже сейчас на ее дол приходится свыше 1/3 мирового промышленного производства (в том чи ле на долю Советского Союза — 20%), почти половина мирового прои водства зерна и 43% — хлопка. «По подсчетам экономистов, в результате выполнения и перевыполнения семилетнег плана развития народного хозяйства СССР, а та же высоких темпов развития экономики стран н родной демократии страны мировой социалистич ской системы будут производить более половин всей мировой промышленной продукции. Тем самы будет обеспечено превосходство мировой системы социализма над ми ровой системой капитализма в материальном производстве, в решающе сфере человеческой деятельности» [6].

Достижение такого уровня производства будет означать полную побе ду социализма над капитализмом в мирном соревновании двух систем Величие и грандиозные масштабы этой цели становятся особенно ощу тимыми, если представить себе, что ее выдвинули государства, занимаю щие только четвертую часть территории земного шара и насчитывающи около трети его населения. Совсем недавно многие из этих государств да леко отставали в экономическом отношении от крупных империалисти ческих держав и являлись для США, Англии, Франции, Германии, Япо нии объектом беспощадной эксплуатации.

XXI съезд показал, что важнейшая цель всех стран социалистическо системы состоит сейчас в том, чтобы в максимальной степени выиграт время в мирном соревновании с капитализмом. Как подчеркива Н. С. Хрущев, фактор времени дороже непосредственных материальны затрат; нам нужно выиграть в соревновании двух систем 10—15 лет. Эт задачу социалистические государства успешно решают прежде всего бла годаря исключительно высоким, недоступным для буржуазного стро темпам своего хозяйственного развития. «Высокие темпы роста прои водства — это общая закономерность социализма, подтвержденная те перь на опыте всех стран социалистического лагеря» [7],— отмечается резолюции XXI съезда по докладу Н. С. Хрущева. Достаточно сказат что среднегодовой прирост промышленного производства в социалисти ческом лагере составлял в течение последних 5 лет 11%, в то время ка в капиталистическом мире — менее 3%.

Таким образом, ход исторических событий в масштабах всей мирово системы социализма, а уже не одного только Советского Союза, неоспо римо доказал, что только в том случае, если власть берет в свои рук рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством под руководство коммунистических партий, возникают возможности для невиданных ни когда ранее в истории темпов экономического и культурного развити для систематического повышения благосостояния народных масс.

Превосходство социализма над капитализмом в темпах производств доказано как историей всей социалистической системы, так и опытом от дельных ее участников. Возьмем в качестве примера Китай. Уже в 1958 КНР обогнала Англию по добыче угля, превзошла США по валовом

[6] Там же, стр. 68.

[7] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стено графический отчет. Т. II. Госполитиздат. 1959, стр. 447.

сбору пшеницы, вышла на первое место в мире по валовому сбору хлопка. Расчеты свидетельствуют о том, что в результате выполнения плана 1959 г. Китай догонит или даже перегонит Англию по общему объему производства стали, чугуна, меди, алюминия, станков и электрооборудования. Такими поистине семимильными шагами идет вперед в условиях социализма великий китайский народ, всего лишь десять лет назад сбросивший со своих плеч ярмо феодальной и империалистической эксплуатации.

В решениях и материалах XXI съезда КПСС всесторонне раскрыты особенности нового этапа экономического соревнования с буржуазным миром, в который вступили Советский Союз и страны народной демократии. Сейчас основная задача состоит в том, чтобы обеспечить решающий перевес социалистической системы над капиталистической в мировом производстве, превзойти наиболее развитые империалистические державы по производительности труда, производству продукции на душу населения, добиться самого высокого жизненного уровня.

Могущество Советского государства ныне столь велико, что у нас есть все условия для победы в экономическом отношении — по производству основных промышленных и продовольственных товаров на душу населения — над наиболее развитой страной капитализма — Соединенными Штатами Америки. Выдвигая эту задачу, XXI съезд учитывал, что капиталистические страны не стоят на одном месте. Можно предположить, что промышленное производство США будет увеличиваться ежегодно примерно на 2%, как это было в течение последних лет. Семилетний план СССР намечает среднегодовой прирост промышленной продукции в 8,6%. Таким образом, мы сейчас идем вперед в 4 раза быстрее, чем Соединенные Штаты.

Но дело не только в этом. Ныне Советский Союз превосходит США не только по темпам развития производства, но и по абсолютным размерам ежегодного прироста стали, чугуна, железной руды, нефти, угля, цемента, шерстяных тканей. Если в 1928 г. стоимость 1% прироста промышленной продукции составляла в нашей стране менее полумиллиарда рублей, то в 1952 г. она была равна 5 млрд., в 1958 г.— 10 млрд., а в 1965 г. по плану превысит 19 млрд.

В результате выполнения семилетки наша страна по абсолютным размерам некоторых главных видов продукции превзойдет, а по остальным приблизится к нынешнему уровню промышленного производства в Соединенных Штатах. К 1965 г., хотя к этому времени населения у нас будет, видимо, на 15—20% больше, чем в США, мы обгоним эту страну не только по объему сельскохозяйственной продукции, но и по ее количеству на душу населения.

Затем понадобится примерно пять лет, чтобы догнать и превзойти США по производству промышленной продукции на душу населения. Таким образом, к 1970 г., а может быть и раньше, «Советский Союз выйдет на первое место в мире как по абсолютному объему производства, так и по производству продукции на душу населения. Это будет всемирно-историческая победа социализма в мирном соревновании с капитализмом» [8].

Мировая социалистическая система, взятая в целом, уже сейчас опередила капиталистическую по производству продукции на душу населения. Если взять отдельные страны, то по производству стали на душу населения Чехословакия обогнала Швецию, Францию и Западную Германию, по добыче угля опередила Францию, США, Западную Германию, Бельгию, по выработке электроэнергии — Францию и Италию, по производству цемента — Англию. В результате выполнения своего семилетнего плана Чехословакия по производству многих видов промышленной

[8] Там же, стр. 446.

продукции на душу населения оставит позади Соединенные Штаты. Германская Демократическая Республика к 1965 г. обгонит Западную Германию, а также США по производству пластмасс и искусственного волокна на душу населения; Польша превзойдет уровень Италии 1957 г. по выпуску стали на душу населения на 133 кг, по электроэнергии — более чем на 400 квтч, по производству топлива (в пересчете на уголь) — на 3 400 кг. В течение семилетия Польша вплотную приблизится в экономическом отношении к Франции. Корейская Народно-Демократическая Республика уже в 1959 г. обгонит Японию по производству угля, чугуна, электроэнергии, цемента на душу населения.

Таковы перспективы мирного соревнования двух систем, ярко раскрытые XXI съездом КПСС и свидетельствующие о том, что преимуществ социалистического хозяйства с каждым годом будут сказываться все отчетливее и всестороннее.

Иначе обстоит дело в империалистическом лагере. Общий кризис капитализма углубляется в результате упрочения социалистических стран, продолжающегося распада колониальной системы и обострения внутр буржуазных государств социальных противоречий. Буржуазная экономика крайне неустойчива; она постоянно подвержена кризисам, спадам и лихорадочным подъемам, связанным, как правило, с гонкой вооружений. Соединенные Штаты Америки, например, в течение всего лишь 12 лет несколько раз — в 1948—1949, 1953—1954 и 1957—1958 гг.— переживали серьезные кризисные явления.

Гигантские успехи народно-демократических стран в строительств нового общественного строя, в мирном экономическом соревновании с капитализмом неоспоримо свидетельствуют о том, что коренные принципы марксистско-ленинской теории, главные итоги героического пути пройденного Советским государством и КПСС, имеют всеобщее, интернациональное значение. «Наши социалистические страны следуют по общему пути — пути, указанному Октябрьской революцией, пути, основанному на общих закономерностях социалистической революции и социалистического строительства, сформулированных в Декларации московского Совещания» [9],— говорил на XXI съезде Чжоу Энь-лай.

Этими закономерностями являются руководящая роль рабочего класса во главе с его марксистско-ленинскими партиями в проведении социалистической революции и завоевании диктатуры пролетариата, осуществляемых в тех или иных формах; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планирование экономики, имеющее своей целью построение социализма и коммунизма, неуклонное повышение жизненного уровня народных масс; социалистическая революция в области идеологии и культуры и создание народной интеллигенции; ликвидация национального гнета и утверждение дружбы между народами; защита завоеваний социалистического общества от покушений внутренних и внешних врагов; пролетарский интернационализм [10]. Разумеется, эти общие закономерности проявляются в отдельных странах по-разному, в зависимости от конкретно-исторических условий.

Многолетний опыт нашей партии и всего международного коммунистического движения показывает, что для успешного построения социалистического общества необходима решительная борьба с оппортунизмом в любых его формах и проявлениях. «Важнейшим уроком

---

[9] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I, стр. 155.

[10] См. «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат. 1957, стр. 14.

извлекаемым из огромного опыта Советского Союза в деле строительства социализма и коммунизма, из работ XXI съезда, является постоянная забота о единстве рядов партии, о настойчивости и твердости, с какими КПСС оберегала и оберегает это монолитное единство,— говорил Георгиу-Деж на собрании партийного актива в Бухаресте.— Заслуга испытанного руководства КПСС в том, что, разоблачив и разгромив антипартийную фракционную группу закоснелых, оторванных от жизни элементов, которые поднялись против политики партии и пытались подорвать единство ее рядов, оно не позволило свернуть партию, советский народ с ленинского пути» [11].

Разгром антипартийной группы Маленкова, Кагановича, Молотова, Булганина, Шепилова имел большое значение для упрочения мировой системы социализма. Эти жалкие фракционеры пытались посеять недоверие между отдельными социалистическими странами, ослабить их братское единство, но потерпели полный крах.

История социалистического строительства в странах народной демократии, история мирного экономического соревнования двух противоположных социально-экономических систем — актуальные и важные проблемы советской исторической науки. В их разработке участвуют наряду с историками представители других отраслей знаний, и прежде всего экономисты. В своем перспективном плане Бюро Отделения исторических наук АН СССР подчеркнуло необходимость комплексного изучения этих проблем.

Историки СССР и стран народной демократии немало сделали для изучения процесса возникновения и развития мировой социалистической системы. Однако это только начало большой и ответственной работы. Из решений XXI съезда партии вытекает необходимость создания крупных обобщающих трудов, в которых были бы всесторонне исследованы объединенными силами работников академических учреждений и высших учебных заведений коренные проблемы истории социалистического строительства в странах народной демократии. Среди них можно назвать: общие закономерности и специфические формы переходного от капитализма к социализму периода; основные этапы социалистических преобразований в промышленности и сельском хозяйстве; история культурной революции в странах социалистического лагеря; всемирно-историческое значение опыта строительства социализма и коммунизма в СССР; значение ленинской национальной политики и опыта разрешения национального вопроса в нашей стране для государств народной демократии; борьба Советского Союза за укрепление мировой социалистической системы; развитие экономических и культурных связей между ее участниками; направляющая и руководящая роль коммунистических и рабочих партий стран народной демократии в социалистическом строительстве; развитие исторической науки в условиях народно-демократического строя и другие. Для успешного решения этих проблем советским историкам необходимо укреплять и расширять сотрудничество с историками всех социалистических государств.

★

XXI съезд КПСС обогатил марксистско-ленинскую теорию постановкой и решением ряда коренных вопросов развития мировой социалистической системы. В докладе Н. С. Хрущева и в резолюции съезда по этому докладу, в выступлениях делегатов и представителей братских партий всесторонне раскрыта коренная противоположность экономических и политических закономерностей в лагере социализма и в лагере капитализма.

[11] «Правда», 18 марта 1959 года.

В мире капитализма сильные империалистические государства угне тают отсталые народы, беспощадно эксплуатируют их, диктуют им сво волю. Острейшие противоречия существуют и между так называемым великими державами. Такой характер отношений между странами в кс нечном счете определяется господством частной собственности на оруди и средства производства, хозяйничаньем монополий в экономике, полн тике и идеологии буржуазного общества, в котором действует человекс ненавистническое правило: «Каждый за себя, один бог за всех».

Совершенно иные объективные закономерности сложились в усло виях мировой социалистической системы. Здесь отношения между нарс дами строятся на принципах полного равноправия, уважения террито риальной целостности, государственной независимости и суверенитета невмешательства во внутренние дела друг друга и, главное, пролетар ского интернационализма, братской взаимопомощи, которая предусмат ривает широкое применение планового начала. Взаимная помощь и со трудничество — самая главная, решающая черта международных отно шений в лагере социализма. Этот новый в истории тип международны отношений определяется господством в странах социалистического ла геря общественной собственности на орудия и средства производства подлинно народным характером государственной власти, руководящей ролью коммунистических и рабочих партий, претворяющих в жизнь мар ксистско-ленинские идеи.

Социалистический лагерь представляет собой монолитную, единую тесно сплоченную силу, в то время как империалистический лагерь раз дирается непримиримыми внутренними противоречиями. Попытки реви зионистов подорвать единство социалистических стран окончились пол ным провалом. Об этом ярко свидетельствует единодушное одобрение всеми коммунистическими и рабочими партиями московской Декларации 1957 г. и исторических решений XXI съезда КПСС.

В мире капитализма действует объективный закон неравномерности экономического, политического и культурного развития отдельных стран Его всесторонняя характеристика дана в трудах В. И. Ленина. Владимир Ильич показал, что с особой силой этот закон проявляется в эпоху им периализма. В результате неравномерности развития резко обостряются противоречия между государствами: империалисты ведут ожесточенную борьбу за рынки сбыта и сырья, за передел колоний. Эта борьба приво дит к острым конфликтам и войнам. Неравномерность развития импе риалистических стран, обострение противоречий между ними явились объективной основой первой и второй мировых войн.

До второй мировой войны крайне неравномерным было и экономи ческое развитие народов Европы и Азии, ныне живущих в условиях социалистического строя. В те годы, например, в Китае вырабатывалось на душу населения только 8 квтч электроэнергии, в Болгарии — 42 в Румынии — 72, в Чехословакии — 285, а в Германии — 870. Стали на душу населения в Китае приходилось 0,3 кг, в Румынии — 18, в Венг рии — 70, в Чехословакии — 159 кг.

В прямую противоположность капитализму в социалистической си стеме действует объективный закон планомерного, пропорционального развития. Его проявления в масштабах всей социалистической системы были глубоко проанализированы на XXI съезде. Теоретические положе ния, выдвинутые съездом в этой области, имеют неоценимое научное и практическое значение.

В силу действия закона планомерного, пропорционального развития экономически отсталые в прошлом народы, опираясь на опыт других со циалистических стран, на всестороннее сотрудничество с ними, быстрыми темпами развивают свою экономику и культуру. «Таким образом выравнивается общая линия экономического и культурного развития все

социалистических государств, ускоренными темпами будут создаваться предпосылки для перехода их от первой фазы коммунизма ко второй его фазе. Приближается то время, когда эти страны, как и Советский Союз, будут строить коммунистическое общество»[12]. Уже в современных условиях, например, завершают строительство социализма Болгария, Чехословакия, КНДР.

Таким образом, на путь социализма в силу действия закона неравномерности развития в эпоху империализма различные страны приходят в разное время. Переход же к коммунизму в мировой социалистической системе будет совершаться всеми ее участниками более или менее одновременно. Ревизионисты пытаются доказать, что существуют якобы обособленные, изолированные от лагеря социализма, особые для каждого народа дороги в коммунистическое общество. Но такие утверждения находятся в вопиющем противоречии с объективными законами истории и имеют своей целью разобщение социалистических государств, их самоизоляцию, подрыв единства мировой системы социализма.

О том, что процесс выравнивания экономического и культурного развития социалистических стран идет быстрыми темпами уже теперь, на наших глазах, свидетельствуют многочисленные факты. В народно-демократических государствах, бывших некогда отсталыми, одержаны огромные успехи в развитии промышленности, в том числе тяжелой, в кооперировании деревни. Все они постепенно увеличивают удельный вес индустрии в общей продукции народного хозяйства, успешно ликвидируют многоукладность в экономике, обеспечивают абсолютное господство социалистического сектора в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте, в строительстве, торговле и т. д. Выравнивается и научно-технический и культурный уровень социалистических государств.

Благодаря энергии и энтузиазму широких народных масс, руководимых коммунистическими и рабочими партиями, страны народной демократии успешно ликвидируют фактическое экономическое неравенство отдельных народов в системе социализма. Так, до второй мировой войны на территории нынешнего социалистического лагеря максимальная выплавка стали составляла 24,7 млн. т, причем на долю Болгарии, Венгрии, Румынии и Китая приходилось в общей сложности примерно 1,3 млн. т (около 5%). В 1958 г. производство стали в лагере социализма достигло примерно 83 млн. тонн. Из них перечисленные выше страны выплавляют уже не менее 13,6 млн. т (свыше 16%).

Сократилось и расстояние, отделяющее некоторые социалистические государства по уровню промышленного развития от СССР и Чехословакии. Польша в 1937 г. вырабатывала на душу населения электроэнергии и стали примерно в 2 раза, а чугуна в 4 раза меньше, чем наша страна; в настоящее время этот разрыв сократился до 25—30%. Албания в 1938 г. производила на душу населения электроэнергии в 40 раз меньше, чем Советский Союз, теперь — лишь в 3 раза меньше. По производству цемента на душу населения Албания в довоенный период отставала от Чехословакии в 10 раз, ныне — в 5 раз.

Важнейшую роль в историческом процессе выравнивания общей линии экономического и культурного развития социалистических государств играет наша страна. При всесторонней помощи Советского Союза в странах народной демократии построено или строится около 600 крупных промышленных объектов. Среди них — 45 металлургических комбинатов и предприятий, 35 химических, 5 нефтеперерабатывающих, более 60 машиностроительных заводов, 70 электростанций.

На основании соглашений, заключенных между Китаем и СССР в годы первой китайской пятилетки, наша страна помогает китайскому

[12] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. II, стр. 447.

народу в строительстве 211 крупнейших предприятий. Кроме того, сс гласно подписанному в августе 1958 г. соглашению, Советский Сою оказывает Китайской Народной Республике содействие в строительств и расширении 47 промышленных объектов. В феврале 1959 г. достигнут договоренность о дальнейшем советско-китайском сотрудничестве в стро ительстве в Китае в 1959—1967 гг. 78 крупных промышленных предприя тий и электростанций. Так жизнь полностью подтвердила слова, сказан ные Мао Цзэ-дуном более девяти лет назад: «Трудно передать словам то полное взаимопонимание и глубокую дружбу, которые созданы н основе коренных интересов наших великих народов Китая и Советского Союза. Все видят, что сплочение великих китайского и советского нарс дов, закрепленное договором, является долговечным, нерушимым и непс колебимым. Это сплочение неизбежно повлияет не только на процвета ние великих держав Китая и Советского Союза, а также на будущност всего человечества и поведет к победе справедливости и мира во всем мире» [13].

В Корейской Народно-Демократической Республике благодаря без возмездной помощи советского народа восстановлено и вновь построен более 20 современных предприятий тяжелой индустрии, имеющих жиз ненно важное значение для народного хозяйства страны. Среди них — металлургический завод имени Ким Чака, Сончжинский сталелитейный завод, завод цветных металлов в Нампхо, Супхунская ГЭС, Хыннамский химический и Пхеньянский текстильный комбинаты и другие.

В нашей стране было изготовлено оборудование для важнейших польских предприятий: комбината имени В. И. Ленина в Новой Гуте металлургического завода качественных сталей в Варшаве, заводов по производству алюминия, легковых автомобилей, нескольких электростанций, хлопчатобумажных фабрик и т. д. Около 60 польских строек получают из СССР машины и оборудование. С помощью Советского Союза в Венгрии построен крупнейший Дунайский металлургический комбинат, в Албании создаются энергетическая, горнодобывающая, металлообрабатывающая, легкая и пищевая отрасли индустрии.

Не только СССР, но и такие развитые в промышленном отношении страны, как Чехословакия, ГДР, помогают остальным государствам социалистического лагеря в решении важнейших хозяйственных задач ГДР сотрудничает с Китаем в строительстве 41 промышленного объекта участвует в строительстве предприятий в Польше, Румынии, Венгрии Болгарии. Чехословакия оказывает помощь Польской Народной Республике в развитии химической промышленности и добыче угля, Албании — в добыче железно-никелевой руды, совместно с Венгрией строит гидросооружения и электростанции на Дунае.

В низовьях Дуная, недалеко от порта Браилы, Чехословакия, Германская Демократическая Республика, Польша и Румыния совместными усилиями строят большой комбинат по комплексной переработке камыша. Здесь будут сооружены целлюлозный завод, теплоэлектроцентраль, специальный порт на Дунае и т. д.

В свою очередь, СССР ввозит из Китайской Народной Республики цветные и легирующие металлы, сырье для текстильной промышленности и готовые шерстяные изделия, шелковые и шерстяные ткани, продовольственные товары; в 1959 г. из Китая впервые начнет поступать в нашу страну хлопок. Из ГДР мы получаем машины и оборудование химические изделия, товары широкого потребления. Чехословакия увеличит в 1965 г. экспорт машин в Советский Союз в 3,5 раза (химическое оборудование, станки, продукция транспортного машиностроения) Польша будет поставлять нам железнодорожный подвижной состав оборудование для промышленных объектов, уголь, кокс, цинк, сахар

[13] «Правда», 14 февраля 1959 года.

черные и цветные металлы, Румыния — нефтепродукты, лесоматериалы, цемент, фрукты и т. д.

Таким образом, каждая из социалистических стран в меру своих экономических ресурсов и производственных возможностей в полном соответствии с национальными интересами способствует хозяйственному развитию всей мировой системы социализма.

В материалах XXI съезда КПСС, в документах коммунистических и рабочих партий стран народной демократии раскрыты особенности современного этапа экономического сотрудничества государств мировой системы социализма. «Координация народнохозяйственных планов — вот та форма, в которой происходит объединение производственных усилий социалистических стран на современном этапе,— говорил Н. С. Хрущев на XXI съезде.— Большую роль в развитии экономики социалистического лагеря призвано сыграть международное разделение труда, в особенности высшие его формы — специализация и кооперирование» [14].

Важное место в решении этих задач занимает Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), созданный 10 лет назад, в 1949 году. Его участниками являются СССР и европейские страны народной демократии. В работе Совета участвуют наблюдатели от Китая и других социалистических государств Азии. СЭВ имеет постоянные комиссии по машиностроению, угледобывающей, нефтяной, газовой, легкой и пищевой промышленности, черной и цветной металлургии, химии, сельскому хозяйству, обмену электроэнергией, внешней торговле, транспорту, строительству.

Начиная с 1956 г. Совет развернул работу по координации основных отраслей народного хозяйства своих участников, межгосударственной специализации и кооперированию производства. Состоявшееся в мае 1958 г. Совещание представителей коммунистических и рабочих партий стран — членов СЭВ с участием представителей Коммунистической партии Китая, Партии трудящихся Вьетнама, Трудовой партии Кореи и Монгольской народно-революционной партии заслушало сообщения о перспективных планах социалистических государств и рассмотрело вопросы согласования этих планов до 1965 г. по взаимосвязанным отраслям хозяйства. К 1960 г. предполагается подготовить общий план экономического развития до 1975 г. всех членов СЭВ.

Межгосударственная специализация и кооперирование в мировой социалистической системе осуществляются исключительно на добровольных началах и имеют целью решение задач индустриализации, наиболее эффективное использование ресурсов и местных условий каждой страны, ее производственных мощностей, рост производительности труда, снижение издержек производства, увеличение количества и улучшение качества продукции. При этом специализация и кооперирование в условиях социалистического строя исключают одностороннее, уродливое развитие экономики того или иного государства, как это нередко имеет место при капитализме, где существуют так называемые «банановые», «кофейные», «каучуковые» и «оловянные» республики. Народное хозяйство каждой социалистической страны планируется на основе строгого учета ее природных и производственных возможностей, но в то же время является многоотраслевым, развивается гармонично, комплексно.

Важная особенность современного разделения труда между социалистическими странами состоит в том, что оно в возрастающей степени охватывает жизненно важные отрасли экономики. Возьмем, например, производство топлива и электроэнергии. Наиболее богаты углем, гидроресурсами, нефтью Советский Союз и Китай. Большими угольными запасами располагает Польша. В этих странах и будет быстрыми темпами развиваться топливная индустрия. В ближайшие годы СССР, Румыния,

[14] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I, стр. 70.

Албания значительно увеличат добычу нефти и ее поставки другим социалистическим государствам. Польша с помощью кредитов, полученных от Чехословакии и ГДР, расширит добычу угля. В течение семилетки все более широкое распространение получат обмен электроэнергией, кольцевание энергосистем социалистических государств. Семилетний план СССР говорил Антонин Новотный на XXI съезде, «несомненно, будет способствовать дальнейшему упрочению и углублению взаимных связей между социалистическими странами, дальнейшему развертыванию международного социалистического разделения труда, основанного на гармоничном сочетании национальных интересов каждого социалистического государства с интересами укрепления и развития социалистического лагеря в целом» [15].

Специализация охватит и область черной и цветной металлургии. В нашей стране в соответствии с семилетним планом возрастет добыча железной и марганцевой руд, производство чугуна, проката, алюминия, никеля. Значительную часть этих металлов предполагается экспортировать в Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, ГДР. В свою очередь, Венгрия увеличит поставки на мировой социалистический рынок глинозема и алюминия, Польша — цинка, Болгария — свинца и меди, Албания — меди и хрома, Китай — вольфрама, молибдена и олова.

Разделение труда между социалистическими странами в широких масштабах будет иметь место и в машиностроении. Производство доменного оборудования сосредоточивается в СССР, Польше, Чехословакии, для заводов химического волокна и обогащения бурого угля — в Германской Демократической Республике, оборудования для механической обработки и коксования каменного угля — в Польше, для алюминиевых предприятий — в Венгрии и СССР, нефтяного оборудования — в Советском Союзе и Румынии, производство картофелеуборочных машин — в СССР, Польше, ГДР; Чехословакия и впредь будет развивать у себя преимущественно тяжелое машиностроение, Германская Демократическая Республика — производство изделий, требующих особо точной обработки, Польша расширит строительство судов и других транспортных средств, машин для горнодобывающей, металлургической, химической, пищевой промышленности и т. д.

В социалистических государствах имеются огромные запасы сырья для химической индустрии. Страны лагеря социализма получают из Советского Союза и Германской Демократической Республики калийные удобрения, из Польши и СССР — серу, из Румынии — нефть и газ.

Важная особенность специализации и кооперирования в лагере социализма состоит в том, что они дают возможность каждой стране своевременно устранять свойственные ее экономике трудности. Благодаря международному социалистическому разделению труда Чехословакия, например, успешно преодолевает противоречие между слабостью ее сырьевой базы и широкими производственными возможностями. На мировом социалистическом рынке ей обеспечен устойчивый сбыт промышленных изделий.

XXI съезд указал, что совершенствование форм разделения труда, осуществляемое в современных условиях в лагере социализма, имеет огромное историческое значение. Это один из реальных, конкретных, осязаемых путей, которые и приведут к постепенному выравниванию уровня экономики отдельных стран, ускорят темпы их хозяйственного развития, будут способствовать быстрейшему переходу к высшей фазе коммунистического общества.

Социалистическое разделение труда тесно связано с развитием внешней торговли, основанной на принципах полного равноправия сторон, обоюдной выгоды и взаимного уважения интересов. Советский Союз являет-

[15] Там же, стр. 252.

ся ведущей силой на мировом социалистическом рынке. В 1957 г. доля нашей страны в общем импорте государств — членов СЭВ составляла по нефти более чем 90%, по железной руде — около 80%, по меди — 75%, по прокату — 57%, по хлопку — 67% и по зерну — бо́льшую часть всего ввоза. К 1965 г. по сравнению с 1958 г. торговля СССР с другими социалистическими государствами возрастет более чем в полтора раза.

Поставки в соответствии с семилетним планом из Советского Союза машин, оборудования, сырья, продовольствия явятся важным фактором экономического подъема всех социалистических стран, обеспечат многие их жизненно важные потребности. Уже в 1959 г. советско-китайский товарооборот достигнет 7,2 млрд. рублей. Значительно возрастут поставки из СССР в Китай комплектного оборудования, особенно электроэнергетического, мощных буровых установок, транспортных средств, подшипников и т. д.

В Чехословакию наша страна в конце семилетки будет поставлять до 10,1 млн. т железной руды, 5 250 тыс. т нефти. Мы поможем чехословацкому народу расширить сырьевую базу для химической промышленности. Темпы роста чехословацкого промышленного производства зависят главным образом от советских поставок сырья и важнейшего оборудования.

Экономическому развитию социалистических стран способствует их научное и техническое сотрудничество. Формы его многообразны: взаимный обмен документацией и специалистами, совместная деятельность научно-исследовательских учреждений и проектно-конструкторских организаций, проведение конференций и совещаний для обсуждения актуальных проблем и т. д. СССР, занимающий передовые позиции в развитии мировой цивилизации, по-братски делится с другими социалистическими странами своим огромным опытом и научно-техническими достижениями.

В 1947—1958 гг. Советский Союз передал государствам народной демократии 11 620 единиц различной технической документации и получил взамен 3 070 единиц. Подавляющая часть советских материалов имеет отношение к различным отраслям тяжелой индустрии. Успешно сотрудничают примерно 600 научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций Советского Союза и народно-демократических государств. Они совместно разрабатывают более 1 600 важных тем[16]. Особенно большое значение имеет изучение проблем ядерной физики и мирного использования атомной энергии. С этой целью еще в 1956 г. 11 социалистических стран основали Объединенный институт ядерных исследований. С помощью СССР созданы атомные реакторы в Китае, Польше, Чехословакии, ГДР и Румынии, строятся атомные электростанции в Чехословакии и Германской Демократической Республике.

Широкие перспективы открылись после XXI съезда и для дальнейшего всестороннего культурного сотрудничества между социалистическими государствами. С каждым годом будут расширяться культурные связи Советского Союза со странами народной демократии, уже и сейчас являющиеся прочными и разносторонними. Достаточно, например, сказать, что в 1949—1958 гг. в нашей стране побывало 134 китайских художественных коллектива, а Китай посетили 112 советских коллективов. За эти годы в КНР демонстрировалось до 747 советских фильмов (их просмотрело примерно 1,9 млрд. зрителей), а на советских экранах шло 102 китайских фильма. С 1951 по 1958 г. из Китая было отправлено к нам на учебу 6 561 человек. В прошлом году в советских высших учебных заведениях занималось 14 тыс. студентов и аспирантов из стран народной демократии.

Культурное сотрудничество социалистических государств охватывает различные сферы: литературу, кино, телевидение, театр, архитектуру, подготовку кадров, науку и т. д.

[16] «Вопросы экономики», 1959, № 2, стр. 92, 94, 95.

Все более тесными становятся и связи историков СССР и народно-демократических государств. Ученые совместно готовят коллективные труды, осуществляют археологические и другие исследования, регулярно обмениваются литературой, архивными и иными источниками, участвуют в работе различных конференций, совещаний, публикуют свои статьи в периодических изданиях и т. д.

Только на страницах журнала «Вопросы истории» выступили в 1957—1958 гг. 7 авторов из Чехословакии, 4 — из Китая, 6 — из ГДР, 4 — из Болгарии, 2 — из Польши, 2 — из Вьетнама и т. д. Журнал опубликовал статьи видных деятелей социалистических стран: Вальтера Ульбрихта, Ференца Мюнниха, Чионг Тиня, Во Нгуен Зиапа. В свою очередь, советские ученые систематически помещают свои работы в научных изданиях народно-демократических государств.

Надо пожелать, чтобы историки, экономисты, юристы Советского Союза и стран народной демократии общими усилиями разрабатывали важнейшие проблемы всестороннего братского сотрудничества стран социалистического лагеря. Это прежде всего история нового типа международных отношений, сложившихся между государствами мировой системы социализма. Заслуживает самого пристального внимания изучение закономерностей более или менее одновременного перехода социалистических стран к коммунизму, их постепенного экономического выравнивания. Нам и нашим друзьям за рубежом необходимы труды по истории Совета экономической взаимопомощи и его организаций, по истории научно-технических, внешнеторговых и культурных связей социалистических стран. Необходимо систематически давать отпор ревизионистам и буржуазным фальсификаторам, грубо извращающим историю международных отношений в рамках мировой системы социализма. К сожалению, до сих пор эта тематика не получила глубокого освещения в исторических работах и не нашла должного отражения в перспективных планах советских научных учреждений.

XXI съезд творчески рассмотрел важнейшие вопросы современных международных отношений, вопросы войны и мира, волнующие все человечество. Всесторонне проанализировав соотношение сил двух систем в настоящее время и их перспективы на будущее, съезд пришел к выводу, что еще до полной победы социализма на земном шаре, при сохранении капиталистического строя на части территории земли, может возникнуть реальная возможность исключения мировой войны из жизни общества. Этот вывод, основанный на глубоком научном анализе современной обстановки, проникнут несокрушимой верой в силы социалистических государств.

В докладе на съезде Н. С. Хрущев показал, что претворение в жизнь народнохозяйственных планов Советского Союза, всех социалистических стран Европы и Азии создаст необходимые материальные и духовные предпосылки для предотвращения войны как средства решения спорных международных вопросов. Благоприятные условия для этого сложатся тогда, когда наша страна решит свою основную экономическую задачу и оставит далеко позади США, когда Китай станет могучей индустриальной державой и на долю социалистических государств будет приходиться более половины мировой промышленной продукции. Успехи системы социализма, несомненно, привлекут на ее сторону миллионы новых сторонников, в том числе и народы, сбросившие со своих плеч ярмо колониальной эксплуатации, упрочат в сознании широчайших масс убеждение в недопустимости войны. В этой обстановке соотношение сил станет столь очевидно неблагоприятным для военных авантюр империалистов, что они не решатся встать на этот путь. «Опираясь на мощь лагеря социализма, миролюбивые народы смогут тогда заставить воинствующие круги импе-

риализма отказаться от планов развязывания новых войн»[17],— отмечается в резолюции XXI съезда по докладу Н. С. Хрущева.

Что касается социалистических стран, то они по своей подлинно народной социальной сущности всегда были и остаются решительными противниками войн. Лагерю социализма жизненно необходимы для созидания нового общественного строя, подъема благосостояния масс и их духовного развития мир и дружба между всеми народами. Эти положения были с предельной ясностью сформулированы на XXI съезде, который Янош Кадар в своей речи с полным правом назвал «съездом строительства коммунизма и защиты мира»[18].

Однако в настоящее время, как указал XXI съезд, военная опасность существует, и ее нельзя недооценивать. Необходимо сплочение самых широких народных масс на борьбу против войны. Эту задачу успешно решают социалистический лагерь, международное коммунистическое и рабочее движение. Они представляют собой несокрушимую антивоенную силу, стоящую во главе многомиллионного движения сторонников мира.

Коммунистические и рабочие партии существуют ныне в 83 странах и насчитывают в своих рядах 33 млн. человек. Отношения между ними, как подчеркнул XXI съезд, строятся на ленинских принципах полного равноправия, добровольного сотрудничества, самостоятельности и независимости, пролетарского интернационализма. Съезд разоблачил грубую клевету буржуазной пропаганды и ревизионистов, пытающихся доказывать, что Советский Союз и КПСС якобы вмешиваются в дела других компартий, навязывают им свою волю и политические установки. В действительности в международном коммунистическом движении нет «командующих» и «подчиненных». Все партии, исходя из общих положений марксистско-ленинской теории, основных закономерностей пролетарской революции и социалистического строительства, учитывая экономические и политические условия, традиции и особенности данной страны, сами вырабатывают свою внутреннюю и внешнюю политику. Коммунисты взаимно обмениваются опытом, используя для этой цели международные встречи и совещания, а также органы печати.

Социалистический лагерь единодушен в своей внешней политике, в борьбе за мирное сосуществование и сотрудничество двух систем, за решение спорных международных проблем путем переговоров. Одной из таких проблем является германский вопрос. Советский Союз выдвинул программу его подлинно демократического решения, отвечающего интересам и чаяниям как германского народа, так и всего прогрессивного человечества. Эта программа предусматривает заключение мирного договора с обоими германскими государствами — ГДР и ФРГ, а в случае возникновения Германской конфедерации — и от ее имени. Создание конфедерации двух германских государств ускорило бы воссоединение страны на мирной и демократической основе. Заключение мирного договора явилось бы кардинальным решением германского вопроса, означающим прекращение иностранной оккупации, ликвидацию почвы для реваншизма в Западной Германии, ослабление международной напряженности в Европе. Подписание мирного договора привело бы и к ликвидации оккупационного режима в Берлине, к превращению его в вольный город.

Эту глубоко справедливую программу разрешения германского вопроса поддерживают все социалистические государства, все прогрессивное человечество. «Мы глубоко заинтересованы как в заключении мирного договора с Германией, так и в том, чтобы Западный Берлин перестал быть диверсионным плацдармом против ГДР, против нашего государства

---

[17] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. II, стр. 448.

[18] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет. Т. I, стр. 282.

и других социалистических стран»[19],— говорил В. Гомулка на III съезде ПОРП.

Все социалистические государства единодушно считают, что воссоединение Германии мирными средствами — это полностью дело самих немцев. Такой подход к решению вопроса исключит как ликвидацию социалистических завоеваний трудящихся масс ГДР, так и насильственное упразднение режима, существующего ныне в ФРГ.

Страны социалистического лагеря единым фронтом выступают за заключение договора о прекращении испытаний ядерного оружия, что явилось бы важным шагом на пути к полному устранению угрозы атомной войны. Они поддерживают план правительства Польской Народной Республики о создании в Европе «безатомной зоны» и сокращении в этой зоне обычных вооружений. XXI съезд подчеркнул неотложную необходимость образования на Дальнем Востоке и во всем тихоокеанском бассейне зоны, свободной от атомного оружия, выступил за сокращение вооружений и прекращение их гонки в капиталистических странах.

Правящие круги США, Англии, Франции упорно, под теми или иными предлогами, отклоняют миролюбивые предложения Советского Союза и других социалистических государств. Фактам и рассудку вопреки они пытаются обвинить социалистический лагерь в агрессивных замыслах. Лучше всего опровергают эту клевету советская семилетка и перспективные планы стран народной демократии, проникнутые подлинным миролюбием. «Семилетний план является живым свидетельством мирной политики Советского Союза, его ленинской политики мирного сосуществования со всеми странами, независимо от их общественно-экономических систем. Он является мощным средством сохранения и укрепления мира и дружбы между народами всего мира»[20],— говорил на XXI съезде Энвер Ходжа.

Социалистический лагерь един в своей поддержке национально-освободительного движения, в результате которого после второй мировой войны 1 452 млн. человек в Азии и Африке сбросили цепи колониального рабства и встали на путь самостоятельного развития. Ныне уже и в Африке независимые государства — Эфиопия, Объединенная Арабская Республика, Судан, Ливия, Тунис, Марокко, Гана, Либерия, Гвинейская республика — занимают около 25% территории континента и объединяют 30% его населения.

Советское государство всегда оказывало морально-политическую и материальную поддержку национально-освободительному движению в различных странах, никогда не вмешиваясь во внутренние дела того или иного народа, признавая за каждым из них полное право на самоопределение. Достаточно напомнить, например, о взаимоотношениях Советской республики уже в первые годы ее существования с Китаем, Турцией, Ираном, Афганистаном, Индией.

Существуют коренные различия между политикой лагеря социализма и политикой лагеря империализма в отношении экономически отсталых народов. Империалистические державы, и в первую очередь США, оказывая «помощь» странам, вставшим на путь самостоятельного развития, преследуют корыстные политические и военные цели, под теми или иными предлогами препятствуют развитию национальной экономики, и прежде всего тяжелой индустрии. Так, если западные державы предоставили слаборазвитым странам через ООН на экономические и технические нужды примерно 34 млн. долл., то военные расходы, осуществленные на основе двухсторонних договоров, превысили эту сумму почти в 100 раз.

Лагерь социализма оказывает помощь отсталым в экономическом отношении народам на справедливых коммерческих началах, не вмешиваясь в их внутренние дела и не навязывая никаких политических или

[19] «Коммунист», 1959, № 4, стр. 67.

[20] «Внеочередной XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза». Т. I, стр. 336.

военных условий. Особенно большое значение имеет то обстоятельство, что Советский Союз и государства народной демократии помогают слаборазвитым странам в создании собственной промышленности. СССР в настоящее время принимает участие в строительстве более 150 промышленных предприятий и других объектов в государствах Азии и Африки.

Западные державы, и прежде всего США, стремятся сбыть предметы потребления, не находящие покупателей на внутреннем рынке. Еженедельник «Индиа» недавно писал, что более половины американской помощи поступает в страну в виде сельскохозяйственных товаров. Соединенные Штаты отказываются финансировать металлургические заводы, предприятия тяжелого электрооборудования, заводы по производству удобрений и т. д. К тому же, замечает журнал, фактически предоставляемая американцами помощь «значительно меньше, чем об этом широко оповещается, так как приходится нести (Индии.— *Ред.*) огромные расходы на американских технических специалистов и экспертов, приехавших в нашу страну. Часто указывают, что русские эксперты и технические специалисты в этом отношении являют собой поразительный контраст».

СССР сотрудничает с Индией в строительстве металлургического завода в Бхилаи, первая очередь которого уже вступила в строй, заводов тяжелого и угольного машиностроения, в разведке и разработке новых месторождений нефти и т. д. Успешно развивается наше экономическое сотрудничество с Афганистаном, Индонезией, Бирмой, независимыми государствами Арабского Востока, Африки.

Выполнение перспективных планов социалистических государств позволит им еще более укрепить хозяйственные связи с народами, вставшими на путь самостоятельного национального развития, расширить торговлю с капиталистическими странами. В настоящее время Советский Союз, например, торгует более чем с 70 государствами. С 1950 по 1958 г. наш внешний товарооборот увеличился в 2,6 раза. Торговля СССР с капиталистическим миром за этот период возросла с 2,5 млрд. руб. до 9 миллиардов.

В 1959—1965 гг. объем советской внешней торговли увеличится более чем вдвое. Значительно расширятся и торговые связи всех социалистических государств. При этом их перспективные планы не предусматривают получения иностранных кредитов. Мировая система социализма имеет все необходимое для того, чтобы собственными силами решить свои хозяйственные задачи. Но для ускорения строительства социализма и коммунизма, для ослабления международной напряженности и упрочения взаимного доверия между государствами двух систем социалистические страны готовы широко и всесторонне развивать мировую торговлю.

Вопросы внешней политики стран лагеря социализма, взаимоотношения их между собой и с капиталистическим миром все еще недостаточно изучены в советской исторической науке. В свете решений XXI съезда перед нашими историками-международниками стоят задачи глубокого и всестороннего исследования таких проблем, как возможность исключения в современную эпоху войн из жизни общества; история главных направлений внешней политики социалистических государств; их борьба за демократическое разрешение германского вопроса, за разоружение и запрещение атомного оружия; лагерь социализма и слаборазвитые народы; история внешней торговли социалистических стран, и другие.

Мы живем в такой век, когда с каждым годом человечество все быстрее идет к коммунизму. XXI съезд КПСС с исключительной силой показал, что знаменосцем этого могучего, непреодолимого движения современности является социалистический лагерь.

СТАТЬИ

О ПРИЧИНАХ ПОРАЖЕНИЯ ГЕРМАНСКОГО ИМПЕРИАЛИЗМА В ДВУХ МИРОВЫХ ВОЙНАХ

Г. А. Деборин, Г. Ф. Заставенко, Б. С. Тельпуховский

Дважды в первой половине XX в. германский империализм, стремясь к переделу мира и установлению своего господства на земном шаре, выступил непосредственным зачинщиком мировых войн, но оба раза потерпел поражение. Дважды немецкий народ был ввергнут в пучину национальной катастрофы. Особенно сокрушительным было поражение во второй мировой войне, которая закончилась ликвидацией гитлеровского государства и оккупацией Германии войсками СССР, Англии, Франции и США. Трудящиеся восточной части Германии, получившие возможность свободно определить свою судьбу, сделали надлежащие выводы из исторического опыта. Под руководством СЕПГ они навсегда покончили с господством капитала, с милитаризмом и империализмом и встали на путь социалистического строительства. Западная же Германия, в которой прогрессивные силы преследуются, по-прежнему находится во власти монополий и представляет собой опасный для дела мира очаг милитаризма и реваншизма.

Подготовляя новую мировую войну, западногерманские империалисты, их реакционные историки и публицисты пытаются доказать, что поражение Германии в первой и во второй мировых войнах было случайным.

Особенно усердно реакционные историки и мемуаристы стремятся доказать случайность поражения Германии во второй мировой войне. Одни из них (преимущественно западногерманские) связывают эту случайность с личностью Гитлера. Вопреки фактам они приписывают ему одному планирование войны, руководство ею и ответственность за поражение [1]. Другие историки и мемуаристы (главным образом американские) усматривают эту «роковую» случайность в том, что США оказались в числе противников Германии, в чем виновен, по их мнению, покойный президент Рузвельт [2]. Наконец, немало и таких представителей реакционной историографии, которые выдвигают одновременно несколько случайных факторов. В частности, они «сетуют» на условия погоды и климата России, препятствовавшие будто бы действиям войск захватчиков, но благоприятствовавшие Красной Армии [3].

Вопрос о том, было ли поражение Германии в первой и во второй

---

[1] З. Вестфаль, В. Крейпе, Г. Блюментрит и др. Роковые решения. М. 1958; K. Assmann. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden. 1950; F. Halder. Hitler als Feldherr. München. 1949; A. Heusinger. Befehl im Widerstreit Tübingen. 1950; G. Blond. The Death of Hitler's. New York. 1954.

[2] F. Wittmer. The Yalta Betrayal. Caldwell. Idaho. 1954; Ch. Wilmot. The Struggle for Europe. London. 1952; «United States Army in World War II». Departament of Army. Washington; М. Риджуэй. Солдат. М. 1958; О. Брэдли. Записки солдата. М. 1957.

[3] К. Типпельскирх. История второй мировой войны. М. 1956; Б. Г. Лиддел-Гарт. Стратегия непрямых действий. М. 1957; Дж. Фуллер. Вторая мировая война. М. 1956; «Мировая война 1939—1945 гг.». Сборник статей. М. 1957. E. von Manstein. Verlorene Siege. Bonn. 1955; W. Görlitz. Der zweite Weltkrieg. Stuttgart. 1951—1952.

мировых войнах случайным или закономерным, стал тем самым предметом острой идеологической борьбы. Международные прогрессивные силы, справедливо доказывая, что поражения Германии были закономерными, предостерегают против новых военных авантюр германского империализма. Боннские реакционеры, напротив, утверждают, что в третий раз Германия не потерпит поражения и, используя новое, благоприятное для нее стечение обстоятельств, якобы добьется победы. На этой основе ими развертывается оголтелая пропаганда третьей мировой войны.

Научный анализ итогов двух мировых войн со всей убедительностью свидетельствует о том, что поражения германского империализма определялись не случайными обстоятельствами, а объективными факторами, к которым относятся: экономические ресурсы и людские резервы; общественно-экономический и государственный строй общества и его влияние на соотношение сил; прочность тыла и отношение народных масс к войне; моральный дух войск и тыла; количество и качество дивизий; вооружение армий; организаторские способности начальствующего состава.

★

В период подготовки первой, а затем и второй мировой войны идеологи германского милитаризма постоянно заявляли о том, что «военное счастье» сопутствует Германии [4]. В доказательство они ссылались на австро-прусскую и франко-прусскую войны, относящиеся к доимпериалистической эпохе. Победа Пруссии над ее противниками, давшая возможность объединить раздробленные германские государства и создать Германскую империю — эту «удлиненную Пруссию»,— явилась одной из причин «милитаристского бахвальства», наложившего печать на самые различные стороны общественно-политической жизни страны. Идеологи германского империализма, всячески воспевая победы германского оружия, не ставили своей задачей вскрыть действительные причины этих побед. Они предпочитали рассуждать о некоем историческом величии германской расы и непобедимости ее солдат.

Между тем вопрос о причинах победы Пруссии в указанных войнах представляет немаловажный интерес. На ее стороне был безусловный перевес в количестве и качестве дивизий и их вооружении. Но Пруссия победила противников не только благодаря превосходству своей военной техники и военной организации.

К этому времени в основном завершился процесс ликвидации феодальной раздробленности и становления современных наций в Европе, представлявший собой составную часть утверждения нового, капиталистического способа производства, более прогрессивного в сравнении с феодальным. Как известно, национальное воссоединение германских народов задержалось по сравнению с аналогичным процессом в других странах Европы. Он не был осуществлен революционным путем. Задача воссоединения германских народов была, в конечном счете, решена Пруссией военным путем. Пруссия тогда представляла собой самое хищническое и наиболее военизированное государство не только в Германии, но и во всей Европе. В силу сложившихся исторических условий ей удалось взять в свои руки прогрессивное дело объединения Германии, ранее раздробленной на множество мелких и мельчайших феодальных государств, существование которых тормозило развитие в стране более передового, чем феодализм, общественного строя — капитализма. Это явилось важной причиной прусской победы в войне с Австрией и Францией, поддерживавших феодальную раздробленность в Германии.

На рубеже XIX и XX вв. капитализм в Германской империи, объеди-

---

[4] Большую роль в идеологической подготовке второй мировой войны сыграли О. Шпенглер, О. Шпанн, Э. Бергман, В. Зомбарт и др.

ненной под эгидой Пруссии, перешел в своем развитии в стадию империализма.

Одной из важнейших особенностей германского империализма является то, что он вырос на новой, более высокой экономической и технической основе по сравнению с другими европейскими странами. Большую роль в этом сыграла пятимиллиардная контрибуция, полученная с Франции в результате войны 1870—1871 гг. и израсходованная на субсидирование крупнейших капиталистических фирм. Такое распределение военной добычи способствовало процессу концентрации капитала. В стране образовались гигантские монополии, тресты, синдикаты, картели, занявшие господствующее место в экономике. В то же время в Германии сохранялись сильные феодальные пережитки.

После объединения власть в империи оставалась, как указывал Ленин, применяя выражение Маркса, в руках «обшитого парламентскими формами военного абсолютизма» [5]. Несмотря на существование рейхстага, вся полнота власти в Германии фактически принадлежала кайзеру. Возраставшая экономическая мощь немецкой буржуазии сочеталась с ее пресмыкательством перед помещиками.

Империалистическая Германия развивалась как сугубо милитаристское, агрессивное государство. Крепнувший германский империализм, обладавший сильной военной организацией, стремился к внешней экспансии. Но мир тогда уже был поделен главным образом между старыми капиталистическими державами. Стремясь осуществить передел мира и занять свое «место под солнцем», германские империалисты выдвинули программу территориальных захватов, осуществление которой привело бы к установлению их мирового господства. Так в противоположность Англии и Франции «выдвинулась другая группа капиталистов, еще более хищническая, еще более разбойничья — группа пришедших к столу капиталистических яств, когда места были заняты, но внесших в борьбу новые приемы развития капиталистического производства, лучшую технику, несравненную организацию...» [6].

О планах германских империалистов в первой мировой войне можно судить по записке Пангерманского союза (конец 1914 г.), в которой выдвинуты следующие «военные цели Германии»:

1. Приобретение за счет России обширных территорий для поселения немецких крестьян, а именно: Польши, Литвы, Белоруссии, прибалтийских губерний и Украины.

2. Аннексия Бельгии.

3. Аннексия французских железорудных бассейнов Лонгви и Бриэ и перенесение германской границы с Францией к западу от Бельфора, Туля, Вердена и реки Соммы.

4. Уничтожение морского владычества Англии и приобретение новых колоний за ее счет.

5. Очищение захваченных Германией территорий от людей, так как ей нужны только земли без их населения («Land frei von Menschen») [7].

Представитель немецкого генерального штаба Бернгарди настаивал на необходимости для Германии «обосновать власть в Европе и на этой основе построить наше действительное мировое могущество с приобретением соответствующих колониальных владений» [8].

Усиление немецкой конкуренции на мировых рынках, рост империалистических претензий Германии (союзниками Германии были Австро-Венгрия, Турция и Болгария) явились той объективной основой, которая вызвала к жизни и скрепляла антигерманскую коалицию стран Антанты

---

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 11, стр. 350.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 24, стр. 368.
[7] H. Class. Wider den Strom. Leipzig. 1932, S. 320—323.
[8] Ф. Бернгарди. Наша будущность. СПБ. 1914, стр. 126.

(Англия, Франция, Россия, а затем и США). При этом противники Германии отнюдь не ограничивались оборонительными намерениями, напротив, они стремились к приобретению новых владений за счет Германии и союзных ей государств. Борьба великих держав, приведшая к первой мировой войне, от начала до конца носила империалистический характер.

Таким образом, Антанта была вызвана к жизни не случайными обстоятельствами, она имела под собой реальную, объективную основу. Но этой-то объективной основы антигерманской коалиции правящие круги Германии не разглядели. Они просчитались в своих надеждах на нейтралитет Англии. Всякие попытки Германии установить свое господствующее положение на континенте Европы вызывали решительное противодействие Англии, которая сама стремилась играть роль первой державы мира. Развитие англо-германских противоречий явилось одним из важнейших факторов в возникновении первой мировой войны.

Особенно большой политический просчет допустили германские империалисты в отношении США. В ходе начавшейся первой мировой войны правящие империалистические круги Соединенных Штатов, интересы которых вступали в острейшее противоречие с интересами мощных германских монополий, все больше склонялись к открытой поддержке Антанты. В конце 1915 г. полковник Хауз писал: «США не могут пойти на то, чтобы союзники потерпели поражение. Нельзя допустить, чтобы Германия установила над всем миром свое военное господство. Мы, конечно, будем следующим объектом нападения, и доктрина Монро будет означать меньше, чем клочок бумаги» [9].

Американский империализм, экономически поддерживая Антанту с самого начала войны, медлил, тем не менее, с посылкой своих войск на европейский театр военных действий. Правительство США намеревалось, вступив в войну на стороне Антанты в заключительной ее стадии и располагая свежими силами, добиться от своих союзников — Англии и Франции — максимально выгодных для себя условий мира.

Экономика Германии развивалась в конце XIX—начале XX в. быстрыми темпами.

«Неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма» [10]. Действие этого закона привело к скачкообразному выдвижению Германии среди других капиталистических держав, что и было главным фактором назревания мировой войны. Но, выдвинувшаяся вперед в своем развитии, кайзеровская Германия не располагала такими материальными возможностями, которые могли бы обеспечить ей победу в длительной войне. Об этом свидетельствуют следующие данные:

Основные экономические показатели воевавших в первую мировую войну империалистических группировок в 1913 г. [11]

	В млн. тонн		
	Англия, Франция и Россия	США	Германия
Выплавка чугуна	19,7	31,0	19,3
Выплавка стали	16,5	31,3	18,3
Добыча каменного угля	356,1	508,9	190,1+87,2 бурого угля

[9] «История дипломатии». Т. II. М. 1945, стр. 297.

[10] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 311.

[11] «Мировые экономические кризисы. 1848—1935». Т. 1. М. 1937, стр. 494, 498, 502, 506.

Таблица говорит о том, что Германия не имела экономического перевеса над Англией, Францией и Россией. Кроме того, германские империалисты не учитывали наличия у противников больших колониальных резервов, существенно влиявших на общее соотношение сил. Используя эти резервы, правящие круги Англии и Франции значительно повышали свой военно-экономический потенциал. Если же учесть размеры производства в США, то превосходство Антанты над Германией становилось неоспоримым. Военно-экономический потенциал остальных союзников как Антанты, так и Германии мало влиял на общее соотношение сил.

Имея огромные энергетические и сырьевые ресурсы, противники Германии могли в гораздо больших в сравнении с ней масштабах расширять свое военное производство. Германия к тому же находилась в зависимости от ввоза железной руды и нефти из других стран. Сельское хозяйство ее не обеспечивало полностью население продовольствием. Во всем этом сказывалась ограниченность и уязвимость военно-экономического потенциала Германии.

В распоряжении Антанты имелись и огромные людские резервы, которые намного превосходили резервы Германии и ее союзников. Это видно из следующих данных:

Численность населения стран, воевавших в первую мировую войну, по данным 1913 г. (без колоний) (в млн. чел.) [12]

Германия и ее союзники		Противники Германии	
Германия	— 67	Англия	— 41,3
Австро-Венгрия	— 52	Франция	— 40
Турция	— 20	Россия	— 159,2
Болгария	— 6	США	— 96,5
		Италия	— 48

В метрополиях Антанты (без США) численность населения была в два раза (а вместе с колониями — в шесть раз) больше, чем в странах Тройственного союза [13].

В ходе войны США, Англия и Франция смогли мобилизовать не только ресурсы собственные и своих колоний, но и ресурсы ряда зависимых и нейтральных стран. Поэтому их силы возрастали, силы же Германии и ее союзников истощались.

Германия несколько превосходила своих противников качеством вооружения сухопутных войск и их обученностью, но по общей численности армии она уступала. В августе 1914 г. Германия располагала 87,5 пехотными и 11 кавалерийскими дивизиями общей численностью в 2 147 тыс. человек. С завершением мобилизации в германских войсках находилось 3 822 тыс. человек. Австро-Венгрия к началу войны имела 49,5 пехотных и 11 кавалерийских дивизий общей численностью в 1 421,2 тыс. человек. По окончании мобилизации численность ее вооруженных сил достигла 2 300 тыс. человек [14].

В кадровой армии Англии (вместе с индийской армией) насчитывалось 411,4 тыс. человек. Британский военно-морской флот занимал тогда первое место в мире. Франция обладала массовой и в основном хорошо обученной армией. К началу боевых операций она выставила 92 пехотных и 10 кавалерийских дивизий общей численностью 2 689 тыс. человек; после мобилизации в ее войсках было 3 781 тыс. человек [15].

Россия к началу боевых действий имела 122 пехотных и 36,5 кавалерийских дивизий, насчитывавших 2 500 тыс. человек. Из пехотных соеди-

[12] Там же, стр. 494, 502, 506; «Достижения Советской власти за 40 лет в цифрах». М. 1957, стр. 7.

[13] В. Хвостов. Как германские империалисты уже «напобеждались» однажды до собственной гибели. М. 1942, стр. 5.

[14] А. М. Зайончковский. Мировая война 1914—1918. М. 1931, стр. 21.

[15] Там же, стр. 21—24.

нений 35 дивизий были второочередными, уступавшими по своей боевой ценности кадровым дивизиям. После мобилизации в русской армии насчитывалось 5,5 млн. человек[16].

По численности вооруженных сил только европейские противники Германии превосходили ее примерно в полтора раза, располагая 12,5 млн. чел. против 8,2 миллиона[17].

Германские империалисты не приняли во внимание и такой важный фактор (значение которого с течением времени все более возрастало), как сопротивление населения оккупированных территорий захватчикам. Это сопротивление приобрело качественно новые черты с победой Великой Октябрьской социалистической революции, когда на занятых немецкими захватчиками территориях России развернулось освободительное движение широких народных масс.

Таким образом, по материальным ресурсам Антанта превосходила Германию и ее союзников. При наличии одинаковых социально-экономических систем в странах двух империалистических группировок (и в той и в другой господствовал капитализм в стадии империализма) превосходство в материальных ресурсах и силах имело решающее значение. Это преимущество своих противников Германия не могла компенсировать никакими другими средствами (например, военными). Опыт истории войн учит, что при одинаковых социально-экономических системах воюющих сторон военный фактор компенсирует материально-экономическое превосходство одной из них лишь в известных, ограниченных пределах. При относительной самостоятельности военного фактора (количество и качество вооружений, боеспособность войск, квалификация начальствующего состава и т. д.) он, в конечном счете, определяется материальным фактором, зависит от него. Эту зависимость военного фактора от материального игнорировали правящие круги Германии. Они переоценили возможности своих вооруженных сил.

Переоценка немецкими империалистами военного фактора нашла свое выражение в их стратегии «молниеносной войны» и в военных планах, которые вырабатывались в соответствии с этой стратегией.

Германия надеялась разбить противников поодиночке. Вначале эту задачу ее правящие круги пытались решать чисто дипломатическими методами, стремясь оторвать Россию от Франции или Францию и Англию от России. Но осуществить это им не удалось в силу известных объективных причин. Тогда руководители кайзеровской Германии обратились к методам военной стратегии. Они надеялись добиться победы реализацией «плана Шлиффена», разработанного германским генеральным штабом задолго до 1914 года. В соответствии с этим планом германские милитаристы предполагали, что Россия, не обладавшая достаточно развитой сетью железных дорог, не сможет быстро провести мобилизацию и поэтому русский фронт в течение ряда недель не будет представлять какой-либо опасности. «План Шлиффена» предусматривал, что немецкая армия обрушится всей мощью на Бельгию и Францию и добьется победы до того, как Россия будет в состоянии оказать помощь своему союзнику. Укрепленную франко-германскую границу намечалось обойти с севера, через территорию Бельгии, крупными силами прижать французскую армию с северо-запада к пограничным французским крепостям. Планируя осуществление разгрома Франции примерно за 40 дней, германские милитаристы намеревались в дальнейшем перебросить основные силы Германии на Восток через разветвленную сеть германских железных дорог и в короткий срок нанести поражение России. Так германские руководители хотели исключить войну на два фронта.

---

[16] Г. И. Шиталин. Военная экономика в первую мировую войну 1914—1918 гг. М. 1956, стр. 53.

[17] «Мировая война в цифрах». М. 1934, стр. 13.

Для всех этих планов и намерений германского генерального штаб и генералитета был характерен авантюризм, несоответствие поставлен ных задач реальным возможностям.

«План Шлиффена» начал осуществляться с 4 августа 1914 года. Ги гантская военная машина, созданная германским империализмом, рабо тала с высокой точностью, офицеры генерального штаба с хронометра ми в руках выверяли ее движение. В пограничном сражении войска Ан танты потерпели поражение и отступили. Но военные руководители гер манских вооруженных сил переоценили этот успех. Они полагали, чт остается лишь добить противника.

Однако войска Франции и Англии только отошли, сохранив боеспо собность. Французское командование, разгадав германский план войны срочно осуществило перегруппировку войск, подготовив фланговый уда по продвигавшемуся в обход Парижа клину войск неприятеля. К момен ту этого контрудара положение германских войск резко ухудшилось связи с тем, что потерпела крушение одна из важнейших предпосыло «плана Шлиффена» — расчет на бездеятельность русской армии в тече ние первых недель войны. Сказалась недооценка правящими кругам Германии экономических и военных возможностей России.

Выполняя свои союзнические обязательства, русская армия в услов ленный срок, по истечении двух недель с начала войны, развернула на ступление в Восточной Пруссии и Галиции. Заслон, оставленный герман ским командованием на Востоке, не мог задержать продвижение рус ских войск. Германское командование, спасая положение, спешно снял два корпуса и одну кавалерийскую дивизию из соединений, двигавших ся в обход Парижа. Развернув наступление, немецкие войска разбили вытеснили армии Самсонова и Ренненкампфа из Восточной Пруссии. Н это не привело к коренному изменению обстановки на Восточном фронте Почти одновременно русские войска нанесли тяжелое поражение австрий ской армии в Галиции. Таким образом, своевременное создание Россие второго фронта, наступление русских армий в Восточной Пруссии и н Юго-Западном фронте сорвало военно-стратегические планы немецког командования. Германия оказалась в тисках войны на два фронта, в ко торой она не имела шансов на успех.

В результате контрудара французов с 5 по 12 сентября 1914 г. раз вернулась битва на Марне, похоронившая план «молниеносной войны» Германские войска перешли к позиционной войне.

После ряда неудач на Западе и Востоке престиж немецкой армии бы серьезно подорван. В итоге операций 1914 г. германские войска оккупи ровали несколько самых развитых в промышленном отношении департа ментов Франции, Люксембург, часть Бельгии. Линия фронтов проходила за пределами территории Германии. Но военно-стратегические цели н были решены ни на Западе, ни на Востоке. Сложившееся к концу 1914 г соотношение сил ни в коем случае не могло обеспечить ни Германии, н ее противникам легкую и скорую победу.

Правящие круги и генералитет Германии не сделали надлежащи выводов из крушения «плана Шлиффена». Приписав неудачу случайно сти, германское командование стало разрабатывать новые планы.

В 1915 г. немецкое командование, уделявшее главное внимание Вос точному фронту, предприняло здесь широкие наступательные операции Русские войска, испытывавшие острую нужду в вооружении и боепри пасах, понесли значительные потери и отступили. Однако они не был разгромлены. Германское командование, добившееся значительных опе ративно-тактических успехов, не смогло осуществить свой стратегиче ский план — вывести Россию из войны и тем самым избавиться от воен ных действий на двух фронтах.

И опять германские империалисты не сделали надлежащих выводо

из опыта войны. В 1916 г. германский генеральный штаб предпринял новую попытку «разгрома» противника на Западном фронте. Германия, скованная на Востоке, была в состоянии выставить на Западе только 120 дивизий против 150 дивизий Англии и Франции. И в этих условиях германский генеральный штаб планировал разбить противника за 14 дней!

Сражение у Вердена с февраля по август 1916 г. дорого обошлось Германии, потерявшей здесь около 600 тысяч человек. Не оправдались и расчеты на пассивность России. Летом 1916 г. русские войска успешно провели наступление на юго-западном направлении и продвинулись далеко вперед, причинив неприятелю невосполнимый урон (около 1,5 млн. убитых, раненых и пленных).

В конце 1916 г. Германия, оказавшись не в состоянии нанести решающее поражение противникам, стремилась путем империалистического мира закрепить за собой занятые территории. Ее правящие круги по-прежнему находились в плену авантюристических планов; им казалось, что Антанта (положение которой постепенно улучшалось) согласится на такие условия мира, которые знаменовали бы собой победу Германии.

Правящие круги Германии стояли перед лицом резко возросших экономических и политических трудностей. Волна шовинизма в стране спала; усиливались антивоенные настроения масс.

В ходе войны обстановка для Германии все более ухудшалась. В апреле 1917 г. в войну против австро-германского блока вступили США. Надежды немецкого верховного командования на победу стали еще более призрачными.

На всем протяжении первой мировой войны борьба народных масс существенно влияла на обстановку и развитие событий. Народы все более решительно выступали против империалистической войны и породившей ее империалистической системы. Эта борьба народов способствовала победе в октябре 1917 г. социалистической революции в России, явившейся самым ярким и закономерным проявлением решающей роли народных масс в историческом процессе. Мировой капиталистической системе был нанесен мощный удар. В капиталистических странах поднялась волна массового революционного движения. В колониях и зависимых странах развернулось могучее освободительное движение против империализма.

Только что возникшее Советское государство сразу же предприняло шаги к прекращению империалистической бойни. Первым актом явился декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов. Советское правительство предложило «всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире» [18].

Предложения Советского правительства были враждебно встречены империалистами обеих воевавших группировок. Правящие круги Англии, Франции и США категорически отказались от переговоров, всячески стремясь вовлечь Советское государство в вооруженный конфликт с Германией, чтобы задушить Республику Советов руками немецких империалистов.

Германские империалисты, мечтавшие о захвате обширных территорий России, из тактических соображений согласились на перемирие с Советской Россией. Но вскоре, воспользовавшись отказом Троцкого подписать мир на предложенных Германией условиях, немецкое правительство предприняло наступление против нашей страны. Советский народ поднялся на защиту социалистического Отечества. Почувствовав силу ударов Красной Армии, германские империалисты вынуждены были пойти на заключение мира. Брестский мир был чрезвычайно тяжелым для на-

---

[18] В. И. Ленин. Соч. Т. 26, стр. 217.

шей страны, но он давал нам передышку для подготовки разгрома захватчиков.

На оккупированных немецкими войсками территориях началось мощное партизанское движение. Германская армия вынуждена была вести бесперспективную для нее борьбу с народным освободительным движением. Погнавшись за победой на Востоке, германское командование не смогло собрать необходимых сил на Западе и тем самым приблизило военное крушение Германии.

В предыдущие годы войны действия на фронтах протекали между армиями империалистических правительств, преследовавших захватнические цели. В интервенции против Советской России кайзеровская Германия выступила как одна из самых реакционных сил мира против общественного прогресса, представленного Советским государством, народ которого вел справедливую, освободительную борьбу против оккупантов. В своих попытках силой оружия преградить путь прогрессу Германия была обречена на поражение.

Победа Октября оказывала революционизирующее воздействие и на германскую армию; революционное брожение глубоко проникало в ее ряды. Германские войска, перебрасываемые из России на Запад, несли с собой и распространяли большевистские идеи. В это время и в армиях Антанты сказывалось сильное утомление войной; среди солдат на фронте и населения в тылу находили живой отклик идеи Великой Октябрьской социалистической революции.

Несмотря на то, что крупные вооруженные силы были брошены на оккупацию советских территорий, немецкое командование решило предпринять весной 1918 г. решающее наступление на Западном фронте. А в это время превосходство Антанты в вооруженных силах становилось все более и более значительным. На фронт начали прибывать крупные контингенты американских войск. В марте 1918 г. на Западном фронте было 329 тыс. американских солдат, а в июле — 1 210 тысяч. Расчет немецкого командования выиграть войну до прибытия больших масс американских войск оказался построенным на песке. «Мы не предусмотрели, — писал генерал фон Куль, — что американцы прибудут с такой быстротой, с какой они начали прибывать с весны» [19].

Наряду с наличием весьма значительных свежих американских сил Антанта имела громадный перевес в таких средствах войны, как самолеты и особенно танки, которыми Германия не располагала.

Боеспособность германской армии была серьезно подорвана ослаблением ее офицерского состава. Старые, опытные офицерские кадры были уже истреблены на 80—90%, в войсках не хватало даже слабо подготовленных офицеров [20].

В 1917—1918 гг. продовольственное положение в тылу Германии стало катастрофическим. Калорийность суточного пайка уже к июню 1917 г. пала примерно до 1 100 калорий и составляла около одной трети необходимой нормы. В промышленности и на транспорте усиливалась разруха. Недовольство войной охватывало население и солдат.

Предпринятое в этих условиях германским командованием 21 марта 1918 г. наступление, хотя и имело некоторые тактические результаты, не могло изменить положения Германии в лучшую сторону. Немецкие войска понесли громадные потери в людях (160 тыс. чел.) и в материальных средствах. В новом наступлении в апреле германские войска потеряли 140 тыс., с 27 мая по 8 июня — 130 тыс. и в июле — 160 тыс. человек. Всего за время с 21 марта по 18 июля немецкая армия понесла невосполни-

---

[19] Фон Куль и Г. Дельбрюк. Крушение германских наступательных операций в 1918 году. М. 1935, стр. 69.

[20] Н. Царев. От Шлиффена до Гинденбурга. М. 1956, стр. 280.

мый урон в людях, превысивший 800 тыс. человек. Соотношение сил еще более изменилось в пользу противников Германии.

18 июля 1918 г. началось решительное контрнаступление войск Антанты. Германская армия вынуждена была отступать. В начале августа 1918 г. союзные войска разбили 16 германских дивизий и взяли 40 тыс. пленных. Успех этого наступления поставил Германию перед лицом военной катастрофы. И все же, рассудку вопреки, германское командование не хотело считаться с фактами. На заседании Коронного совета в Спа 14 августа 1918 г. Людендорф заверял: «Нам удастся остаться на французской территории и тем самым в конце концов навязать свою волю врагу» [22]. Эта точка зрения была поддержана Коронным советом.

Правда, германские империалисты уже были готовы поступиться частью своих интересов на Западе, но от претензий в отношении Востока они отказываться не собирались. Офицер для особых поручений при Вильгельме II Альфред Ниманн утверждал, что это мнение разделялось большинством членов правительства и кайзером. «Чем более,— писал он,— вынуждало нас превосходство наших врагов на Западе к ограничениям, тем более мы должны были говорить себе, что наше будущее покоится на консолидации восточного континента» [23]. При всей своей иллюзорности эти претензии, однако, свидетельствовали о крайней агрессивности германского империализма и его цепного пса — генерального штаба.

Но ход событий на фронте, вопреки надеждам твердолобых представителей генерального штаба, привел к скорой развязке. Германская армия утратила боеспособность.

В записке кронпринца главе правительства Максу Баденскому от 18 октября 1918 г. дается следующая характеристика положения в армии: «Наши войска истощены... Пехотная дивизия равна теперь одному или двум батальонам, а в некоторых случаях — двум — трем ротам... Дух войск серьезно пострадал. Сопротивляемость уменьшается с каждым днем. Солдаты сдаются толпами при каждой атаке неприятеля и тысячами мародеров шатаются поблизости от этапных баз». Для грузовых машин не хватало горючего, в случае отпадения Австро-Венгрии Германия была бы отрезана от румынской нефти. «Наши резервы в солдатском составе исчерпаны до конца...». Автор этих строк делал вывод, что вряд ли Германия могла «продержаться дальше декабря» [24]. Записка кронпринца со всей убедительностью свидетельствует о том, что германский генеральный штаб довел армию и страну до полного истощения.

Поражение Германии в войне стало фактом, оно было вполне закономерным.

Однако правящие круги Германии пытались скрыть от германского народа не только причины, но и самый факт поражения страны в мировой войне. Выполняя волю реваншистов и милитаристов, глава республиканского правительства социал-демократ Эберт приветствовал в Берлине войска, возвращавшиеся с фронта, возгласом: «Непобежденными вернулись вы домой!»

Немецкая реакция поспешила выдвинуть легенду об «ударе в спину», якобы нанесенном германской армии начавшейся революцией; по этой причине она-де и отказалась от уже близкой победы. Но Ноябрьская революция была не причиной поражения Германии в первой мировой империалистической войне, а, напротив, следствием этого поражения, ускорившего развитие внутренних событий в стране. Фальшивая версия об «ударе в спину» понадобилась реакции для того, чтобы оправдать авантю-

---

[21] Там же, стр. 293.
[22] Фон Куль и Г. Дельбрюк. Указ. соч., стр. 262.
[23] A. Niemann. Keiser und die Revolution. Berlin. 1922. S. 21.
[24] M. von Baden. Erinnerungen und Dokumente. Berlin und Leipzig. 1927. S. 466.

ристическую политику правящих кругов Германии и идеологически под готовить население к новой мировой войне.

Правящие круги Германии поддерживали измышления об «ударе спину» на протяжении периода от первой до второй мировой войне «В течение 20 лет реакционные классы Германии, и в особенности гитл ровский фашизм, с помощью легенды об ударе в спину обманывали н мецкий народ в отношении действительных причин военного пораженн в первой мировой войне, чтобы тем легче втянуть его в военную кат строфу второй мировой войны» [25].

Нет сомнения, что сокрытие от германского народа подлинных пр чин поражения Германии в первой мировой войне сыграло немалую рол в психологической подготовке фашизмом второй мировой войны. Тем бл городнее выглядит в свете исторического опыта роль Коммунистическо партии Германии, которая неустанно разъясняла массам причины пор жения страны в первой мировой войне, несостоятельность и авантюр стичность империалистических планов завоевания мирового господств Подлинно патриотическая позиция немецких коммунистов вызыва ярость, ожесточенные нападки правящих кругов и лидеров социал-дем кратии. Только коммунисты указывали германскому народу единствен правильный путь борьбы против фашизма и войны, путь предотвращен новой национальной катастрофы.

★

Хотя Германия потерпела в 1918 г. военное поражение, союзни не воспользовались этим, чтобы оккупировать ее территорию и разор жить германских милитаристов. Только небольшой район к западу от р ки Рейн был оккупирован англо-франко-бельгийскими войсками. Герм ния сохранила военно-экономическую базу агрессии. В основе такой п литики лежал страх мирового империализма перед возможностью побед пролетарской революции в Германии и других странах. После Велик Октябрьской социалистической революции в центр внимания своей пол тики правящие круги капиталистических держав поставили вопрос о бор бе против нового, социалистического государства и революционного дв жения в своих странах.

Правящие круги стран Антанты перешли от политики войны прот германского империализма к политике его спасения. Об этом убедитель свидетельствуют слова бывшего начальника английского генерально штаба Вильсона. В своем «Военном дневнике» 9 ноября 1918 г., за д дня до перемирия, он записал: «Заседание кабинета от 6.30 до 8 вечер Ллойд Джордж прочел две телеграммы от Тигра (Клемансо), в котор описаны беседы Фоша с немцами: Тигр опасается краха Германии и з хвата власти большевиками. Ллойд Джордж спросил меня, что мне бол ше улыбается — такая перспектива или перемирие. Не задумываясь н минуты, я ответил: «Перемирие». Весь кабинет согласился со мной. Н стоящую опасность для нас представляют теперь не немцы, а ко мунизм» [26].

Вся последующая стратегия правящих кругов США, Англии и Фра ции в отношении Германии определялась стремлением сделать ее послу ным орудием в своих руках, использовать германский империализм в в енно-политической игре на международной арене в качестве ударного к лака против Советского государства.

В Германии после Ноябрьской революции произошла некоторая п регруппировка сил. Юнкерство было несколько оттеснено с политическо

[25] L. Stern. Der Einfluss der Grossen Sozialistischen Oktoberrevolution a Deutschland und die deutsche Arbeiterbewegung. Berlin. 1958, S. 178.

[26] М. Сейерс, А. Кан. Тайная война против Советской России. М. 19 стр. 72—73.

арены; первое место в руководстве страной заняла монополистическая буржуазия. Но власть реакционных империалистических и милитаристских кругов не была подорвана. В 1919 г. по заданию немецких монополистов была создана фашистская партия, именовавшаяся в целях обмана народных масс национал-социалистской рабочей партией. Эта партия наиболее реакционных и агрессивных элементов германского финансового капитала вела борьбу против народных масс, революционного авангарда рабочего класса — Коммунистической партии, в особенности. Денежные средства фашистская партия черпала из щедрых пожертвований финансовых магнатов. Известный монополист Ф. Тиссен впоследствии опубликовал книгу «I paid Hitler», в которой рассказал, как он финансировал фашистскую партию. Реакционная буржуазия стремилась укрепить свои позиции на путях фашизма и новой войны. Людендорф уже в 1919 г. выдвинул тезис «переиграть войну».

Несмотря на ограничения в отношении вооружений, наложенных Версальским мирным договором, германские империалисты спешно восстанавливали армию, военно-морской и военно-воздушный флот. Наряду с легально существовавшим стотысячным рейхсвером они создали сеть замаскированных военных и полувоенных формирований, таких, как черный рейхсвер, добровольческий корпус, штурмовые отряды, насчитывавшие в 1932 г. около 400 тыс. человек[27], и др. Огромную роль в возрождении военно-экономической базы германской армии сыграли американские банки и монополии, обеспечившие золотой поток займов и кредитов Германии. Снабжали займами Германию и английские монополии.

В общественно-политической жизни Германии все большую роль стала играть военщина прусско-милитаристского толка. В 1925 г. на пост президента был избран фельдмаршал Гинденбург, что знаменовало собой победу крайних реакционных сил. Генералы рейхсвера фон Сект, Шлейхер и другие задавали тон в политической жизни страны.

Все послевоенные годы в Германии велась самая оголтелая шовинистическая и реваншистская пропаганда, усиливавшаяся по мере возрастания военной мощи страны. Эта пропаганда в условиях пособничества правых социал-демократических лидеров влияла на сознание определенной части населения. Другая его часть, преимущественно рабочие, не поддавалась империалистической пропаганде. Влияние Коммунистической партии, боровшейся против новых авантюр германского империализма, усиливалось. В обстановке мирового экономического кризиса, когда в стране серьезно обострились классовые противоречия, магнаты промышленности, банков и крупные юнкеры решили ликвидировать Веймарскую республику, которая в известной мере являлась помехой на пути к осуществлению агрессивных планов германского империализма.

В январе 1933 г. в Германии произошел переворот, в результате которого была установлена фашистская диктатура — «открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала»[28]. Фашизм был призван укрепить диктатуру монополистов, подготовить Германию к новой войне за мировое господство. Компартия Германии призывала все прогрессивные силы к сплоченному выступлению против фашизма и реакции. Однако борьба КПГ за создание единого рабочего фронта не увенчалась успехом прежде всего из-за предательской политики правых лидеров германской социал-демократии, разоружавших рабочий класс идейно и организационно, проложивших тем самым путь к ликвидации Веймарской республики и установлению фашистской диктатуры.

Основным содержанием внутренней и внешней политики фашистов

---

[27] «XII пленум ИККИ. Стенографический отчет». Т. III. М. 1933, стр. 43.
[28] «XIII пленум ИККИ. Стенографический отчет». М. 1934, стр. 589.

являлась подготовка к войне. Геринг официально провозгласил лозу «Пушки вместо масла», проведение которого означало бешеную гон вооружений. По официальным данным, за шесть лет, к 1 сентября 1939 на вооружение было израсходовано 90 млрд. марок. В результате эко мика Германии была серьезно напряжена, население терпело лишен Главари фашистской Германии понимали, что такое положение дол продолжаться не может. Выступая 22 августа 1939 г. перед представит лями высшего немецкого командования в Обер-Зальцбурге, Гитлер го рил: «Наше экономическое положение вследствие введенных нами огр ничений таково, что мы можем выдержать лишь немногие годы. Гери может это подтвердить. Нам не остается ничего другого, как только де ствовать» [29].

В условиях обострения социальных противоречий в стране фаши ские руководители, опасаясь внутреннего взрыва, решили начать к можно скорее агрессивную войну. Они рассчитывали на возможность ле ких успехов, с помощью которых можно было бы раздуть шовинизм укрепить свое положение в стране.

Фашистский переворот в Германии явился решающим этапом на п ти к подготовке второй мировой войны. Снова германский империали выдвинул обширную захватническую программу. Он поставил цел прежде всего колонизовать страны Европы, превратив их в поставщ ков сырья и продовольствия для германской промышленности, а насел ние этих стран — в своих рабов. Разъясняя в 1937 г. планы германских и периалистов, Гитлер говорил: «Но мы не будем следовать политике либ ральных капиталистических государств, которые опираются на эксплу тацию колоний. Здесь идет речь... о завоевании полезного и удобного д сельского хозяйства пространства. Также было бы наиболее рациональ иметь сырьевые материалы на территории Европы, в странах, котор непосредственно прилегают к нашей империи, а не за морями» [30]. Пос этого гитлеровцы намеревались подчинить своему господству и все остал ные страны мира. Один из фашистских теоретиков, Эрнст Бергман, в кн ге «Дух познания и материнское право» писал: «На развалинах мир водрузит свое победное знамя та раса, которая окажется самой сильно и сумеет превратить весь культурный мир в дым и пепел».

Большое место в агрессивных устремлениях нацистов занимал в прос о захвате советских территорий. Антисоветские замыслы фашисто нашли свое воплощение в «плане Барбаросса», разработанном немецки генеральным штабом в 1940 году. По свидетельству фельдмаршала Па люса, этот план ставил задачей захват Москвы, Ленинграда и Украин в дальнейшем — Северного Кавказа с его нефтяными источниками. О городиться от Азиатской России по общей линии Архангельск—Волга— такова была конечная цель намечаемых операций [31]. Но в войне прот СССР фашисты стремились не только к захвату обширной территори Они хотели уничтожить Советское государство, являющееся центром оплотом прогрессивных сил мира. Выступая на совещании высшего ген ралитета немецко-фашистской армии 30 марта 1941 г., Гитлер говори что война против России представляет борьбу идеологий и задача Ге мании в отношении Советской России состоит в том, чтобы «разбить во оруженные силы, уничтожить государство». «Речь идет о борьбе на уни тожение,— подчеркивал Гитлер.— Если мы не будем так смотреть, т хотя мы и разобьем врага, через 30 лет снова возникнет коммунистич ская опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервирова своего противника. Война будет резко отличаться от войны на Западе, н

---

[29] Цит. по книге А. Норден. Так делаются войны. М. 1951, стр. 85.
[30] «Нюрнбергский процесс». Сборник материалов. Т. I. М. 1957, стр. 608.
[31] Там же, стр. 560, 593.

Востоке жестокость является благом для будущего»[32]. Конкретизируя агрессивные планы нацистов в отношении СССР, Розенберг, выступая в узком кругу нацистов 20 июня 1941 г., требовал «органически выкроить из огромной территории Советского Союза государственные образования и направить их против Москвы, освободив тем самым германскую империю на будущие века от восточной угрозы»[33].

Измышления о «восточной угрозе» служили своего рода дымовой завесой, когда шла речь о требованиях нацистов расчленить нашу страну, уничтожить Советское государство и поработить народы СССР. Об этом хвастливо и нагло опять говорил Гитлер на совещании в ставке 16 июля 1941 года: «Создание военной державы западнее Урала не может снова стать на повестку дня, хотя бы нам для этого пришлось воевать сто лет. Все последователи фюрера должны знать: империя лишь тогда будет в безопасности, если западнее Урала не будет существовать чужого войска. Защиту этого пространства от всяких возможных опасностей берет на себя Германия»[34].

Огромная доля ответственности за развязывание второй мировой войны, за осуществление завоевательных операций, предпринятых германскими империалистами в борьбе за мировое господство, падает на главный штаб верховного командования вооруженных сил Германии и сосредоточенный вокруг него генералитет. Функции этого штаба и его роль были определены специальным положением, изданным правительством Германии 30 мая 1938 года. В нем говорилось, что в деле подготовки и ведения войны вся полнота полномочий принадлежит не правительству и не военному министру (к тому времени должность военного министра была упразднена), а главному штабу верховного командования вооруженных сил и начальнику этого штаба, который «пользуется высшими правами в сравнении со всеми другими верховными органами» и персонально «отвечает за выполнение всех задач, стоящих перед верховным командованием». Ему, а также «главнокомандующим родов вооруженных сил передаются полномочия всех высших учреждений Германии», включая «право отступать от существующих постановлений административного порядка, от бюджета, а также от распоряжений и в исключительных случаях от законов»[35].

Так гитлеровцы продолжили ту систему руководства страной и ее вооруженными силами, которая была создана еще в годы первой мировой войны.

Перед руководством фашистской партии была выдвинута задача: сосредоточить все усилия на поддержке деятельности главного штаба верховного командования. Каждое важное решение главного штаба подкреплялось специальным циркуляром руководства национал-социалистской партии (канцелярии Бормана). В таких циркулярах все организации фашистской партии, все ее активисты и рядовые члены, все учреждения и ведомства Германии категорически обязывались всемерно содействовать осуществлению директив главного штаба.

В период между первой и второй мировыми войнами вследствие неравномерности капиталистического развития происходило обострение противоречий между империалистическими державами, возникших задолго до второй мировой войны и приведших, в конечном счете, к новой мировой бойне. Наиболее острыми противоречиями были противоречия

[32] Служебный дневник Гальдера. Запись от 30 марта 1941 года. См. «Военно-исторический журнал», 1959, № 2, стр. 81—82.

[33] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 7445, оп. 1, ед. хр. 1660, л. 191.

[34] Там же, ед. хр. 1671, л. 187. Из протокольной записи совещания в главной квартире фюрера 16 июля 1941 года.

[35] Zentralarchiv der Deutschen Demokratischen Republik. Potsdam, ф. 5347, д. We. 1012 (с мая 1934 по июль 1942 г.), лл. 30—31.

между Германией, Японией и Италией, с одной стороны, и США, Англией и Франции — с другой. В итоге они привели к развязыванию второй мировой войны между двумя империалистическими блоками. Каждая из враждующих коалиций стремилась по-своему разрешить эти противоречия.

Правящие круги США, Англии и Франции хотели разрешить свои противоречия с Германией за счет Советского Союза. Они упорно толкали Германию к нападению на СССР, вооружая ее и расчищая путь для фашистской агрессии, в результате которой, как они думали, будут ослаблены и Германия и Советский Союз. Собираясь вступить в войну со свежими силами на ее завершающем этапе, англо-франко-американские империалисты полагали, что ослабленная Германия станет их добычей, страна социализма будет уничтожена и станет колонией победителей.

Германские империалисты, мечтавшие о мировом господстве, планировали разгром своих противников и на востоке и на западе Европы. Но к моменту установления гитлеровской диктатуры Германия еще не обладала необходимыми военно-экономическими ресурсами и вооруженными силами. Ее империалистам нужна была свобода рук для того, чтобы вооружаться. В этой обстановке нехитрый маневр германского правительства выразился в том, что оно стало подыгрывать западным державам, заверяя их в своей готовности вести войну против СССР, и только против СССР. В секретных инструкциях гитлеровского правительства германской заграничной прессе, разосланных в 1935 г., указывалось: «Задача германской политики — создавать впечатление миролюбия Германии и готовности ее участвовать в международных договорах. Германия изолирована, и ей угрожает окружение. Германия должна иметь полнейшую свободу вооружений. Вооруженная Германия станет притягательной силой для других стран. Для достижения этой цели весьма удобно использовать идею крестового похода против большевизма» [36].

Гитлер был еще более откровенен. В беседах со своими подручными он говорил: «Мне придется играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться» [37]. Несмотря на всю прозрачность маневра, к которому прибегли германские империалисты, он на какое-то время увенчался успехом. Империалисты США, Англии и Франции, исходя из классовых целей, предавали национальные интересы. Они активно способствовали подготовке и развязыванию войны против СССР.

Советский Союз неоднократно предостерегал об опасности политической игры, которая развернулась в буржуазном мире вокруг германских военных приготовлений. СССР предлагал реальные меры борьбы с разраставшейся фашистской агрессией путем организации коллективной безопасности. Но правящие круги империалистических государств оставались глухи к голосу Советского Союза.

Вторая мировая война, развязанная фашизмом, явилась результатом развития и углубления общего кризиса капиталистической системы. Зародившись в недрах этой системы, она началась в ее пределах как империалистическая война между двумя группировками империалистических государств за новый передел мира, за установление мирового господства одной группировки монополистов за счет другой. Одной из причин того, что блоку фашистских государств удалось развязать вторую мировую войну, явилась также политика лидеров социал-демократии, которые поддерживали свою империалистическую буржуазию и отвергали

[36] Газета «The Manchester Guardian», 11 июня 1935 года.
[37] K. Ludecke. I knew Hitler. New York. 1934, p. 468.

единство действий рабочего класса против войны и фашизма. Этим они усиливали раскол рабочего класса, ослабляли его, вследствие чего ему и не удалось сорвать планы агрессоров.

Но в последующем развитии событий благодаря борьбе народных масс характер войны изменился. Она превратилась в войну антифашистскую, освободительную. Изменение характера второй мировой войны завершилось с вступлением в нее Советского Союза, участие которого явилось решающим фактором освободительной борьбы народов против фашизма. Справедливый характер, который приобрела вторая мировая война против держав оси, стал одним из важнейших закономерных обстоятельств поражения фашистской Германии и ее союзников, являвшихся наиболее реакционными государствами в мировой империалистической системе.

В какой мере реальное соотношение сил и ресурсов держав к началу второй мировой войны обеспечивало возможность для германского империализма осуществить свои планы установления мирового господства? Приведем таблицу, характеризующую соотношение ресурсов двух капиталистических коалиций.

Основные экономические показатели двух капиталистических коалиций перед второй мировой войной [38]

Показатели	Германия, Япония и Италия	Англия, Франция и США
Население метрополий (в млн. чел.)	195,9	220,9
Население колоний и зависимых территорий (в млн. чел.)	87,0	586,0
Производство электроэнергии в год (в млрд. квтч)	116,5	176,4
Выплавка чугуна в год (в млн. тонн)	21,8	48,4
Выплавка стали в год (в млн. тонн)	31,5	69,6
Добыча нефти и производство искусственного горючего в год (в млн. тонн)	3,5	171,0
Сбор зерновых в год (в млн. тонн)	53,1	119,7

Даже непосредственно в Европе, без учета колоний и такого союзника, как США, Англия и Франция не уступали по своим людским и материальным ресурсам гитлеровской Германии. Это видно из следующей таблицы:

Основные экономические показатели Англии, Франции и Германии перед второй мировой войной [39]

Показатели	Англия и Франция	Германия
Население (в млн. чел.)	89,5	79,4
Производство электроэнергии (в млрд. квтч)	48,8	66,0
Выплавка чугуна в год (в млн. тонн)	16,0	17,5
Выплавка стали в год (в млн. тонн)	21,7	23,0
Добыча каменного угля в год (в млн. тонн)	287	203 [40]

Данные, характеризующие соотношение ресурсов, были, конечно, хорошо известны руководителям фашистских государств. Но превосходство противников они думали компенсировать прежде всего за счет военного фактора. Здесь опять сказалась маниакальная вера германских империа-

[38] «Вторая мировая война 1939—1945 гг.». Военно-исторический очерк. М. 1958, стр. 52.

[39] Там же, стр. 53.

[40] Без бурого угля.

листов в превосходство таких преходящих, случайных обстоятельств, ка более быстрое развертывание армий и оснащение их средствами, которы могли бы запугать, ошеломить, парализовать противника, использовани преимуществ нападающей стороны, надежда разгромить противников по одиночке. Германским империалистам удалось сначала в известной мер лучше технически вооружить армию, но их противники, опираясь на сво более мощный военно-экономический потенциал, с течением времени пр взошли гитлеровскую Германию в этом отношении.

Приведем данные, характеризующие соотношение вооруженных си двух империалистических группировок накануне второй мировой войны

Соотношение вооруженных сил двух империалистических группировок перед второй мировой войной [41]

Показатели	Германия, Япония и Италия	Англия, Франция и США
Численность сухопутной армии (в тыс. чел.)	5 600	1 838
Количество самолетов	12 355	12 200
Количество крупных надводных боевых кораблей	286	610[42]
Количество подводных лодок	225	229[43]

Вскоре после начала второй мировой войны количество войск Англии Франции и их союзников стало быстро возрастать. Увеличивалась чис ленность и германской армии, но ее превосходство в этом отношени быстро убывало. Гитлеровская Германия располагала на 10 сентяб ря 1939 г. в общей сложности 109 дивизиями, а на 10 мая 1940 г.— 157 дивизиями [44]. Италия имела только 59 дивизий двухполкового соста ва, из которых 20 было укомплектовано личным составом и вооружение на 70%, а еще 20 — на 50%. По словам гитлеровского генерала Типпель скирха, «итальянские вооруженные силы представляли собой во всех от ношениях несовершенный инструмент, который до сих пор использовалс только для политического блефа» [45]. Не лучше обстояло дело и с другим союзниками Германии в Европе. Противники же Германии к началу ак тивных военных действий имели: Польша — 30 пехотных дивизий 11 кавалерийских бригад, Франция — 112 дивизий, Англия — 10, Бель гия — 22 и Голландия — 9 дивизий. Колониальные державы имели ещ значительные силы в колониях, а также располагали туземными ди визиями.

Но постоянно действующие факторы, от которых в конечном счет зависит исход всякой войны, проявили себя во второй мировой войн не сразу. Вначале Германия, использовавшая временные преимущества достигла серьезных успехов. Ей удалось разбить Францию. При этом гит леровцы сумели с помощью французского капитала временно разложит ее тыл. Французские монополисты и другие реакционеры действовали по лозунгом: «Лучше Гитлер, чем Народный фронт». Антинациональная по литика правящих кругов Франции явилась решающим фактором ее пора жения летом 1940 года. Но военное поражение не сломило волю фран цузского народа к сопротивлению. В нем зрели и росли силы сопротив ления. Это важное обстоятельство гитлеровские заправилы проглядели

Нападение Германии на СССР явилось самым авантюристическим шагом германских империалистов. Здесь гитлеровцы не учли или не хо

[41] «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 52.
[42] В том числе 126 эскадренных миноносцев США, отслуживших свой срок.
[43] В том числе 65 подводных лодок США, отслуживших свой срок.
[44] Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945. Т. II М. 1958, стр. 11, 54—55.
[45] К. Типпельскирх. Указ. соч., стр. 97.

тели учесть того, что новый, социалистический общественный строй имеет решающее превосходство над отживающим свой век капитализмом.

Советский народ, руководимый Коммунистической партией, ответил на вероломное нападение Германии Великой Отечественной войной. Германия столкнулась с могучей силой советского народа, воодушевленного животворным патриотизмом, справедливыми, освободительными целями войны против фашистских захватчиков. Советский народ и явился той решающей силой, которая сломила военную машину гитлеровской Германии.

Решающими факторами неуклонного роста могущества нашей страны в дни войны являлись руководство Коммунистической партии, морально-политическое единство советских людей и дружба народов СССР, советский патриотизм. Советский патриотизм стал могучим источником энергии и самоотверженности советских людей. В нем гармонически сочетались лучшие национальные традиции народов Советского Союза с их любовью к Родине, преданностью социализму, идеям интернационализма.

СССР обладал в 1940—1941 гг. экономической базой, которая давала необходимую материальную основу для отпора империалистической агрессии. В 1940 г. в нашей стране было произведено чугуна 14,9 млн. т, стали — 18,3 млн. т, электроэнергии — 48,3 млрд. квтч, добыто угля 165,9 млн. тонн [46]. Однако экономические и военные ресурсы фашистской Германии в физическом выражении превосходили производственные возможности СССР. Вместе с оккупированными странами Германия перед нападением на СССР добывала почти в 2,5 раза больше угля, выплавляла примерно в 1,5 раза больше стали и в 1,3 раза больше чугуна, чем Советский Союз [47]. Но военно-экономический потенциал не является простым сочетанием цифровых данных об экономике и численности вооруженных сил.

Социалистическая система хозяйства с ее законом планомерного, пропорционального развития дала возможность Советскому Союзу при меньших экономических возможностях производить военную технику и вооружение в бо́льших количествах и лучшего качества. Капиталистическая система хозяйства с ее законом анархии производства и конкуренцией затрудняла использование имевшихся экономических возможностей Германии для целей войны. Это признает и западногерманский специалист по вопросам военной экономики Г. Керль. Он подчеркивает, что в годы войны экономические усилия в Германии не объединялись и не направлялись общим руководством. Организация военной экономики страдала непоследовательностью и отсутствием единства [48]. Г. Керль не в состоянии сделать из этих фактов правильных выводов, считая, что при еще большей централизации руководства экономикой удалось бы избежать многих зол.

Невзирая на временную потерю ряда важных экономических районов СССР и значительное уменьшение добычи угля, выработки стали и чугуна, наши рабочие, инженеры и техники под руководством Коммунистической партии обеспечили производство вооружения в значительно бо́льших масштабах, чем фашистская Германия, особенно с 1943 года. За последние три года войны среднегодовой объем производства важнейших видов вооружения в СССР составил: танков и самоходных орудий—более 30 тыс., самолетов — до 40 тыс., орудий — до 120 тыс., минометов — до 100 тыс., пулеметов — до 450 тысяч. Среднегодовой объем военного производства в Германии за эти же годы составлял: танков и самоходных орудий — 18,8 тыс., самолетов — 26 тыс., орудий — 35,3 тыс., минометов — 21,2 тыс., пулеметов — 276 тысяч. Таким образом, несмотря на потерю важных индустриальных районов, Советский Союз не только догнал, но и перегнал

[46] «Народное хозяйство СССР». Статистический сборник. М. 1956, стр. 55.
[47] «Вторая мировая война 1939—1945 гг.», стр. 847.
[48] «Итоги второй мировой войны». М. 1957, стр. 365.

фашистскую Германию по уровню производства важнейших видов вооружения. В этом сказалось одно из великих преимуществ социализма на капитализмом.

Внезапность и вероломство немецко-фашистского нападения на Советский Союз обусловили временные успехи германских войск в первые месяцы войны. Но уже тогда были очевидны несостоятельность и авантюризм плана «молниеносной войны» («плана Барбаросса»). В необычайно трудной обстановке летом и осенью 1941 г. советский народ и его армия не пали духом, не утратили веры в победу над врагом. Советские войска сорвали план «молниеносной войны». Он потерпел окончательный крах в результате поражения немецко-фашистских войск под Москвой.

Крушение «плана Барбаросса» заставило германское командование на лето 1942 г. выдвинуть новый план, который, по замыслу гитлеровского генералитета, должен был учитывать значение экономического фактора. Он основывался на предположении, что захват гитлеровцами важнейших экономических районов на юге настолько ослабит Советский Союз и усилит Германию, что этим будет определен исход войны. Результатом этого было наступление немецко-фашистских войск на южном крыле советско-германского фронта, приведшее к Сталинградской битве. Она завершилась выдающейся победой Советских Вооруженных Сил. Разгром немцев под Сталинградом положил начало коренному перелому в ходе второй мировой войны. В огне Сталинградской битвы человечество увидело занимавшуюся зарю победы над фашизмом.

Последующие попытки гитлеровской Германии перейти в наступление на фронтах второй мировой войны: в районе Курского выступа (июль 1943 г.), в Арденнах (декабрь 1944 г.) и у озера Балатон (январь 1945 г.),— равно как и продолжение в апреле — мае 1945 г. бессмысленного сопротивления в Берлине, носили авантюристический характер. Все эти операции германской армии уже не могли привести к коренному изменению в положении на фронтах; никакой частный тактический успех гитлеровцев не мог перерасти в успех стратегического значения. Соотношение борющихся сил быстро изменялось в пользу Советского Союза и других стран антигитлеровской коалиции. В Германии сокращалось промышленное производство. В то время как могущество СССР крепло, день ото дня росла мощь Красной Армии, германские войска быстро таяли, отчаяние охватывало немецкий народ. Германия вновь оказалась в тисках войны на два фронта.

Планируя вторую мировую войну, германские империалисты полагали возможным осуществить свои планы установления мирового господства путем разгрома противников поодиночке. Эти расчеты были построены на песке.

Создание антифашистской коалиции явилось беспримерным событием в современной истории. В справедливой войне против общего врага объединились государства с различным общественным устройством. К такому результату закономерно привели империалистические противоречия между двумя группами капиталистических держав и настойчивые требования народных масс. Не личная воля отдельных государственных деятелей, а объективные факторы обусловили возникновение антифашистской коалиции. Эти факторы учитывала и использовала советская внешняя политика.

Реакционные круги США и Англии все годы войны чинили препятствия деятельности антифашистской коалиции, саботируя создание второго фронта, вступая в тайные переговоры с противником. Их политика ослабляла коалицию и затягивала войну. Тем не менее могущественная антифашистская коалиция выдержала все испытания войны, просуществовав вплоть до ее заключительной стадии. Расчеты фашизма на то, что коалиция не выдержит всех испытаний до конца, не оправдались. Объеди-

ненными силами антигитлеровской коалиции, решающую роль в которой играл Советский Союз, принявший на себя всю тяжесть борьбы, фашистская Германия была разгромлена.

Широко развернувшееся в ходе второй мировой войны движение сопротивления во всех оккупированных странах умножало силы, действовавшие против гитлеровской Германии. Германские же фашисты, подобно их кайзеровским предшественникам, сбрасывали со счетов этот исключительно важный фактор.

Население оккупированных немецкими фашистами советских территорий оказывало ожесточенное сопротивление захватчикам. В тылу гитлеровцев разгорелось могучее партизанское движение, явившееся наглядным выражением всенародного характера Великой Отечественной войны. Народные мстители не только причиняли серьезный урон гитлеровским армиям, но и отвлекали от фронта значительные силы противника. Население активно поддерживало партизан.

Действия наших войск и партизанских отрядов, мужество и самоотверженность советских людей служили вдохновляющим примером для патриотов других оккупированных фашистами стран — Чехословакии, Польши, Франции, Югославии, Албании и т. д. Почти во всех этих странах были созданы вооруженные народно-освободительные формирования, которые вели упорную борьбу против поработителей.

Ни жестокий террор гитлеровцев, ни их демагогическая пропаганда, ни деятельность «пятых колонн», предателей, состоявших на службе немецко-фашистских интервентов, не могли парализовать волю порабощенных народов к борьбе за свободу и независимость.

Готовясь к войне за установление мирового господства, Германия выступила инициатором создания агрессивного «антикоминтерновского» пакта трех держав, который осенью 1940 г. был превращен в тройственный пакт тех же участников. К ним затем присоединились буржуазные Венгрия, Румыния, Словакия, Болгария. Фашистский блок был создан на базе агрессивных устремлений объединившихся в нем государств. Но в ходе войны, под ударами антигитлеровской коалиции и ширившегося антифашистского движения народных масс он развалился. В Италии после крушения фашистского режима летом 1943 г. народные массы усилили борьбу против немецко-фашистских оккупантов. В самой Германии передовые слои немецкого народа под руководством коммунистов вели упорную борьбу против фашизма и войны. На Тихом океане силы империалистической Японии подрывались героическим сопротивлением великого китайского народа. Надежды японских империалистов на завоевание Китая оказались тщетными. На заключительном этапе войны многие вчерашние союзники Германии выступили против нее. В результате нацистская Германия осталась в одиночестве и вскоре была повергнута в прах вооруженными силами объединенных наций. Решающую роль в этом сыграли Советские Вооруженные Силы.

Уроки второй мировой войны, как и уроки первой мировой войны, свидетельствуют о том, что победу как в мирное время, так и на полях сражений могут обеспечить не случайные факторы, а знание и всесторонний учет объективных закономерностей. Ставка на случайность может принести только временный успех, от которого далеко до полной победы. В двух мировых войнах германский империализм добивался существенных временных успехов, преходящих побед и все же оба раза в итоге потерпел величайшую военно-политическую катастрофу.

Советский общественный и государственный строй в ходе войны показал свою непреоборимую силу и коренные преимущества перед капиталистическим строем. Социалистическая система экономики, невиданный трудовой энтузиазм рабочего класса, его творческая инициатива, порожденные советским строем, организующая роль Коммунистической пар-

тии обеспечили быстрый рост и укрепление нашего военного хозяйства, непрерывное увеличение производства военной продукции. Победа советского общественного и государственного строя, победа Советских Вооруженных Сил явилась закономерным результатом, знаменовавшим торжество прогрессивных сил общественного развития над реакцией.

В итоге второй мировой войны, как и первой, поражение понесла не только Германия с ее союзниками. Закономерным результатом стало поражение всей империалистической системы. Вторая мировая война подняла новые сотни миллионов людей против империализма. От капиталистического мира откололся ряд стран Европы и Азии, которые встали на путь социалистического развития; происходит распад колониальной системы империализма.

★

Если первая мировая война почти не коснулась территории самой Германии, то вторая мировая война прошла по ее территории, оставив следы, которые долго еще не изгладятся. Уроки этих двух мировых войн суровы и поучительны.

Но западногерманские реваншисты и милитаристы предпочитают не считаться с уроками истории. Не успела закончиться вторая мировая война, как реакционные западногерманские историки и публицисты вместе с бывшими гитлеровскими генералами стали искать «случайные обстоятельства» для объяснения поражения Германии, прикрываясь которыми можно было бы обойти подлинные причины поражения. Вскоре большинство фальсификаторов истории сошлось на том, что таким «случайным обстоятельством» являлись ошибки Гитлера. Так недавний кумир германских империалистов и их генералитета был зачислен в главные виновники поражения! Но подобная версия далека от исторической правды. В действительности волю германских империалистов, как было показано выше, всегда выполнял в первую очередь генеральный штаб.

Сваливая вину за поражение на Гитлера, битые германские генералы упорно твердят о совершенных им ошибках. И первая из них заключается, по мнению фальсификаторов истории, в том, что «политика Гитлера привела к войне на многих фронтах» [49]. В действительности же этот результат со всей неизбежностью вытекал из стремления германского империализма к мировому господству. Не случайно, а закономерно то, что все, кому германский империализм угрожал порабощением, сплотились против него.

Генералы-реваншисты, умалчивая о собственной роли, обвиняют Гитлера в неквалифицированном руководстве военными операциями. Особенно рьяно изобличал бывшего шефа генерал Гудериан, поставленный Гитлером во главе германского генерального штаба в разгаре войны. Он утверждал, что по вине Гитлера было уничтожено 70—90 дивизий [50].

В пылу обличений гитлеровские генералы не замечают серьезных противоречий в своих рассуждениях. Москва, уверяют они, только потому не была захвачена в 1941 г., что Гитлер отверг предложение советников не обращать внимания на фланги наступавших фашистских войск. В то же время они пишут, что Сталинградская битва потому была проиграна Германией, что по вине Гитлера недостаточно обращалось внимания на фланги. Гитлер, заявляют эти генералы, игнорировал «классические образцы» германского военного искусства, и тут же выдвигают другой упрек в его адрес — организацию наступления в районе Курской дуги по канонам этого искусства [51].

Утверждения о том, что повинен только один человек, который привел Германию к катастрофе, не выдерживают никакой критики. Бесспор-

[49] Газета «Main Post», 3 ноября 1951 г.; K. Zentner. Nur einmal konnte Stalin siegen. Hamburg. 1952.

[50] Газета «Die Zeit», 21 февраля 1952 года.

[51] См. там же.

но, Гитлер совершил ряд непоправимых ошибок в области политики и в руководстве войсками. Ему, как и генералитету фашистской армии, вследствие ограниченности буржуазной методологии чуждо было понимание природы советского общественного и государственного строя, несокрушимого единства советского народа, коренного отличия Советской Армии от армий капиталистических стран.

Если говорить о коренном военно-политическом просчете гитлеровских правителей, то он состоял в бессмысленной политической и военной авантюре против Советского Союза. Эта война неизбежно должна была завершиться разгромом фашистской Германии.

Западногерманские реваншисты и ныне остаются на старых, авантюристических позициях, столь свойственных немецким империалистам, ничему не научившимся за две мировые войны. Если учесть современное положение на мировой арене, то следует признать, что по безрассудству своей политики империалисты Западной Германии хотят, видимо, превзойти предшественников. Расстановка мировых сил стала еще более невыгодной для агрессоров. Ныне существует мировая социалистическая система. В могучий лагерь социализма входит и Германская Демократическая Республика. Распад колониальной системы лишает империализм тех его тылов, которые служили важным источником сил крупных капиталистических держав в мировых войнах. Возникло могущественное движение народов в защиту мира. Соотношение сил на земном шаре изменилось коренным образом в пользу социализма, в ущерб империализму.

В результате победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, в результате победы народно-демократического строя в ряде стран социализм превратился в мировую систему. До второй мировой войны на долю социалистической системы приходилось 17% территории земного шара, около 9% населения и 7% мировой промышленной продукции. В настоящее время страны социалистического лагеря занимают уже 26% территории земного шара, и на этой территории проживает около 35% всего его населения. На долю лагеря социализма приходится теперь свыше $^1/_3$ мирового промышленного производства. Социалистические страны дают почти половину производимого в мире зерна и 43% хлопка. «Теперь,— говорил Н. С. Хрущев в докладе XXI съезду КПСС,— положение в мире коренным образом изменилось. Нет уже больше капиталистического окружения нашей страны. Имеются две мировые общественные системы: отживающий свой век капитализм и полный растущих жизненных сил социализм, на стороне которого симпатии трудящихся всех стран. ...Соотношение реальных сил в мире сейчас таково, что мы сумеем отразить любое нападение любого врага.

В мире нет сейчас таких сил, которые смогли бы восстановить капитализм в нашей стране, сокрушить социалистический лагерь. Опасность реставрации капитализма в Советском Союзе исключена. Это значит, что социализм победил не только полностью, но и окончательно»[52].

В этих условиях только неисправимые авантюристы могут мечтать о попытках интервенции и реставрации капитализма в социалистических странах. Но народы мира должны быть бдительными, чтобы не допустить новых авантюр империалистов.

Учитывая имеющиеся объективные условия, XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза указал как на реальную возможность еще до полной победы социализма на земле исключить мировую войну из жизни общества. В свете новой расстановки сил на мировой арене уроки истории особенно поучительны. И никому не следует забывать об этих уроках.

[52] Н. С. Хрущев. О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы. Доклад на внеочередном XXI съезде Коммунистической партии Советского Союза 27 января 1959 г. Госполитиздат. 1959, стр. 125.

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЛИТВЫ ЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

П. И. Олекас

Трудящиеся Литвы, как и других республик Прибалтики, только 1940 г. освободились от гнета капиталистов и помещиков и вступили семью советских народов. Перед народами молодых советских прибалтий ских республик встала задача преобразования промышленности и сельско го хозяйства на новых, социалистических началах с тем, чтобы покончит с отсталостью прошлого и возможно быстрее догнать ушедшие впере другие республики Советского Союза. Важнейшее значение для решени этой задачи имело социалистическое преобразование сельского хозяйства

Борьба за перестройку сельского хозяйства Литвы получила свое от ражение в многочисленных статьях, опубликованных в республикански газетах и журналах, а также в ряде брошюр и книг. Однако все авторы рассматривали преимущественно отдельные стороны этого сложного про цесса и, как правило, использовали материалы лишь отдельных колхозо или районов. В настоящей статье делается попытка осветить борьбу Ком мунистической партии Литвы за социалистическое преобразование сель ского хозяйства республики в целом.

★

Приступая к социалистическому строительству, Коммунистическая партия Литвы широко использовала богатейший опыт борьбы за построе ние социализма в СССР. Опираясь на всестороннюю помощь и поддержку со стороны ЦК КПСС, союзного правительства и братских республик, она приступила уже в 1940 г. к решению ряда важнейших неотложных задач в сельском хозяйстве, осуществление которых подорвало бы экономиче скую и политическую мощь эксплуататорских классов в литовской дерев не, укрепило союз рабочего класса и крестьянства и создало необходимые предпосылки для социалистических преобразований в сельском хозяйстве Одной из таких задач являлось проведение земельной реформы в Литве Ее необходимость обуславливалась прежде всего тем, что в буржуазной Литве, где сельским хозяйством занималось 75—80% населения, трудящееся крестьянство «задыхалось от безземелья и малоземелья» [1].

Малоземельные, обрабатывавшие от 1 до 8 га и составлявшие, согласно буржуазной статистике, 34,6% общего количества крестьян, имели в своем распоряжении около 10,4% всей земли; в то же время крупным кулацким и помещичьим хозяйствам, владевшим от 30 га и выше и составлявшим лишь 9,3% общего количества хозяйств, принадлежало более 33,8% всей площади. По тем же данным, в республике насчитывалось 21 тыс. крестьянских хозяйств, владевших всего от 0,2 до 1 га земли [2]

---

[1] «Стенограммы Народного сейма Литвы». 1-я сессия от 21—23 июля 1940 года Каунас. 1940, стр. 52 (на литовском языке).

[2] «Всеобщая перепись сельского хозяйства Литвы 1930 года». Каунас. 1932, (на литовском языке). Т. 1, стр. 22; т. IV, стр. 5.

В распоряжении помещичьих и крупных кулацких хозяйств находилась почти вся новейшая сельскохозяйственная техника и около половины поголовья рабочего и продуктивного скота [3]; они использовали дешевую наемную рабочую силу [4] и ежегодно получали крупные суммы от буржуазного правительства в виде доплат и премий за проданную государству сельхозпродукцию.

Совсем другое положение было в бедняцких и середняцких хозяйствах. У них вследствие малоземелья и нехватки сельскохозяйственного инвентаря, рабочего и продуктивного скота производительность труда и доходы находились в плачевном состоянии. Производство зерна на одного взрослого работника было примерно в 2,5 раза меньше, чем в помещичьих и крупных кулацких хозяйствах [5]. Некоторые другие отрасли сельского хозяйства были в еще худшем положении. Общее поголовье продуктивного скота, например, сократилось за последние 15 лет буржуазной власти на 10,4%, в том числе коров — на 13% [6].

Трудящиеся крестьяне, особенно бедняцкая часть, испытывали нужду. Об этом свидетельствуют, в частности, данные о росте их задолженности. Так, с 1928 по 1938 г. их долги только Сельхозбанку и кредитным товариществам выросли с 28,8 млн. литов до 167,9 млн. литов, или увеличились в 5,8 раза, а вся задолженность в сельском хозяйстве составила к концу 1938 г. уже свыше 400 млн. литов [7].

Многие крестьяне — бедняки и середняки — не выдерживали капиталистической эксплуатации и окончательно разорялись. За 1930—1939 гг. было продано с молотка 16,4 тыс. крестьянских хозяйств, а всего за годы существования буржуазной Литвы свыше 40 тыс. крестьянских хозяйств [8]. Разорившиеся крестьяне были вынуждены идти в батраки к помещикам и кулакам или пополнять ряды безработных в городах. Часть разорившихся покидала свои родные места, выезжала за границу, надеясь там найти работу и хлеб. Только в 1923—1930 гг. из буржуазной Литвы эмигрировало 68 тыс. человек, среди которых крестьяне составили 60—70% [9].

В середине 1940 г. под руководством Коммунистической партии трудящиеся Литвы свергли власть буржуазии и помещиков, установили Советскую власть. 22 июля 1940 г. Народный сейм Литвы, выражая волю трудящихся республики и руководствуясь жизненными интересами крестьянства, в своей исторической декларации провозгласил «всю землю с ее недрами, все леса и воды народным достоянием, то есть государственной собственностью» [10]. Декларация объявляла: «Вся земля, находящаяся в распоряжении трудящихся крестьян, а также земля, которая будет передана государством безземельным и малоземельным крестьянам, закрепляется в бессрочное пользование крестьянству» [11].

На основе решений Народного сейма Советская власть незамедлительно провела земельную реформу. В результате 75,6 тыс. сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян полу-

---

[3] Там же. Т. III, стр. 32.

[4] В 1930 г. количество батраков 15-летнего возраста и выше достигло более 118 тыс. человек (см. там же, стр. 3).

[5] Там же. Т. II, стр. 43.

[6] «Летопись Министерства сельского хозяйства 1918—1938 гг.». Каунас. 1939, стр. 11—15; «Статистический ежегодник Литвы за 1939 год». Каунас. 1940. Раздел о животноводстве (на литовском языке).

[7] «Статистический ежегодник Литвы за 1929—1930 гг.». Каунас. 1931, стр. 445; «Статистический ежегодник Литвы за 1939 год», стр. 142.

[8] В. Нюнка. Обнищание трудящегося крестьянства буржуазной Литвы. «Коммунист» (Вильнюс), 1949, № 6, стр. 20; К. Ляудис. Подъем сельского хозяйства Советской Литвы. Вильнюс. 1950, стр. 4.

[9] «Статистические ежегодники Литвы за 1923—1930 годы». Каунас. 1924—1931.

[10] «Стенограммы Народного сейма Литвы», стр. 97.

[11] Там же, стр. 98.

чили 394 тыс. га земли [12]. Одновременно Коммунистическая партия и правительство республики уделяли большое внимание хозяйственному обзаведению новоселов и улучшению материального положения всего трудового крестьянства Советской Литвы.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР прервало начало социалистического строительства в Советской Литве. Эта работа возобновилась после исторической победы советского народа над немецким фашизмом, когда литовский народ при помощи всех других советских народов, и прежде всего великого русского народа, снова стал свободным и независимым. После Великой Отечественной войны перед Коммунистической партией и литовским народом встала задача восстановить разрушенное фашистскими оккупантами народное хозяйство и развернуть социалистическое строительство в республике.

В результате гитлеровской оккупации в Литве резко сократились посевные площади и урожайность сельскохозяйственных культур; на 40—50% уменьшилось поголовье продуктивного скота. Фашистские захватчики разграбили и уничтожили свыше 79 тыс. единиц сельскохозяйственного инвентаря и машин; из 800 тракторов, имевшихся накануне войны в МТС республики, после освобождения осталось всего лишь несколько десятков; было разрушено и сожжено свыше 44 тыс. сельских жилых и хозяйственных построек [13].

В августе 1944 г. Верховным Советом Литовской ССР был принят закон «О ликвидации последствий немецкой оккупации в сельском хозяйстве Литовской ССР». На основании этого закона во всех уездах и волостях были созданы земельные комиссии, в которых участвовало около 2 тыс. безземельных и малоземельных крестьян, сельскохозяйственных рабочих и сельской интеллигенции. При помощи этих комиссий и широкого сельского актива за период 1944—1947 гг., согласно указанному закону, было изъято в государственный земельный фонд 1 570 тыс. га земли, в том числе около 1 300 тыс. га у помещичьих и кулацких хозяйств. За это же время было передано 96 330 батрацким, безземельным и малоземельным крестьянским семьям в бесплатное и бессрочное пользование 638,5 тыс. га, или 55,7% всей распределенной земли. Остальная площадь поступила в распоряжение совхозов, МТС и гослесфонда, а также была использована на различные общественные нужды и оставлена в госземфонде [14].

Наряду с наделением землей бывшие батраки, безземельные и малоземельные крестьяне получили бесплатно свыше 11 тыс. лошадей, 16 тыс. голов крупного рогатого скота, 12 тыс. голов мелкого скота, 34 тыс. единиц различного сельскохозяйственного инвентаря, 80 тыс. жилых и хозяйственных построек [15]. Им была оказана также помощь семенами, сельскохозяйственной техникой, лесоматериалами и кредитами.

Осуществление этих мероприятий «изменило лицо деревни Литвы: были вырваны с корнями помещики, подорвана мощь кулачества, значительно уменьшилось число бедняцких хозяйств, увеличилось число середняцких хозяйств» [16].

Сельское хозяйство Советской Литвы получало во все возрастающих количествах новейшую сельскохозяйственную технику, минеральные удобрения и много других средств производства, необходимых для развития сельского хозяйства. Это коренным образом облегчило дело восстановления разрушенного войной сельского хозяйства и ускорило создание пред-

---

[12] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—19, д. 1, лл. 1—3.

[13] А. Петров. Трудящиеся Советской Литвы успешно выполняют послевоенную сталинскую пятилетку. Вильнюс. 1947, стр. 10 (на литовском языке).

[14] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 51, д. 239, л. 16.

[15] Там же.

[16] А. Снечкус. Задачи колхозов Советской Литвы. Вильнюс. 1949, стр. 6 (на литовском языке).

посылок для осуществления социалистических преобразований в литовской деревне.

О том, какие социальные сдвиги произошли в литовской деревне после окончания Великой Отечественной войны, говорят следующие данные [17].

Группы крестьянских хозяйств по наличию земли в них (га)	По состоянию на 1 января 1940 года		По состоянию на 1 января 1947 года	
	% к общему количеству крестьянских хозяйств	% к общей площади крестьянской земли	% к общему количеству крестьянских хозяйств	% к общей площади крестьянской земли
До 5	27,8	5,9	25,1	7,1
От 6—20	55,2	47,7	68,5	74,9
От 21—30	11,0	20,5	6,4	18,0
Свыше 30	6,0	25,9	—	—
	100,0	100,0	100,0	100,0

Коммунистическая партия Литвы и правительство республики, опираясь на большую материально-техническую помощь братских народов СССР, одновременно с проведением земельной реформы добились еще в 1945 г. восстановления и создания 58 МТС и 286 машинно-коннопрокатных пунктов, в которых было 346 тракторов, свыше 3,2 тыс. рабочих лошадей и необходимое количество прицепного сельскохозяйственного инвентаря и машин [18].

Машинно-тракторные станции в руках государства явились одним из важнейших средств, при помощи которых оно поднимало сельскохозяйственное производство, помогало крестьянам избавиться от кулацкой зависимости и кабалы, подводило их к осознанию необходимости строить жизнь на коллективных началах.

Наряду с созданием МТС и расширением их сети Коммунистическая партия и правительство Литвы большое внимание уделяли строительству совхозов. К концу 1945 г. в республике уже было создано 100 совхозов, в распоряжение которых было передано свыше 150 тыс. га земли. По мере организационно-хозяйственного укрепления МТС, увеличения в них количества сельскохозяйственной техники и подготовки механизаторских кадров повышались их роль и значение в сельском хозяйстве. Так, с 1945 по 1950 г. посевная площадь всех сельскохозяйственных культур расширилась в совхозах в 1,4 раза, а урожайность зерновых культур стала почти в двое больше; поголовье крупного рогатого скота за это время выросло в 1,5 и свиней — в 9 раз. Намного увеличилось производство молока и мяса [19].

Отдельные совхозы республики уже в течение первых лет своего существования достигли значительных успехов. Например, совхоз «Леонпонис», Укмергского уезда, в 1949 г. вырастил зерновых культур в среднем по 12,9 ц на га и повысил надои молока с одной фуражной коровы до 1 454 кг; на 100 га сельскохозяйственных угодий он получил по 223 ц

[17] Подсчеты произведены на основании отчетов Министерства сельского хозяйства Литовской ССР (Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—8, д. 21, л. 90).

[18] Подсчеты произведены на основании материалов Статистического управления Литовской ССР (сборник «Сельское хозяйство Литовской ССР за 1950—1955 гг.», стр. 248, табл. № 1; стр. 225, табл. № 3) и Министерства сельского хозяйства Литовской ССР (сводный годовой отчет МТС и МКПП за 1945 г.); см. также газету «Тиеса», 1 марта 1946 года.

[19] Отдел статистики сельского хозяйства Статистического управления Литовской ССР (сборник «Сельское хозяйство Литовской ССР за 1950—1955 гг.», стр. 238, табл. № 16).

молока и 45,8 ц мяса [20]. Производственные успехи литовских совхозо наглядно показывали крестьянам преимущество крупного социалисти ческого хозяйства перед мелким.

Одновременно с созданием и укреплением МТС и совхозов, усилие их роли в сельскохозяйственном производстве Коммунистическая парти Литвы и правительство республики стали широко развертывать на сел работу по претворению в жизнь ленинского кооперативного плана. Эт работа особенно усилилась после постановления февральского (1947 г. Пленума ЦК ВКП(б) «О мерах подъема сельского хозяйства в послевоен ный период». Разъясняя сельскому населению это постановление, партий ные организации раскрывали на конкретных фактах значение коллективи зации для подъема сельскохозяйственного производства, улучшения мате риальных условий крестьянства, перевода его на путь социалистическог развития. В результате во многих волостях и апилинках трудящиеся кре стьяне стали объединяться в кооперативные товарищества. К концу 1948 г в республике уже насчитывалось 479 сельскохозяйственных и 205 молоч но-животноводческих товариществ, объединивших свыше 56 тыс. кресть янских хозяйств и 265 кредитных товариществ, в которые вступило свыш 60 тыс. крестьянских хозяйств. Всеми видами сельскохозяйственной коопе рации было охвачено около 30% крестьянских дворов [21].

Партийные и советские организации уделяли много внимания нала живанию производственной деятельности общественных хозяйств. Отдель ные товарищества уже с самого начала своего существования имели мощ ное хозяйство и оказывали значительное содействие не только своим чле нам, но и окрестным крестьянам в проведении многих работ.

Весной и летом 1947 г., несмотря на яростное сопротивление кулацки и буржуазно-националистических элементов, в ряде уездов и волостей рес публики трудящиеся крестьяне, особенно бедняцкая часть, уже не ограни чивались коллективным проведением отдельных работ, а стали обобще ствлять основные средства производства и вести все сельскохозяйственное производство коллективно, то есть начали создавать колхозы.

Все эти мероприятия имели большое значение для восстановления и развития сельского хозяйства республики, улучшения благосостояния трудящегося крестьянства и изоляции кулачества в деревне, а также дальнейшего укрепления союза рабочих и трудящихся крестьян. Однако, несмотря на благоприятные условия и помощь со стороны Советского социалистического государства, сельское хозяйство республики в 1945—1948 гг развивалось медленно. Уровень его производства по большинству отраслей, в том числе по зерну и животноводческим продуктам, был все еще значительно ниже довоенного. Одной из причин этого был прежде всего огромный материальный ущерб, причиненный литовскому сельскому хозяйству немецко-фашистскими оккупантами, а также упорное сопротивление кулачества мероприятиям Советской власти, направленным на восстановление и подъем сельскохозяйственного производства. Другой важнейшей причиной отставания сельского хозяйства республики было преобладание мелких и мельчайших крестьянских хозяйств с отсталой сельскохозяйственной техникой и низким уровнем производительности труда. Хуторская система, мелкие и мельчайшие крестьянские земельные участки делали совершенно невозможным широкое применение и рациональное использование крупной, высокопроизводительной сельскохозяйственной техники.

Чтобы преодолеть отставание сельского хозяйства республики, необходимо было прежде всего ликвидировать его распыленность, являвшуюся

---

[20] Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР, II управление совхозов Востока Минсовхозов Литовской ССР за 1949 г., оп. 10, д. 7, лл. 389—437.

[21] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—69, д. 12, л. 25; М. Григораускас. Кооперация буржуазной Литвы — орудие эксплуатации трудящихся. Вильнюс 1948, стр. 231 (на литовском языке).

главным тормозом дальнейшего развития производительных сил в деревне. Готовясь к решению этой задачи, Коммунистическая партия Литвы развернула политико-воспитательную работу на селе. Эта работа имела особое значение, так как подавляющее количество крестьян жило на хуторах, что в известной мере способствовало сохранению у отдельных слоев трудового крестьянства частнособственнических тенденций.

Трудности в проведении коллективизации усугублялись также тем, что в буржуазно-помещичьей Литве буржуазные националисты вели бешеную антисоветскую, антиколхозную пропаганду среди крестьянского населения, всячески распространяли лженаучную теорию устойчивости мелкокрестьянского хозяйства. В результате у части трудящихся крестьян, особенно середняков, были неправильные представления о социалистической системе хозяйства, в частности о колхозах. Чтобы рассеять эти ошибочные взгляды, разоблачить кулацкую, антиколхозную агитацию, литовские коммунисты использовали печать, радио, кино, лекции, доклады, беседы и другие формы массово-политической работы среди населения. В частности, широкое распространение получили экскурсии крестьян-единоличников в колхозы братских республик. Они знакомились с колхозным производством, жизнью и деятельностью колхозников и, возвращаясь домой, рассказывали о своих впечатлениях соседям и знакомым. «Ложь кулаков, буржуазных националистов разоблачена,— заявил крестьянин-бедняк Богушас из Паневежского уезда после посещения колхоза «Рассвет» БССР в сентябре 1946 года.— Приехав в свою деревню, я расскажу односельчанам о действительном положении в колхозах. Колхозы — это наше светлое будущее» [22].

Важнейшее значение для пропаганды колхозного строя имел XV пленум ЦК КП(б) Литвы, состоявшийся в ноябре 1947 года. Пленум потребовал от партийных организаций коренного улучшения политического образования коммунистов и беспартийного актива, усиления политико-воспитательной работы среди населения. Выполняя решения пленума, партийные организации республики значительно улучшили политическое просвещение коммунистов и беспартийного актива. В 1947—1948 гг. в Литве работали 44 вечерние партийные школы с общим количеством 1 703 слушателя. Всего в том году в сети партийного просвещения обучалось свыше 27 тыс. коммунистов и беспартийного актива [23].

Повышение идейно-политического и теоретического уровня коммунистов и актива позволило развернуть массово-разъяснительную работу среди населения. Аникшчяйская уездная партийная организация, например, силами около 400 агитаторов, докладчиков и лекторов за ноябрь 1947 — январь 1948 г. провела свыше 800 собраний крестьян, 185 докладов и 5 тыс. групповых и индивидуальных бесед, на которых присутствовало 68 тыс. человек. В докладах и беседах освещались вопросы международной и внутренней политики нашей страны, разоблачалась враждебная деятельность буржуазных националистов — злейших врагов литовского народа, вскрывались причины отставания сельского хозяйства республики, пропагандировался колхозный строй, рассказывалось о достижениях колхозного крестьянства нашей страны [24]. Такая же работа, в которой участвовало свыше 25 тыс. сельских агитаторов [25], проводилась в других уездах республики.

В результате сочетания политической и организаторской работы партийных организаций еще в 1947 г. в отдельных уездах и волостях республики крестьяне-бедняки стали объединяться в коллективные хозяйства. Первый колхоз имени М. Мельникайте, в котором объединились 12 сельскохозяйственных рабочих и бедняцких крестьянских семей, был

[22] «Советская Литва», 12 сентября 1946 года.
[23] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 51, д. 156, л. 15.
[24] Там же, оп. 1771—60, д. 2, лл. 25—27.
[25] Там же, оп. 1771—61, д. 1, лл. 44—54.

создан под руководством Дотнувской волостной партийной организации в феврале 1947 г. в местечке Дотнува, Кедайнского уезда [26]. Идеи колхозного строя все глубже проникали в среду литовского крестьянства. На 15 июня 1947 г. в республике уже было создано 29 колхозов, охватывавших 604 бедняцких и 198 середняцких крестьянских хозяйств [27].

Идя навстречу пожеланиям трудящихся крестьян, Совет Министров Литовской ССР и ЦК КП(б) Литвы 20 марта 1948 г. приняли постановление «Об организации коллективных хозяйств в республике», сыгравшее огромную роль в деле коллективизации крестьянских хозяйств. Этим постановлением все партийные и советские организации республики обязывались «всемерно содействовать крестьянам-беднякам и середнякам, желающим объединиться в коллективные хозяйства и оказывать помощь в организационно-хозяйственном укреплении колхозов» [28], неустанно пропагандировать преимущества коллективного хозяйства перед единоличным.

Претворяя в жизнь эти указания, партийные и советские организации республики развернули массово-разъяснительную и организаторскую работу на селе. Ознакомив с постановлением весь партийно-советский актив, они организовали обсуждение этого документа в коллективах предприятий и учреждений, на собраниях первичных партийных организаций и общих собраниях трудящихся крестьян, которыми оно было единодушно одобрено. В Рокишкском уезде, например, это постановление обсуждалось на 213 общих собраниях трудящихся крестьян, на которых присутствовало около 19 тыс. человек и выступило свыше 500 крестьян. Выступавшие единодушно одобряли решение ЦК Коммунистической партии Литвы и правительства республики, высказывались за его выполнение. В деревнях этого уезда свыше 700 агитаторов, выделенных партийными организациями, знакомили трудящихся крестьян с основными положениями постановления Совета Министров республики и ЦК КП(б) Литвы, разъясняли им Устав сельскохозяйственной артели и другие вопросы колхозного строительства. В результате широкой разъяснительной работы многие крестьяне-бедняки и середняки решили объединиться в колхозы [29].

«Мы, крестьяне,— писали в заявлении Курклетис и Издулис от имени 35 крестьянских семей деревни Байорай, Рокишкского уезда,— ознакомившись с Уставом сельхозартели, единогласно выражаем желание организовать колхоз в деревне Байорай» [30]. Аналогичные заявления от крестьян стали поступать почти повсеместно. Так, в течение апреля — июня 1948 г. по Рокишкскому уезду поступило от крестьян несколько сот заявлений о желании вступить в колхоз. За это время в уезде было создано 6 колхозов, объединивших 150 крестьянских дворов [31].

Активную деятельность по разъяснению постановлений ЦК Коммунистической партии Литвы и правительства республики об организации колхозов, об Уставе сельскохозяйственной артели и задачах трудящегося крестьянства в новой пятилетке развернула Шакяйская уездная партийная организация, привлекшая свыше тысячи агитаторов, лекторов и докладчиков, которые только за апрель и май 1948 г. провели 126 лекций и докладов, а также 9 тыс. индивидуальных и групповых бесед, на которых присутствовало около 40 тыс. человек. В уезде за

---

[26] Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР, Оргколхозное управление, оп. 33а, д. 3, л. 14; «Советская Литва», 24 февраля 1948 года.

[27] Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР, Оргколхозное управление, оп. 33а, д. 3, лл. 1—3.

[28] «Ведомости Верховного Совета и Совета Министров Литовской ССР», 5 апреля 1948 г., стр. 323—325.

[29] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—60, д. 4, лл. 168—179.

[30] Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР, Оргколхозное управление, оп. 33а, д. 9, л. 41.

[31] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—60, д. 4, лл. 168—179.

это время было создано 22 колхоза, объединивших около 700 крестьянских хозяйств [32].

Широкая разъяснительная работа проводилась и во многих других уездах республики. В результате на 1 августа 1948 г. в Литве уже имелось 240 коллективных хозяйств, объединявших 6 052 крестьянских двора [33]. В числе крестьян, вступивших в колхозы, бедняки составили 46,2%, середняки — 53,8% [34]. Наряду с крестьянами-бедняками в колхозы стали вступать и середняки, что явилось большой победой Коммунистической партии Литвы.

Литовские буржуазные националисты, реакционное католическое духовенство и кулачество оказывали яростное сопротивление коллективизации. Стремясь сохранить свои экономические и политические позиции в деревне, они прибегали к самым гнусным преступлениям: к уничтожению рабочих, крестьян, партийных и советских активистов, интеллигенции. Они не останавливались перед убийствами детей, женщин и стариков, рассчитывая запугать трудящихся и тем самым сорвать дело коллективизации крестьянских хозяйств в республике. Вот некоторые факты. 27 апреля 1948 г. кулацко-националистическими бандитами было зверски убито в Вейсейской волости, Лаздийского уезда, 6 крестьянских семей, в том числе семья крестьянина-середняка Андрюшкявичюса, 71 года, состоявшая из 7 человек, только за то, что они высказались за организацию колхозов [35]. 11 августа 1948 г. во время демонстрации кинофильма в клубе местечка Алове, Алитусского уезда, была взорвана мина, отчего погибло 5 и тяжело ранено 30 человек, в том числе 10 детей до 14-летнего возраста [36]. Однако литовские буржуазно-националистические элементы жестоко просчитались. Подлые убийства вызвали всеобщее возмущение трудящихся Советской Литвы. На многочисленных собраниях и митингах они клеймили позором и проклинали буржуазных националистов как профессиональных убийц и палачей литовского народа, требовали беспощадного наказания преступников. Сельскохозяйственные рабочие, трудящиеся крестьяне, особенно их передовая часть — колхозники, по призыву Коммунистической партии Литвы вступали в отряды бойцов народной защиты, создавали группы самозащиты в деревнях, подвергавшихся кулацко-бандитским нападениям. В 1948 г. в республике было создано свыше 300 таких отрядов и 860 групп, объединявших свыше 15 тыс. человек. Кулацко-бандитские элементы все сильнее и решительнее получали отпор со стороны трудящихся [37]. В результате жестокой классовой борьбы трудящиеся Литвы под руководством Коммунистической партии еще в 1948 г. разгромили основные силы кулацко-националистического подполья и его вооруженные банды.

Для окончательной ликвидации сопротивления капиталистических элементов в деревне и победы колхозного строя в Литве важнейшее значение имела правильная политика Коммунистической партии по отношению к кулачеству. В период до широкого развертывания коллективизации партией проводилась политика экономического ограничения и вытеснения кулачества, а с началом массовой коллективизации — политика ликвидации кулачества как класса. Главным средством, при помощи которого осуществлялась эта политика, наряду с проведением земельной реформы явился закон о сельскохозяйственном налоге, согласно которому кулацкие хозяйства облагались более высоким налогом, чем хозяйства трудящихся крестьян. В результате проведения такой налоговой политики про-

---

[32] Там же, оп. 51, д. 117; оп. 1771—60, д. 5, лл. 18—48.

[33] Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР, Оргколхозное управление, оп. 33а, д. 6, лл. 12—17.

[34] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 52, д. 20, л. 269.

[35] Там же.

[36] Там же, л. 270.

[37] Там же, лл. 117, 121, 137, 267—268.

изводство в кулацких хозяйствах ежегодно сокращалось. Вместе с тем уменьшалось и число кулацких хозяйств. В 1949 г. их общее количество сократилось по сравнению с 1948 г. в 2 раза [38]. Кулачество пыталось саботировать мероприятия Советской власти на селе: распродавало и уничтожало скот, сельскохозяйственный инвентарь и машины, забрасывало земли и хозяйства. К концу 1949 г. кулаки, по существу, уже перестали заниматься земледелием. Остатки их обанкротившихся хозяйств были изъяты финансовыми органами в счет погашения недоимок по сельскохозяйственному налогу и безвозмездно переданы вновь организующимся коллективным хозяйствам.

Коммунистическая партия и правительство Литвы уделяли серьезное внимание производственной деятельности молодых колхозов, созданию в них крепкого общественного хозяйства и налаживанию коллективного труда. Вновь созданным колхозам была оказана помощь сельскохозяйственным инвентарем, тяглом, семенами, минеральными удобрениями и т. п. Молодые колхозы республики уже в 1948 г. перевыполнили план сева сельскохозяйственных культур и вырастили на площади свыше 11 тыс. га в среднем по 13,8 ц с одного га зерновых культур, или на 3,8 ц больше, чем было получено в единоличных хозяйствах, выдали на трудодень колхозникам в среднем по 3 кг зерна.

Итоги производственной деятельности первых колхозов республики были обсуждены на I съезде колхозников Литовской ССР 20—21 декабря 1948 года. Делегаты выражали свою удовлетворенность новой, колхозной жизнью, первыми производственными успехами, благодарили Коммунистическую партию и Советскую власть за помощь, оказанную им в борьбе с помещиками и кулачеством, за постоянную заботу об улучшении материальных и культурных условий жизни крестьянства. Член сельскохозяйственной артели «Пирмин», Шяуляйского уезда, Крюкелис сообщил на съезде, что сельскохозяйственная артель благодаря самоотверженному труду колхозников добилась крупных производственных успехов: за 1948 г. она приобрела 131 голову продуктивного скота и организовала 4 животноводческие фермы, вырастила зерновые культуры в среднем на 1 га по 15 ц, или в 1,5 раза больше, чем получили единоличные крестьянские хозяйства, и выдала на трудодень по 5 кг зерна и 4,6 руб. деньгами. Убедившись в преимуществе коллективного труда, крестьяне-единоличники стали подавать заявления о приеме их в колхоз. За год в колхоз «Пирмин» вновь вступили 30 крестьянских семей [39]. Аналогичные примеры приводились многими представителями колхозов, выступавшими на съезде.

Делегаты съезда единодушно осудили старый, буржуазный строй в Литве и капиталистический путь развития сельского хозяйства. «Темна как ночь, была жизнь крестьянина в буржуазной Литве,— говорилось в обращении съезда,— трудового крестьянина притесняли и эксплуатировали помещики и спекулянты»; его «осаждали старосты и виршайтисы [40] над ним издевались клебонасы [41] и полицейские, его грабили приставы и сметоновские чиновники» [42]. Делегаты решительно высказались за новый общественный строй в деревне — колхозный строй. «Мы твердо убедились в преимуществах крупного коллективного хозяйства,— подчеркивалось в обращении съезда,— и твердо стали на путь колхозной жизни» [43].

---

[38] Справка о сельскохозяйственном налоге в Литовской ССР министра финансов Литовской ССР А. Дробниса от 1 сентября 1950 г. (отдел финансов Управления делами Совета Министров Литовской ССР).

[39] Архив Министерства сельского хозяйства Литовской ССР за 1948 г., секретариат, оп. 1, д. 65, лл. 40—42; годовой производственный отчет колхоза «Пирмин» за 1948 год.

[40] Волостные старшины.

[41] Настоятели костелов.

[42] «Советская Литва», 25 декабря 1948 года.

[43] Там же.

Материалы съезда колхозников широко использовались партийными организациями для пропаганды колхозного строя и строительства новых колхозов в республике. Они повсеместно были обсуждены на общих собраниях колхозников и крестьян.

Наряду с проведением общих собраний крестьян партийные организации развернули разъяснение итогов I съезда колхозников и производственной деятельности колхозов республики за 1948 г. силами агитаторов, лекторов и докладчиков-общественников. О размахе этой работы говорит тот факт, что в ней участвовало 10 тыс. представителей сельской интеллигенции [44]. В итоге тяга трудящихся крестьян в коллективные хозяйства еще более усилилась. Создавались все новые и новые колхозы. Только за январь 1949 г. было вновь создано 140 колхозов, в которые вступило свыше 3,5 тыс. крестьянских семей. Всего на 10 февраля того года в республике было создано 926 колхозов, объединивших свыше 22,8 тыс. крестьянских хозяйств, или 5,9% общего количества их [45].

Важнейшее значение для дальнейшего развития колхозного строя в республике имели решения VI съезда КП(б) Литвы, состоявшегося 15—18 февраля 1949 года. Считая, что огромная помощь ЦК КПСС и союзного правительства в механизации сельского хозяйства Литовской ССР, большой опыт колхозного строительства в СССР и опыт работы первых колхозов в Литве, а также рост политической сознательности трудящегося крестьянства создают все необходимые условия для дальнейшего постепенного и добровольного объединения крестьян-бедняков и середняков в колхозы, съезд поставил перед партийными организациями республики как одну из главных задач — «добиться в течение ближайших лет полной победы колхозного строя в Литовской ССР» [46]. Борясь за осуществление этой задачи, партийные организации республики усилили организационно-партийную и партийно-политическую работу на селе, укрепляли сельские кадры, создавали волкомы партии и расширяли сеть первичных партийных и комсомольских организаций, улучшали их руководство делом социалистического преобразования деревни.

Большую роль в развитии колхозного строя в республике играло укрепление партийной и комсомольской прослойки на селе. С этой целью только по линии ЦК и горкомов КП Литвы в 1949 г. было отобрано в городах республиканского подчинения и направлено на постоянную работу в сельские партийные, советские и хозяйственные организации 686 коммунистов [47], укомами и волкомами партии было выдвинуто на постоянную работу в те же организации 1 955 коммунистов и 461 комсомолец. Кроме того, укомы и волкомы партии за этот же год направили на руководящую работу в деревне 8,4 тыс. человек беспартийных активистов, в том числе 222 рабочих, 202 бывших батрака, 4 396 колхозников, 418 учителей, 56 агрономов и 39 врачей [48].

Партийные организации республики одновременно воспитывали и сплачивали беспартийный актив. В Шяуляйском уезде, например, в 1949 г. насчитывалось уже свыше тысячи активистов [49]. Под руководством партийной организации они принимали самое активное участие в пропаганде колхозного строя и организации колхозов. Всего к началу 1950 г. в селах республики насчитывалось свыше 80 тыс. человек беспартийного актива [50].

---

[44] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—61, д. 1, лл. 44—54.

[45] «Резолюция VI съезда КП(б) Литвы». Вильнюс. 1949, стр. 5; «Тиеса», 17 февраля 1949 года.

[46] «Резолюция VI съезда КП(б) Литвы», стр. 11.

[47] Сводка К. Озарской о посылке кадров на работу в уезды, районы, волости, совхозы и МТС от 9 февраля 1956 г. (сектор учета кадров ЦК КП Литвы).

[48] Сводки и справки об укомплектовании должностей номенклатуры УК, ГК и ЦК КП(б) Литвы за 1949 г., лл. 88, 90 (сектор учета кадров ЦК КП Литвы).

[49] Д. Шупиков. О приеме в ВКП(б) и воспитании молодых коммунистов. «Коммунист» (Вильнюс), 1950, № 1, стр. 23.

[50] Там же, стр. 21.

Укрепление партийной прослойки, воспитание беспартийного актива на селе создали благоприятные условия для роста рядов КПСС и расширения сети партийных организаций в деревне. За 1949 г. было принято на селе в кандидаты партии 3 664 человека, вновь создано 106 волкомов партии и 302 низовых партийных организации. Всего на селе 1 января 1950 г. насчитывалось 1 360 низовых партийных организаций, объединявших свыше 12,6 тыс. коммунистов, или около 50% всего состава КП Литвы [51].

Наряду с ростом рядов партии и расширением сети ее организаций все больше повышалась роль деревенских партийных организаций в социалистическом преобразовании сельского хозяйства.

Так, первичная парторганизация колхоза «Пирмунас», Алитусского уезда, была создана в 1948 году. Как и многие другие низовые партийные организации республики, эта организация, расставив коммунистов на решающих участках колхозного производства, широко развернула политическую и организаторскую деятельность среди колхозников и добилась значительных успехов. За 1948 г. колхоз создал четыре животноводческие фермы с 187 головами продуктивного скота, вырастил богатый урожай сельскохозяйственных культур, получил 115 тыс. руб. денежных доходов и выдал на трудодень по 2,5 кг зерна, 8,5 кг овощей и кормов, 4 руб. деньгами. Рядовой колхозник Стасис Березнявичюс получил на трудодни за указанный год 12 ц хлеба и свыше 2 тыс. руб.; колхозник Казис Васинаускас — более 10 ц хлеба и 1,8 тыс. руб. деньгами. Примерно такие же доходы имели и другие колхозники. Умелое сочетание хозяйственной и политической деятельности партийной организации колхоза «Пирмунас» привело к тому, что в течение первой половины 1949 г. все окружавшие этот колхоз крестьяне-единоличники объединились в колхозы [52].

Хороших результатов в социалистическом преобразовании деревни добился в Укмергском уезде Коварский волком партии. Борясь за претворение в жизнь решений VI съезда КП(б) Литвы, волком коренным образом перестроил свою работу по руководству сельским хозяйством. Опираясь на партийно-советский актив, насчитывавший 25 коммунистов, 41 комсомольца, 30 лекторов-общественников, 124 женделегатки и 110 агитаторов, он развернул широкую политико-воспитательную и организаторскую деятельность в деревне, обеспечил своевременное выполнение всех плановых заданий по волости, вовлек трудящееся крестьянство в активное социалистическое строительство. К началу 1950 г. все бедняцкие и середняцкие крестьянские хозяйства волости объединились в коллективные хозяйства [53].

После VI съезда КП(б) Литвы партийные организации республики значительно улучшили руководство комсомольскими организациями, представлявшими огромную силу на селе. В результате расширилась и укрепилась сеть комсомольских организаций в литовской деревне. За 1949 г. на селе было принято в комсомол свыше 6 тыс. юношей и девушек. На 1 января 1950 г. в колхозах, МТС и совхозах насчитывалось свыше 1,2 тыс. первичных комсомольских организаций [54]. Комсомольцы под руководством партийных организаций проводили политико-воспитательную и культурно-просветительную работу среди сельской молодежи, поднимали дисциплину труда и качество работ в колхозах, давали решительный отпор прои-

---

[51] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 72, д. 5, лл. 18—19, 22—23, 25—26, 29—30, 61; д. 50, л. 55; д. 19, лл. 82, 317.

[52] Н. Щепин. Опыт колхозной парторганизации. «Коммунист» (Вильнюс), 1949, № 7, стр. 19—22.

[53] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 51, д. 452, л. 3; Д. Шупиков. Указ. соч., стр. 33—37.

[54] Расчеты произведены на основании данных сектора учета комсомольской статистики ЦК ЛКСМ Литвы.

скам врагов колхозного строя, активно участвовали в пропаганде преимуществ колхозов и в организации колхозов. По данным на 1 июня 1950 г., при активном участии комсомольцев было организовано свыше 700 колхозов [55].

Партийные организации республики всемерно расширяли свою агитационно-пропагандистскую деятельность в деревне. Об этом говорят данные о количестве сельских агитаторов, лекторов и докладчиков, проводивших политико-воспитательную работу на селе. Если в 1949 г. в ней участвовало около 5 тыс. лекторов и докладчиков и 26 тыс. агитаторов, то в 1951 г. их количество выросло соответственно до 14,7 тыс. и 35 тыс. человек [56]. За период между VI и VII съездами КП(б) Литвы, то есть за 3,5 года, в течение которых была достигнута полная победа колхозного строя в Литве, прочитано только лекторами и докладчиками свыше 150 тыс. докладов и лекций, на которых присутствовало около 11 млн. человек, а также было проведено агитаторами сотни тысяч групповых и индивидуальных бесед [57].

В укреплении колхозного строя значительную роль сыграли культурно-просветительные учреждения, которых к началу 1950 г. насчитывалось в литовской деревне свыше 3,5 тысячи [58]. Проводя многочисленные лекции и доклады, беседы и читки газет, работники клубов, читален, библиотек разъясняли трудящимся крестьянам вопросы международной и внутренней политики нашего государства, распространяли передовой производственный опыт в сельском хозяйстве, вели пропаганду колхозного строя и принимали участие в организации колхозов.

Особое значение в условиях Литвы имела работа созданных сельскими культурно-просветительными учреждениями кружков крестьян-единоличников, в которых изучались Устав сельскохозяйственной артели, различные вопросы колхозного строительства. Эти кружки сыграли большую роль в коллективизации крестьянских хозяйств. Состоявшие из 10—15 человек, руководимые партийными организациями, они, как правило, становились инициативными группами по созданию новых колхозов. В Алитусском уезде, например, из 107 колхозов, организованных в 1949 г., на базе кружков было создано 70 колхозов; в Кедайнском уезде из 147 колхозов —72 и в Рокишкском из 215—170 [59]. Всего в период 1949—1950 гг. действовало около 2 тыс. таких кружков, которые охватывали свыше 27 тыс. крестьян-бедняков и середняков [60].

Серьезную помощь в проведении коллективизации литовской деревни оказывали партийные, комсомольские и профсоюзные организации Вильнюса, Каунаса, Шяуляя, Клайпеды, Паневежиса и ряда других городов республики. Посылая коммунистов, комсомольцев и профсоюзных активистов в деревню, они помогали укомам и волкомам партии в проведении политической и организаторской работы среди крестьян, в подборе и сплочении деревенского актива, вовлечении его в борьбу против кулацких и буржуазно-националистических элементов в деревне, в организации и укреплении колхозов. О том, какой размах получила эта работа городских организаций, свидетельствует тот факт, что в 1949 г. в ней активно участвовало свыше тысячи коллективов предприя-

---

[55] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—83, д. 8, л. 19.

[56] А. Снечкус. Отчетный доклад ЦК КП(б) Литвы на VII съезде КП Литвы. «Коммунист» (Вильнюс), 1952, № 9, стр. 31; Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—61, д. 1, лл. 44, 196; д. 3, л. 161; д. 4, лл. 74, 83, 122; «Коммунист» (Вильнюс), 1954, № 6, стр. 18.

[57] А. Снечкус. Отчетный доклад ЦК КП(б) Литвы на VII съезде КП Литвы, стр. 31.

[58] «Стенограмма VII пленума ЦК КП Литвы от 5—7 июня 1950 г.», стр. 241—244.

[59] «Советская Литва», 21 января 1949 г.; Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 1771—51, д. 4, лл. 40—45.

[60] Расчеты произведены на основании архивных материалов Управления культпросветучреждений Министерства культуры Литовской ССР.

тий и учреждений, а в 1950 г.— более 1 500[61]. В этом ярко проявилась помощь пролетариев города социалистическому переустройству деревни.

В дело коллективизации огромный вклад внесли местные Советы и их исполкомы. Пропагандируя колхозный строй, организуя коллективные хозяйства, они провели значительную работу по организационно-хозяйственному укреплению вновь созданных колхозов. В частности, они помогли молодым колхозам в обобществлении основных средств производства бывших единоличных хозяйств, в организации коллективного труда. В 1949 г. свыше чем в 3 тыс. колхозах была обобществлена земля и вспаханы межи бывших единоличных крестьянских хозяйств, а также обобществлен рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и другие средства производства, создано 4,6 тыс. животноводческих ферм, свыше 6,5 тыс. полеводческих бригад, 15 тыс. звеньев по возделыванию огородных и технических культур и, как правило, закреплены за ними земля, хозяйственные постройки, рабочий и продуктивный скот, сельскохозяйственный инвентарь и машины[62]. Эта работа при наличии хуторской системы имела особо важное значение для создания общественного хозяйства колхозов и налаживания в них общественного труда.

Возросшая помощь братских народов СССР позволила расширить сеть машинно-тракторных станций, оснастить их новейшими тракторами, сельскохозяйственными машинами и инвентарем. В результате к концу 1950 г. в республике работало 113 МТС, в которых насчитывалось свыше 3,5 тыс. тракторов и необходимый к ним прицепной инвентарь и машины[63]. В 1949 г. в школах механизаторских кадров массовой квалификации было подготовлено 3,2 тыс. механизаторов, в том числе 2,9 тыс. трактористов, а за 1950—1951 гг.—11,5 тыс. человек, в том числе 9,5 тыс. трактористов[64].

На этой основе увеличивалась производственная помощь колхозам со стороны государства. Так, если в 1949 г. МТС республики выработали 471 тыс. га условной пахоты, то в 1950 г. — 814,7 тыс. га, а в 1951 г. — 2 067,5 тыс. гектаров[65].

Кроме производственной помощи, государством оказывалась колхозам республики большая материально-финансовая поддержка. В 1949 г., например, было отпущено 122 тыс. т минеральных удобрений, 9,6 тыс. т семенной ссуды, 105 тыс. куб. м лесоматериалов, большое количество сельскохозяйственного инвентаря, автомашин и много различных материалов и оборудования, а также выделено свыше 32,1 млн. руб. долгосрочных кредитов на строительство, а также приобретение скота[66].

Благодаря этой помощи молодые колхозы республики успешно развивали общественное хозяйство. В 1949 г. они вырастили урожай зерновых культур примерно на 15—20% выше, чем в индивидуальных крестьянских хозяйствах. После выполнения плана хлебозаготовок, засыпки

---

[61] Партархив ЦК КП Литвы, ф. 1771, оп. 51, д. 261, л. 40; «Стенограмма III республиканской межсоюзной конференции профсоюзов от 20—22 марта 1951 г.», стр. 31.

[62] Агрономический отчет Министерства сельского хозяйства Литовской ССР за 1949 г. (секретариат Министерства сельского хозяйства Литовской ССР), стр. 99—200.

[63] Сводный годовой отчет МТС республики за 1950 год (Министерство сельского хозяйства Литовской ССР).

[64] Статистическая летопись 1945—1956 гг. о подготовке сельскохозяйственных кадров (отдел подготовки сельскохозяйственных кадров Министерства сельского хозяйства Литовской ССР).

[65] Сводные годовые отчеты МТС республики за 1948—1951 гг. (планово-финансовый отдел Министерства сельского хозяйства Литовской ССР).

[66] Агрономический отчет Министерства сельского хозяйства Литовской ССР за 1949 г. (секретариат Министерства сельского хозяйства Литовской ССР), стр. 84; годовой отчет о кредитовании колхозов за 1949 год (Республиканская контора Сельхозбанка Литовской ССР).

семенных и других общественных фондов ими было выдано колхозникам на трудодень в среднем по 3,8 кг зерна [67].

Производственные успехи молодых колхозов имели огромное значение для победы колхозного строя в республике. Убедившись в преимуществах коллективного хозяйства перед индивидуальным, трудящиеся крестьяне под руководством и при помощи партийных и советских организаций стали в массовом порядке объединяться в коллективные хозяйства. К середине 1950 г. в коллективные хозяйства объединились 74% всех крестьянских хозяйств.

Наиболее медленно проходила коллективизация в Варенском, Алитусском, Пренайском, Лаздийском и в ряде других уездов, где было объединено немногим больше 30% крестьянских хозяйств. Главной причиной этого отставания явилось, как отмечалось в постановлении ЦК ВКП(б) от 14 февраля 1952 г. «О работе Вильнюсского обкома КП(б) Литвы», недостаточное руководство со стороны партийных и советских организаций делом коллективизации крестьянских хозяйств, слабо развернутая политическая и организаторская работа среди сельского населения по объединению крестьянских хозяйств в сельскохозяйственные артели и организационно-хозяйственному укреплению вновь созданных колхозов. Другой причиной отставания было запугивание трудящихся крестьян со стороны отдельных представителей разгромленных буржуазно-националистических групп.

Ликвидация старого административного деления в республике и установление в ней районов, а также создание политотделов МТС в июле 1950 г. приблизили партийные и советские организации к селу, к массам, что способствовало коренному улучшению всей политической и организаторской работы в деревне. ЦК КП Литвы и вновь созданные обкомы партии приложили много усилий для укрепления кадров на селе. За счет республиканских городов, бывших уездных и волостных центров они направили тысячи лучших коммунистов и беспартийных активистов на работу в аппарат райкомов партии и райисполкомов, в МТС, совхозы, колхозы и другие сельские организации. Всего с середины 1950 до конца 1952 г. было послано на постоянную работу в деревню только на номенклатурные должности обкомов партии свыше 11,6 тыс. человек, в том числе 5,5 тыс. коммунистов и комсомольцев [68].

Вновь созданные райкомы и политотделы МТС развернули активную деятельность по дальнейшему социалистическому преобразованию литовской деревни. Особое внимание они уделяли расширению и укреплению партийных и комсомольских организаций в колхозах и МТС, а также улучшению их работы. В результате число колхозных партийных организаций выросло с 284 в начале 1950 до 973 к концу 1952 г., а количество коммунистов-колхозников увеличилось за это время с 1 250 до 5 020 человек [69]. К концу 1952 г. в колхозах, совхозах и МТС насчитывалось до 2 тыс. комсомольских организаций, объединивших около 16 тыс. комсомольцев [70].

Для успешного завершения коллективизации крестьянских хозяйств в республике большое значение имела работа партийных и советских органов по укрупнению мелких колхозов, развернувшаяся в соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР от 7 июля 1950 г. «Об

[67] Там же.

[68] Сведения К. Ю. Озарской о составе сельских работников номенклатуры обкомов, райкомов ЦК КП Литвы на 1 января 1953 г. от 23 мая 1958 г. (сектор учета кадров ЦК КП Литвы).

[69] Статистический отчет, форма № 2 о составе Коммунистической партии Литвы на 1 января 1950 и 1 января 1953 г. (сектор партстатистики и единого партбилета ЦК КП Литвы).

[70] Статистический отчет, форма № 6 о численном составе комсомольских организаций Литовской ССР за 1950—1952 гг. (сектор комсомольского учета и статистики ЦК ЛКСМ Литвы).

укрупнении мелких колхозов». В результате объединения мелких сельско хозяйственных артелей число колхозов в республике уменьшилось 6,5 тыс. в 1950 г. до 2,6 тыс. к концу 1953 года. В среднем на один укруп ненный колхоз приходилось по 160 колхозных дворов, 820 га посевн 140 лошадей, 156 голов крупного рогатого скота, в том числе 53 коровы и 260 голов мелкого скота [71].

В связи с укрупнением колхозов со всей остротой встала задач дальнейшего укрепления их кадрами, так как многие руководящие кол хозные работники к тому времени были вчерашними крестьянами-еди ноличниками, при этом, как правило, недостаточно подготовленными не имевшими опыта руководящей работы. ЦК КП Литвы и Совет Ми нистров Литовской ССР, партийные и советские организации республик со второй половины 1950 г. начали подготовку и переподготовку колхоз ных кадров. К концу второго полугодия 1950 г. было уже обучено свыш 13 тыс. человек, в том числе 1 987 председателей колхозов, 1 395 брига диров полеводческих бригад, 1 550 заведующих животноводческим фермами и 2 545 счетоводов [72]. Неослабно шла подготовка и переподго товка колхозных кадров и в последующие годы. За 1951 и 1952 гг. был обучено свыше 28 тыс. человек колхозного актива [73].

Вновь созданные райкомы КП Литвы и политотделы МТС развер нули активную идеологическую работу среди населения. Они вели широ кую пропаганду основ марксизма-ленинизма, повышали политико-тео ретический уровень коммунистов, беспартийного актива и интеллиген ции, неустанно пропагандировали преимущества крупного социалисти ческого хозяйства перед индивидуальным хозяйством, мобилизовывал колхозников на борьбу за организационно-хозяйственное укреплени колхозов.

В результате большой и многосторонней работы, проведенной Ком мунистической партией Литвы на селе, колхозы значительно окрепли были достигнуты крупные успехи в завершении коллективизации крест янских хозяйств республики. На 1 января 1953 г. 97% крестьянски дворов в Литве было коллективизировано [74]. К этому времени осталос всего лишь 10 тыс. единоличных крестьянских хозяйств, которые в по следующие два года присоединились к уже существовавшим колхозам

Таким образом, колхозный строй победил в Литве окончательно навсегда. Социалистические производственные отношения установили в республике повсеместно. Был ликвидирован последний эксплуататор ский класс — кулачество, а вместе с ним и эксплуатация человека чело веком. Это была огромная победа трудящегося крестьянства Литвы, до стигнутая в результате правильной марксистско-ленинской политик Коммунистической партии и Советской власти, активной поддержки тру дящихся всего Советского Союза, благодаря повседневной и конкретно помощи коммунистам Литвы со стороны Центрального Комитета КПС в проведении социалистического преобразования сельского хозяйств республики.

★

С установлением колхозного строя в сельском хозяйстве Литвы, ка и в промышленности, были созданы необходимые предпосылки для дал нейшего развития сельскохозяйственного производства, а вместе с те

[71] «Народное хозяйство Литовской ССР». Статистический сборник. Вильнюс. 195 стр. 137.

[72] Отчет о работе Министерства сельского хозяйства Литовской ССР за 1950 г (секретариат Министерства сельского хозяйства Литовской ССР).

[73] Отчет о работе Министерства сельского хозяйства Литовской ССР за 1951- 1952 гг. (секретариат Министерства сельского хозяйства Литовской ССР).

[74] В. Аугустинайтис. Задачи новой пятилетки в развитии сельского хозяйств Литовской ССР. «Коммунист». (Вильнюс), 1953, № 1, стр. 23.

и непрерывного повышения благосостояния тружеников деревни. Однако возможность еще не есть действительность.

В своем докладе на декабрьском (1958 г.) Пленуме ЦК КПСС Н. С. Хрущев говорил: «Социалистическая форма хозяйства, будучи самой прогрессивной, может показать невиданные темпы роста общественного производства. Эта форма организации может дать наилучшие результаты при условии, если будут приведены в действие великие силы революционного энтузиазма масс, если будет последовательно соблюдаться принцип материальной заинтересованности тружеников сельского хозяйства в развитии общественного производства»[75].

Следует отметить, что к моменту завершения коллективизации достаточно крепкого общественного хозяйства ни в колхозах, ни в совхозах республики еще не было.

Важнейшие отрасли колхозного производства, прежде всего производство зерна, мяса и молока, находились на сравнительно невысоком уровне[76].

Недостаточный уровень сельскохозяйственного производства, особенно продуктов животноводства в колхозах и совхозах Литовской ССР был результатом прежде всего отсталости сельского хозяйства, унаследованной от буржуазного строя и еще более усиленной фашистской оккупацией, последствия которой все еще сильно чувствовались в деревне. Вместе с тем другой важнейшей причиной такого положения в деревне явилось неудовлетворительное руководство сельским хозяйством со стороны многих партийных, советских и сельскохозяйственных органов республики, нарушение принципа материальной заинтересованности колхозников в общественном производстве, слабое вовлечение колхозников, рабочих и специалистов сельского хозяйства в борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов.

Эти недостатки во всем сельском хозяйстве страны, вскрытые партией, болезненно сказывались и на неокрепшем еще колхозном производстве Литвы. «Наша партия на сентябрьском (1953 год), февральско-мартовском (1954 год), январском (1955 год) и последующих Пленумах ЦК, на XX съезде КПСС,— говорил Н. С. Хрущев,— разработала крупные, поистине революционные меры по дальнейшему укреплению колхозного строя, развитию совхозов и резкому увеличению производства зерна, продуктов животноводства, подъему всех отраслей сельского хозяйства»[77].

Руководствуясь этими решениями и учитывая указание сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС о том, что «материальные условия и возможности, которые создаются для подъема сельского хозяйства, сами по себе не дадут должного эффекта без улучшения деятельности партийных организаций»[78], Коммунистическая партия Литвы развернула огромную работу на селе по организационно-хозяйственному укреплению колхозов и совхозов, крутому подъему сельскохозяйственного производства.

ЦК КП Литвы, городские и районные комитеты партии много сделали для укрепления кадрами сельских партийных, советских, хозяйственных и других организаций. За 1955—1956 гг. было послано из Вильнюса, Каунаса, Клайпеды, Шяуляя и Паневежиса в сельские районы на различную ответственную работу около 700 коммунистов, выдвинуто на долж-

---

[75] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (15—19 декабря 1958 года)». Стенографический отчет. Госполитиздат. 1958, стр. 6.

[76] Сводные годовые отчеты колхозов республики за 1953 год (Оргколхозное управление Министерства сельского хозяйства Литовской ССР).

[77] «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (15—19 декабря 1958 года)», стр. 471.

[78] «Партия — организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР». Сборник документов (1953—1958 гг.), Госполитиздат, 1958, стр. 45.

ность председателей колхозов только в счет «30-тысячников» почти 1 300 человек из числа коммунистов и беспартийного актива [79].

В 1953 г. всего лишь 6% председателей литовских колхозов имели высшее и среднее образование, а к концу 1958 г. их стало более 40%. Около 80% председателей колхозов являются членами партии, в то время как в 1953 г. их было всего 46%. В сельском хозяйстве Литвы работают сейчас 1 170 инженерно-технических работников, свыше 40% которых имеет высшее образование, 2 200 специалистов сельского хозяйства трудятся в настоящее время непосредственно в колхозах республики [80].

Одновременно партийные организации республики расширяли и укрепляли сеть низовых партийных и комсомольских организаций в деревне. За счет вновь принятых в ряды партии и комсомола, а также коммунистов и комсомольцев, посланных на постоянную работу в деревню, за период 1953—1958 гг. были созданы сотни новых партийных и комсомольских организаций в колхозах, МТС и совхозах. На 1 января 1959 г. в 1 768 колхозах (81,4%) имелись партийные организации, в которых на учете состояло свыше 12 тыс. коммунистов. Всего к тому времени непосредственно в колхозах, РТС, ММС и совхозах насчитывалось 1 997 первичных партийных организаций и партийно-кандидатских групп, объединивших свыше 15 тыс. коммунистов, или 55,8% членов и кандидатов партии, состоявших на учете в партийных организациях сельских районов республики [81]. К этому времени комсомольские организации были созданы в 1 954 из 2 170 колхозов, а также во всех совхозах, РТС, ММС республики, объединив в своих рядах свыше 19,6 тыс. комсомольцев [82].

В целях улучшения руководства сельским хозяйством партийные органы республики, следуя указаниям ЦК КПСС, провели реорганизацию аппарата сельских райкомов партии и сельскохозяйственных органов. Работники райкомов КП Литвы стали больше оказывать помощь низовым партийным организациям в политической и организаторской работе на селе, в развертывании социалистического соревнования среди тружеников деревни. Особенно это соревнование развернулось после XX съезда КПСС.

Наряду с улучшением партийно-политической работы среди тружеников сельского хозяйства и усилением агрозоотехнической помощи колхозам и совхозам укреплялась материально-техническая база сельского хозяйства республики. Благодаря постоянной заботе ЦК КПСС и Советского правительства Литовская ССР, как и другие братские республики, из года в год получала во все большем количестве тракторы, комбайны, различные сельскохозяйственные машины и инвентарь, горючее, минеральные удобрения и другие материалы.

О размерах этой помощи можно судить по данным о поступлении сельскохозяйственной техники в Литовскую ССР за 1951—1957 гг., в течение которых было получено свыше 19,5 тыс. тракторов (в 15-сильном исчислении), 2 850 самоходных комбайнов, 11,3 тыс. тракторных плугов и 44,7 тыс. различных сельскохозяйственных машин, а также десятки тысяч единиц различного сельскохозяйственного инвентаря и сотни тысяч запасных частей к тракторам и сельскохозяйственным машинам [83].

---

[79] Подсчеты произведены на основании материалов отдела сельского хозяйства и сектора учета кадров отдела парторганов ЦК КП Литвы.

[80] См. «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (15—19 декабря 1958 г.)», стр. 367.

[81] Статистический отчет, форма № 2 о составе партийной организации Литовской ССР (сектор партстатистики и единого партбилета ЦК КП Литвы).

[82] Статистический отчет за 1958 год о составе комсомольской организации Литовской ССР (сектор комсомольского учета ЦК ЛКСМ Литвы).

[83] Расчеты произведены на основании архивных материалов Сельхозснаба Министерства сельского хозяйства Литовской ССР; «Тиеса», 24 января 1956 г.; годовые отчеты Министерства совхозов Литовской ССР за 1951—1957 годы.

За это же время сельское хозяйство республики получило свыше 2 150 тыс. т минеральных удобрений [84]. Государственные капиталовложения за указанные годы составили в сельском хозяйстве Литвы 1 506,8 млн. руб., а выделенные сельскохозяйственные кредиты для колхозов — свыше 800 млн. рублей [85].

За 1953—1957 гг. только колхозами было построено 807 новых конюшен на 26,7 тыс. лошадей, 1 282 коровника на 132,4 тыс. голов, 1 427 свинарников на 270,6 тыс. голов, сооружено много сотен других животноводческих, складских, хозяйственных и культурно-бытовых построек [86].

О неуклонном развитии общественного хозяйства колхозов наглядно свидетельствует ежегодный прирост стоимости основных средств производства колхозов и совхозов республики. Если стоимость основных средств производства в колхозах к концу 1953 г. составила 709 млн. руб., а в совхозах —406,1 млн. руб., то в 1957 г. она выросла в колхозах до 1 406,2 млн. и в совхозах — до 633,4 млн. руб., или увеличилась соответственно в 2 и 1,6 раза [87]. Сумма неделимых фондов в колхозах за это время увеличилась с 508,1 млн. руб. до 934,5 млн. руб., или выросла в 1,8 раза [88].

Выполняя решения пленумов ЦК КПСС и XX съезда партии, а также соответствующие решения пленумов ЦК и съездов КП Литвы, коммунисты республики, несмотря на огромные хозяйственные трудности, возникшие вследствие крайне неблагоприятных климатических условий в 1954—1955 гг., добились значительных успехов в организационно-хозяйственном укреплении колхозов и совхозов, в подъеме сельскохозяйственного производства и увеличении натуральных и денежных доходов колхозников. Посевные площади сельскохозяйственных культур составили в 1957 г. по всем категориям хозяйств по сравнению с 1952 г. 103%, урожайность зерновых культур повысилась на 25,4%, валовой сбор зерна увеличился по сравнению с 1956 г. на 28%, картофеля — на 15% и сахарной свеклы — на 85% [89].

Еще более значительные успехи были достигнуты в развитии колхозного и совхозного животноводства. Количество крупного рогатого скота в колхозах и совхозах возросло к началу 1958 г. до 388,7 тыс. голов, в том числе коров — до 219 тыс. и свиней — до 502,4 тыс. голов, или увеличилось по сравнению с 1952 г. соответственно на 11, 63,5 и 80% [90]. К этому времени поголовье крупного рогатого скота по всем секторам хозяйства уже достигло уровня 1941 г., а по свиноводству этот уровень значительно превзойден.

В 1958 г. на 100 га сельскохозяйственных угодий по всему сельскому хозяйству Литвы произведено молока 363 ц и мяса 46 ц в убойном весе, в том числе в колхозах и совхозах — молока 120 ц против 48 ц и мяса 17 ц против 8 ц в 1953 году. Колхозы и совхозы произвели молока в 2,3 раза, а мяса почти в 2 раза больше, чем в 1953 году [91].

---

[84] Расчеты произведены на основании данных отдела учета и отчетности Министерства сельского хозяйства Литовской ССР и планового отдела Министерства совхозов Литовской ССР за 1951—1957 годы.

[85] Расчеты сделаны на основании архивных материалов Республиканской конторы Сельхозбанка Литовской ССР.

[86] Расчеты произведены на основании материалов Управления сельского строительства при Совете Министров Литовской ССР за 1953—1957 годы.

[87] Сводные годовые отчеты колхозов и совхозов республики за 1953 и 1957 годы.

[88] Сводные годовые производственные отчеты колхозов республики за 1953 и 1957 годы (Оргколхозное управление Министерства сельского хозяйства Литовской ССР.)

[89] Расчеты произведены на основании данных Статистического управления Литовской ССР об урожайности сельскохозяйственных культур республики и годовых отчетов колхозов и совхозов республики за 1957 год.

[90] Сводные годовые отчеты колхозов и совхозов республики за 1957 год.

[91] См. «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (15—19 декабря 1958 года)», стр. 365—366.

В результате роста урожайности сельскохозяйственных культур увеличения поголовья скота и повышения его продуктивности в республике из года в год возрастала сдача и продажа продуктов государству. В 1958 г., например, было сдано и продано государству молока на 25 тыс. т и мяса на 37,7 тыс. т больше, чем в предыдущем году, или соответственно в 3,9 и 4,7 раза больше, чем в 1948 году [92].

За успехи в развитии сельского хозяйства Президиум Верховного Совета СССР Указом от 5 апреля 1958 г. наградил 2 529 колхозников, рабочих МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, партийных, советских и комсомольских работников Литовской ССР орденами и медалями СССР, а 22 наиболее выдающимся труженикам сельского хозяйства республики присвоил звание Героя Социалистического Труда [93].

Неуклонный рост общественного производства, а также повышения Советским правительством заготовительных и закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию из года в год увеличивали денежные и натуральные доходы колхозов. В 1958 г. общие денежные доходы колхозов республики возросли по сравнению с 1953 г. в 4,3 раза [94].

Новый семилетний план развития сельского хозяйства ставит ответственные задачи перед работниками литовской социалистической деревни.

Мудрые мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства, направленные на дальнейшее развитие колхозного строя, мощный подъем сельского хозяйства в нашей стране, утвержденные XXI съездом КПСС контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг., создают прочную основу для новых успехов всех советских народов в строительстве коммунизма.

---

[92] Расчеты произведены на основании материалов Статистического управления Литовской ССР о заготовке и закупке сельскохозяйственных продуктов за 1948—1958 годы.

[93] «Советская Литва», 6 апреля 1958 года.

[94] См. «Пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза (15—19 декабря 1958 года)». стр. 366.

К ВОПРОСУ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА в 60—80-х годах XIX века

И. Ф. Гиндин

Экономическая политика царского правительства, которая стала во второй половине XIX в. выражать интересы союза крепостников-помещиков и крупного капитала, за последние десятилетия почти не изучалась в советской литературе. Между тем эта политика оказывала большое влияние на экономическое развитие страны. Содействуя некоторыми своими сторонами дальнейшему развитию капитализма в России, она в то же время углубляла его противоречия и неравномерность и, в частности, способствовала — еще до начала эпохи империализма — централизации капиталов в ряде отраслей промышленности, на транспорте и в банках.

Оказывая активное воздействие на хозяйственное развитие страны, экономическая политика, в свою очередь, сама определяется в условиях классового эксплуататорского общества стихийными законами. «Все правительства, даже самые абсолютистские, в конечном счете только исполнители экономической необходимости, вытекающей из положения страны» [1],— писал Ф. Энгельс.

Экономическая политика служит как непосредственным экономическим интересам господствующих классов, так и укреплению их политического господства. Между этими двумя ее целями нет расхождений в странах, где произошла буржуазная революция и у власти находится крупная буржуазия. В России же вплоть до 1917 г. у власти находились крепостники-помещики, а крупная буржуазия должна была довольствоваться ролью их союзника. Классовая природа самодержавия предопределяла то, что одной из важнейших целей экономической политики правительства являлось возможно более длительное сохранение полукрепостнических отношений в деревне. В то же время сохранение и укрепление господства помещиков в период капитализма были возможны лишь при условии движения страны вперед по капиталистическому пути. Для царизма такая политика была средством укрепления власти помещиков и сохранения полукрепостнической эксплуатации крестьянства. Таким образом, «буржуазная» экономическая политика правительства, пытавшегося совместить интересы капиталистического развития с сохранением полукрепостнических латифундий, была глубоко противоречивой. К тому же при всем стремлении правительства удовлетворять повседневные экономические требования помещиков она постоянно приходила в столкновение с этими требованиями [2].

При всей противоречивости и непоследовательности экономической политики царизма содействие капиталистическому развитию России после реформы 1861 г. стало все же главным ее направлением [3].

---

[1] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». М. 1947, стр. 133.

[2] Например, усиленный протекционизм в области промышленности или же отказ от бумажноденежного обращения в 1895—1897 годах.

[3] В официальных документах, разумеется, говорится не о капиталистическом развитии страны, а о необходимости создания железных дорог, собственной промышленности и т. п.

В. И. Ленин еще в работах 90-х годов называл Россию страной «в которой правительство так благосклонно и угодливо к капиталу, как нигде», и указывал на большое влияние капиталистов наряду с помещиками «на правительство и на государственные дела» [4]. Он отмечал, что «правительство по каждому поводу спрашивает обыкновенно их (помещиков и капиталистов.— *И. Г.*) мнение» [5]. В 1905 г. В. И. Ленин дал по этому вопросу еще более исчерпывающую формулировку: «Зависимость самодержавия от буржуазии всея России есть самая сильная материальная зависимость...» [6]. Он охарактеризовал по существу и главное направление экономической политики царского правительства после 1861 г.: «...со времени самой этой освободительной реформы с особенной энергией, — правительство наше «поддерживало, охраняло и создавало» только буржуазию и капитализм...». Такая его деятельность «совпала именно с историческим периодом, характеризующимся во внутренней жизни развитием товарного хозяйства, торговли и промышленности...». «...То же «абсолютное» правительство,— заключал В. И. Ленин, имея в виду дореформенный период, — при других условиях внутренней жизни «поддерживало», «охраняло» и «создавало» другой класс...» [7].

Вместе с тем В. И. Ленин вскрыл причины непоследовательности и противоречивости «буржуазной» политики царского правительства: «...интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов, и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы в с е й буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию» [8].

Немалое значение для объективных последствий экономической политики имеет вопрос о способах и методах ее проведения [9]. При рассмотрении этого вопроса основное, принципиальное значение имеет различие между широкими мерами, направленными на создание общих условий для развития капиталистических отношений, и особыми методами, с помощью которых осуществлялось непосредственное государственное воздействие на экономику.

По сравнению с периодом первоначального накопления и империализмом для домонополистического капитализма характерно незначительное непосредственное вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Экономическая политика на этом этапе в целом соответствует общеклассовым интересам крупной буржуазии и направлена на укрепление внутри страны общих условий для свободного развития капитализма. Те способы, которыми создаются указанные общие условия, состоят конкретно в развитии путей сообщения и средств связи, в промышленном и торговом законодательстве, обеспечивающем «свободу предпринимательской деятельности», в таможенной охране, в поддержании устойчивого денежного обращения и т. п. Оборотной стороной создания общих условий является отказ от непосредственной поддержки отдельных капиталистических групп и предприятий и от широкого государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

В странах с запоздалым капиталистическим развитием (Россия, Япо-

---

[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 93, 95.
[5] Там же, стр. 95.
[6] В. И. Ленин. Соч. Т. 9, стр. 368.
[7] В. И. Ленин. Соч. Т. 1, стр. 241—242.
[8] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 312.
[9] Не следует смешивать этот вопрос с вопросом об отраслевых видах экономической политики (промышленной, аграрной, торговой, кредитной, финансовой и т. д.). Каждая из них имеет свои специфические особенности и в гораздо большей мере, чем главное направление, отражает (наряду с общеклассовыми) более частные интересы отдельных групп господствующих классов.

ния), где сохранялись полукрепостнические отношения, общие меры экономической политики и даже высокая таможенная охрана оказывались недостаточными, и здесь особенно ярко проявилось многостороннее государственное вмешательство в хозяйственную жизнь в целях форсирования капиталистического развития. Поскольку применение методов, характерных для раннего капитализма, происходило в России в несравненно большем масштабе и многообразии, они приобрели качественно новый характер. Всю эту систему государственного вмешательства в отличие от характерных для периода домонополистического капитализма общих мер экономической политики можно назвать ее особыми методами. Наиболее существенными, отличительными чертами их были: большое развитие непосредственных хозяйственных функций государства (казенные предприятия, банки, другие крупные имущества и т. д.), прямое участие государства в учреждении частных капиталистических предприятий и банков, прямое вмешательство его в пользу отдельных крупных предприятий и банков вплоть до искусственного ограждения их от конкуренции и, наконец, широкое финансирование их. «Не подлежит сомнению,— писал Ф. Энгельс,— что нынешний внезапный рост современной «крупной промышленности» в России был вызван искусственными средствами — запретительными пошлинами, правительственными субсидиями и т. п.» [10].

Специфические методы прямого государственного вмешательства и поддержки как крупного капитала, так и помещиков в России не раз отмечал В. И. Ленин. Он впервые вскрыл классовую сущность неуставных ссуд Государственного банка [11], являвшихся важнейшей формой финансирования крупных предприятий и одним из методов спасания их во время кризисов. В. И. Ленин следующим образом характеризовал развитие России между 1861 и 1905 гг.: «В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху» [12].

Само собой разумеется, что тезис Ф. Энгельса о влиянии искусственных средств на рост крупной промышленности, как и приведенное выше высказывание В. И. Ленина о насаждении капитализма сверху, не имеют ничего общего с идеалистическими представлениями народников об искусственном насаждении капитализма. Эти положения указывают на влияние, которое оказала на капиталистическое развитие экономическая политика государства, и в то же время на ее специфические методы («правительственные субсидии», «насаждение»).

В период домонополистического капитализма Россию от всех основных капиталистических стран (кроме Японии) отличало многостороннее вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Поэтому именно изучение особых методов экономической политики царизма дает возможность лучше всего понять ее сущность и воздействие на хозяйственное развитие страны.

Среди многообразных способов осуществления экономической политики меры финансовой политики выделяются своей действенностью. Однако в России, где самодержавие удовлетворяло известные интересы господствующих классов, представляя собой до известной степени самостоятельную организованную политическую силу [13], влияние финансовой политики

---

[10] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», стр. 131.

[11] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 307—308.

[12] В. И Ленин. Соч. Т. 16, стр. 300.

[13] В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 144.

на экономическое развитие страны было также противоречивым. И подобно тому, как содействие экономическому развитию являлось для правительства прежде всего средством укрепления власти помещиков, хозяйственный рост страны рассматривался нередко в качестве средства обеспечения и увеличения государственных доходов. Что же касается широко проводившегося государственного финансирования предприятий и банков, то, не укладываясь в рамки финансовой или кредитной политики и сильно обременяя бюджет, оно не имело ничего общего с капиталистическим кредитом и финансированием, противоречило их элементарным началам и даже коммерческому расчету и представляло собой один из важнейших особых методов экономической политики царского правительства. «Каждый общественный строй возникает лишь при финансовой поддержке определенного класса. Нечего напоминать о тех сотнях и сотнях миллионов рублей, которые стоило рождение «свободного» капитализма» [14]. Это указание В. И. Ленина охватывает не только расходы на ведение колониальных войн в период первоначального накопления, ранний государственный долг и т. д., но также и возникновение и развитие на государственные средства новых капиталистических предприятий. Такое характерное для раннего капитализма государственное финансирование именно в России приняло исключительные по своим масштабам размеры в период домонополистического капитализма.

★

Проводя сверху ликвидацию крепостнических отношений, царское правительство «сделало все возможное и невозможное, чтобы удовлетворить алчность «обижаемых» крепостников» [15]. Оно сохранило помещикам не только огромные латифундии и возможность полукрепостнической эксплуатации крестьян, но и значительную часть феодальной ренты в виде доходов по выкупным ценным бумагам. Выкупные платежи крестьян вместе с оброчной и подушной податями, унаследованными от крепостнического периода, стали основой государственных финансов. Налоговая реформа Бунге, направленная в действительности не столько на облегчение податного бремени, сколько на более равномерное его распределение между бывшими помещичьими и бывшими государственными крестьянами, почти не улучшила их положения. Вплоть до революции 1905—1907 гг. правительство ограничивалось тем, что в отдельных случаях снижало выкупные платежи там, где их поступление становилось явно нереальным из-за огромных недоимок и расходов на так называемую продовольственную помощь крестьянам во время голодовок, и особенно там, где сильно проявлялось революционное движение.

К этому надо добавить непрерывный рост косвенных налогов, ложившихся всей тяжестью на трудящиеся массы. В то же время царское правительство установило для помещиков налоги в ничтожных размерах и крайне умеренно облагало буржуазию. Помещики погасили 75% своей задолженности дореформенным банкам выкупными платежами, на что потребовалось только 316 млн. руб., остальные 586 млн. руб. они получили на руки. Сверх того дворянство сумело получить в 60—70-х годах 476 млн. руб. ссуд в новых земельных банках. В период реакции 80-х годов для него была создана система благотворительного государственного ипотечного кредита. Это увеличило на сотни миллионов рублей отвлечение средств русского денежного рынка, который и без того не мог удовлетворить потребность железнодорожного строительства и растущей промышленности в денежных капиталах. Немало средств поглощали и государственные займы для покрытия бюджетных дефицитов. В этих неблагоприятных условиях основное направление экономической

[14] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 429.
[15] В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 395.

политики заключалось все же в способствовании развитию страны по пути капитализма.

В опубликованных еще в 1910 г., но не привлекавших до сих пор внимания историков докладах министра финансов Рейтерна (они были написаны в 60—70-х гг.) [16] отчетливо обрисована основная цель экономической политики царского правительства — сохранение сильного государства крепостников-помещиков. Крымская война показала, пишет Рейтерн, что «без железных дорог и механической промышленности Россия не могла считаться вне опасности в собственных ее границах и что ее влияние на судьбы остальной Европы должно пасть на степень, не согласную с ее внутренним могуществом и историческим значением» [17]. Рейтерн высказывает и другую характерную мысль: «Опыт доказал, что при крепостном праве рассчитывать на улучшение финансов было невозможно, потому что улучшение это должно быть последствием экономического развития, а сие последнее несовместно с крепостным положением народа» [18]. Это означало, что экономическая политика, особенно в то время, рассматривалась сквозь призму финансовых интересов государства. В докладах Рейтерна точно указаны и основные направления экономической политики, которые должны были содействовать развитию капитализма в стране: частный кредит, устройство путей сообщения, развитие механических производств.

Многолетний опыт и печальные результаты казенного хозяйства (дореформенных банков, а также горных заводов) заставили царское правительство делать ставку на развитие частной инициативы в области железнодорожного строительства, коммерческих и земельных банков, промышленной и торговой деятельности. Вместе с тем в докладе Рейтерна 1866 г., как и в более поздних, звучит один лейтмотив: без самого широкого привлечения иностранных капиталов невозможно ни сооружение железных дорог, ни обеспечение необходимыми капиталами промышленности и торговли. Страна была почти лишена денежных капиталов, и Рейтерн считал это прямым следствием использования в дореформенный период почти всех накопленных денежных капиталов для увеличения паразитического потребления помещиков и крепостнического государства.

Создание железнодорожной сети, указывается в докладе, является главным путем ускорения экономического роста страны и улучшения государственных финансов. Поэтому именно для железнодорожного строительства должны в первую очередь привлекаться иностранные капиталы. Под этим же углом зрения рассматриваются в докладе вопросы денежного обращения и внешней торговой политики. После неудачной попытки в 1862—1863 гг. ввести размен кредитных билетов на металлические деньги Рейтерн пришел к выводу, что переход к твердой валюте должен быть отложен. В ближайшее время, по его мнению, следовало ограничиться поддержкой устойчивости валютного курса, как необходимого условия прилива иностранных капиталов. Для осуществления такого курса намечались значительное превышение вывоза товаров над ввозом, а также новые заграничные займы. Эти два способа, которые обстоятельно изложены в докладах, красной нитью проходят через всю экономическую политику правительства вплоть до 1914 года.

---

[16] «М. Х. Рейтерн. Биографический очерк». СПБ. 1910, приложения, стр. 64—187.

[17] Там же, стр. 162. Более четкую формулировку этой же исходной позиции «буржуазной» экономической политики дал много лет спустя Витте. См. доклад Витте 1900 г., опубликованный в журнале «Историк-марксист», 1935, № 2—3, и доклад 1899 г. (Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), ф. 601, д. 1026) с протоколом его обсуждения. Витте пишет, что создание промышленности является «коренной не только экономической, но и политической задачей» Российской империи (1899 г.), и всячески подчеркивает, что промышленное отставание страны грозит самодержавию потерей его политического могущества (1900 г.).

[18] «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 162.

Таким образом, обеспечив интересы помещиков и всячески усилива: дополнительную эксплуатацию трудящихся города и деревни, царско правительство положило в основу своей экономической программы же: лезнодорожное строительство, организацию кредитной системы и созда ние «механической» промышленности, то есть некоторых отраслей ма шиностроения и металлургии. Выделение их объясняется тем, что раз: витие их нельзя было в то время ускорить одними протекционистским: мерами. Наоборот, для легкой промышленности существовавшая уже первой половине XIX в. высокая таможенная охрана стала основной и ре шающей мерой промышленной политики. Под ее влиянием главные от расли легкой промышленности настолько окрепли, что при снижени таможенных тарифов в 1857 и в 1868 гг. [19] их продукция с 1860 по 1880 г увеличилась в 2,5—3 раза [20]. Ставка на развязывание частной инициативы и широкое привлечение капиталов из-за границы при двукратном сниже нии таможенных пошлин изображалась в русской буржуазной литературе начиная с 80-х годов, как проявление буржуазно-либеральных тенденци в экономической политике правительства в 60—70-х годах. На самом же деле последнее не собиралось пассивно выжидать, пока «частной инициа тивой» русского и иностранного капитала будет построена железнодорож ная сеть, разовьются кредитная система и «механическая» промышлен ность. Правительство и после реформы 1861 г. не отказывалось от далек идущего вмешательства в хозяйственную жизнь и «опеки» над частны ми предприятиями. Оно так и не стало последовательно на путь установ ления фактически и посредством определенного торгово-промышленного законодательства «свободы предпринимательской деятельности». Эта ли ния ярче всего проявилась в отношении акционерных обществ и особенн банков.

Государственное вмешательство и «опека» частных предприятий имел ли в России не только более чем полуторавековую историю, но и суще ственную материальную базу. Огромные имущества государства: ка зенные земли и леса, государственные имения и крупные мануфактуры особенно в металлургии, почти столетняя монополия в области банков ского кредита — все это до реформы непосредственно служило укрепле нию и сохранению крепостнических отношений. В промышленности на глядным примером государственного вмешательства являлась систем казенного надзора над горными заводами.

Накануне реформы были ликвидированы казенные банки, но вмест них создан Государственный банк, надолго занявший ключевые позиции в области банковского кредита. Остальные же имущества и предприяти оставались по-прежнему в руках государства. В период домонополисти ческого капитализма сфера государственного хозяйства значительно рас ширилась, главным образом за счет железных дорог. Огромные военны расходы царского правительства еще более усиливали казенный спро на промышленную продукцию. Казенные заказы, государственное неком мерческое финансирование и, наконец, непосредственное вмешательств в виде законодательных или административных мер были направлен после 1861 г. на форсирование капиталистического развития, прежде все го тех отраслей, которые имели решающее, по официальной терминоло

[19] Переход от запретительной к более умеренной таможенной политике име целью удешевить импортные товары, которые внутри страны не производились, сократить контрабандный ввоз товаров, в результате которого снижался таможе ный доход. Значительное уменьшение пошлин на металлы объяснялось стремлени удешевить железнодорожное строительство, нужды которого старая металлурги Урала не в состоянии была удовлетворить. Что касается легкой промышленности, таможенная охрана оставалась на достаточно высоком уровне и после введени тарифа 1868 г.— от 20 до 36% к стоимости ввозимых товаров (см. М. Н. Соболе Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск. 1911, стр. 311

[20] По данным, приведенным в работе А. Ф. Яковлева «Экономически кризисы в России». М. 1955, таблицы на стр. 91, 114, 138.

гии, «государственное значение». Если в периоды экономического подъема все перечисленные средства использовались для форсирования развития указанных отраслей, то в годы кризисов и застоя государственное вмешательство выражалось в поддержке и сохранении привилегированных отраслей, в мерах по спасанию от банкротства пошатнувшихся банков и предприятий «государственного значения», вплоть до искусственного поддержания их деятельности казенными заказами на продукцию, не имевшую сбыта, или ограждения их от «излишней» конкуренции.

Среди мер государственного вмешательства одним из наиболее действенных являлось финансирование. В транспортном машиностроении, металлургии и военной промышленности оно переплеталось с казенными заказами, в других отраслях и в железнодорожном строительстве имело решающее значение. Большую роль играло государственное финансирование и в том случае, если надо было спасать акционерные и другие банки. Такое финансирование осуществлялось за счет средств казначейства, причем на практике стиралась грань между возвратными и безвозвратными суммами, между казначейскими ссудами и субсидиями, между отсрочками по платежам налогов (акцизов) и их списанием.

Важнейшим органом государственного финансирования являлся Государственный банк. Не будучи до денежной реформы 1895—1897 гг. эмиссионным, но являясь крупнейшим в стране коммерческим банком, он вместе с тем резко отличался как от центральных, так и от коммерческих банков других капиталистических стран. Большая доля его средств отвлекалась в 60—80-х годах на нужды казначейства, на поддержку государственного кредита и т. п. Значительная часть операций Государственного банка по кредитованию хозяйства была весьма необычной для банков периода домонополистического капитализма. За учетно-ссудными операциями Государственного банка скрывалось широкое использование его средств для финансирования поддерживаемых правительством отраслей, предприятий и банков. Последнее специально оформлялось в каждом отдельном случае докладами министра финансов и разрешениями царя. Эти «нарушения» устава банка стали постоянной формой его деятельности [21]. Финансирование носило форму долгосрочных ссуд, выдававшихся банком на 3—5, иногда 10 лет или же неоднократно продлевавшихся дополнительными разрешениями на еще большие сроки, тогда как по уставу предельными сроками кредита были 6—9 месяцев, а в исключительных случаях — 12—15 месяцев. Обеспечением ссуд служили недвижимые имущества (земли, фабрики, заводы), что исключалось уставом банка, или такие акции и облигации предприятий, под залог которых банк по уставу не имел права выдавать даже краткосрочных ссуд. Государственный же банк выдавал их и на таких условиях, которые противоречили элементарным хозяйственным основам ипотечного кредита в специальных земельных банках. В качестве товарного обеспечения принимался даже такой неслыханный в мировой банковской практике «товар», как паровозы. Ссуды под акции и облигации предприятий также носили некоммерческий характер. Когда в канун эпохи империализма коммерческие банки начинают широко кредитовать и финансировать промышленность, они сознательно идут на длительную увязку своих средств ради получения крупных учредительских и спекулятивных доходов и могут финансировать в том числе и пошатнувшиеся предприя-

[21] «И если ни в одной стране в мире нет такого множества законов и правил... то ни в одной стране в мире не нарушаются так легко эти буржуазные правила и так легко не обходят эти полицейские законы по одному милостивому соизволению высшего начальства. А в этом милостивом соизволении никогда не отказывают» (В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 95). Эта характеристика широко иллюстрируется всей практикой неуставного использования средств Государственного банка и казначейского финансирования по «высочайшим соизволениям».

тия, чтобы установить над ними контроль и получить таким образом особые выгоды. Ничего общего с этим не имели долгосрочные ссуды Государственного банка. Не предоставляя ему никаких особых выгод (даже проценты по ним были пониженные, некоммерческие), они могли принести и фактически приносили лишь крупные убытки [22].

Помимо долгосрочных ссуд, к тому же типу операций приближались и все другие виды кредитования хозяйства, кроме вексельных операций [23].

Таким образом, Государственный банк не был коммерческим банком в обычном смысле, то есть таким органом денежно-кредитной политики, какими были центральные банки других капиталистических стран. В качестве подсобного органа Министерства финансов Государственный банк широко использовался для осуществления экономической политики методами государственного вмешательства. Некоммерческое финансирование производилось как из средств казначейства, так и из средств Государственного банка, причем четкого разделения между обоими источниками не было.

Политика форсирования железнодорожного строительства, организации кредитной системы, развития транспортного машиностроения и других отраслей «механической» промышленности, всяческого поощрения дельцов-учредителей усиленно проводилась в 60—70-х годах. После кризиса 1873 г. и особенно в связи с обострением его последствий в 1875—1876 гг. отчетливо выступила оборотная сторона государственного вмешательства — помощь и спасание пошатнувшихся и банкротившихся промышленных предприятий и банков, а вместе с тем и дельцов-учредителей, крупных сахарозаводчиков и т. д. Правительство стало выдавать многомиллионные долгосрочные ссуды [24] из Государственного банка и крупные уставные по форме кредиты. Оно не жалело средств для того, чтобы спасти предприятия и капиталистов, деятельности которых придавалось «государственное значение».

Принимая ряд мер для искусственного ограничения конкуренции между банками и между промышленными предприятиями, правительство еще до начала реакции 80-х годов окончательно распростилось с идеями экономического либерализма, влияние которых на его политику 60-х годов крайне преувеличивала буржуазная литература [25]. Это с предельной ясностью выражено в «финансовом завещании» Рейтерна 1876 г., где он категорически высказывается за ограничение конкуренции, за активное противодействие «эксцессам» учредительства и биржевой спекуляции

---

[22] Документы банка не дают возможности подсчитать общую сумму убытков по долгосрочным ссудам. О величине их свидетельствует следующий пример. Многолетнее финансирование Мальцовских заводов к моменту их перехода в 1894 г. к другим капиталистам достигло 14 млн. руб., из них: ссуды Дворянского банка — 2,5, казначейские — 5,4; из Государственного банка — 6 млн. рублей. Из долга казначейству 0,4 млн. руб. списано и 3,5 млн. руб. рассрочены покупателям до 1918 г.; из долга Государственному банку не взыскано и списано в убыток в 1908 г. 2,5 млн. руб. (Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. 1263, алф., 1894, III (обозначение месяца — *И. Г.*), д. 5054, лл. 277—325; ф. 583, оп. 3, д. 847, лл. 26—28).

[23] Вексельные кредиты в домонополистический период являлись важнейшей операцией коммерческих банков и обеспечивали потребности торгово-промышленного оборота в средствах.

[24] По многим отдельным документам Комитета министров (ЦГИАЛ, ф. 1263), Особенной канцелярии по кредитной части (ф. 583), Государственного банка (ф. 587) и его Петербургской конторы (ф. 588) удалось насчитать за 70-е годы 123 неустанные ссуды на 53 млн. руб., из них машиностроительным и металлургическим предприятиям и разным крупным капиталистам — 41 млн. руб. и помещикам — 12 млн. руб., в том числе сахарозаводчикам — 9 млн. рублей. Кроме того, 15 железнодорожным дельцам было выдано ссуд на 41 млн. руб. из того же Государственного банка.

[25] Такая оценка была настолько общепринятой, что П. И. Лященко, не располагая для этого другими источниками, повторил ее в основных чертах (см. П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. II. М-Л. 1952, стр. 176—177).

и возводит долгосрочные ссуды пошатнувшимся предприятиям и банкам в ранг необходимых мер экономической политики [26].

В главных своих чертах политика правительства в период реакции 80-х годов не претерпела принципиальных изменений. Рассмотрение экономической политики через призму государственных финансов, покровительство и воспособление крупным предприятиям и банкам, ставка на привлечение иностранных капиталов, форсирование экспорта, равно как и активизация торгового и платежного баланса, подготовка денежной реформы, возложение основных налоговых тягот на крестьянство и трудящихся города были прямым продолжением политики 60—70-х годов. Не являлось принципиально новым и усиление протекционизма (начатое Рейтерном в 1877 г. огульным увеличением тарифа почти на 50%) сначала по фискальным мотивам, а затем под лозунгом усиленного покровительства отечественной промышленности, завершившееся высокопротекционистским тарифом 1891 года.

Весьма существенной, но не новой чертой экономической политики во время реакции 80-х годов явилось усиление финансовой поддержки помещиков. Последнее выразилось в создании Дворянского банка с его системой льготного ипотечного кредита, то есть в еще большем отвлечении внутренних денежных капиталов в пользу помещиков. К мерам того же порядка следует отнести введение сахарной нормировки в интересах сахарозаводчиков, усиление в 1890 г. субсидирования помещичьего винокурения, отчасти также снижение железнодорожных тарифов на перевозки хлеба.

О полной преемственности экономической политики ярче всего свидетельствует то обстоятельство, что Бунге накануне своего назначения министром финансов оценивал крайне отрицательно методы государственного вмешательства. В своем до сих пор не известном историкам докладе царю он дал уничтожающую характеристику результатов правительственной поддержки пошатнувшихся предприятий и высказался в том смысле, что основная задача государственной власти заключается в создании общих условий (законодательство и т. п.) для самостоятельного, без прямой правительственной поддержки, развития промышленности и в освобождении правительства от покрытия убытков железных дорог [27]. Став министром, Бунге практически продолжал прежнюю политику поддержки уральских магнатов, воспособления особо привилегированных заводов транспортного машиностроения и рельсового производства. В области же спасания банков он и Вышнеградский превзошли своих предшественников. В условиях замедленного экономического развития и даже некоторого хозяйственного застоя 80-х годов главным направлением государственного вмешательства стало уже не насаждение новых предприятий и банков, а поддержка и сохранение существующих.

Методы государственного вмешательства и финансирования особенно широко применялись в области железнодорожного строительства, судьба которого целиком зависела от привлечения иностранных капиталов. Преобладавшее в России с 60-х почти до конца 80-х годов частное железнодорожное строительство и хозяйство, по существу, велось на государственные средства, что приводило к огромному обогащению железнодорожных дельцов за счет казначейства. Сравнение сложившихся тогда порядков с частным строительством и эксплуатацией дорог в других странах показывает, что в России сложилась своеобразная система частнокапиталистического хозяйства с самым широким участием государства и его вмешательством в пользу дельцов ради создания в кратчайшие сроки железнодорожной сети в стране. При огромном расточительстве госу-

---

[26] «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 155—157.
[27] ЦГИАМ. ф. 678. оп. 1. д. 673, лл. 6—8, 12—14.

дарственных средств эта цель все же была достигнута: к концу 70-х годов Россия имела железные дороги протяжением в 21 тыс. верст.

Одним из первых объектов правительственной поддержки в области промышленности непосредственно после реформы явилась металлургия Урала и Центрального района. Оказанная ей в самом начале 60-х годов помощь казначейскими ссудами была прямым продолжением сложившейся еще в крепостнический период системы государственной поддержки горнозаводских магнатов. Сохраняя ее в новых условиях, царское правительство по своей классовой природе не могло допустить здесь полную свободу капиталистических отношений, на чем настаивали буржуазно-либеральные экономисты. Однако с конца 60-х годов главное внимание правительства переключилось на создание железнодорожной сети и непосредственно обслуживавшую ее промышленность. В этих условиях прямая финансовая поддержка старой металлургии, как показывают документы, стала ограниченной. Все же она сыграла немаловажную роль в укреплении более благополучных заводов и сохранении огромных латифундий горнозаводских магнатов. В конечном итоге правительственная политика препятствовала коренной капиталистической перестройке старой металлургии и задержала преодоление того крайне длительного застоя, в котором она находилась. Такая политика продолжалась, в сущности, до начала второго десятилетия XX в., то есть до перехода важнейших уральских заводов в руки крупных банков на выгодных для старых владельцев условиях.

При полной исторической преемственности методов экономической политики до и после 1861 г. главным стало использование их в новом направлении — для развития подлинно капиталистических предприятий в тяжелой промышленности. Для создания транспортного машиностроения и рельсового производства (а также военной промышленности) были предприняты самые разнообразные меры [28]. Заказы частных железнодорожных обществ на рельсы и оборудование за границей были значительно ограничены, а затем и вовсе запрещены. По мере роста отечественных заводов усиливалась вначале невысокая таможенная охрана и одновременно выплачивались правительством премии за каждый производимый паровоз или пуд рельсов. Огромные казенные заказы по завышенным ценам давались на много лет вперед [29], причем частные железнодорожные общества обязывались принимать продукцию, изготовленную по этим заказам. Предоставление заказов сопровождалось крупным казначейским финансированием в оборотные средства в виде многолетних «задаточных денег», погашавшихся заводами по мере поставки, и годовых авансов. Такого рода воспособление оказывалось в широких размерах ряду предприятий. Новым же или переоборудовавшимся старым заводам предоставлялись, кроме того, долгосрочные ссуды из Государственного банка [30], и правительство принимало прямое участие в образовании

---

[28] См. «Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета министров». Исторический очерк. Т. IV. СПБ. 1902, стр. 203—276.

[29] А. Антипов («Обзор правительственных мероприятий по развитию в России металлической промышленности». СПБ. 1879) дает сумму казенных заказов с 1844 по 1879 г. в 168 млн. руб., что несколько преувеличено. Все внутреннее производство паровозов, вагонов и рельсов в 1844—1868 гг. составило не более 35 млн. руб., массовые же заказы начались с 1868 года. На основании упомянутого издания Комитета министров заказы 1868—1879 гг., по нашим подсчетам, составили сумму в 115 млн. рублей. В 80-х годах, когда спрос железных дорог резко сократился, казенные заказы и закупки, служившие не расширению, а сохранению созданных заводов, составили, по ряду архивных документов, еще примерно 45 млн. рублей. Кроме того, были выплачены заводам премии по частным заказам в 1877—1887 гг. порядка 15—17 млн. рублей. В указанные цифры не входят заказы Военного и Морского министерств.

[30] Долгосрочные и другие неуставные ссуды предприятиям транспортного машиностроения и рельсовым заводам составили за 1876—1887 гг. 35 млн. рублей.

необходимых им капиталов. За счет казначейских средств приобретались по полной номинальной цене целые выпуски облигационных займов ряда заводов (Коломенского, Невского и др.) [31]. Морское министерство стало владельцем значительной части акций Обуховского и Балтийского заводов [32], хотя формально они сделались казенными лишь в 90-х годах.

В результате к концу 70-х годов были созданы или развернуты крупнейшие (с 2—3 тысячами рабочих) предприятия транспортного машиностроения, рельсового производства и военной промышленности. Достаточно назвать Коломенский, Сормовский, Невский, Мальцовские (в области вагоно- и паровозостроения), Путиловский, Брянский, Варшавский, Обуховский, Балтийский и другие заводы [33]. В связи с сильным сокращением железнодорожного строительства после войны 1877—1878 гг. производственные возможности заводов транспортного машиностроения и даже рельсовых значительно превысили потребность железных дорог. Чтобы сохранить заводы, правительство стало на путь их искусственной поддержки [34]. Паровозостроительным заводам сперва были выданы миллионные ссуды Государственным банком под залог паровозов, изготовленных впрок, без заказов. Затем правительство приобрело эти не нашедшие сбыта паровозы. Потом под сооруженные вновь паровозы Государственный банк открыл кредиты, и опять эти локомотивы были приобретены в казенный запас [35]. В течение 1879—1883 гг. правительство все еще надеялось на возможность усиления железнодорожного строительства, и казенные запасы достигли четырехлетней потребности железных дорог в паровозах. После этого было решено передавать из казенного запаса на железные дороги ежегодно не более 50 паровозов (10,4% запаса), остальные же нужные для частных дорог 70 паровозов заказывать двум заводам. Одновременно путем принудительных мер правительство добилось полной консервации третьего, наиболее мощного, Невского завода [36].

Поддержка деятельности рельсовых заводов была осложнена тем, что Государственный банк в 1876 г. приобрел Путиловский завод. Этим актом хотели спасти от банкротства самого Путилова и связанных с ним дельцов, сохранить самый завод, а главное, предотвратить банкротство крупных банков, предоставивших значительные средства Путилову [37]. И после того, как стал сокращаться спрос на рельсы, Путиловский завод продолжал изготовлять их полным ходом, а банк все увеличивал ссуды под не имевшую сбыта продукцию. В конечном итоге вложения Государственного банка в завод с 1876 по 1883 г. достигли 16 млн. руб., в том числе под не имевшие сбыта рельсы — 11 млн. рублей [38]. В 1882 г. правительство стало прямым (негласным) участником первого в России синдиката — рельсовых заводов, так как в него вошел Путиловский за-

---

[31] ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., 1876, VI, д. 3645, лл. 33—43 (по Невскому заводу), и др.

[32] Там же, ф. 583, оп. 4, 287, лл. 444—446; д. 296, лл. 8—11; ф. 1263, алф., 1894, XII, д. 5070, лл. 29—30; 1883, журн. 25 января, 20 октября, 26 декабря.

[33] А. Антипов (указ. соч., стр. 49) насчитывал в 1879 г. всего 5 паровозостроительных, 12 вагонных, 8 рельсовых, а также 47 «производящих разные железнодорожные принадлежности» заводов.

[34] Из указанных выше 35 млн. долгосрочных ссуд более 19 млн. руб. в 80-х годах были выданы четырем заводам — Коломенскому, Невскому, Мальцовским и Путиловскому.

[35] ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 513, лл. 9—10; ф. 1263, алф., 1882, X, д. 4255, лл. 345—349; 1880, XII, д. 4119, лл. 205—213; 1883, X, д. 4328, лл. 92—102; ф. 583, оп. 4, д. 289, лл. 211—212, 244—247, д. 290, лл. 44—46; см. также ф. Государственного совета в Публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, ГС-20 (записка министра финансов Бунге от 12 марта 1882 года).

[36] ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., 1884, VI, д. 4387, лл. 492—509; ф. 560 (общей канцелярии Министерства финансов), оп. 35, д. 575, и ряд других документов.

[37] Там же, ф. 583, оп. 4, д. 287, лл. 49—53.

[38] Там же, д. 293, л. 105.

вод [39]. Чтобы прекратить финансирование последнего, решено было продать его во что бы то ни стало. Естественной была в этих условиях продажа его на очень выгодных для покупателей условиях двум другим участникам синдиката. Все изготовленные рельсы пошли на увеличение казенного запаса. Поддержка же рельсовых заводов, и в частности синдиката, продолжалась путем выдачи им новых заказов при весьма ограниченном «выпуске» рельсов из казенного запаса (13% в год) [40]. Лишь возобновление железнодорожного строительства в самом конце 80-х годов вывело правительство из тупика, в который оно попало, поддерживая заводы, продукция которых не находила сбыта.

Меры прямого насаждения имели свою логику: они приводили к выделению небольшой группы особо привилегированных предприятий, а затем к поддержке их (когда они фактически превращались в банкротов или не имели сбыта) всеми способами, вплоть до искусственного ограждения от конкуренции. Однако, несмотря на огромные затраты, в 80-х годах не всегда удавалось спасти предприятия от закрытия или от официального объявления их банкротами. Зато всякий раз объективно достигался другой результат; сохранялось состояние владельцев заводов и даже происходило их обогащение, несмотря на фактическое банкротство. В периоды значительного форсирования воспособляемых отраслей политика правительства неизменно вела к такому дополнительному обогащению за счет государственных средств.

Другим, еще более важным следствием правительственной политики явилось образование в покровительствуемых отраслях весьма ограниченного числа очень крупных по тому времени заводов: в паровозостроении — всего трех (без казенных), в производстве рельсов — восьми, из которых главную массу казенных заказов выполняли всего три. Учредители новых заводов вообще не могли рассчитывать на успех без правительственной поддержки. Все это создавало для уже существовавших предприятий, по существу, полумонопольное положение. К тому же владельцам их нетрудно было договориться об объединении в монополистические союзы. И не случайно первый русский синдикат, а вслед за ним и другие (рельсовый и скреплений, железнодорожных принадлежностей, мостов и виадуков и т. д.) возникли именно в отраслях, которым покровительствовало правительство [41].

Цикл насаждения и сохранения предприятий тяжелой промышленности повторился в 90-х годах. Сначала во время промышленного подъема, на базе широко развернувшегося железнодорожного строительства правительство всячески форсировало развитие металлургических и машиностроительных старых и новых заводов. С наступлением кризиса 1900—1903 годов развернулась «борьба» с ним, в том числе усиленная поддержка металлургических и машиностроительных предприятий средствами Государственного банка, с переходом некоторых заводов в собственность государства [42].

Правительственная поддержка широко оказывалась крупным дельцам — учредителям разных промышленных предприятий. Это были лица самого различного происхождения: бывшие откупщики Кокорев и Бенардаки, железнодорожные дельцы, вроде Губонина, представители ранее неподвижного городского купечества, выходцы из дворянства, такие, как Башмаков.

---

[39] Там же, ф. 626, оп. 1, д. 687, лл. 2—12.

[40] Там же, ф. 1263, алф., 1884, III, д. 4380, лл. 255—276, и другие документы.

[41] Документы об этих синдикатах недавно впервые обнаружены В. И. Бовыкиным.

[42] См. некоторые данные в статье: И. Ф. Гиндин. Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства. «Исторические записки» № 35, 1950.

В русской буржуазной литературе крупнейший делец Кокорев изображался как наиболее яркая и независимая фигура среди предпринимателей середины XIX века [43]. Между тем его обширная коммерческая и учредительская деятельность в 40—80-х годах основывалась целиком на огромной правительственной поддержке. Этот делец находил ее не только в правительственном аппарате. Два генерал-губернатора в своих заключениях высказывались в пользу Кокорева, так как «деятельность такого крупного капиталиста имеет государственное значение». Кокорев успешно добивался в 1860—1866 гг. «льгот» по уплате своих долгов по откупам и в результате «заработал» на этом 2,4 млн. рублей. Подобного рода «льготы» предоставлялись также Бенардаки и другим откупщикам [44]. В 1876 г. Волжско-Камский банк Кокорева попал в затруднительное положение. Тогда Государственный банк довел кредитование указанного банка до 20 млн. руб., а затем забрал около 10—12 млн. руб. его замороженных активов [45]. Личная задолженность Кокорева Государственному банку достигла 4—5 млн. рублей. Одновременно Кокорев довел свой долг казначейству по акцизу за соль до 6,5 млн. руб. и начал добиваться новых льгот. Его вымогательство увенчалось успехом, он уплатил казначейству 2,5 млн. руб. наличными, а в погашение оставшихся 4 млн. руб. у него приняли земельные участки в Петербурге и Москве, оцененные казенной палатой всего в 1,2 млн. рублей [46]. Долг Кокорева Государственному банку, тянувшийся с 1876 г., был погашен его наследниками лишь в 1895 году. Мотивировалось такое отношение к этому дельцу его «заслугами» в области развития нефтяной промышленности, как учредителя (в 1859 г.) первого крупного предприятия — Бакинского завода (впоследствии Бакинского нефтяного общества). Освобождение Кокорева от платежей процентов по заложенным в Государственном банке акциям данного общества, по существу, было равносильно субсидии в 1,7 млн. рублей [47]. В общей сложности «деятельность» Кокорева обошлась государству, по нашим подсчетам, почти в 8 млн. рублей.

Аналогичный характер, хотя и в меньших масштабах, носила поддержка других дельцов-учредителей. Так, ссуда в 1,5 млн. руб., выданная в 1876 г. Государственным банком Башмакову на три года, была использована последним по другому назначению: на капиталовложения Богословского горного округа, купленного им у правительства за 2 млн. руб. с рассрочкой платежа на 37 лет, — а затем перешла на последующих покупателей округа и была им рассрочена до 1908 года [48].

Деятельность крупных дельцов не давала в короткие сроки осязательных результатов. Длительная поддержка их основывалась в значительной мере на убежденности высших царских чиновников в предпринимательской «одаренности» и «солидности» этих капиталистов.

Основным проводником правительственной политики являлось Министерство финансов (бывшее одновременно и Министерством промышленности и торговли) и отчасти Министерство путей сообщения. Вместе с тем весь государственный аппарат, не исключая и Министерство внутренних дел, и Военное министерство (и генерал-губернаторов на ме-

---

[43] См., например, К. А. Скальковский. Наши государственные и общественные деятели. СПБ. 1891, стр. 164—177.

[44] ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., начиная с 1860, XI, д. 2846, лл. 161—172, и кончая 1867, X. д. 3281, лл. 147—164.

[45] Там же, ф. 583, оп. 4, д. 286, лл. 471—479; д. 287, лл. 132—135, 175—176, 248—250; д. 288, лл. 265—269; д. 289, лл. 161—162; д. 290, лл. 36—37; ф. 588, оп. 2. д. 482, лл. 56—57, 72.

[46] Там же, ф. 1263, алф., 1878, XII, д. 3989, лл. 76—93; д. 3991, лл. 40—78.

[47] Там же, ф. 588, оп. 2, д. 482, лл. 119—123; д. 483, лл. 1, 50; д. 484, лл. 133, 162, 166, 184—188, 193, 200, 320, 325, 360; ф. 583, оп. 4, д. 293, лл. 205—208, 209—215; д. 297, лл. 119—127.

[48] ЦГИАЛ, ф. 1263, алф., 1896, V, д. 5198, лл. 198—199.

стах), Комитет министров, Государственный совет, был единым в про-
ведении политики поддержки железнодорожных дельцов, владельце-
крупных заводов «механической» промышленности, крупных дельцов-
учредителей. Александр III весьма сочувственно относился к слезны-
прошениям Кокорева, Губонина и других предпринимателей о новы-
льготах или списании задолженности [49]. Имущественное положение по-
добных дельцов, по мнению Комитета министров, «заслуживало попечи-
тельного отношения правительства».

Даже вексельное кредитование Государственным банком торгово-про-
мышленного оборота носило черты особой поддержки некоторых груп-
капиталистов: крупной московской буржуазии, киевских сахарозаводчи-
ков [50], отдельных крупных предпринимателей в других отраслях и районах
страны. Столь значительного преобладания крупных капиталистов в век-
сельном кредитовании в период домонополистического капитализма, как-
наблюдалось в России, не было в практике других стран и даже в прак-
тике самого Государственного банка России с середины 90-х годов.
К 1893 г. из 9 тыс. капиталистов, пользовавшихся вексельным кредитом
в банке, на 130 капиталистов с кредитом свыше полумиллиона рублей па-
дало более 40% общей суммы кредитов, на 560 капиталистов с кредитом
от 100 до 500 тыс. рублей — 20%, а на 6 тыс. капиталистов — всего 8%
общей суммы вексельных кредитов [51]. К этому надо добавить, что Госу-
дарственный банк собирал в своих 90 филиалах на вклады и текущие сче-
та столько же денежных капиталов, сколько все акционерные банки стра-
ны, вместе взятые, и большую долю местных средств перекачивал в Пе-
тербург, в том числе почти все средства из филиалов Сибири, Северного
Кавказа и Закавказья. Таким образом, решительно по всем направлениям
ярко выступает лицо Государственного банка, как банка для особо приви-
легированных и покровительствуемых в меньшей степени, но тоже после-
довательно, крупнейших и крупных капиталистов. Не только долгосроч-
ными ссудами, но и всей политикой в области вкладных и вексельных опе-
раций — а за его политикой следовали и акционерные банки — Государ-
ственный банк способствовал раннему и высокому уровню концентрации
промышленности в России, усилению в торговле крупной буржуазии за
счет средней и т. д.

Еще в начальной стадии развития капиталистической кредитной си-
стемы Министерство финансов и Государственный банк активно способ-
ствовали учредительству и укреплению банков путем кредитования и лич-
ного участия крупных чиновников в их учреждении и управлении. Пер-
вый русский коммерческий банк, основанный в 1863 г.,— Петербургское
общество взаимного кредита — возглавлялся по совместительству управ-
ляющим Государственным банком Ламанским и фактически превратился
в подсобный орган Государственного банка. Почти все по тому времени
значительные ресурсы общества направлялись на операции по учреди-
тельству первых железнодорожных компаний и акционерных банков,
затем на финансирование разных предприятий [52]. Делалось это как раз
в те годы (1863—1872), когда Министерство финансов и Государствен-
ный банк еще не стали на путь широкого использования средств самого
банка для долгосрочных ссуд. Министерство и банк стимулировали тогда

---

[49] Там же, ф. 583, оп. 4, д. 293, лл. 291—292; ф. 587, оп. 54, д. 6, л. 10 (в отно-
шении Милютина), и другие документы.

[50] О поддержке московского текстильного капитала см. подробнее: «Истори-
Москвы». Т. IV. М. 1954, стр. 216—218; «Исторические записки» Т. 58, стр. 64—77
Сахарозаводчики, помимо широкого кредитования под авансовые векселя, получал
в 70-х годах долгосрочные ссуды, в их интересах была введена сахарная нормировк

[51] Из внутренней объяснительной записки Государственного банка к отчет
за 1895 год. СПБ. 1896, стр. 11.

[52] Е. И. Ламанский. Из воспоминаний. «Русская старина», 1915, кн. X, гл. 1
стр. 66—68; кн. XI, стр. 210; Х. Х. Крюгер. Итоги 30-летней деятельности СПБ
общества взаимного кредита. СПБ. 1894; см. также годовые отчеты общества.

и акционерные банки развивать операции с ценными бумагами ради скорейшего образования для них рынка в виде фондовой биржи.

В 60-х годах Министерство финансов стояло за сравнительно (со всей последующей историей банков в России) широкое учредительство банков и считало желательным развитие конкуренции между ними. Под давлением Государственного совета Министерство финансов все же согласилось на издание в 1872 г. закона, которым запрещалось учреждение новых акционерных коммерческих банков во всех городах страны, где уже существовал хотя бы один акционерный банк. Это решение мотивировалось «нездоровой» конкуренцией банков, ведшей к повышению процентов по вкладам, к развитию операций с ценными бумагами и к биржевой спекуляции, что «должно» было повлечь за собой кризис[53]. К моменту издания закона в Петербурге действовало 4 акционерных коммерческих банка, в Москве — 5, но из основных провинциальных городов только в Киеве, Риге и Варшаве было по 2 банка, Нижний же Новгород, Харьков, Ростов и Одесса имели всего по одному акционерному банку.

После кризиса 1873 г. само Министерство финансов нашло издание закона о прекращении учредительства акционерных банков «благодетельным». С обострением же кризиса в 1875—1876 гг. акционерным банкам и обществам взаимного кредита была оказана огромная помощь. Министерство финансов спасало всеми имевшимися у него средствами явно банкротившиеся учреждения. Центральным эпизодом явилось описанное выше спасание Волжско-Камского банка, аналогичными методами предотвращалось банкротство Петербургского общества и других банков[54].

Запрещение учредительства новых и искусственное ограничение конкуренции создавали полумонопольное положение для уже существовавших банков. Правда, законом 1883 г. запрещение учреждения новых акционерных коммерческих банков было формально отменено. Явно запретительная политика сменилась строго ограничительной, поэтому общее число акционерных банков в России колебалось в пределах 33—45 вместо сотен, которые существовали в основных капиталистических странах. Широкое кредитование акционерных банков и обществ взаимного кредита Государственным банком производилось не только в моменты, когда эти учреждения испытывали затруднения (именно такова была практика центральных банков всех капиталистических стран), а носило более или менее постоянный характер и способствовало расширению их активных операций. При этом среди акционерных банков, а отчасти и среди обществ взаимного кредита выделялись банки-фавориты, которые пользовались усиленной и постоянной поддержкой.

Характерным и своеобразным выражением политики правительства в отношении банков являлась возникшая еще в 60-х годах, расширенная и обобщенная законом 1872 г. и дополненная в 1883 г. система банковского законодательства. Целью законодательства являлось регулирование деятельности банков, создание основы для широкого надзора за нею со стороны Министерства финансов и для вмешательства последнего в практику этих учреждений. Такого законодательства не было в других капиталистических странах вплоть до наступления общего кризиса капитализма[55]. Таким образом, Россия в этом смысле «опередила» на 50—60 лет капиталистический мир и как бы предвосхитила государственно-монополистический капитализм своими порядками: формально-

[53] ЦГИАЛ, ф. 1152, департамента государственной экономии Государственного совета, оп. VII т., 1869, д. 145, лл. 67—75; оп. IX т., 1872, д. 145, лл. 115—124.

[54] Там же, ф. 583, оп. 4, д. 288, лл. 258—261, и другие документы.

[55] См. «Wörterbuch der Volkswirtschaft». B. I. Jena. 1911, S. 340—342; J. Zahn. Die Bankaufsichtsgesetze der Welt. Herausg. Deutsches Institut für Bankwissenschaft und Bankwesen. 1937. Такие законы введены в большинстве стран только в 30-х годах XX века.

разрешительным, а по существу, запретительно-ограничительным порядком учреждения новых банков, регулированием их операций, введением обязательной публикации детальных банковских отчетов, мелочным надзором за деятельностью банков и правительственными ревизиями и наконец,—и это главное—практикой спасания пошатнувшихся банков. На Западе банковское законодательство и усиленное вмешательство государства в деятельность банков были вызваны расшатыванием всей системы капитализма. В России исторически раннее банковское законодательство и вся политика в отношении банков ставили целью форсирование учреждения и укрепление поздно возникших и с трудом развивавшихся капиталистических банков.

Банки и их заправилы заняли среди всех покровительствуемых капиталистических предприятий и групп особое положение еще и потому, что банкам приписывалась ключевая роль в возникновении экономических кризисов. На этих путаных теоретических позициях Министерство финансов стояло с 70-х вплоть до 1914 года [56]. Неотъемлемой частью «борьбы с кризисами» стало воздействие на биржу — сначала на валютный курс и на курс государственных бумаг, а с 900-х годов — для противодействия «необоснованному» снижению курса не только этих бумаг, но и акций крупных банков и предприятий тяжелой промышленности. В конечном счете правительственное вмешательство с «пожертвованием» государственных средств было призвано локализовать «хозяйственные потрясения» в самом широком смысле, что больше всего шло на пользу крупному капиталу и почти всегда крупным банкам.

Главным итогом всей правительственной политики в отношении коммерческих банков являлась исторически чрезвычайно ранняя централизация капиталов в немногих банках. Объективной ее основой была слабость учредительства банков в начальный период создания кредитной системы. Эта тенденция во много раз усиливалась политикой правительства и в особенности запрещением, а затем резким ограничением учреждения новых банков. В конечном счете условия монополизации кредита с наступлением периода империализма оказались в России существенно отличными от других капиталистических стран. Здесь стихийный процесс монополизации кредита в начале XX в. протекал на базе существования всего лишь 43 акционерных коммерческих банков, среди которых 5 крупных уже охватывали 41% совокупных пассивов всех банков, а еще с 7 банками — 69% [57]. Правительственное вмешательство в дела банков сопровождалось широким и непосредственным участием крупных чиновников в делах акционерных банков, начиная с их учреждения в 60—70-х годах. Это создавало предпосылки для быстрого и широкого сращивания банковских монополий с правительственным аппаратом.

Активную роль сыграла правительственная политика в привлечении иностранных капиталов. Правительственные гарантии доходов по железнодорожным займам и выпуск их в твердой валюте стали основной формой импорта капиталов до 90-х годов. Роль иностранных капиталов в широком смысле, включая временное участие и кредитование, в промышленности, торговле, банках до 90-х годов остается неизученной. По свидетельству отдельных правительственных документов, эти капиталы имели существенное значение уже в 70-х годах [58]. С проведением денежной реформы правительство в 90-х годах стало на путь активного содействия вложениям иностранных капиталов в самые различные отрасли, в первую очередь в тяжелую промышленность. Оно поощряло импорт капиталов в таких формах, которые делали иностранных владельцев

---

[56] «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 140, 156—157; «Государственный банк. Краткий очерк деятельности 1860—1910», СПБ. 1910, стр. 52.

[57] И. Ф. Гиндин. Русские коммерческие банки. М. 1948, стр. 57, 61, 95.

[58] «М. Х. Рейтерн», приложения, стр. 164—165.

хозяевами многих крупных предприятий в России; на последние распространялись такие виды государственной поддержки, как казенные заказы в металлургии и машиностроении.

★

Вынужденное своей экономической политикой содействовать развитию капитализма, царское правительство, несомненно, оказало определенное влияние на ускорение этого процесса. В наибольшей степени этому способствовали форсирование железнодорожного строительства и поддержка банков в начальный период формирования кредитной системы. Для ускорения развития промышленности в целом высокая таможенная охрана имела несравненно большее значение, чем методы государственного вмешательства. Решающая роль последних сказалась лишь в форсировании развития некоторых отраслей тяжелой промышленности.

В то же время экономическая политика и ее объективные результаты были глубоко противоречивыми. Сохранение полукрепостнических отношений в деревне и дополнительные формы эксплуатации крестьян государством противоречили интересам капиталистического развития России. Суживая внутренний рынок, они замедляли темпы экономического роста страны. Задерживая процессы накопления капиталов и направляя значительную часть их на непроизводительные нужды государства и паразитическое потребление помещиков, экономическая политика правительства усиливала и без того большое несоответствие между потребностью промышленности и других отраслей хозяйства в новых капиталах и наличием их в стране. Именно поэтому типичные для периода домонополистического капитализма средства экономической политики: таможенная охрана промышленности, развитие путей сообщения и средств связи, торгово-промышленное законодательство и т. п., — направленные на создание общих условий для свободного развития капиталистических отношений, тесно переплетались с мерами особого поощрения крупного капитала, отдельных отраслей или предприятий. Оборотной стороной подобных мер форсирования развития некоторых отраслей методами государственного вмешательства являлось сохранение привилегированных отраслей теми же способами во время экономических кризисов и хозяйственного застоя, спасание пошатнувшихся крупных предприятий и банков. Все это вылилось в своеобразную систему «борьбы с кризисами» мерами государственного вмешательства, нигде, кроме России, не проводившейся вплоть до наступления общего кризиса капитализма. Эта политика «борьбы с кризисами», а также всякого рода «хозяйственными потрясениями» препятствовала свойственной капиталистическому хозяйству стихийной чистке и объективно могла влиять лишь на затягивание кризиса и последующей депрессии.

Свойственный особенно рассматриваемому периоду подход к экономической политике с точки зрения государственных финансов делал непоследовательными и общие меры создания условий для развития капиталистических отношений. Таковы чисто фискальное таможенное обложение многих видов сырья, длительная задержка в 80-х годах железнодорожного строительства, годами проводившаяся в государственном бюджете «экономия» на так называемых производительных расходах. Выделяя, за вычетом железнодорожных расходов, подавляющую часть бюджета на содержание военно-полицейского аппарата, правительство отпускало ничтожные суммы на развитие водно-шоссейных путей сообщения, средств связи, на специальное и техническое образование.

Даже широкое использование особых методов экономической политики для развития капиталистических отношений проводилось непоследовательно и далеко не давало тех результатов, которых непосредственно добивалось царское правительство. Считая железнодорожное строитель-

ство главным звеном ускорения экономического развития страны, правительство порою из чисто финансовых соображений сокращало строительство железных дорог. Насаждая и укрепляя коммерческие банки как другое решающее условие развития промышленности и торговли, правительство фактически способствовало такому направлению их деятельности, которое далеко не обеспечивало потребности торгово-промышленного оборота в кредите. Насаждение крупных предприятий «механической» промышленности дало им одностороннее развитие, рассчитанное в основном на спрос со стороны железных дорог и непосредственно казны. Эти предприятия при сокращении казенного спроса с трудом перестраивались на изготовление других видов продукции. В результате само правительство вынуждено было в 80-х годах заставлять особо привилегированные заводы сокращать производство и даже принимать, например, принудительные меры к закрытию Невского завода. Поддержка дельцов—учредителей разных промышленных предприятий, несмотря на огромные «пожертвования» средств казначейства и Государственного банка, не привела к сколько-нибудь прочному развитию основанных этими дельцами предприятий.

Действительным результатом экономической политики правительства, независимо от конкретных ее целей, являлось прежде всего дополнительное обогащение крупного капитала или, по крайней мере, когда проводилось спасание крупных предприятий и банков от краха,— сохранение личных состояний их владельцев. При высокой норме эксплуатации в России уровень промышленной и торговой прибыли был и без того огромный. В. И. Ленин указывал, что царизм с его политическим угнетением и бесправием рабочего класса и крестьянства обеспечивает русской буржуазии уровень прибыли, в 2—3 раза превышающий европейский, обеспечивает ей «обломовски-доходные» формы эксплуатации [59].

Всеми своими мерами особого поощрения экономическая политика создавала еще большую заинтересованность крупного капитала, а тем более его отдельных групп, в существовании самодержавия, то есть укрепляла союз крепостников-помещиков с крупным капиталом. Система особого поощрения создавала типичную для России «ходатайствующую» промышленность». Таким образом, правительство укрепляло сильные еще в буржуазии черты хищника первоначального накопления. В 1907 г. В. И. Ленин охарактеризовал наиболее влиятельную часть русского крупного капитала — октябристскую буржуазию, именно как «хищника эпохи первоначального накопления» [60]. Объективно политика дополнительного искусственного обогащения крупного капитала ослабляла его активность, особенно стимулы к проникновению в новые отрасли, и способность к конкуренции на внешних рынках. Отсюда ожидание правительственной помощи и даже инициативы в таких «новых» для русской буржуазии делах, как освоение металлургических и нефтяных районов Юга и Закавказья, как строительство элеваторов, организация морского транспорта или, позднее, учредительство банков за границей.

В особых методах экономической политики, где одним из главных способов являлось непосредственное государственное финансирование капиталистов и помещиков, крупный капитал занимал явно преобладающее место. Размеры финансирования транспортного машиностроения и новой металлургии во много раз превысили затраты казначейства и Государственного банка на поддержку старой уральской металлургии. Не знающая границ поддержка дельцов-учредителей типа Кокорева во много раз превзошла воспособление титулованным сахарозаводчикам, этим наиболее капиталистически модернизированным помещикам. В целом все было направлено на то, чтобы сделать Государственный банк банком для круп-

[59] См. В. И. Ленин. Соч., Т. 18, стр. 268.
[60] В. И. Ленин. Соч. Т. 13, стр. 108.

ных и крупнейших капиталистов и всячески оградить его от поползновений на чрезвычайное финансирование со стороны помещиков. Наконец, железнодорожная политика с ее системой обогащения железнодорожных дельцов превзошла все то, что было сделано для помещиков с прямым «пожертвованием» государственных средств через Дворянский банк (с его списаниями недоимок и искусственно заниженными процентами по ссудам), скрытым субсидированием сельских винокуренных заводов и т. д.— вплоть до «ссуд» и субсидий лицам из дворянских верхов, близким к царскому окружению.

Все это создавало весьма любопытное положение. Экономическая политика правительства, отвечавшая в конечном счете коренным интересам помещиков, вела к противоречиям с их повседневными экономическими интересами и, во всяком случае, не могла удовлетворять их непомерные аппетиты и претензии на субсидирование из государственных средств. Именно тем, что крупный капитал поддерживался государственными средствами в несравненно больших размерах, чем помещики, и объясняется «критика», а временами и резкое недовольство экономической политикой царского правительства (особенно политикой Витте) со стороны наиболее реакционной части помещиков-крепостников [61].

Важным вторичным следствием всей экономической политики правительства являлось значительное проникновение иностранного капитала в хозяйство страны. Слабость процесса накопления внутренних капиталов усугублялась их непроизводительным использованием государством и помещиками, а это повышало потребность в иностранных капиталах. Недостаточная активность русского крупного капитала вела к тому, что иностранный капитал стал проникать в русскую промышленность в форме не только ссудного, как это было в железнодорожном строительстве, но и промышленного капитала (позднее финансового капитала). Итогом последовательно проводившейся правительством линии на привлечение иностранного капитала явился беспрецедентный рост внешней государственной задолженности с 500 млн. руб. в 1861 г. до 3 млрд. руб. в 1893 году. Таким образом, экономическая политика царского правительства способствовала усилению зависимости России от иностранного капитала.

Вся эта политика и меры особого поощрения усиливали еще в период домонополистического капитализма процессы концентрации производства в промышленности и централизации капитала в крупных банках. При большом недостатке капиталов в стране вмешательство государства в хозяйственную жизнь и искусственное ограничение конкуренции способствовали образованию крупных предприятий и банков, представлявших собою полумонополии. Немногочисленным в своей отрасли особо привилегированным предприятиям нетрудно было организоваться в первые монополистические объединения. И не случайно первые синдикаты возникли как раз в тех отраслях (в производстве рельсов и транспортном машиностроении), в которых применялись методы особого поощрения. Более того, эти синдикаты возникли при прямом участии правительства или же при его несомненном содействии. С вступлением России в эпоху империализма в этих отраслях в течение немногих лет образовались мощные монополистические объединения, сумевшие быстро охватить решающую часть отраслевого производства, такие, как Продамет, Продвагон и синдикаты машиностроительных заводов — поставщиков по казенным заказам.

Политика поддержки и опеки акционерных банков, в особенности искусственное ограничение конкуренции, привела еще в домонополистический период к такому преобладанию небольшого числа крупных банков,

---

[61] См. «Замечания министра финансов С. Ю. Витте на записку губернских предводителей дворянства о нуждах дворянского землевладения». «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 122—155.

какого не было тогда в других капиталистических странах. С наступлением эпохи империализма это способствовало крайне быстрому процессу и высокой степени монополизации кредита даже по сравнению с основными капиталистическими странами.

Меры особого поощрения весьма рано, еще с 60-х годов, приводили к непосредственной материальной заинтересованности высших царских чиновников в «процветании» отдельных предприятий и банков. Всячески оберегая в качестве представителей помещичьего государства интересы крепостников-помещиков, царские сановники и крупные чиновники все сильнее связывались с интересами отдельных банков и предприятий путем прямого участия в их учредительстве, а затем и в управлении. Под давлением поместного дворянства и по прямому указанию Александра III это «совместительство» было в годы реакции 80-х годов запрещено. Однако запрет не достиг цели. Казенные заказы, казначейское и неуставное финансирование, разрешительная система учредительства акционерных обществ и любого изменения их уставов оставались питательной средой для тесных связей крупных чиновников с заправилами банков и предприятий и, конечно, для взяточничества. Воспособление, контроль и помощь отдельным предприятиям приводили к участию чиновников в правлениях предприятий и банков, каждый раз с особого «высочайшего разрешения». Наконец, возможность для высших чиновников участвовать своими личными «сбережениями» во владении акциями и в биржевых спекуляциях создавала их тесную непосредственную заинтересованность в делах крупной буржуазии.

В сущности, отношения, складывавшиеся в России на почве многостороннего государственного вмешательства в пользу крупных предприятий и банков еще в период домонополистического капитализма, во многом предвосхищали формы отношений, характерные для государственно-монополистического капитализма. Все это привело к исключительно раннему исторически проявлению государственно-монополистических тенденций в России. Еще на рубеже XX в., в самом начале эпохи империализма, в качестве прямого продолжения политики поддержки металлургии и машиностроения был образован правительственный «Комитет по распределению заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог». Этот Комитет заказов, действовавший в интересах представленных в нем монополий — Продамета, Продвагона и Паровозного объединения,— явился первым организационно оформленным проявлением государственно-монополистического капитализма в России.

ПОЛИТИКА ПРАВЯЩИХ КРУГОВ АНГЛИИ В ВОПРОСЕ РАЗОРУЖЕНИЯ (1928—1933 гг.)

А. Н. Красильников

В происходящей в наши дни борьбе народов за решение проблемы разоружения СССР, США, Англия и Франция, как великие державы, несут особую ответственность. Этот вопрос обсуждался в течение десятков лет, и до сих пор он стоит на повестке дня различных международных организаций, но остается нерешенным и продолжает волновать народные массы.

Политика правящих кругов США, Англии и Франции в вопросе разоружения в настоящее время в своих главных чертах в известной мере напоминает их политику в конце 20—начале 30-х годов, когда наиболее наглядно проявилась враждебность империалистических держав положительному решению проблемы разоружения, принятию советских предложений, направленных на предотвращение гонки вооружений, против ремилитаризации Германии.

В период мирового экономического кризиса 1929—1933 гг., в условиях резкого обострения противоречий между империалистическими державами, правящие круги США, Англии и других капиталистических государств пытались разрешить эти противоречия за счет СССР, прикрывая свои агрессивные планы бесплодными разговорами о мире и разоружении.

Ведущая роль в разработке и осуществлении агрессивных планов принадлежала империалистам США. В советской исторической литературе обстоятельно показано, что именно американские империалистические круги ответственны в первую очередь за усиление гонки вооружений, за перевооружение Германии в период между двумя мировыми войнами.

В данной статье делается попытка рассмотреть вопрос о роли одного из партнеров американского империализма — правящих кругов Великобритании — в срыве переговоров о разоружении в 1928—1933 годах.

Постановка этого вопроса целесообразна также и потому, что он недостаточно освещен в советской исторической литературе[1]. В прогрессивной зарубежной историографии эта проблема также почти не отражена[2]. Реакционные буржуазные историки часто прибегают к фальсификации вопроса о разоружении, особенно когда речь идет о предложениях и позиции СССР. Они стараются обелить политику правящих кругов своих стран. Так, вскоре после окончания мирового экономического кризиса английский историк Роллан Шапю, занимавшийся вопросами

---

[1] См. Ф. И. Нотович. Разоружение империалистов. Лига наций и СССР. М.-Л. 1929; Ф. В. Захаров. Англия в 1918—1939 гг. М. 1941; «История дипломатии». Т. III. М. 1945; А. В. Поздеева. Англия и ремилитаризация Германии. 1933—1936 гг. М. 1956; Н. Айрапетян, П. Кабанов. Ленинские принципы внешней политики Советского государства. М. 1957; В. М. Хвостов. Сорок лет борьбы за мир. М. 1958; В. Г. Трухановский. Новейшая история Англии. М. 1958.

[2] См. R. Palme Dutt. World Politics, 1918—1936. London. 1936; W. P. and Z. K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London. 1945; Гарри Поллит. Избранные статьи и речи (1919—1939). М. 1955.

международных отношений, написал объемистый труд «Разоружение в английской внешней политике», в котором пытался доказать, что мир — это якобы основная цель внешней политики правящих кругов Англии[3]. Один из лейбористских лидеров, Ф. Ноэль-Бейкер, в книге «Гонка вооружений», выпущенной в июне 1958 г., старается свалить вину за саботаж дела разоружения на Советский Союз[4].

Свою аргументацию эти авторы черпают из многотомных протоколов бесконечных дебатов в Лиге наций в период подготовки Международной конференции по разоружению и на самой конференции, где представители правящих кругов США, Англии и других империалистических стран прикрывали агрессивные, антисоветские планы лицемерными речами о стремлении к миру и разоружению.

Анализ работы Лиги наций разоблачает политику саботажа, проводимую международным капиталом в отношении советских предложений о действенном разоружении, показывает незаинтересованность империалистических кругов, в частности английских, в разрешении этой проблемы.

★

Обсуждение проблемы разоружения проходило, как известно, в Лиге наций. СССР был приглашен к участию в рассмотрении данного вопроса в декабре 1925 г., когда Совет Лиги учредил подготовительную комиссию по подготовке конференции по разоружению. Советское правительство незамедлительно заявило о своей готовности участвовать в работе конференции по разоружению и в подготовительной комиссии, хотя и выразило сомнение в способности Лиги наций достигнуть реальных успехов в деле разоружения[5]. Тем не менее Советский Союз принял приглашение, чтобы, как отмечал позднее К. Е. Ворошилов, «не дать повода обвинять нас в нежелании разоружаться и в срыве «благих» начинаний империалистов»[6].

Лига наций избрала местом работы подготовительной комиссии Женеву. Советская делегация была лишена возможности присутствовать на первых трех сессиях комиссии, ибо в связи с убийством Воровского между СССР и Швейцарией были прерваны дипломатические отношения. Лишь после урегулирования советско-швейцарского конфликта СССР послал свою делегацию на IV сессию комиссии, открывшуюся 30 ноября 1927 года. Участие советских представителей в работе подготовительной комиссии резко изменило характер ее деятельности. Если на трех предыдущих сессиях было произнесено немало пацифистских речей, но разработанный проект международной конвенции по разоружению не предусматривал никаких обязательств для ее возможных участников, не содержал ни одного конкретного предложения и фактически представлял собой «пустышку»[7], то советская делегация решительно выступила за действительное разоружение.

Представители 26 государств, участвовавших в комиссии, пытались свести работу IV сессии к обсуждению двух вопросов, не затрагивавших

---

[3] R. A. Chaput. Disarmament in British Foreign Policy. London. 1935, pp. 17, 39, 44.

[4] Ph. Noel-Baker. The Arms Race. A Programme for World Disarmament. London. 1958, pp. 8, 9; см. также A. Henderson. Labour's Foreign Policy. London. 1933; M. A. Hamilton. Arthur Henderson. A Biography. London. 1938; W. Churchill. The Second World War. Vol. I. London. 1948; E. Windrich. British Labour's Foreign Policy. London. 1952; S. Huddleston Popular Diplomacy and War. Rindge New Hampshire. 1954; L. S. Amery. My Political Life. Vol. III. London. 1955; H. Dalton. The Fateful Years. Memoirs 1931—1945. London. 1957; и др.

[5] «Советский Союз в борьбе за мир». Сборник документов. М.-Л. 1929, стр. 186.

[6] К. Е. Ворошилов. Статьи и речи. Партиздат. 1937, стр. 387.

[7] «Советский Союз в борьбе за мир», стр. 203.

существа проблемы разоружения: установления времени созыва V сессии комиссии и образования Комитета безопасности. Советская делегация на первом же заседании IV сессии огласила декларацию, в которой предлагалось осуществить всеобщее полное разоружение путем безотлагательного заключения соответствующей конвенции [8].

Советское предложение встретило горячее сочувствие широких народных масс всех стран мира, но вызвало крайнее раздражение среди империалистов, пытавшихся замаскировать подготовку войны пацифистскими разглагольствованиями в подготовительной комиссии. Английская буржуазная печать начала клеветническую кампанию против советского предложения [9]. На V сессии подготовительной комиссии (март 1928 г.) разработанный советской делегацией проект конвенции о немедленном всеобщем и полном разоружении [10] подвергся резким нападкам со стороны представителей империалистических держав. Глава английской делегации Кашендэн пытался представить в ложном свете ряд положений проекта, обвинял СССР в неискренности, расценивал акт Советского правительства как пропагандистский шаг и т. п. Наша делегация разоблачила несостоятельность выступления Кашендэна [11].

V сессия комиссии отклонила проект о немедленном всеобщем и полном разоружении. Тогда советская делегация на том же заседании внесла проект конвенции о частичном сокращении вооружений в качестве первого шага к осуществлению полного разоружения. Несмотря на настоятельные требования советской делегации немедленно рассмотреть новый проект конвенции, его обсуждение было перенесено на VI сессию подготовительной комиссии.

Центральный Исполнительный Комитет Союза ССР, заслушав отчет председателя советской делегации в подготовительной комиссии к конференции по разоружению М. М. Литвинова, принял 21 апреля 1928 г. постановление, в котором одобрил действия советской делегации, и предложил Президиуму ЦИК и Совнаркому СССР «отстаивать и в дальнейшем программу полного разоружения, не пренебрегая ни малейшей возможностью достижения хотя бы частичных и временных положительных результатов в этой области» [12].

В полном соответствии с этим решением советская делегация продолжила свою деятельность на VI сессии подготовительной комиссии, заседавшей с 15 апреля по 6 мая 1929 года. В своей речи 16 апреля М. М. Литвинов обстоятельно показал бесплодность работы комиссии и разоблачил попытки западных держав прийти за кулисами Лиги наций к сепаратному сговору, игнорируя СССР [13]. Он рекомендовал сессии рассмотреть советский проект конвенции о пропорционально-прогрессивном сокращении вооружений, что в значительной степени уменьшило бы угрозу войны и способствовало бы дальнейшему разоружению. Однако Англия и другие капиталистические страны продолжали саботировать советские предложения [14]. Советский проект конвенции о сокращении вооружений был комиссией отклонен. После двадцать первого заседания VI сессия комиссии бесславно закончила свою работу, даже не назначив время созыва следующей сессии.

В мае 1929 г. консерваторы потерпели на выборах поражение и к

---

[8] «Внешняя политика СССР». Сборник документов. Т. III. М. 1945, стр. 163—167.

[9] См. «Daily News», 1 декабря 1927 г.; «Times», 1 декабря 1927 года.

[10] «В борьбе за мир. Советская делегация на V сессии комиссии по разоружению». М. 1928, стр. 45.

[11] См. М. Литвинов. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927—1937. М. 1937, стр. 236—241.

[12] «Известия», 22 апреля 1928 года.

[13] «Делегация СССР на VI сессии комиссии по разоружению. 15 апреля — 6 мая 1929 г.». М. 1929, стр. 11—70.

[14] Там же.

власти в Англии пришли лейбористы. Лейбористские лидеры называли период правления консервативного правительства Болдуина годами «упущенных возможностей» в международных отношениях и обвиняли это правительство в том, что оно препятствовало разоружению и приблизило Англию к «разрушительному соперничеству» в вооружениях [15]. Более того, лейбористская партия, придя к власти, обещала строить внешнюю политику на следующих шести принципах: а) отказе от войны, б) разоружении, в) арбитраже, г) открытой дипломатии, д) экономическом сотрудничестве, е) политическом сотрудничестве [16].

Однако смена правительств не изменила, по существу, политику Англии в вопросе о разоружении, как, впрочем, и во многих других коренных вопросах внутренней и внешней политики страны. Факты говорят о том, что правое руководство лейбористской партии не только не выполнило своих обязательств перед избирателями, но продолжало борьбу предшествовавшего консервативного кабинета против разоружения, в частности против советских предложений о разоружении. Лейбористские лидеры в совершенстве владели искусством пацифистской фразеологии. Говоря словами В. И. Ленина, они прикрывали «отвратительную наготу империалистского мира, дележ награбленного,— фразами, насквозь лживыми фразами о демократическом мире, о свободе малых народов, о сокращении вооружений и т. п.» [17].

На 10-м, «юбилейном» собрании Лиги (сентябрь 1929 г.) был представлен доклад VI сессии подготовительной комиссии. Во время его обсуждения английский премьер Макдональд и министр иностранных дел Гендерсон пытались замолчать советские проекты разоружения и сокращения вооружений.

По их настоянию Лига наций якобы для «ускорения дела» передала обсуждение вопроса о разоружении в III комиссию. Однако это не сдвинуло проблему разоружения с мертвой точки. Прошло полтора года, прежде чем подготовительная комиссия возобновила 6 ноября 1930 г. свою работу. К этому времени она подготовила проект конвенции, который в отличие от советского проекта представлял собой, по меткому выражению видного консерватора Леопольда Эмери, «лишь незаполненный бланк» [18] без каких-либо цифр и конкретных обязательств по сокращению вооружений.

На первом же заседании подготовительной комиссии лорд Сесиль, представитель Великобритании, предложил начать обсуждение именно этого «незаполненного бланка» с явным намерением затянуть сессию бесплодными дебатами, но вместе с тем создать впечатление, что в области сокращения вооружений что-то делается. Разоблачая политику империалистических правительств, глава советской делегации требовал принятия действенных мер по разоружению. М. М. Литвинов, обращая внимание Лиги наций на серьезность международной обстановки, указывал на то, что военные бюджеты пяти крупнейших государств увеличились с 1926 по 1930 г. на полмиллиарда долларов, то есть на 27% [19].

Советская делегация уже тогда разоблачила пресловутую «теорию» «Сперва безопасность, а затем разоружение», которую выдвигали противники разоружения, требуя от Лиги наций предоставления гарантий «безопасности» их странам, и которую они используют и в наши дни. Наиболее действенной гарантией мира, указывала советская делегация, являлось всеобщее и полное разоружение, а тезис «безопасности» в форме,

---

[15] J. Parker. Labour Marches on. Harmondsworth. 1947, p. 21.

[16] «Labour and the Nation». London. 1928, pp. 10, 40—43; «Report of the Twenty-ninth Annual Conference of the Labour Party». London. 1929, p. 306.

[17] В. И. Ленин. Соч. Т. 23, стр. 170.

[18] L. S. Amery. Указ. соч., стр. 146.

[19] М. Литвинов. Указ. соч., стр. 284.

защищавшейся его сторонниками, был направлен против разоружения, а следовательно, и против мира [20].

Для Советского правительства было очевидным, что подготавливаемый комиссией около пяти лет проект конвенции о сокращении вооружений мог служить «для дискуссии скорее об отказе от разоружения, чем о действительном сокращении вооружения» [21]. В связи с этим советская делегация не участвовала в составлении доклада комиссии и в меморандуме от 4 декабря 1930 г. сняла с себя ответственность за разработанный комиссией проект конвенции. Советская делегация отказалась принять проект, сохранив непоколебимое намерение «продолжать борьбу за мир и защищать на будущей конференции свои собственные предложения по разоружению» [22].

9 декабря 1930 г. подготовительная комиссия прекратила свое бесславное существование, оставив несколько тысяч печатных страниц протоколов и никчемный проект конвенции о разоружении с десятками оговорок. Бесплодность работы подготовительной комиссии во многом объясняется политикой лейбористского правительства, которое само признало свою ведущую роль в подготовке к конференции по разоружению. С полным основанием можно утверждать, что второе лейбористское правительство, а затем сменившее его «национальное» правительство, во главе которого был оставлен Макдональд, наряду с правящими кругами США, Франции и других капиталистических стран несут прямую ответственность за отклонение советских предложений о разоружении и сокращении вооружений и за ущерб, нанесенный делу мира на всем земном шаре.

Английские правящие круги постоянно отстаивали точку зрения о необходимости самостоятельного обсуждения вопроса о морских вооружениях. В рассматриваемый период этот вопрос был поставлен на повестку дня морской конференции, проведенной в Лондоне с 21 января по 22 апреля 1930 г. под председательством Макдональда.

Лондонская морская конференция проходила в условиях обострявшихся империалистических противоречий между ее участниками — США, Англией, Японией, Францией и Италией. Наибольшего напряжения достигли в то время англо-американские противоречия [23].

Англия не имела достаточно сил и средств, чтобы угнаться за США в военно-морском строительстве. Это вынуждало английские правящие круги искать временных компромиссов со своим соперником. Пришедшее в 1929 г. к власти второе лейбористское правительство поставило себе целью хотя бы формально смягчить англо-американские противоречия. Летом 1929 г. Макдональд вел переговоры с американским послом Дауэсом и согласился на усиление крейсерского флота США при одновременном небольшом сокращении крейсерского флота Англии за счет замены старых крейсеров новыми. Осенью того же года Макдональд посетил США с тем, чтобы договориться с американским правительством о характере новой морской конференции пяти держав — США, Англии,

---

[20] «Внешняя политика СССР», Т. III, стр. 456.

[21] «Делегация СССР на последней сессии комиссии разоружения». М. 1931, стр. 66—67.

[22] «Внешняя политика СССР». Т. III, стр. 459—462.

[23] Заместитель министра иностранных дел второго лейбористского правительства Хью Дальтон отмечает в своих мемуарах, что отношения между Англией и США после провала морской конференции 1927 г. стали так сильно ухудшаться, что «велись даже разговоры... о возможности войны между ними в результате гонки военно-морского строительства» (H. Dalton. Cail Back Yesterday. Memoirs 1887—1931. London. 1955, p. 243).

Японии, Франции и Италии — участников Вашингтонского соглашения 1921 года.

Советский Союз — крупная морская держава — не был приглашен на эту конференцию. Немецкая газета «Vossische Zeitung» справедливо заметила 18 января 1930 г., что ни один из инициаторов морской конференции не подумал о приглашении в Лондон СССР, ибо английское правительство хотело без него вести мировую политику, которая в соответствующий момент могла быть направлена против СССР. Лондонский корреспондент американской газеты «Chicago Daily News» Белл писал, что на Лондонской конференции ощущалось незримое присутствие Советской России, влияние которой не только не вносило раздора среди участников, но, напротив, сплачивало их[24]. К. Е. Ворошилов отмечал в то время, что, «когда дело касается СССР, заметны тенденции смягчить междуимпериалистическую вражду. Эти тенденции сквозили даже на Лондонской конференции, несмотря на то, что она по сути дела являлась сплошной дракой пяти великих держав»[25]. Наличие межимпериалистических противоречий не мешало тому, что правительства США, Англии, Франции и других капиталистических стран выступали заодно, проводя согласованную антисоветскую политику.

Накануне открытия конференции буржуазная печать, как по команде, подняла шум по поводу состоявшегося в те дни прохода нескольких советских военных кораблей через Дарданеллы в Черное море. Газеты обвиняли СССР в том, что он заблаговременно якобы не предупредил Дарданелльскую комиссию о проходе кораблей, нарушив тем самым режим проливов, установленный Лозаннским договором. Разумеется, никакого нарушения со стороны СССР не было. Дарданелльская комиссия опубликовала 23 января 1930 г. в Стамбуле официальное заявление о том, что «советские военные суда, прошедшие через проливы, полностью выполнили все требуемые формальности. Никаких нарушений,— говорилось в этом заявлении,— установленного порядка советскими военными судами не произведено. О проходе судов комиссия была заранее уведомлена»[26]. Поднятый шум был необходим империалистическим кругам для того, чтобы оправдать намечаемую ими гонку морских вооружений.

Говоря о проходе советских судов через Дарданеллы, румынский министр иностранных дел Миронеску в интервью венской газете «Neue Freie Presse» от 30 марта 1930 г. признавал: «Мы просто констатируем, что равновесие на Черном море значительно переместилось в пользу СССР. Лондонская конференция морских держав занималась рассмотрением этого вопроса, полагая, что усиление советского черноморского флота должно вызвать и усиление морских вооружений других черноморских держав... В соответствующих инстанциях уже давно обсуждается вопрос о постройке румынской морской базы, предусматриваемой этим планом. Проведение в жизнь этих планов задерживалось до сих пор финансовыми затруднениями. Румынское правительство, однако, надеется, что ему при помощи союзников удастся в недалеком будущем соответствующим образом ускорить оборону берегов и портов»[27]. Таким образом, правящие круги соседних с СССР стран связывали с деятельностью Лондонской конференции свои расчеты на усиление военно-морского строительства.

На Лондонской конференции сразу же выявились острые противоречия между Францией и Италией, стремившимися к господству на Средиземном море. Нежелание Франции пойти на уравнение своего военно-морского флота с итальянским дало Англии повод для отказа от дальнейшего сокращения английских военно-морских сил. Представитель

---

[24] «Chicago Daily News», 27 января 1930 года.
[25] «Правда», 17 июня 1930 года.
[26] «Правда», 24 января 1930 года.
[27] Цит. по: «Правда», 2 апреля 1930 года.

США на конференции Дауэс отмечал: «Мы торговались, не доверяя друг другу, обхаживая один другого... подозревая друг друга...» [28].

В результате непримиримых разногласий достигнутое на Лондонской конференции соглашение касалось лишь военных флотов Соединенных Штатов, Англии и Японии и сводилось к ограничению строительства крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Превосходство Англии над США в отношении крейсеров осталось символическим: она имела только на один крейсер больше. Япония добилась более выгодного для себя соотношения по классу эсминцев, а именно 7 : 10. Итак, конференция зафиксировала следующее новое соотношение предельного тоннажа военных судов Англии, США и Японии: подводный флот у каждой из трех держав не должен был превышать 52,7 тыс. т, надводный флот класса эсминцев был установлен соответственно в 150 тыс., 150 тыс., 105,5 тыс. т, а класса крейсеров — в 339 тыс., 323,5 тыс., 205,85 тыс. тонн [29].

Английская делегация настояла на включении в соглашение особой статьи, по которой каждому из его трех участников разрешалось превысить предельный тоннаж своего флота в случае усиленного военно-морского строительства какой-либо державы, не участвующей в соглашении. Уже одна эта оговорка превращала в фарс установление предела морских вооружений трех империалистических держав, что и подтвердилось последующим ходом событий. Еще в марте 1930 г. английский журнал «Fortnightly Review» откровенно признавал, что слово «разоружение» несовместимо с Лондонской конференцией, что, наоборот, речь должна идти о перевооружении [30]. В июле того же года, отвечая в парламенте на вопрос о том, каких следует ожидать последствий для английских судоверфей от ограничительных мер в строительстве морского флота, принятых на Лондонской конференции, премьер Макдональд успокоил английских судопромышленников: «Фактически не имеется вообще никакого ограничения потому, что для замены выбывающих судов будут строиться новые типы» [31].

В условиях гонки вооружений в Англии и других империалистических державах подготовка конференции Лиги наций по разоружению шла черепашьими шагами. После бесплодной работы подготовительной комиссии противники разоружения, руководители Лиги наций, в первую очередь английские представители, более года не принимали никаких реальных шагов и не созывали конференции по разоружению.

Международная конференция по разоружению открылась в Женеве 2 февраля 1932 г. под председательством бывшего министра иностранных дел второго лейбористского правительства Гендерсона. В ней приняли участие представители 62 стран мира [32], в том числе СССР, США, Англия, Франция, Германия.

Английская делегация во главе с министром иностранных дел Джоном Саймоном и лордом Сесилем стремилась убедить участников конференции, что главной ее задачей должно было быть запрещение для всех стран мира тех видов вооружений, которыми не имели права пользоваться побежденные державы после первой мировой войны [33]. Рассмотрение этого предложения показывает, что оно было очень далеко не только

---

[28] Ch. C. Dawes. Journal as Ambassador to Great Britain. New York. 1939, p .151.
[29] Ph. Noel-Baker. Указ. соч., стр. 448.
[30] «Fortnightly Review», март 1930 года.
[31] «Коммунистический Интернационал», 1931, № 19—20, стр. 44.
[32] J. B. Duroselle Histoire diplomatique de 1919 à nos jours. Paris, 1953, p. 182.
[33] «Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments». Geneva. 1932—1936. Series A. Verbatim Records of Plenary Meetings. Vol. I., pp. 57—59; «Conference Documents». Vol. I, p. 144.

от разоружения самой Англии, но и от ограничения ее вооружений. Согласно английскому предложению, всем странам запрещалось строить надводные военно-морские суда водоизмещением свыше 10 тыс. т, авианосцы и подводные лодки. Имея колониальные владения и многочисленные базы, разбросанные по земному шару, Англия не была заинтересована в крупнейших военно-морских судах в такой степени, как, например, Соединенные Штаты. В то же время она владела очень небольшим по сравнению с другими странами подводным флотом. Для английского надводного флота с растянутыми морскими коммуникациями подводные лодки представляли серьезную угрозу, что наглядно показала первая мировая война. Поэтому английское правительство и предлагало запретить эти виды военных кораблей. «Если будут упразднены крупные надводные суда,— говорил лорд Сесиль,— то в значительной степени потеряет силу аргумент малых стран о том, что им необходимы подводные лодки для береговой обороны»[34].

Таким образом, английские предложения о «сокращении» вооружений на деле означали лишь увеличение военно-морской мощи Англии и ослабление ее противников. То же можно сказать и об английском предложении запретить тяжелые танки и тяжелую дальнобойную артиллерию, которых не было на вооружении ни в войсках самой Англии, ни в странах Британской империи.

Позиция Англии еще больше обострила англо-американские противоречия. В июне 1932 г. президент США Гувер направил через своего наблюдателя в Лиге наций предложения, в которых вопреки английскому требованию о полном запрещении строительства крупных линкоров и подводных лодок предлагалось лишь сокращение их числа на одну треть, а авианосцев — на одну четверть[35]. Английские правящие круги отвергли американский план «разоружения»: он оставлял у их главного соперника возможность вооружаться в самой важной для него военно-морской области и в то же время имел целью ослабить военную мощь Англии.

В области военной авиации план Гувера предусматривал запрещение бомбардировщиков и бомбардировок с воздуха, учитывая, что английские базы разбросаны по всему земному шару. Английское правительство, выставляя себя сторонником разоружения, выдвинуло 7 июля 1932 г. контрпредложения, предусматривавшие ограничение размера каждого самолета и их общего количества, а также «регулирование воздушных бомбардировок правилами международного права». В действительности же правящие круги Англии были не только против разоружения, но и против сокращения вооружений в области авиации[36].

Стремление английских правящих кругов использовать конференцию по разоружению для ослабления своих непосредственных и потенциальных противников проявилось в их последующих действиях: было сделано предложение об отмене во всех странах всеобщей воинской повинности. Претворение этой меры в жизнь не ограничило бы личного состава английских вооруженных сил, которые комплектовались по принципу добровольного найма.

Английская делегация поддержала французский проект создания

---

[34] «Conference Documents». Vol. I, p. 197—198.

[35] Там же, стр. 122—123.

[36] Ф. Ноэль-Бейкер признает, что «предложения о разоружении в области авиации всегда отвергались решительно, если не сказать неистово, теми, кто представлял «авиационные интересы». В их числе были владельцы крупных предприятий английской авиационной промышленности, высший офицерский состав, издатели технических авиационных журналов, входивших в «Авиационную лигу Британской империи». В опубликованной названной лигой брошюре в защиту военной авиации откровенно говорилось, что эта организация категорически отрицает правомерность часто используемого аргумента о том, что «военно-воздушная мощь по своей сути бесчеловечна и против нее должны быть приняты особые меры». (Ph. Noel-Baker. Указ. соч., стр. 412.)

«международной армии», хотя буржуазная печать Англии признавала, что он отнюдь не предусматривает разоружения[37].

Стремление западных кругов во что бы то ни стало не допустить успешного решения вопросов о разоружении проявилось в работе различных комиссий конференции. Английские представители развернули особую активность в морской и других комиссиях, стараясь протащить угодные для них формулировки. Морские державы требовали разоружения на суше, а сухопутные — на море[38].

Заслуживает внимания также и тот факт, что военные фирмы США, Англии и некоторых других держав имели в Женеве своих агентов, которые вели активную кампанию против разоружения и ограничения вооружений[39].

Дипломатия США и Англии использовала конференцию по разоружению для закулисных переговоров и изыскания соответствующих средств, которые под завесой фраз о «разоружении» и «мире» легализовали бы перевооружение Германии. В апреле 1932 г. в Женеве состоялась встреча Р. Макдональда, Г. Стимсона и германского канцлера Г. Брюнинга, которые неофициально обсудили вопрос о замене военных ограничений Версальского договора так называемой «общей конвенцией о разоружении»[40]. В последовавших затем англо-американских переговорах, состоявшихся в Женеве в июне, было достигнуто принципиальное соглашение о том, что «общая конвенция о разоружении» будет действовать лишь в течение короткого срока, после чего Германия станет свободной от военных ограничений[41].

Во время встреч представителей США и Англии с германской делегацией говорилось о сокращении срока службы в рейхсвере с 12 до 5 лет, о создании германской милиции в 100 тыс. человек, об отмене запрета для Германии таких наступательных видов оружия, как танки, самолеты, тяжелая артиллерия и т. д.

Получив поддержку США, Англии и других капиталистических держав, немецкие империалисты разговаривали на конференции угрожающим тоном. Германское правительство 14 сентября 1932 г. официально уведомило президиум конференции, что оно откажется от участия в ее работе, если его требования не будут удовлетворены.

Тогда министерство иностранных дел Англии подготовило 28 октября того же года проект декларации «о претензии Германии на равенство прав» в вооружениях, в которой признало это право[42]. В соответствии с предлагаемой декларацией Джон Саймон объявил 10 ноября в палате общин, что «правительство Соединенного Королевства может заявить о своей готовности включить совместно с другими участниками конференции по разоружению в новую конвенцию о разоружении принцип равенства на вооружение»[43]. 17 ноября английское правительство опубликовало меморандум, в котором говорилось, что оно поддерживает немецкое требование о довооружении Германии, так как практически невозможно добиться равенства вооружений путем их сокращения. Английская делегация использовала все свое влияние, чтобы провести это решение на конференции. В декабре 1932 г. в Женеве состоялось совещание пяти держав: США, Англии, Франции, Италии и Германии,— на котором

---

[37] «Times», 8 февраля 1932 г.; «Observer», 7 февраля 1932 года.

[38] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 268, cols. 624—629.

[39] Гарри Поллит. Указ. соч., стр. 164.

[40] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Second Series. Vol. IV. London. 1950, p. 108.

[41] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Second Series. Vol. III. London. 1948, p. 528.

[42] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Second Series. Vol. IV, p. 547—548.

[43] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 270, cols. 545—548.

9 декабря была принята совместная декларация, признававшая за Германией «право на равенство в вооружениях в пределах системы безопасности, равной для всех наций»[44].

Упоминание о «системе безопасности» понадобилось авторам декларации для обмана общественного мнения. Макдональд на заседании 6 декабря просил участников переговоров выработать такие формулировки, «которые успокоили бы Европу»[45]. 14 декабря 1932 г. Англия совместно с другими державами внесла в Генеральную комиссию конференции по разоружению резолюцию, в которой за Германией признавалось право на равенство в вооружениях[46]. В основу резолюции были положены английские и французские предложения. Оценив этот акт как реальный шаг к предоставлению Германии прав на ремилитаризацию, германское правительство в конце января 1933 г. вновь приняло участие в работе конференции[47].

Таким образом, английское «национальное» правительство выступило инициатором плана легализации открытого перевооружения Германии и фактически предоставило ей возможность вооружаться.

Советский Союз последовательно проводил на конференции линию на действительное разоружение, отвечающую интересам народов всех стран мира. 18 февраля 1932 г. советская делегация предложила положить в основу работы конференции принцип всеобщего и полного разоружения[48]. Но при активном противодействии английской делегации конференция отклонила это предложение. Тогда советская делегация внесла на рассмотрение проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном сокращении вооружений. Но и эта реальная и эффективная мера не была принята большинством делегатов конференции, включая и английского представителя. Тем не менее советские предложения сыграли важную роль в борьбе за мир. Благодаря им удалось разоблачить правящие круги США, Англии, Франции и других капиталистических держав как противников действительного разоружения и еще выше поднять авторитет страны социализма. Трудящиеся Англии и народные массы всего мира, различные национальные и международные организации в своих письмах в Лигу наций и резолюциях горячо поддерживали предложения Советского правительства.

6 февраля 1933 г. на 2-й сессии Женевской конференции советская делегация внесла проект конвенции об определении агрессора, которая проводила четкую грань между понятием «нападение» и «самозащита» и лишала агрессора предлогов для оправдания своих действий. Это был конкретный шаг к созданию системы коллективной безопасности, имевший целью не допустить агрессии и способствовать укреплению мира.

В советском проекте перечислялись действия, совершение которых каким-либо государством делало его нападающей стороной в международном конфликте[49]. Советский проект отражал стремление как можно точнее определить понятие «нападение» и не оставить никаких лазеек для агрессора. Принятие конференцией советских предложений было бы крупным вкладом в дело борьбы за мир.

После долгой дискуссии, во время которой английская делегация выступала против советского проекта, он все же с небольшими поправ-

---

[44] R. A. Chaput. Указ. соч., стр. 309.

[45] «Documents on British Foreign Policy 1919—1939». Second Series. Vol. IV, p. 336.

[46] «Records of the Conference for the Reduction and Limitation of Armaments». Minutes of the General Commission. Vol. II, p. 208.

[47] «Political and Strategic Interests of the United Kingdom», by a Study Group of the Royal Institute of International Affairs. London. 1940, p. 30.

[48] «Сборник документов по международной политике и по международному праву». Вып. IV, М. 1933, стр. 59.

[49] «Сборник документов по международной политике и по международному праву». Вып. VI. М. 1934, стр. 57—63.

ками был принят Комитетом безопасности 24 мая 1933 года. Это решение было большой победой Советского правительства и поражением международных реакционных сил. Джон Саймон попытался свести на нет успех советского предложения в Лиге наций. 26 мая английский министр иностранных дел, выступая в палате общин, официально отверг проект конвенции об определении агрессора [50].

Советская общественность дала должную оценку враждебным СССР и делу мира действиям английских правящих кругов. На следующий день после выступления Саймона «Правда» писала, что английский империализм «не имеет никакого желания связывать свободу действий своей дипломатии, своей военщины и своих секретных, но хорошо известных учреждений, вроде «Интеллидженс сервис», таким фундаментальным актом, каким является советский проект, принятый Комитетом безопасности» [51].

Доклад Комитета безопасности был передан на рассмотрение Генеральной комиссии, где американской и английской делегациям удалось добиться отклонения советского предложения. Но, несмотря на сопротивление правящих кругов США и Англии, ряд стран заключил с СССР конвенцию об определении агрессора. В начале июля 1933 г. были подписаны конвенции с Эстонией, Латвией, Польшей, Румынией, Турцией, Персией, Афганистаном, Чехословакией, Югославией и Литвой. Позднее к конвенции присоединилась Финляндия. Советское правительство заявило о своей готовности подписать аналогичную конвенцию с любой страной и продолжало отстаивать свое предложение в Лиге наций [52]. Инициатива Советского правительства имела такое большое международное значение, что о ней не могла умолчать буржуазная печать. Например, английская консервативная газета «Daily Telegraph» оценила подписание СССР конвенций об определении агрессора как выдающийся успех советской дипломатии [53]. В таком же духе комментировали этот акт Советского государства и другие органы буржуазных партий Англии, не говоря уже о прогрессивной английской печати.

Чтобы ослабить впечатление на народные массы от советских предложений по созданию системы коллективной безопасности, английское правительство представило конференции 16 марта 1933 г. свой проект конвенции о разоружении, известный под названием «плана Макдональда». В основу этого проекта были положены предложения английской делегации, которые отстаивались ею в самом начале работы конференции и преследовали цель увеличить вооружения Англии, ослабив военную мощь основных соперников английского империализма.

Советская делегация подвергла «план Макдональда» обоснованной и справедливой критике. В отношении личного состава вооруженных сил план имел в виду лишь европейские государства, в то время как на конференции было представлено более 50 стран мира. К тому же план не содержал предельных цифр личного состава армий ни самой Англии, ни США, ни азиатских соседей СССР, например, Японии. Более того, английский план отводил для Норвегии контингент армии в 50 тыс. человек, что превышало цифру личного состава, имевшегося тогда в этой стране [54]. «План Макдональда», таким образом, не только не предусматривал сокращения, а, наоборот, предполагал увеличение количественного состава вооруженных сил соседних с Советским Союзом стран.

Для СССР английский план устанавливал цифру личного состава его армии в 500 тыс. человек. Советская делегация заявила, что наша

---

[50] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 278, cols. 1449—1450.

[51] «Правда», 27 мая 1933 года.

[52] «Сборник документов по международной политике и по международному праву». Вып. VI, стр. 157—162.

[53] «Daily Telegraph», 29 июля 1933 года.

[54] R. A. Chaput. Указ. соч., стр. 312.

страна готова согласиться даже с более низкой цифрой при условии пр порционального сокращения вооружений всех государств без искл чения.

Английский проект конвенции предлагал сократить срок службы сухопутных вооруженных силах до 8 месяцев[55]. Причем это касалс лишь армий, «расположенных в континентальной Европе», и не распр странялось на основные английские сухопутные вооруженные силы, н ходившиеся в заморских территориях и гарнизонах. Советская делег ция предложила устранить эту дискриминацию путем унифицирован сроков службы в армиях и согласилась при этом условии на сокращ ние срока, предусмотренного в английском плане.

Пункты проекта, касавшиеся воздушных вооружений, не предусма ривали действительного их сокращения и тем самым укрепляли полож ние Англии как колониальной державы и ущемляли интересы Сове ского государства. Наша делегация на конференции подчеркивала, ч СССР озабочен тем, что воздушные силы некоторых его соседей, в ч стности Японии, у которой недавно появилась возможность создать се дополнительный воздушный флот за пределами своих границ, слишко велики[56]. В марте 1933 г. милитаристская Япония вышла из Лиги наци При прямом попустительстве правящих кругов США, Англии и друг империалистических держав, стремившихся направить японскую агре сию против Советского государства, Япония захватила ряд районов С верного Китая и приближалась к границам СССР.

Английский проект конвенции допускал использование бомбард ровочной авиации «для полицейских целей» в отдаленных местностя имея в виду территории колониальных и зависимых стран. Макдонал в перерыве между двумя сессиями конференции защищал этот пун в палате общин. Его заявление о том, что в удаленных районах имп рии дешевле бомбардировать с воздуха, чем посылать туда наземн «полицейские силы», было столь циничным, что лейбористскому л деру Клементу Эттли пришлось выступить в парламенте с лицемерны осуждением Макдональда[57], чтобы ослабить недовольство народн масс.

Лидер консерваторов и фактический глава «национального» прав тельства С. Болдуин открыто призывал к гонке авиационных вооруж ний и бомбардировкам с воздуха[58]. У. Черчилль настойчиво требова создания мощных вооруженных сил. Ряд других представителей прав щих кругов Англии отстаивал ту точку зрения, что крупные воздушн вооруженные силы вместе с ростом других видов вооружений обеспеч Англии возможность «сохранять» «благожелательный нейтралитет»[59].

Советская делегация внесла в английский проект поправку, пред сматривавшую полное запрещение бомбардировочной авиации. Это пред ложение вызвало резкое возражение со стороны английской делегации было отклонено конференцией.

В вопросе о морских вооружениях английский проект для гос дарств, не участвовавших в Вашингтонском и Лондонском договора например СССР, предусматривал в течение известного периода стабил зацию их морских вооружений на существовавшем тогда уровне. Стр ны, подписавшие эти договоры, в первую очередь Англия и США, долж ны были, по английскому плану, выполнить в течение того же пром жутка времени программы постройки новых судов, что означал увеличение их морских вооружений. Британское адмиралтейство по

[55] «Сборник документов по международной политике и по международному пра ву». Вып. VI, стр. 97—99.
[56] Там же, стр. 92—94.
[57] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 297, col. 35.
[58] Там же, стб. 631.
[59] «Nineteenth Century and After», April 1933, № 674, p. 401.

стоянно препятствовало принятию каких-либо эффективных решений в области морского разоружения [60].

Одним из показателей нежелания английских правящих кругов пойти на действительное сокращение вооружений было фактическое отсутствие в английском проекте конвенции предложений об установлении какой-либо системы контроля и наблюдения. В наши дни правящие круги США, Англии и других империалистических держав, продолжая политику саботажа проблемы разоружения и сокращения вооружений, пытаются вопреки истине обвинить Советский Союз в нежелании пойти на установление эффективной системы контроля и наблюдения. В действительности же Советское правительство настаивает и всегда настаивало на введении строгой системы контроля и наблюдения за осуществлением разоружения и сокращения вооружений. Например, в проектах конвенций о полном разоружении и о частичном сокращении вооружений, которые правительство СССР выдвинуло и неустанно защищало на Международной конференции по разоружению, содержались предложения создать международную постоянную контрольную комиссию, контрольные комиссии в каждом из договаривающихся государств и местные контрольные комиссии [61].

«План Макдональда» подвергся резкой критике даже со стороны ряда английских политических деятелей. Так, Л. Эмери заявил, что «конвенция о разоружении — мертвый документ, и не похоже, чтобы кто-то был в состоянии придать ей жизненность» [62]. Некоторые лейбористские члены парламента отмечали, что английский проект конвенции не обеспечивал ни разоружения, ни безопасности, а более или менее стабилизировал вооружения на существовавшем тогда высоком уровне при отсутствии наблюдения и контроля. «План Макдональда», особо подчеркивали в своих выступлениях лейбористы, увеличивал вооружения Германии и доводил их до высокого уровня других стран [63]. Хью Дальтон писал, что в «плане Макдональда» предлагалось «сокращение наземных вооруженных сил других стран, но не Англии... сокращение всех иностранных воздушных сил, превышающих мощь английских, и снижение их до английского уровня... но морские вооружения были освобождены от какого-либо дальнейшего сокращения. Такие слабые предложения, сделанные с таким опозданием, были явно бесполезными» [64].

Критика «плана Макдональда» со стороны лейбористских лидеров отражала в известной мере недовольство низовых лейбористских организаций и широких трудящихся масс политикой саботажа дела разоружения. Чтобы выгородить руководство лейбористской партии, Дальтон, например, пытается возложить вину за срыв разоружения всецело на одного Макдональда и его коллег из консервативной и социал-либеральной партий, входивших в «национальное» правительство Англии. Однако факты говорят о том, что прямую ответственность за бездеятельность Лиги наций при рассмотрении проблемы разоружения несет все руководство лейбористской партии.

Более того, его вина усугубляется еще и тем, что реакционные лейбористские лидеры усыпляли бдительность английских трудящихся масс путем распространения пресловутой «теории» о «мирной» политике британского империализма, выступающего якобы «более честно в пользу разоружения, чем другие» [65].

Однако подготовка и работа Международной конференции по разоружению дают достаточно материалов, характеризующих истинное от-

---

[60] Ph. Noel-Baker. Указ. соч., стр. 451.
[61] «Внешняя политика СССР». Т. III, стр. 187—189, 219—220.
[62] L. S. Amery. Указ. соч., стр. 152.
[63] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 276, cols. 521—523.
[64] H. Dalton. The Fateful Years. Memoirs 1931—1945, p. 49.
[65] R. Palme Dutt. Указ. соч., стр. 183.

ношение английских правящих кругов к вопросу о разоружении и войне. Как отмечалось выше, английский проект конвенции не предусматривал всеобщего разоружения или сокращения вооружений. Он предполагал лишь увеличение вооруженных сил Англии, США, Германии и других империалистических держав, а также государств, граничивших с Советским Союзом. Все это свидетельствовало об агрессивной, антисоветской сущности английского проекта конвенции. И, тем не менее, после первого чтения Женевская конференция приняла «план Макдональда» за основу.

Дальнейший ход событий ускорил провал конференции по разоружению. «План Макдональда» был передан в Генеральную комиссию, занимавшуюся согласованием проектов. Но эта комиссия в марте 1933 г. прервала свои заседания. Во время этого перерыва Макдональд направился в Рим для переговоров с Муссолини о заключении пакта четырех держав — Англии, Франции, Италии и Германии.

Реакционная политика английского правительства еще больше помогла гитлеровской Германии, которая изо всех сил стремилась добиться равенства прав в области перевооружения. Пришедший к власти фашизм взял курс на стремительное вооружение. В мае 1933 г. Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия не подпишет никакого документа, закрепляющего более низкий уровень ее вооружений по сравнению с другими странами [66].

Четвертая статья проекта «пакта четырех» устанавливала «общую линию поведения» участников этого соглашения [67]. Буржуазная печать истолковала эту статью таким образом: проведение единой политики Англией, Францией, Италией и Германией в деле сколачивания антисоветского крестового похода [68]. Газета «Times» посвятила этому антисоветскому детищу «рабочего» премьера Англии большую передовую статью [69], ратуя в ней за удовлетворение агрессивных требований германских милитаристов.

По инициативе Англии в начале июня 1933 г. проект пакта, несколько видоизмененный по настоянию Франции, был принят четырьмя державами. Но и в новой редакции он сохранил антисоветскую направленность. «Правда» писала, что «пакт четырех», независимо от того, какие в нем сделаны изменения, остается поэтому для нас напоминанием о системе антисоветских блоков, которые британский империализм стремится изо всех сил создать в Европе и за ее пределами» [70]. Правящие реакционные круги Англии и их пресса открыто признавали, что новый вариант пакта представлял собой дальнейшее развитие антисоветского курса, намеченного еще Локарнскими соглашениями. Выступая в палате общин, генерал Спирс особенно превозносил именно эту сторону пакта и рассыпался в похвалах «национальному» правительству за «твердый» курс в отношении СССР [71].

15 июля 1933 г. «пакт четырех» был утвержден английским парламентом. И, как справедливо отмечает английский журналист Кэмпбелл Джонсон, английские правящие круги вступили «на дипломатический путь, неумолимо приведший Англию через пять лет к Мюнхену и тотальной войне» [72]. Еще 11 июля того же года Джон Саймон высказался в королевском институте международных отношений за пересмотр существовавшей тогда германо-польской границы, а газета «Times» через два дня

---

[66] J. W. Pratt. A History of United States Foreign Policy. New York. 1955, p. 591.

[67] «Сборник документов по международной политике и по международному праву». Вып. VI, стр. 10—11.

[68] См. «Правда», 3 апреля 1933 года.

[69] «Times», 20 марта 1933 года.

[70] «Правда», 1 июня 1933 года.

[71] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 280, col. 3641.

[72] A. Campbell-Johnson. Sir Anthony Eden. London, 1955, p. 80.

после утверждения пакта стала внушать читателям мысль, что необходимо изменить статьи Версальского договора, касающиеся территориальных границ государств, в пользу Германии [73].

Закулисные переговоры вне Лиги наций создали еще больший разброд на Международной конференции по разоружению. Воспользовавшись этим, германская делегация покинула Женеву, и в середине октября 1933 г. гитлеровское правительство известило генерального секретаря Лиги наций о выходе Германии из ее состава. Этот факт положил конец периоду пацифистских конференций, переговоров и соглашений. Но, несмотря на вызывающее поведение германских фашистов, Джон Саймон, выступая в ноябре 1933 г. в палате общин, заявил, что «независимо от того, находится Германия в Женеве или нет, Англия будет продолжать попытки примирения» [74].

Последняя сессия Генеральной комиссии конференции по разоружению проходила с конца мая до середины июня 1934 года. В начале июня советская делегация внесла в Генеральную комиссию предложение превратить конференцию по разоружению в постоянную конференцию мира. Но правительства США, Англии и Франции упорно сопротивлялись принятию советского предложения, и оно было сорвано. После этого конференция по разоружению фактически прекратила свое существование.

Политика примирения с агрессивными правящими кругами Германии на Западе и Японии на Востоке, политика натравливания германского и японского милитаризма на Советское государство, проводимая международным империализмом, привела к провалу дела разоружения. Правящие круги Англии несут за это непосредственную ответственность. Газета «Manchester Guardian» откровенно признавала, что английское правительство виновно в срыве конференции по разоружению [75]. Хью Дальтон также пишет в своих мемуарах: «Данная конференция провалилась главным образом по вине английского правительства» [76].

Срыв конференции по разоружению еще более развязал силы реакции в Англии и в других империалистических странах, особенно в Германии, привел к невиданному росту вооружений [77].

Между тем многие представители английских правящих кругов постоянно повторяли, что Англия якобы разоружилась «до предела», и притом односторонним актом. Так заявил, например, Макдональд в палате общин в апреле 1931 года [78]. С большой речью на эту тему выступил 14 января 1932 г. Антони Иден на митинге в Лондоне в связи с предстоявшим открытием конференции по разоружению [79]. В том же духе говорил в ноябре 1932 г. Болдуин [80].

Подобные попытки виднейших политических деятелей Англии создать себе незаслуженную славу «миротворцев» были рассчитаны на то, чтобы ввести в заблуждение английские народные массы. Болдуин, например, жаловался, что избиратели забаллотировали осенью 1933 г. кандидата «национального» правительства в Фулхэмском избирательном округе лишь за то, что он «крайне осторожно затронул вопросы обороны» [81].

---

[73] «Times», 17 июля 1933 года.
[74] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 281, col. 59.
[75] «Manchester Guardian», 12 марта 1935 года.
[76] H. Dalton. The Fateful Years. Memoirs 1931—1945, pp. 35—36.
[77] Ф. Ноэль-Бейкер признает, что «провал конференции по разоружению в 1933 г. был поворотным пунктом на пути подготовки Гитлером второй мировой войны» (Ph. Noel-Baker. Указ. соч., стр. 11).
[78] «Parliamentary Debates. House of Commons». Vol. 254, col. 916.
[79] D. Bardens. Portrait of a Statesman. London. 1955, p. 98.
[80] «Times», 10 ноября 1932 года.
[81] Д. Ф. Я. Фуллер. Вторая мировая война 1939—1945 гг. М. 1956, стр. 40.

★

Враждебная делу мира деятельность английских реакционных правящих кругов, направленная на подготовку войны с СССР, наталкивалась на стойкую миролюбивую политику Советского Союза, на его всерастущую мощь, на сопротивление широких трудящихся масс самой Англии и других стран мира.

Борьбу за разоружение, против подготовки войн и агрессивных планов реакционных правящих кругов Англии и других империалистических держав английские народные массы вели под руководством Коммунистической партии Великобритании. Она была единственной партией в стране, которая в годы мирового экономического кризиса проводила активную антивоенную пропаганду и увязывала свои выступления, направленные против реакционной внутренней политики английских правящих кругов, снижения жизненного уровня трудящихся и переложения на их спины всей тяжести кризиса, с борьбой за разоружение, предотвращение войны. При активнейшем и руководящем участии Компартии в августе 1929 г. была проведена VI конференция «Движения меньшинства», видевшая свою основную задачу в борьбе с опасностью войны, в защите Советской страны. На 61-м конгрессе английских тред-юнионов, состоявшемся в сентябре 1929 г., фракция «Движения меньшинства» опубликовала воззвание, в котором резко критиковала реформистских лидеров за их поддержку империалистического курса второго лейбористского правительства и призвала трудящихся бороться против такой политики [82].

Большим вкладом в дело борьбы за разоружение, против подготовки правящими кругами Англии агрессии было рождение 1 января 1930 ежедневной газеты Компартии Великобритании «Daily Worker». Эта газета изо дня в день разоблачала политику английского правительства, саботировавшего дело разоружения и сокращения вооружений, постоянно напоминала народным массам о необходимости борьбы против империалистической агрессии, показывала неразрывную связь между бедностью и войной. Каждый год в антивоенный день 1 августа по всей стране проводились массовые митинги и демонстрации [83].

Против военной опасности выступила и английская молодежь, заявившая, что она не будет участвовать в агрессивных войнах, «потому что война — это убийство... потому что продолжающийся мировой кризис и экономическая война явились неизбежным результатом первой мировой войны 1914—18 гг.» [84]. В начале 1933 г. состоялась конференция «Университетских либеральных обществ», принявшая резолюцию, в которой участники конференции призывали к отказу от военной службы, если правительство «вступит в войну в нарушение устава Лиги наций» [85].

Борьба народных масс Англии против антисоветских планов международного империализма, за реальное сокращение вооружений и вооруженных сил нашла свое отражение в решениях лейбористских конференций в рассматриваемые годы. Так, 31-я конференция лейбористской партии (1931 г.) в одной из своих резолюций отметила, что существовавшие в то время расходы на вооружения в различных странах мира были «угрозой для мира и безопасности народов», и потребовала от английского правительства выступить с предложениями «о том, чтобы путем международных соглашений добиться крутого и далеко идущего сокращения вооружений и численности всех вооруженных сил, а также сокр

---

[82] Д. Аллисон и Л. Зубок. Движение меньшинства в Англии. М. 192 стр. 106, 108.

[83] См. «Daily Worker», 1 августа 1930 г., 1 августа 1931 г., 3 августа 1931 год

[84] F. W. Hirst. The Consequences of the War to Great Britain. London. 193 pp. 101—102

[85] «Manchester Guardian», 29 мая 1933 года.

щения расходов на армию, военно-морской и военно-воздушный флоты»[86].

В мае 1932 г. Генеральный совет английских тред-юнионов и Исполком лейбористской партии заявили о совместных действиях «по расчистке пути для разоружения путем создания международной безопасности против агрессии»[87]. Заявление призывало членов лейбористской партии и ее прессу усилить пропаганду за разоружение и против войны, укрепить сотрудничество с рабочими организациями других стран в «проведении митингов и демонстраций с целью оказания сильного давления на правительства, которые должны заключить соглашение о разоружении...»

В 1933 г. в одной из резолюций Гастингской конференции лейбористской партии содержалось требование рядовых членов партии предпринять совместные шаги лейбористской партии, тред-юнионов и кооперативного движения для организации сопротивления рабочего класса не только тогда, когда наступит война, но и в случае ее угрозы[88]. Сильные антивоенные настроения трудящихся масс Англии заставили Гастингскую конференцию лейбористской партии торжественно обещать «не принимать участия в войне и бороться против нее всеми средствами, которыми располагает рабочее движение... включая всеобщую забастовку»[89].

Рабочий класс Англии требовал принятия эффективных мер для предотвращения новой мировой войны, в которую империалисты стремились втянуть и страну социализма. В 1933 г. конгресс тред-юнионов вынес решение о созыве специального конгресса тред-юнионов для рассмотрения вопроса о борьбе рабочего класса против войны[90].

Однако правые лидеры лейбористской партии и тред-юнионов сделали все для того, чтобы сорвать это решение. Национальный совет труда (его членами были представители Исполкома лейбористской партии и Генсовета тред-юнионов) заявил, что якобы невозможно определить план действий на все случаи «чрезвычайных событий, которые могут произойти в будущем»[91]. Тред-юнионистские лидеры постоянно внушали трудящимся, что профсоюзы не должны интересоваться вопросами войны, не должны отказываться от выполнения военных заказов. Больше того, они проповедовали мысль о том, что всеобщая забастовка против войны якобы незаконна.

Одной из особенностей борьбы трудящихся масс в рассматриваемый период являлись совместные их действия против войны путем создания единого фронта, возглавленного компартиями ряда капиталистических стран. О солидарной борьбе трудящихся вынуждены были говорить и лейбористская партия, и «Социалистический интернационал», и Международная федерация профсоюзов[92]. Рядовые лейбористы требовали от руководства своей партии, чтобы борьба против войны велась в Англии согласованно с антивоенной борьбой в других странах. А. Гендерсон признал в начале 1933 г., что в лейбористском движении были «некоторые люди», которые в целях поддержания мира высказывались за объединение действий рабочего класса всех стран[93]. В конце того же года в обстановке бурных антивоенных выступлений английских трудящихся

---

[86] «Report of the Thirty-First Annual Conference of the Labour Party». London. 1931, pp. 42, 184.

[87] «Report of the Thirty-Second Annual Conference of the Labour Party». London. 1932, p. 60.

[88] «Report of the Thirty-Third Annual Conference of the Labour Party». London. 1933, pp. 186, 192.

[89] А. Хатт. Английское профсоюзное движение. М. 1954, стр. 142.

[90] «Labour Monthly», июнь 1934, стр. 336.

[91] A. Hutt. British Trade Unionism. An Outline History. London. 1945, p. 129—130.

[92] A. Henderson. Указ. соч., стр. 31.

[93] Там же, стр. 9.

Гендерсон вынужден был признать: «Народы знают, что действител ная безопасность может явиться лишь результатом избежания войн что любое уменьшение риска войны содействует экономическому озд ровлению и приносит повышение национальной безопасности» [94].

Массовое движение английских трудящихся за разоружение, пр тив войны, в защиту Советского государства не позволяло реакционны правящим кругам Англии беспрепятственно проводить курс на подг товку империалистической и особенно антисоветской войны. Растущ мощь СССР, успехи его мирной политики и борьба народных масс Ан лии и других стран связывали руки врагам мира, затрудняли антисове ские происки, срывали попытки развязать войну и направить вооруже ную агрессию против первой в мире страны социализма. «Если бы т было воли рабочих и крестьянских масс к миру, не было бы их ненав сти к войне,— говорил М. И. Калинин,— можно смело сказать, что во на уже вспыхнула бы» [95].

Империалистические правящие круги Англии и других держав т прислушались к голосу народа, требовавшего действительного разоруж ния или хотя бы существенного сокращения вооружений и вооруженны сил. Английское правительство отвергло искренние предложения Сове ского Союза сначала о полном и всеобщем разоружении, а затем о пр грессивно-пропорциональном сокращении вооружений, отвечающие ча ниям миллионов народных масс всего земного шара. Политика сабот жа дела разоружения и отказа от коллективной безопасности, провод мая правящими кругами Великобритании и других империалистически стран, привела к гонке вооружений, развязала силы агрессии и войн Но такая политика обернулась в первую очередь против самой ж Англии.

В начавшейся в 1939 г. войне Англии пришлось пережить позо Дюнкерка, английская территория подвергалась интенсивной бомбарди ровке фашистской авиацией, а английский народ, перенося тяжелы жертвы и лишения, находился под угрозой высадки фашистских по чищ на британские острова. В результате проведения правящими кр гами США, Англии и Франции политики отказа от разоружения и ко лективной безопасности пламя войны перебросилось на Дальн Восток. Эта политика способствовала вероломному нападению фаши ских орд на мирные города и села Советского государства, принесл страдания и гибель миллионам людей и привела к колоссальным ра рушениям материальных и культурных ценностей. Советский Союз, ра бив фашистских агрессоров, явился решающей силой, которая избавил от порабощения народы Запада и Востока.

И в современных условиях уроки истории требуют резкого изменен отношения правящих кругов империалистических стран к рассмотрени проблемы разоружения, настоятельно диктуют необходимость прин советских предложений в этой области. Однако до сего времени э державы пренебрегают уроками прошлого, чем наносят большой вред первую очередь интересам своих народов, обрекая их на серьезные л шения и жертвы. Только миролюбивая политика Советского Союза всех стран социалистического лагеря, борьба народов всего земно шара против войны, за мир и коллективную безопасность могут заст вить США, Англию и другие империалистические державы встать н путь действительного разоружения.

---

[94] «Nineteenth Century and After», январь 1934, стр. 13.
[95] «Правда», 7 марта 1929 года.

БОРЬБА ИТАЛЬЯНСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЗА ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА *

Джорджо Амендола,
член секретариата ЦК Итальянской коммунистической партии

Политическая обстановка в Италии характеризуется существованием наряду с крупной массовой Коммунистической партией (ИКП) сильной Социалистической партии (ИСП), с одной стороны, и немногочисленной социал-демократической партии — с другой. До последнего времени, несмотря на давление со стороны буржуазии, ИСП выступала за единство рабочего класса. Социал-демократы же с 1947 г. скатились на позиции прислужничества монополистической буржуазии и ее партии — христианским демократам. Такая своеобразная ситуация в Италии, единственная в своем роде для капиталистической страны, часто удивляла наблюдателей, объяснявших ее случайным стечением обстоятельств, а не результатом развития классовой борьбы и политики ИКП, проводившейся в соответствии с конкретными политическими и социальными условиями.

Еще в 1915 г. В. И. Ленин указывал, что в Итальянской социалистической партии — единственной среди всех социалистических партий западноевропейских стран — был осуществлен открытый разрыв с правыми оппортунистами (группой Биссолати) [1]. Ясно, что это обстоятельство,— по словам В. И. Ленина, «счастливое исключение» из практики других партий,— неоднократно наблюдавшееся и в последующие годы, должно было явиться следствием некоторых далеко не случайных черт итальянского рабочего движения.

И действительно, в Италии существовали объективные условия, определившие развитие политической борьбы в ее современной истории и поэтому заслуживающие того, чтобы мы упомянули о них.

Италия очень поздно сложилась как единое независимое государство. Лишь в 1870 г., с падением светской власти папы, в стране завершилось национально-объединительное движение. И хотя важнейшую роль в нем сыграли левые демократические организации, возглавлявшиеся Гарибальди, Мадзини и Пизакане, руководство движением все же удерживали в своих руках либеральные группировки формировавшейся промышленной и торговой буржуазии, а также тяготевшего к реформам землевладельческого дворянства, объединившиеся после 1849 г. вокруг Савойской династии. В результате такого компромисса широкие крестьянские массы были отстранены от участия в борьбе за объединение, осуществление радикальной аграрной реформы сорвано и население целых областей осталось во власти кучки местных заправил. Этим объясняется запоздалое появление крупной промышленности, развившейся к тому же лишь в отдельных районах, сохранение сильных феодальных пережитков в стране и ее общая экономическая и культурная отсталость.

Таким образом, революционное движение итальянских трудящихся развернулось в условиях чрезвычайно медленного и затрудненного про-

---

* Статья написана по просьбе редакции журнала «Вопросы истории».

[1] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 92—93.

мышленного развития. В Италии существовали небольшие изолированные группы промышленных рабочих и широкие массы пауперизированного населения, сконцентрированные в обреченных на постепенный упадок городах — столицах прежних абсолютистских государств, а также массы бедных крестьян и батраков, сильно пострадавших от глубоких сдвигов, которые произошли в итальянской деревне в течение XIX века. Эта отсталость всего общественного развития страны объясняет, почему в ходе политической борьбы, развернувшейся внутри I Интернационала, Бакунин в своих выступлениях против Маркса смог опереться на итальянское рабочее движение, которое, попав вначале под влияние республиканцев, затем в течение длительного времени оставалось под контролем анархистов. Только в 1892 г. в Италии образовалась Социалистическая партия, исходившая из принципов марксизма и сумевшая установить связи с социалистическими партиями других европейских стран. Однако ИСП не была последовательно марксистской. На формирование ее идеологии оказал сильное влияние позитивизм, сочетавшийся с вульгарным эклектизмом.

Социалистическая партия выполнила важную функцию по организации тогда еще немногочисленных рабочих ячеек (лиг и кооперативов), воспитанию батраков и испольщиков; она внесла важный вклад в борьбу прогрессивных групп итальянской буржуазии в начале XX в. за укрепление в условиях монархического строя демократического парламентского режима, за смягчение социального и политического напряжения, вызванного политикой реакционных правительств и нашедшего выражение в народных движениях 1892 г. и в убийстве короля Умберто. Рабочим удалось тогда добиться некоторых прав на создание своих организаций, на забастовки, провозглашения свободы печати, хотя на практике осуществлять эти права они не могли. На их выступления реакция отвечала кровавыми расправами.

Буржуазные партии, руководившие страной в первом десятилетии XX в., пытались привлечь социалистов к открытому сотрудничеству, чтобы расширить свою массовую базу. Но хотя под влиянием Турати и других руководителей реформизма практика политического коллаборационизма процветала тогда в парламенте, в кооперативном и даже в профсоюзном движении, лидерам реформизма все же не удалось направить Социалистическую партию по пути открытого сотрудничества с буржуазией. Предпринятая в 1912 г. реформистом Биссолати попытка такого рода натолкнулась на сопротивление преобладающего большинства социалистов и привела к исключению Биссолати из ИСП и возникновению узкореформистской партии, которая быстро оказалась в изоляции от итальянского рабочего движения.

Положение широких народных масс оставалось по-прежнему тяжелым, несмотря на промышленный прогресс первого десятилетия XX века. Попытки итальянских капиталистов ликвидировать отставание в промышленном развитии, а также приток в страну в 900-х годах иностранного капитала сопровождались усилением эксплуатации и понижением заработной платы трудящихся. Наступление буржуазии на рабочий класс оказалось возможным в связи с существованием в стране постоянной массы безработных, которая, несмотря на сильнейшую эмиграцию, не убывала. Италия, позднее других стран вступившая в империалистическую борьбу за раздел сфер влияния, пустилась в рискованные и дорогостоившие авантюры, чтобы создать себе колониальную базу в Африке. С этой целью она начала войну в Эфиопии, оказавшуюся неудачной для итальянского милитаризма, вызвавшую всеобщую оппозицию в стране и наряду с этим обострение националистических чувств.

Резкие классовые противоречия, отсутствие у итальянской буржуазии сколько-нибудь широкого маневренного пространства для проведения

последовательной политики реформ, ее хвостистский и ханжеский характер, с одной стороны, и проявление внутри рабочего движения революционных тенденций — с другой, помешали руководителям реформистского течения увлечь ИСП на путь открытого сотрудничества с буржуазными партиями. Все это понуждало реформистов выступать в энергичной оппозиции к буржуазным правительствам, не исключавшей, однако, многочисленных закулисных соглашений и компромиссов, и придавало итальянскому рабочему движению бурный, страстный, крайне боевой характер, правда, зачастую несколько примитивный и лишенный перспектив. Но узость рабочей базы по сравнению с широкими крестьянскими массами, принимавшими участие в движении, значительные областные различия и отсутствие централизованного марксистского руководства, которое способствовало бы преодолению этих различий и укреплению союза рабочего класса с крестьянством, а также с трудящимся населением Южной Италии, мешали потенциальным революционным силам страны приступить к последовательным революционным действиям, направленным на захват власти.

Максимализм представлял собой такую форму рабочего движения, в которой борьба за непосредственные требования и пропаганда социалистических принципов сочетались с пламенными революционными фразами. Эта пропаганда отвечала социалистическим настроениям, получившим широкое распространение среди народных масс, и их наивной вере в пришествие революции. Но за нею скрывалось отсутствие революционной программы, стратегии и тактики, фаталистическое ожидание стихийного «социалистического будущего».

Классовые конфликты еще более обострились после 1912 г., когда итальянская буржуазия сочла себя достаточно сильной, чтобы вновь вступить на путь колониальных авантюр, когда она втянула страну в войну в Ливии и в интриги на Балканах, послужившие прелюдией к взрыву первой мировой войны. Итальянский империализм не мог примириться с тем, что он оказался обделенным при разделе Африки, и пытался направить в русло национализма недовольство широких народных масс, изображая перед ними перспективу завоевания колониальной империи как обретение «места под солнцем». Но, по меткому определению В. И. Ленина, итальянский империализм был «империализмом бедняков» [2], империализмом, не сумевшим создать себе в стране даже ограниченной базы из прослойки рабочей аристократии, которая смогла бы обеспечить ему сотрудничество по крайней мере части социалистов. Итальянская социалистическая партия всегда боролась против колониальных авантюр. В стране начались массовые выступления трудящихся, направленные против ливийской войны. В последующие годы Италию охватила развернувшаяся в городах и деревнях широкая классовая борьба. Итальянская буржуазия, расколовшаяся на сторонников нейтралитета и сторонников вступления в войну, приняла участие в империалистической бойне 1914—1918 гг., не сумев осуществить ни национального единства всех буржуазных сил, ни «священного союза» буржуазии с пролетариатом.

Существование сильных нейтралистских течений среди буржуазии и активного католического движения в пользу нейтралитета побуждали и реформистских лидеров правого крыла ИСП упорно отстаивать нейтралистские позиции, в то время как подавляющее большинство социалистов выступило против войны и осудило попытку редактора «Avanti» А. Муссолини увлечь партию в лагерь сторонников войны. Муссолини был изгнан из Социалистической партии и стал на путь, который привел его на пост фашистского «дуче» и завершился смертным приговором и казнью после победы партизанского восстания 1945 года.

---

[2] В. И. Ленин. Соч. Т. 21, стр. 325.

Итак, из всех западноевропейских партий II Интернационала ИСП была единственной, которая отказалась выступить за войну. Она принимала участие в конференциях в Циммервальде и в Кинтале, где, однако, примкнула к центристскому большинству. Отсутствие четкой марксистской линии мешало ИСП преодолеть нейтралистские настроения и перейти к последовательной революционной борьбе против империалистической бойни. Лозунгом ИСП было: «не поддерживать и не саботировать» войну. В результате Социалистическая партия не смогла довести вызванный войной кризис в Италии до революции.

Пример Великого Октября оказал на Италию огромное влияние. Но порыв трудящихся масс оказался исчерпанным в ряде демонстраций и эпизодических выступлений. Если реформистское крыло ИСП не смогло пойти на открытое сотрудничество с демократическими буржуазными партиями в кабинете министров, то революционное крыло не сумело обеспечить себе организационной автономии. ИСП примкнула к III Интернационалу, но оспаривала условия, выдвинутые В. И. Лениным, и отказалась изгнать из партии Турати и других реформистских лидеров. В решительные годы — 1919—1920 — завязалась бесплодная фракционная полемика, которая тормозила развитие рабочего движения и позволила итальянской буржуазии оправиться и организовать свое реакционное наступление. Именно тогда возникла необходимость организовать самостоятельную революционную партию рабочего класса. В январе 1921 г. на съезде в Ливорно произошел раскол ИСП и была создана Итальянская коммунистическая партия, вступившая в III Интернационал.

★

Проблема политического единства рабочего класса возникла сразу же на съезде в Ливорно в качестве первой задачи новой революционной партии, вышедшей из тяжелейшей борьбы против реформистского и максималистского течений. ИКП была создана на Ливорнском съезде в результате борьбы, которую вел итальянский рабочий класс за революционное разрешение политического и социального кризиса, порожденного первой империалистической войной; ее оформлению способствовала помощь Коммунистического Интернационала и непосредственно В. И. Ленина. ИКП возникла в ответ на потребность итальянского рабочего класса в революционной партии: а) вооруженной учением марксизма-ленинизма и способной поэтому в противовес оппортунистической эклектике старой ИСП изучить исторические условия и движущие силы пролетарской революции в Италии; б) руководствующейся принципами пролетарского интернационализма, вступившей в Коммунистический Интернационал, связанной с победоносным опытом Великой Октябрьской революции и международного рабочего движения и способной в силу своего интернационалистического характера к деятельности, независимой от империалистической буржуазии; в) воспитанной в революционном духе, идеологически стойкой, умеющей противопоставить свою волю и организацию тактике выжидания, избирательной игре группировок и оппортунизму в организационных вопросах старой Социалистической партии.

Для осуществления этих задач, иначе говоря, для вовлечения большинства народа в борьбу за социализм и возникла Итальянская коммунистическая партия, которой суждено было обеспечить последовательное руководство всем рабочим классом и широкими народными массами города и деревни, осуществить единство трудящихся в экономической и политической борьбе, скрепить союз рабочего класса и крестьянства. Эта партия не должна была превращаться в группу пропагандистов, поглощенных лишь доказательством истинности собственных принципов и неспособных установить контакт с широкими народными массами. Ее цель являлось осуществить на деле руководство в политической борьбе. В про-

тивовес социал-демократии, которая разобщала рабочий класс, чтобы подчинить его политическому руководству буржуазии, Итальянская коммунистическая партия должна была начать борьбу за осуществление единства пролетариата.

В рядах ИСП осталась бо́льшая часть членов партии; среди них остались те кадры и руководители, которые хотя и не сумели осознать насущной потребности итальянского рабочего движения — необходимости образования Коммунистической партии,— являлись в то же время революционными борцами. Их можно и должно было привлечь в партию, примыкающую к Коммунистическому Интернационалу, осуществлять с ними единый фронт. Нужно было организовать отпор объединенных сил трудящихся Италии яростному реакционному наступлению буржуазии, которое проводилось через посредство фашизма и не брезговало никакими средствами. В. И. Ленин четко определил задачу, стоявшую перед новой партией: «...прежде, чем объединяться, и для того, чтобы объединиться, необходимо сначала решительно и определенно размежеваться» [3]. Итак, от размежевания к единству — такова была задача, стоявшая перед новой революционной партией.

Нужно признать, что большинство членов ИКП не смогло сразу же полностью осознать значение этого ленинского лозунга и не хотело следовать советам Коминтерна. В подготовке Ливорнского учредительного съезда руководящая роль принадлежала абсентеистской фракции, выступавшей за неучастие в предвыборной борьбе и в парламентской деятельности, той самой фракции, которую В. И. Ленин сурово критиковал в своей работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Абсентеисты удерживали в своих руках руководство партией и на втором съезде ИКП, в 1922 г., выработали платформу, в которой отвергались требования единства партий, несмотря на то, что представитель Коммунистического Интернационала Васил Коларов призывал итальянских коммунистов отказаться от доктринерских и сектантских позиций и настаивал на необходимости создания единого фронта трудящихся для защиты их насущных интересов.

В течение 1921—1922 гг. В. И. Ленин в полемике с «левым» большинством ИКП неоднократно возвращался к вопросу о необходимости для Итальянской компартии проведения политики единства. Подчеркнув, что, согласно тактической резолюции III конгресса Коминтерна (1921 г.), «завоевание на нашу сторону большинства пролетариата — вот «главнейшая задача»», В. И. Ленин напоминал существеннейшие места этой резолюции: «Коммунизм станет в Италии массовой силой, если Коммунистическая партия Италии, борясь непрерывно, непреклонно против оппортунистической политики серратизма, в то же время окажется в состоянии связаться с массами пролетариата в профсоюзах, в стачках, в сражениях против контрреволюционных организаций фашистов, слить вместе движения всех организаций рабочего класса, превратить его самопроизвольные выступления в тщательно подготовленные сражения» [4].

В. И. Ленин указывал итальянским коммунистам, что им не следует удовлетворяться «тем знанием, которое есть у них», если рабочие, которые идут за ними, составляют меньшинство. «Коммунисты должны не нежиться в собственном соку, а научиться действовать так, чтобы, не останавливаясь перед известными жертвами, не боясь неизбежных в начале всякого нового и трудного дела ошибок, проникать в запертое помещение, где воздействуют на рабочих представители буржуазии. Коммунисты, которые не захотят понять этого и не захотят научиться этому, не могут надеяться приобрести большинство среди рабочих, или, во всяком случае, они затрудняют и замедляют дело приобретения такого

[3] В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 339.
[4] В. И. Ленин. Соч. Т. 32, стр. 496.

большинства. А это уже для коммунистов и для всех действительных сторонников рабочей революции вещь совершенно непростительная» [5].

Итальянским коммунистам нелегко было сразу понять, что они не должны «вариться в собственном соку». С самого начала история ИКП представляла собой историю борьбы, историю исканий и ошибок, поражений и успехов — все это ради осуществления единства рабочего класса.

В первые годы — с 1922 по 1926, до III съезда ИКП,— эта борьба проходила в атмосфере глубокой неуверенности вследствие разброда внутри самой ИКП и противоречий, существовавших между бордигианским руководством, стоявшим на сектантских позициях, и медленно и трудно формировавшимся новым большинством, которое сплачивалось вокруг Антонио Грамши и получало поддержку от Коминтерна. И, тем не менее, требование единства всегда находило сочувствие среди рядовых коммунистов, несмотря на препятствия со стороны доктринерских и сектантских руководителей, которые не были способны понять всю опасность ликвидации демократических свобод и перехода от скрытых и умеренных форм буржуазной диктатуры к открытому террору наиболее реакционных групп империалистов. Рядовые коммунисты участвовали в героическом вооруженном сопротивлении фашизму, так называемом движении «народных смельчаков», и делали это вопреки запрещению руководства, которое осудило это движение, исключило из него коммунистов и изолировало таким образом партию от народных масс, в то время как последние не хотели капитулировать перед фашистами и упорно защищали от вооруженных нападений фашистских банд народные дома, кооперативы и профсоюзы.

В профсоюзном движении первые шаги на пути к единству были сделаны с созданием Альянса труда, что дало возможность провести крупную антифашистскую забастовку в августе 1922 года. В трудный момент, когда профсоюзному движению был нанесен удар перешедшими в наступление предпринимателями и фашистами, коммунисты внесли значительный вклад в профсоюзную деятельность. Позиции коммунистов в объединенной организации укреплялись, и у них устанавливались все более тесные связи с рабочими-социалистами, намеревавшимися продолжать борьбу в защиту своих прав.

Таким образом, по мере того как внутри ИКП ленинское ядро, возглавлявшееся Антонио Грамши, вокруг которого в течение 1923—1925 гг. объединялись лучшие силы партии, постепенно отвоевывало почву у старых сектантских группировок, инициатива ИКП по созданию единства осуществлялась все более уверенно. Деятельность партии была направлена прежде всего на вовлечение в ее ряды группы «третьеинтернационалистов», оставшейся в Социалистической партии и занявшей позиции на ее левом фланге после раскола между реформистами и максималистами, происшедшего внутри ИСП. Политическая база ИКП расширилась. В нее вступили такие видные деятели итальянского рабочего движения, как Маффи, Ли Каузи, профсоюзный работник Джузеппе ди Витторио. Все более тесным становился контакт с народными массами, которые усиливали антифашистскую борьбу.

Предложение коммунистов выставить на политических выборах 1924 г., в противовес фашистскому списку, представлявшему собой концентрацию буржуазных сил, единые рабочие списки, в которые были бы включены общие кандидаты коммунистов и социалистов, ознаменовало собой новый этап общей борьбы. В дальнейшем она развертывалась все более успешно, по мере того как внутри ИКП укреплялось руководство Грамши и Тольятти: вначале коммунисты приняли участие в «Комитете антифашистской оппозиции», образованном после убийства депутата-социалиста Джакомо Маттеотти, затем они выдвинули предложение прове-

[5] В. И. Ленин. Соч. Т. 33, стр. 297.

сти всеобщую забастовку с объединением всех сил и мобилизацию народных масс против фашистского режима. Эти предложения были отвергнуты максималистами и социалистами-реформистами, а также буржуазно-демократическими партиями, вступившими в коалицию единого фронта, в котором руководство осуществляли представители либеральной демократии и католики. Но поражение этой оппозиции, которая получила наименование Авентинского блока, расчистившей путь фашизму и давшей ему возможность укрепить свою диктатуру, подтвердило справедливость критики со стороны коммунистов, направленной против «авентинской» политики пассивного ожидания и одного лишь морального протеста.

Именно в этот момент, в январе 1926 г., на III съезде ИКП была наконец выработана политическая линия, которая позволила партии выступить в дальнейшем в роли руководителя и объединителя антифашистской борьбы. На основе объективного анализа расстановки классовых сил в итальянском обществе, особенностей развития различных областей и связанных с этим основных проблем — аграрного, южного вопросов и ватиканской проблемы — были определены движущие силы революции и ее резервы, выявлены те социальные слои и политические группировки, которые могли и должны были превратиться в союзников пролетариата в борьбе за обновление итальянского общества. Чтобы достигнуть своей великой исторической цели — построения социалистического общества,— итальянский пролетариат должен был вступить в союз с теми слоями, которые пострадали от крупного финансового капитала и его политического орудия — фашистской диктатуры. Самым страшным для рабочего класса могла оказаться изоляция. Даже в трудных условиях подпольной работы он должен был стремиться к установлению самой тесной связи с широкими народными массами, заключить политический союз с крестьянами и населением Южной Италии, которые одновременно находились под гнетом как аграрно-индустриального блока, так и развивавшегося монополистического капитала. При разработке стратегии и тактики итальянской революции и последовательной политики союза пролетариата с остальными трудящимися, который утверждал таким образом свою гегемонию в антифашистской борьбе, Коммунистическая партия исходила из конкретных условий, создавшихся в ходе национальной истории.

★

Политику единства рабочего класса и народных масс ИКП проводила последовательно, разумеется, с учетом изменений политической обстановки и возникновения новых задач, при постоянном изучении существовавших в Италии конкретных условий борьбы за социализм.

Позиция, занятая партией на III съезде, дала ей возможность быстро стать авангардом антифашистского сопротивления. Укрепление ИКП являлось результатом прежде всего ее политической победы, определявшейся идеологическим превосходством Коммунистической партии и тем фактом, что она одна, при полной неспособности других социалистических партий проанализировать причины победы фашизма, сумела объяснить происхождение и дать оценку классового характера фашистской диктатуры как диктатуры руководящих групп монополистической буржуазии. ИКП указывала, что фашизм являлся не фатальной случайностью, как пытались утверждать либеральные философы, а средством, к которому итальянская буржуазия вынуждена была прибегнуть, чтобы противостоять борьбе трудящихся классов.

Марксистское истолкование сущности фашизма в конце концов было принято всеми активными группами антифашистского движения. Но из этого анализа вытекала необходимость для рабочего класса бороться с фашизмом в союзе со всеми силами, угнетаемыми фашистской диктатурой, осуществлять роль гегемона в антифашистской борьбе. Позиция ИКП по

трем центральным проблемам: о классовом характере фашизма, о роли пролетариата в антифашистской борьбе и о необходимости массовых действий для уничтожения фашистского режима,— прежде оспаривавшаяся всеми остальными антифашистскими группами, в конечном счете восторжествовала и была, по крайней мере формально, принята всем итальянским рабочим движением.

В результате правильной политической линии, намеченной на III съезде, ИКП оказалась после введения «исключительных законов» 1926 г. и перехода всего антифашистского движения на нелегальное положение единственной партией, которой удалось сохранить постоянную боевую организацию, связанную с рабочими массами на производстве. В то время как другие антифашистские партии — социалисты, максималисты, республиканцы — нашли прибежище в эмиграции, заявив, что в Италии «делать нечего», и посвятили себя пропагандистской работе за границей, ИКП сконцентрировала свое внимание на работе внутри страны.

Активная антифашистская деятельность коммунистов в Италии поставила проблему отношений с ИКП перед всеми антифашистскими силами, намеревавшимися продолжать борьбу, несмотря на распад и раскол в старых партиях. На заводах, в деревнях, в университетах устанавливались новые тесные связи между коммунистами и членами других партий, оставшихся без руководства и без ориентации. В течение 1927—1934 гг. в эмиграции отношения между представителями ИКП и других партий, объединенных в «Антифашистской республиканской концентрации», оставались напряженными и соответствовали отношениям между III Интернационалом и партиями правосоциалистического Интернационала. В этом сказалось влияние глубокого раскола, возникшего в Германии в результате разногласий между коммунистами и социал-демократами и яростной полемической борьбы, последовавшей за победой нацизма. В Италии же в это время развертывалось объединенное антифашистское движение, включавшее разнообразные нелегальные коммунистические и социалистические группы.

Все громче звучал призыв коммунистов Италии к единству, обращенный к эмигрантским центральным органам. Единство действий в антифашистской борьбе не устраняло программных, политических и идеологических расхождений, но они не препятствовали сотрудничеству в работе и взаимной помощи. В годы мирового экономического кризиса все эти группы испытывали на себе растущее влияние успехов Советского Союза в построении социализма, результатов первого пятилетнего плана. Углублялись противоречия между членами ИКП и участниками организации, получившей название «Справедливость и свобода», которая находилась под влиянием либеральной идеологии. Напротив, все более тесными становились узы между коммунистами и социалистами, в особенности в крупных промышленных центрах Северной Италии. Тогда, в ходе сопротивления фашизму, создалась та сплоченность, которая впоследствии укрепилась в партизанской войне и обеспечила сохранение политического единства рабочего класса даже в трудных условиях последнего десятилетия.

Значительную роль в этом сыграла проводившаяся ИКП политика использования всех легальных возможностей и активного проникновения в борьбе со всеми формами сектантства в профсоюзные, юношеские, университетские и другие массовые фашистские организации. Это позволило партии пробить брешь в стене изоляции, возникшей в связи с ее нелегальным положением, сблизиться с широкими массами, находившимися под контролем фашистских организаций и испытывавшими влияние их пропаганды, для того, чтобы вести борьбу в защиту непосредственных требований трудящихся. В ходе этой борьбы старые кадры партии получили возможность приблизить к себе и воспитывать новое поколение, выросшее в условиях фашистского режима и не принимавшее в дофа-

шистский период участия в политическом движении. Даже в самые мрачные годы подполья ИКП никогда не скатывалась на позиции группы пропагандистов, а всегда, во всех условиях стремилась к развертыванию массовых действий и осуществлению единства рабочего класса.

Единый фронт коммунистов и социалистов после первых робких попыток его создания в 1921—1926 гг. все в большей степени становился основой отношений между ИКП и ИСП, и это единство действий двух партий стало ядром более широкого антифашистского единения. Политическое единство рабочего класса дало ему возможность осуществлять свою гегемонию на всем протяжении антифашистской борьбы. Единый фронт превратился в основу народного фронта в антифашистском движении, а впоследствии — в основу национального фронта в борьбе за мир и независимость.

В 1933 г. в отношениях между коммунистами и социалистами произошел поворот международного значения. До этого времени коммунистические и социалистические организации, за редкими исключениями, не вступали в соглашения о едином рабочем фронте. После 1933 г. ситуация начала меняться. События, связанные с приходом Гитлера к власти, и неспособность германских рабочих в силу разобщенности коммунистов и социал-демократов оказать действенное сопротивление фашизму глубоко потрясли международное рабочее движение, заставили рабочие партии подвергнуть критическому пересмотру прежние позиции и явились мощным толчком к установлению единства действий этих партий.

Вина социал-демократов была ужасающе тяжела, ибо своей деятельностью они расчистили путь фашизму. Но коммунистические партии не могли ограничиться разоблачением предательства социал-демократов. Нужно было смотреть вперед, наметить единую линию действий, чтобы противопоставить фашизму, перешедшему в наступление в Европе, мобилизацию всех народных сил, объединенных вокруг сплоченного рабочего класса. Организованные по инициативе Ромена Роллана и Анри Барбюса съезды в Амстердаме и Плейеле, проходившие под лозунгом борьбы против фашизма, положили начало общему антифашистскому движению, что впервые после многих лет дало возможность коммунистическим и социал-демократическим руководителям сблизиться и приступить к совместным действиям. Вокруг Лейпцигского процесса, из которого Г. Димитров вышел победителем, разоблачив преступления фашизма, развернулось широкое антифашистское движение международной солидарности. Объединенная борьба парижского пролетариата в февральские дни 1934 г. дала мощный стимул движению за единство действий коммунистических и социалистических партий и всех демократических сил, полных решимости бороться против фашизма.

С 1934 г. начался новый этап в развитии единого рабочего фронта — период, когда некоторые коммунистические партии смогли наконец достигнуть официальных соглашений с социал-демократами о единстве действий. Этому способствовала неустанная борьба коммунистов за создание единого рабочего фронта, а также проведенная ими самокритичная работа, получившая наивысшее выражение на VII конгрессе Коминтерна в 1935 году.

Пример Германии показал всему рабочему движению, что упорное сопротивление германской социал-демократии единству сил пролетариата в великой борьбе против фашизма практически открыло для последнего возможность захвата власти. Поражение, понесенное реформизмом, скандальный провал прогнозов правосоциалистического Интернационала — все это заставило массы рабочего класса произвести коренную переоценку всей проблемы отношений между социалистами и коммунистами.

Перед лицом фашистской угрозы французские рабочие-социалисты откликнулись на призыв Французской компартии к единству действий и принудили своих руководителей, даже тех, кто не желал этого, признать единый фронт. Создание единого фронта стало возможным также потому, что коммунистические партии капиталистических стран начали подходить к данному вопросу шире, чем раньше. В предшествующие годы коммунисты часто подходили к политике единого фронта узкосектантски. Коллаборационизм социал-демократии объективно способствовал возникновению сектантства в рядах некоторых коммунистических партий, но ответственность за это ложилась и на самих коммунистов, потому что они не смогли своевременно отыскать формы действия и лозунги, необходимые для того, чтобы приблизить к себе массы рабочих социал-демократов и объединиться с ними в борьбе, потому что они шли на уступки сектантству, не вели с ним должной борьбы, удовлетворялись результатами, не приводившими к разоблачению реформизма и укреплению революционных сил рабочего класса. Все эти ошибки мешали в работе коммунистических партий.

В 1934 г. в Коммунистическом Интернационале усилилась борьба за ликвидацию сектантства, за развертывание коммунистами смелой деятельности по осуществлению самого широкого союза рабочих — социал-демократов и рабочих-коммунистов на почве антифашистской борьбы за объединение вокруг сплоченного пролетариата большинства трудящегося населения. Во главе борьбы за освобождение коммунистических партий капиталистических стран от сектантских ошибок встала Французская компартия.

На VII Всемирном конгрессе Коммунистического Интернационала Г. Димитров и П. Тольятти призвали рабочий класс и коммунистические партии капиталистических стран взять в свои руки брошенное буржуазией знамя борьбы за независимость, мир и демократические свободы.

VII конгресс поставил перед международным пролетариатом первоочередную задачу: «Политическое и организационное сплочение его сил и ликвидацию той изоляции, к которой его привела социал-демократическая политика классового сотрудничества с буржуазией,— сплочение трудящихся вокруг рабочего класса в широком народном фронте борьбы против наступления капитала и реакции, против фашизма и угрозы войны в каждой отдельной стране и на международной арене» [6].

Конгресс принял твердое решение по-новому применять тактику единого фронта. Конгресс настойчиво требовал не удовлетворяться только пропагандой общих лозунгов о пролетарской диктатуре и Советской власти, а вести конкретную активную большевистскую политику по всем внутренним и внешнеполитическим вопросам страны, по всем актуальным вопросам, затрагивающим жизненные интересы рабочего класса, собственного народа и международного рабочего движения. Конгресс настаивал на том, чтобы все тактические шаги партий основывались на трезвом анализе конкретной действительности, учете соотношения классовых сил и политического уровня широчайших масс. Конгресс требовал полного искоренения из практики коммунистического движения всех остатков сектантства, представлявшего в тот момент наибольшую помеху для проведения действительно массовой, большевистской политики коммунистических партий [7].

VII конгресс Коминтерна явился конгрессом единства рабочего класса в борьбе против фашизма, за мир. Он наметил перед коммунистическими партиями широкую программу совместных действий, вызвал всеобщий подъем движения за единство действий рабочего класса. VII кон-

---

[6] Г. Димитров. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи. 1935—1937. М. 1937, стр. 81.

[7] Там же, стр. 85.

гресс оказал большую поддержку ИКП в ее борьбе за создание широкого антифашистского фронта, против всяческих форм сектантства и «карбонаризма». Левый уклон и правый оппортунизм с их политикой пассивного выжидания служили препятствием для партии в выполнении ею руководящей роли в создании единого антифашистского фронта. Решения VII конгресса Коминтерна дали ИКП возможность активизировать свою деятельность на основе новых установок и смелее развернуть проведение линии, намеченной Антонио Грамши на III, Лионском съезде и имевшей своей основной целью обеспечить за рабочим классом в национальном масштабе руководящую роль в борьбе против фашистской диктатуры, за спасение Италии.

В августе 1934 г. в Париже под непосредственным влиянием объединенного антифашистского движения, развивавшегося во Франции и в Италии, между ИКП и ИСП был подписан пакт о единстве действий. К соглашению прилагались два заявления, в которых были сформулированы соответствующие позиции при сохранении идеологической платформы каждой партии. Соглашение устанавливало цели общих действий в борьбе за мир и свободу, за улучшение условий жизни трудящихся, за профсоюзные права.

На основе соглашения 1934 г. была осуществлена среди массы трудящихся-эмигрантов широкая программа объединенных действий. Наиболее ярко совместные действия того периода проявились в борьбе итальянских антифашистов (бригада имени Гарибальди) в защиту Испанской республики. Менее эффективной могла показаться в то время объединительная деятельность внутри страны. И однако отношения между коммунистами и социалистами становились все более тесными, даже независимо от официальных партийных организаций, именно в силу возникновения объединенной платформы.

Для Италии наступил период фашистских войн: в Эфиопии, Испании и Албании, а затем, после вступления во вторую мировую войну,— в Греции, Киренаике, нападение в июне 1941 г. на Советский Союз. Вся эта длинная цепь фашистских агрессий привела в конце концов страну к поражению, к вторжению в нее иностранных армий и национальной катастрофе.

В связи с этим антифашистская борьба, по существу, превратилась в борьбу за мир и независимость, против подчинения Италии нацистской Германии. Соглашение 1934 г. между ИКП и ИСП явилось основой сотрудничества, развертывавшегося в стране непрерывно, вплоть до настоящего времени, хотя оно не раз наталкивалось на трудности и переживало критические моменты. Краткий период прекращения единства действий двух партий в сентябре 1939 г., когда руководство ИСП было захвачено ренегатом Таска, перешедшим затем на службу к Петэну, практически не имел серьезных последствий. Соглашение о сотрудничестве двух партий было возобновлено в 1941 г. на нелегальных совещаниях во Франции. Вновь обретенное единство действий ИКП и ИСП явилось основой и условием для сплочения антифашистов вначале в рядах «Комитета действия за объединение итальянского народа» (Тулуза, 1941 г.), а затем в Италии в национальном фронте и в образованном в 1943 г. «Комитете национального освобождения».

Подтвержденный в Риме в 1943 г., а затем в 1944 и 1945 гг. пакт о единстве действий способствовал превращению рабочего класса в ведущую силу антифашистского движения. Итальянский пролетариат организовал и возглавил национально-освободительную борьбу, окончившуюся победой общенационального восстания. В 1945—1946 гг. в трудных условиях, создавшихся в результате англо-американской военной оккупа-

ции, была свергнута монархия, провозглашена республика и принята конституция, в которой были сформулированы требования структурного обновления, назревшие в ходе драматического периода, пережитого итальянским народом.

Именно в этот момент была предпринята самая серьезная попытка разрушить политическое единство рабочего класса. Инициатором ее был Сарагат, и раскол, вызванный им в рядах ИСП в январе 1947 г., явился началом периода «холодной войны» в Италии и был использован Де Гаспери для того, чтобы расколоть национальное единство и образовать правительство без участия коммунистов и социалистов. Однако попытка Сарагата натолкнулась на единодушное сопротивление рабочего класса. Большинство социалистов подтвердило свое желание сотрудничать с ИКП. В отличие от Франции и других стран Западной Европы в Италии буржуазия не сумела расколоть рабочий класс и увлечь значительную часть его на социал-демократические позиции. Этот факт оказался определяющим для развития политической борьбы в стране в последнее десятилетие.

Это был решающий момент для сохранения и развития единства рабочего класса. И действительно, основные цели, намеченные коммунистами в 1934 г. для объединенных действий двух партий, были в ходе борьбы против фашизма в основном достигнуты: фашистский режим свергнут и демократическая буржуазная республика создана. Но англо-американская оккупация помешала национальному восстанию открыть путь рабочему классу и его союзникам для создания народной демократии, при которой власть в стране принадлежала бы рабочему классу и его союзникам. При поддержке Ватикана и американских империалистов итальянская буржуазия преодолела глубокий кризис, порожденный военным поражением, падением фашизма и крушением монархии. Так начался период реставрации прежнего капиталистического организационного аппарата, которая должна была позволить руководящим группам монополистической буржуазии вернуть и расширить свои прежние господствующие позиции. В этой обстановке, когда перед трудящимися Италии встала задача длительной и упорной борьбы за демократический прогресс и за путь к социализму, проблема создания единой партии рабочего класса, поставленная в ходе борьбы за освобождение, перестала быть политически актуальной.

Необходимо было уберечь часть рабочего класса от влияния социал-демократического реформизма и не допустить, таким образом, его подчинения буржуазным партиям. Осуществление политики единства было связано с признанием того факта, что в Италии наряду с Коммунистической существовала Социалистическая партия, обладавшая автономией, собственными традициями, своей особой ролью и широкими связями с массами рабочего класса и трудящегося населения. Предстояло при участии Социалистической партии, так, как это было исторически и политически определено развитием итальянского рабочего движения, вопреки идеологическим разногласиям осуществить единство действий с тем, чтобы сохранить и укрепить политическое единство рабочего класса в качестве предпосылки и условия более широкого демократического и народного единства. Поэтому ИКП положила в основу своей деятельности задачу единства. Для этого нужно было поставить перед рабочим классом достижимые цели, соответствующие жизненным требованиям итальянских трудящихся масс. В то время как реформисты стремились расколоть рабочий класс по вопросу, который не возникал конкретно в Италии, а именно о диктатуре пролетариата, с тем, чтобы замаскировать идеологические мотивы собственного подчинения политике, продиктованной крупной монополистической буржуазией, итальянские коммунисты, хотя и не отказывались от необходимости вести последовательную идеологическую борьбу по проблемам пролетарской революции и социализма,

выдвинули перед рабочим классом и народом политическую программу обновления страны.

Эта программа соответствовала положениям итальянской конституции и неизбежно должна была прийти в столкновение с интересами крупной промышленной и аграрной буржуазии. Она предусматривала проведение экономических и политических реформ, направленных на ограничение власти монополистического капитала: аграрную реформу, национализацию ряда отраслей промышленности и введение контроля над монополиями, развитие государственной промышленности, хозяйственное возрождение Южной Италии и островов, усиление местной и создание областной автономии. Задача социально-экономического обновления страны была выдвинута еще в ходе антифашистской борьбы. Комитеты национального освобождения разработали тогда социальную программу Сопротивления, имевшую целью создание новой демократии и уничтожение социальной базы фашизма. Все партии, примыкавшие к комитетам национального освобождения, отстаивали требование глубоких структурных реформ, и христианские демократы, в частности, взяли на себя торжественное обязательство их проведения. Конституция, выработанная в основных чертах в то время, когда еще существовали правительства, созданные союзом ИКП, ИСП и христианско-демократической партии (1946—1947), наметила программу социального прогресса. После крушения правительств национального единства ИКП потребовала, чтобы социалисты и все демократические силы Италии продолжали общую борьбу за осуществление программы национального обновления. Эта программа, четко сформулированная коммунистами, дала им возможность не только сохранить единство рабочего класса, но и создать более широкое объединение демократических сил. Она отвечала глубоким чаяниям широких народных масс, требовавших решения серьезных проблем, порожденных безработицей и нищетой в стране, земельным голодом среди бедных крестьян, стремлением к социальной справедливости. Раскольническая политика социал-демократов потерпела провал. Большинство ИСП отказалось следовать за Сарагатом и предпочло вновь подтвердить союз с коммунистами, чтобы вести совместную борьбу за разрешение национальных проблем.

Политическая программа структурного обновления должна была явиться основой политики союза рабочего класса, крестьянских масс и городских средних слоев в борьбе против крупных монополий. Условием для осуществления этой программы являлись последовательная политика мира и проведение в жизнь конституции. На этой платформе был возобновлен договор о единстве действий между коммунистами и социалистами. Их тесный союз составил ядро Народно-демократического фронта, который выступил на политических выборах 1948 г. с едиными списками. На выборах в результате активного вмешательства американских империалистов и открытой поддержки духовенства победу одержала христианско-демократическая партия. Но Народно-демократический фронт являлся не просто избирательным блоком. Выдвинутая им программа обновления прочно завоевала на его сторону 8 млн. избирателей, проголосовавших за список левых партий. При подготовке к избирательной битве была проведена широкая мобилизация масс и созданы единые демократические органы в низах (Советы управления, Земельные комитеты, Комитеты борьбы за возрождение и т. д.).

В период с 1948 по 1953 г. благодаря деятельности Народно-демократического фронта одна за другой происходили крупные массовые битвы. В ходе борьбы за землю у помещиков были отняты сотни тысяч гектаров земли. Всеобщая итальянская конфедерация труда предложила народу план осуществления трудового законодательства, так называемый «План труда», который должен был придать новое направление нацио-

нальной экономической жизни и при помощи реформ ограничить мощь монополий, положить предел увольнениям рабочих, добиться проведения политики индустриализации, осуществления последовательной программы общественных работ, изменения отсталой структуры хозяйства и проведения мер по защите от наводнений. План предусматривал осуществление политики полной занятости рабочей силы и предоставления работы миллионам безработных. «План труда» пробудил общенациональную инициативу, которая вылилась в различные формы борьбы, часто весьма своеобразные, как, например, «забастовки наоборот», то есть организованное проведение общественных работ группами безработных, и т. д.

Борьба за возрождение Южной Италии привела в движение трудящееся население южных областей. Народные массы, несмотря на насилия, аресты, убийства рабочих и крестьян, оказывали на правительства, возглавленные христианскими демократами, сильное давление, послужившее основой для крупных боев за мир, против Атлантического пакта, за свободы, против реакционных поползновений руководящих буржуазных групп. Это широкое и многообразное движение дало возможность Коммунистической и Социалистической партиям в союзе друг с другом прийти к крупной избирательной битве 1953 г., в ходе которой итальянский народ не позволил христианско-демократической партии навязать ему при помощи мошеннического избирательного закона реакционное большинство.

Очередные раскольнические попытки были вновь предотвращены этим мощным движением. Социал-демократия осталась партией меньшинства, обладающей узкой базой лишь в некоторых областях страны. ИСП же в совместной с коммунистами борьбе обрела силы для преодоления последствий социал-демократического раскола и утверждения в стране своей самостоятельной роли. Все попытки разбить единство потерпели поражение не только благодаря сопротивлению руководящих социалистических групп, убежденных в необходимости политики единства, но и благодаря тому, что уже около 20 лет, вначале в условиях подпольных антифашистских выступлений, затем в годы войны за освобождение и в период послевоенной реконструкции, далее в ходе сопротивления демохристианским правительствам и в широком движении за мир и свободу, за реформы, в повседневной борьбе за непосредственные требования трудящихся, коммунисты и социалисты всегда действовали в тесном сотрудничестве как в руководстве партий, так и в низовых организациях и таким образом накопили ценный опыт единства действий, который стал источником силы итальянского народного движения.

В профсоюзах, в ВИКТ, оставшейся объединенной профсоюзной организацией даже после выхода из нее католических и социал-демократических деятелей, во внутренних комиссиях заводов, в кооперативах, в женских, юношеских, культурных и демократических ассоциациях, в муниципальных советах коммун и провинций, в областных правительствах, в парламенте в течение многих лет тысячи и сотни тысяч рядовых членов партий — рабочих, крестьян, интеллигентов — проводили общую политическую линию. Разумеется, при этом не было недостатка в разногласиях, в полемических спорах, в столкновениях по многим вопросам. Но споры и расхождения не помешали проведению в нужных формах единого политического действия. Широта объединительных контактов между членами партий в низовых организациях, практика общих собраний с участием как коммунистов, так и социалистов — все это превратило политическое единство пролетариата в проблему, в которой были заинтересованы не только члены обеих партий, но и весь рабочий класс. Это именно и было основной предпосылкой победоносного сопротивления итальянского народа неоднократно повторявшимся попыткам империалистов навязать стране режим открытой реакции с тем, чтобы ликвидировать демократические завоевания освободительной войны.

Единство действий коммунистов и социалистов явилось основой их политики в отношении трудящихся, входивших в другие профсоюзные и политические организации, прежде всего в отношении католиков, а в некоторых областях — в отношении трудящихся, еще находившихся под влиянием монархических и фашистских организаций. Для завоевания большинства народа на свою сторону ИКП должна стремиться объединять всех трудящихся — коммунистов, социалистов, католиков, монархистов — в общей борьбе за их непосредственные требования и за разрешение самых насущных национальных проблем. В связи с нарастающим противоречием между политикой демохристианских правительств и чаяниями трудящихся католиков необходимо, чтобы коммунисты проводили неутомимую деятельность, вовлекая католические массы или, по крайней мере, их часть в общую борьбу за политический и социальный прогресс. Но первейшим условием для этого является сохранение и укрепление единства социалистов и коммунистов. Единство действий ИКП и ИСП создает большую силу притяжения, и, напротив, любое ослабление отношений между социалистами и коммунистами дает возможность руководству христианско-демократической партии и католической церкви удерживать под своим контролем католические массы и, более того, расширяет сферу их влияния на различные группы рабочего движения, испытывающие разочарование и растерянность в результате ослабления политического единства рабочего класса.

★

В 1956 г. была предпринята новая попытка расколоть политическое единство рабочего класса и увлечь часть его на позиции служения буржуазии якобы ради «расширения базы демократии», как заявляет Сарагат, а в действительности для расширения массовой базы буржуазной диктатуры. На этот раз раскол пытались осуществить некоторые руководители ИСП, в течение многих лет проводившие политику единства и в результате этой политики снискавшие себе широкую популярность.

Источником кризиса 1956 г. были трудности, возникшие в процессе развертывания профсоюзной борьбы в 1954 и 1955 гг.— в период благоприятной капиталистической конъюнктуры и быстрого развития монополистического капитала. Рабочее движение слишком поздно осознало последствия некоторых протекающих ныне процессов, как, например, внедрения новых технических методов, а в некоторых случаях автоматизации производства, вводимых на крупных предприятиях, механизации сельского хозяйства; оно не сразу уяснило себе новые задачи, которые встали в связи с этим перед рабочим классом, в смысле превращения технического прогресса в социальный прогресс.

В такой ситуации после избрания президента Гронки в 1955 г. некоторые буржуазные группировки и деятели христианско-демократической партии осуществили политический маневр, направленный к тому, чтобы увлечь ИСП по наклонной плоскости сотрудничества с христианской демократией, причем в качестве необходимого условия для этого, разумеется, был выдвинут разрыв отношений между ИСП и ИКП. Состоявшаяся в Пралоньяне в августе 1956 г. встреча Ненни и Сарагата должна была выдвинуть на первый план проблему воссоединения Социалистической партии. Чтобы устранить все препятствия для этого воссоединения, ИСП потребовала от ИКП преобразования старого договора о единстве действий в договор о консультации, оговорив менее жесткие формы проведения политики единства. Но вскоре после подписания договор о консультации был опротестован ИСП и так и остался не воплощенным в жизнь. Таким образом, в то время как ИКП в декабре 1956 г., на VIII съезде, вновь подтвердила политическую линию, проводимую ею ранее, и свое стремление идти по пути к социализму, ИСП оказалась в состоянии

политического замешательства и на Венецианском съезде в феврале 1957 г. выдвинула требование «автономной» политики, то есть, по существу, разрыва союза с ИКП. Но одновременно она заявила о своем дальнейшем намерении проводить, хотя и без письменных соглашений с ИКП, политику единства в массовых организациях, в профсоюзах, в кооперативах и в местных органах самоуправления.

В действительности же в лозунгах Социалистической партии или части ее проявлялось наступление ревизионизма в Италии, который пытался разрушить связи между рабочим движением капиталистических стран Западной Европы и государствами социалистической системы и угасить в политическом сознании рабочего класса стремление к развертыванию самостоятельной борьбы за социализм. События в Венгрии были истолкованы некоторыми социалистическими руководителями как начало распада социалистической системы. В самой Италии им казалась отныне неизбежной «перестройка» Коммунистической партии. Они искусственно преувеличивали возможность прихода социал-демократии Франции, Германии и Англии к власти с тем, чтобы обеспечить Западной Европе, объединенной в общеевропейском рынке, «социалистическое» руководство. Лидеры ИСП попытались теоретически обосновать невозможность в новых условиях, создавшихся в связи с техническим прогрессом и возникновением так называемого «неокапитализма», ведения классовой борьбы в «традиционных» формах. В действительности этим они хотели сказать, что не нужно искать новых форм классовой борьбы, так как следует вообще от нее отказаться. Частичные поражения в области профсоюзного движения были ими истолкованы как всеобщий и окончательный провал; они выдвинули лжетеорию «утомления» масс, которое будто бы мешало продолжению борьбы и побудило социалистов заняться поисками новых ее методов для изменения положения в сотрудничестве с некоторыми группами буржуазии, изображавшимися в качестве сторонников реформ и прогресса. Авторы этих идей, заявляя о своем стремлении продолжать политику единства, в то же время говорили, что они хотят преодолеть как «центризм», то есть политику сотрудничества с христианскими демократами, которую проводили социал-демократы, так и «фронтизм», то есть политику единства действий с коммунистами, проводившуюся с 1947 по 1957 год. Таким образом, политику подчинения буржуазии и предательства интересов рабочего класса они ставили на одну доску с политикой пролетарского единства. Критика так называемого «фронтизма» подразумевала не только критику некоторых частных организационных форм политики единства, которые, разумеется, можно было бы изменить, но и самое ее существо, то есть необходимость единых действий между ИКП и ИСП. И на этот раз, так же как во время первой мировой империалистической войны, ИСП заняла центристскую позицию, чтобы прикрыть тем самым свое соскальзывание с классовых позиций на реформистские позиции сотрудничества с буржуазией.

Многие из этих принципов не были открыто провозглашены, но служили основой для ориентации на съезде Социалистической партии в Венеции. ИСП приняла в свои ряды нескольких ревизионистов, изгнанных из ИКП, а кое-кто из социалистов даже утверждал, что необходимо поощрять усилия ревизионистов с тем, чтобы поддерживать фракционеров внутри Итальянской коммунистической партии. Становилось все более очевидным, что в Италии борьбу коммунистов против ревизионизма необходимо вести с учетом того обстоятельства, что основной очаг ревизионизма находится внутри ИСП и что, таким образом, коммунистам придется выступать не только в идеологическом, но и в политическом плане. Нельзя было ни в коем случае способствовать раскольническим течениям в их стремлении добиться окончательного разрыва между ИКП и ИСП. Следовало развернуть политическую деятельность, которая позволила бы

возобновить единство действий. И это стало возможным благодаря тому, что чувства единства были чрезвычайно сильны в ИСП не только у рядовых ее членов, но также и среди делегатов Венецианского съезда. Несмотря на то, что съезд состоялся в условиях бурной полемики, все же большинство делегатов высказалось за сохранение единства рабочего класса и выступило против политики разрыва. На заключительном заседании съезд подтвердил стремление социалистов осуществить то, что они именовали «классовым единством», то есть единство в массовом движении, в организациях и в борьбе, хотя и без непосредственных соглашений между руководством обеих партий. В Центральный Комитет ИСП было избрано сильное представительство левого крыла. Сторонники единства действий сумели оказать сопротивление центробежным тенденциям. В ВИКТ, в Крестьянском союзе, в кооперативах, в Комитете по возрождению Южной Италии, в провинциальных и коммунальных муниципальных советах сотрудничество партий зачастую усиливалось, и это дало возможность даже при отсутствии постоянных прямых отношений между руководством ИСП и ИКП развернуть объединенную борьбу по принципиальным вопросам.

Съезд Социалистической партии, состоявшийся в Неаполе в январе 1959 г., должен был считаться с новым порывом к единству действий в итальянском рабочем движении, который нашел выражение в грандиозной объединенной борьбе в городах и деревнях Италии. Помимо того, съезд не мог не учитывать то обстоятельство, что к этому времени исчезли все предпосылки, из которых исходили руководители Венецианского съезда, рисуя картину мрачных перспектив, оказавшихся, как и следовало ожидать, ошибочными.

Мир социализма, о котором говорили, что он неминуемо должен развалиться, все увереннее идет вперед. И, напротив, капитализм, о котором говорили, будто он обладает способностью разрешить собственные противоречия, в котором якобы совершается «вторая промышленная революция», в настоящее время охвачен новым экономическим кризисом и все более судорожными политическими и социальными конвульсиями. В Европе не только не осуществлено общеевропейское социал-демократическое руководство, но, напротив, во Франции, например, при содействии французских социал-демократов установлен авторитарный режим.

В Италии ИКП дала отпор атакам своих противников, отразила ревизионистское наступление и продолжает борьбу за движение к социализму в конкретных национальных условиях, вопреки всем формам сектантского оппортунизма и политики выжидания. Укрепление связей с коммунистическими партиями всего мира и прежде всего с КПСС, принятие Московской Декларации (ноябрь 1957 г.) явились свидетельством революционности и интернационализма ИКП в противоположность ИСП, которая пытается перейти на нейтралистские позиции — позиции «равноудаленности» между социалистическим миром и империалистическим лагерем. Осложнение международной обстановки и возвращение империалистов к самым острым формам «холодной войны» еще более подчеркнули ошибку, совершенную ИСП и грозившую ослабить ее связи с международным движением борьбы за мир. ИСП отказалась от участия в движении сторонников мира, но многие авторитетные члены Социалистической партии продолжают вносить в него свой вклад. Еще раз подтвердилась старая истина, что невозможно сидеть на двух стульях. Она становится все более очевидной по мере обострения международного напряжения в результате империалистических провокаций. Выяснилось и то, что невозможно вести эффективную борьбу за мир, если ослабляется связь с социалистической системой — наиболее мощной силой борьбы за мир, против империализма.

Результаты парламентских выборов свидетельствуют о том, что ИКП

вышла из испытаний 1956 г. закаленной, опирающейся на еще более широкую народную поддержку. Ее политическая линия соответствует требованиям и стремлениям народных масс. Факты показали, что и ИСП также не могла избрать иного пути, хотя часто путалась и сбивалась с него. Политика ИСП, как, например, ее нежелание выступать против общеевропейского рынка, подверглась жестокой критике внутри самой партии. Несмотря на стремление некоторых социалистических руководителей отмежеваться от коммунистов, социалисты практически были вынуждены проводить по основным внутренним и экономическим проблемам ту же самую линию, какой придерживались коммунисты, хотя и с меньшей твердостью. Объясняется это тем, что другая линия могла привести лишь к явному соскальзыванию на социал-демократические позиции, чего большинство Центрального Комитета ИСП, избранного на Венецианском съезде, не хотело. После выборов коммунисты и социалисты совместно принимали участие в широком народном движении протеста против использования итальянской территории американскими и английскими империалистами в целях агрессии в Ливане и Иордании.

Христианско-демократическая партия, которая должна была «пойти навстречу» ИСП, застыла на правых позициях (как это и предсказывала ИКП на VIII съезде), которые соответствуют требованиям крупной монополистической буржуазии, намеревающейся переложить на плечи трудящихся бремя экономического кризиса и общеевропейского рынка.

В связи с провалом линии ИСП на сближение с христианско-демократической партией представляется все более очевидным, что единственная возможность предотвратить создание реакционных клерикальных правительств заключается в развертывании борьбы, в разрешении в ходе ее крупных национальных проблем при активной поддержке широких трудящихся масс. Массы «утомлены» отнюдь не борьбой, а тем, что они вынуждены терпеть жестокий режим эксплуатации, и они готовы бороться за улучшение условий своей жизни. Но развитие и успех этой борьбы зависят от укрепления единства действий Коммунистической и Социалистической партий.

Тяготение к единству действий в конечном счете взяло верх также и на съезде Социалистической партии в Неаполе, хотя победу одержало там получившее 58% голосов «автономистское» течение, возглавляемое секретарем партии Ненни и стремящееся к дальнейшему углублению раскола между социалистами и коммунистами. В силу этого решения Неаполитанского съезда носили противоречивый характер. Съезд декларировал невозможность сотрудничества с христианско-демократической партией; в то же время большинство съезда подчеркнуло расхождения, существующие между Социалистической и Коммунистической партиями, и выступило против политического союза между коммунистами и социалистами. Таким образом, как было отмечено на съезде, Социалистическая партия окажется в положении «блестящей изоляции», встав в оппозицию к христианско-демократической партии и в то же время отказываясь от союза с коммунистами — единственной политической силой, которая в состоянии внести решающий вклад в борьбу против христианской демократии. Вместе с тем то же самое большинство съезда вновь подтвердило необходимость единства действий трудящихся в области профсоюзной борьбы, одобрило участие социалистов наряду с коммунистами в объединенных профсоюзных организациях, в ВИКТ, в кооперативах, в органах местного самоуправления и в различных массовых демократических ассоциациях. Единство действий в массовом движении, но без политического единства между двумя партиями рабочего класса — такова была позиция большинства съезда. В порядке критики на съезде было отмечено, что такое разграничение носит искусственный характер и может лишь способствовать созданию замешательства в рядах народного движения. Невозможно провести четкую границу между профсоюзной и политической

борьбой, когда профсоюзные вопросы в силу своего значения приобретают политический характер и непосредственно увязываются с важнейшими проблемами общей экономической политики.

Итальянские коммунисты откровенно, по-товарищески высказали свое отношение к решениям съезда Социалистической партии. Они подвергли открытой критике ревизионистские взгляды большинства съезда, подчеркнули необходимость совместных политических действий, которым не должны мешать идеологические разногласия, как бы серьезны они ни были. В ряде вопросов, имеющих для страны первостепенное значение, обе партии занимают одинаковые позиции. По этим вопросам необходимо развернуть совместные действия, что, впрочем, и сейчас уже широко осуществляется. Коммунисты и социалисты боролись единым фронтом за то, чтобы свергнуть правительство Фанфани; ныне они вновь стоят в оппозиции — к правительству Сеньи, которое пытается объединить буржуазные силы, чтобы приостановить дальнейшее развитие политического кризиса, возникшего в связи с падением правительства Фанфани. В политической борьбе трудящихся масс Италии коммунисты намерены укрепить единство действий с социалистами и добиться от руководства Социалистической партии признания той высшей потребности рабочего класса в политическом соглашении двух партий, которую оно все еще упорно отвергает.

★

Движение за политическое единство рабочего класса и укрепление союзнических отношений между ИКП и ИСП получило сильный толчок в результате тревожного и чреватого опасностью поворота, который приняли события во Франции. После генеральского путча в Алжире 13 мая и плебисцита 28 сентября в рядах итальянского рабочего класса возникло брожение, порожденное беспокойством, что возникновение авторитарного режима во Франции может поощрить и итальянскую буржуазию к попыткам добиться любыми средствами уничтожения демократических свобод и установления клерикального авторитарного режима.

Что нужно сделать, чтобы спасти нашу страну от этой серьезной опасности? Ответ на данный вопрос был прямо сформулирован на рабочих собраниях. Среди нас имеются группы фаталистов, убежденных в том, что авторитарные фашистские режимы неизбежны, заявляющих, что здесь ничего не поделаешь и что остается лишь ждать момента победы социализма над капитализмом в мировом масштабе.

Против таких выжидательных и пораженческих настроений, которые сеют неверие в возможность сопротивления реакционным атакам буржуазии и движения вперед, по пути социализма, итальянские коммунисты ведут энергичную борьбу.

На заседании пленума Центрального Комитета ИКП 15 октября 1958 г. Пальмиро Тольятти сказал: «Успехи социалистического мира, достигнутые под руководством коммунистов, постоянно повышают наш авторитет среди рабочих, среди народа. Упадок капитализма, капиталистические кризисы, крушение колониализма создают условия, наиболее благоприятные для рабочего движения. Однако все это само по себе не решает проблемы конкретного продвижения рабочего класса и всего народа к завоеванию нового, социалистического строя в странах, где господствует капитализм. Это движение вперед может осуществляться не иначе, как в результате широкой, многосторонней борьбы в экономическом и политическом плане, которая должна исходить из реальных условий каждой страны и быть направленной к достижению тех целей, которые постепенно приближают все движение к окончательной победе» [8].

[8] «L'Unità», 16 октября 1958 года.

Социалистический мир движется вперед. Движутся вперед также народы, борющиеся против империализма, за свою независимость. Углубляются экономические противоречия капитализма, рамки его постоянно сужаются в результате бурного развития социализма во всем мире. Но именно в силу все растущих трудностей руководящие группы капитализма вновь ищут в войне и в фашизме средства хотя бы для временного разрешения своих противоречий.

Коммунисты ведут последовательную борьбу против войны. Московская Декларация Совещания представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран торжественно подтвердила, что «коммунистические партии рассматривают борьбу за мир как свою первостепенную задачу. Они вместе со всеми миролюбивыми силами сделают все от них зависящее, чтобы предотвратить войну» [9].

«Мы, коммунисты,— сказал Н. С. Хрущев,— никогда не стремились и не будем стремиться к достижению своих целей такими ужасными средствами, это антиморально и противоречит нашему коммунистическому мировоззрению. Мы исходим из того, что для развития социализма войны не нужны...». «...Мы убеждены, что в мирном соревновании социализма с капитализмом победа будет на стороне социализма, а капитализм неизбежно сойдет с исторической арены так же, как это случилось в свое время с феодализмом, уступившим свое место капитализму» [10].

Свой вклад в победу социализма над капитализмом мирными средствами должны внести также народы, пока еще подвергающиеся капиталистической эксплуатации. В этом отношении чрезвычайно велика ответственность, лежащая на коммунистических партиях, ведущих в капиталистических странах борьбу за объединение самых широких слоев населения, в защиту мира, свободы и национального прогресса.

«В тех капиталистических странах, которые пытаются подчинить себе американские монополии, и в странах, страдающих от американской политики экономической и военной экспансии, создаются объективные предпосылки для объединения под руководством рабочего класса и его революционных партий самых широких слоев населения для борьбы за мир, в защиту национальной независимости и демократических свобод, за улучшение жизненных условий трудящихся, проведение радикальных аграрных реформ, для свержения всевластия монополий, предающих национальные интересы» [11].

Мы знаем, что «капитализм еще располагает значительными ресурсами и большими силами, он в состоянии одерживать отдельные частные победы над демократическим движением в той или иной стране, замедлять прогрессивное развитие общества на тех или иных участках» [12]. Но мы знаем также по историческому опыту послеоктябрьской эпохи, что «эти успехи — явление временное, преходящее», потому что «капитализм лишен возможности остановить величественную поступь истории, которая все более и более отождествляется с коммунизмом» [13].

Все это не снимает с нас, однако, обязанности бороться всеми силами за то, чтобы помешать капитализму в нашей стране добиться хотя бы частичной победы или же затормозить на более или менее длительный срок прогрессивное развитие страны. В плане великого международного соревнования частичная победа капитализма в той или иной стране ни в коем случае не могла бы задержать развитие общего движения. Но для итальянского народа, для итальянских трудящихся это означало бы уси-

---

[9] «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий». Госполитиздат. 1957, стр. 11.

[10] «Проблемы мира и социализма», 1958, № 3, стр. 7.

[11] «Документы Совещаний представителей коммунистических и рабочих партий», стр. 18.

[12] «Проблемы мира и социализма», 1958, № 3, стр. 7.

[13] Там же.

ление эксплуатации, усиление угнетения, новые тяжелые жертвы. Поэтому итальянские коммунисты борются за осуществление единства рабочего класса и стремятся помешать итальянскому капитализму одержать хотя бы частичную победу.

Империализм отнюдь не намерен мириться с тем, что он будет побежден социализмом, и при отступлении он попытается дать арьергардные бои и выиграть их, чтобы отсрочить момент своего крушения. Эти бои не смогут изменить ход общей борьбы, но они смогут нанести тяжелый ущерб тем, кто окажется под ударом. Задача итальянских коммунистов — бороться против попыток капитализма одержать в нашей стране частичные победы, не дать ему затормозить прогрессивное развитие итальянского общества.

Ныне коммунисты завоевали огромный авторитет, ибо социализм на фактах показал свое историческое превосходство над капитализмом. Социал-демократия же, даже когда она открыто не предавала дело демократии, нигде не смогла достигнуть ничего, кроме частичных и временных улучшений, оплаченных отказом от революционной борьбы за освобождение пролетариата от ига капиталистической эксплуатации. Но коммунисты не могут оставаться безучастными, гордясь таким превосходством, они не должны ограничиваться провозглашением превосходства социалистической системы, не должны «вариться в собственном соку», не должны, одним словом, действовать как секта пропагандистов. Они должны действовать как политические партии рабочего класса, не ожидать часа победы социализма в мировом масштабе, а бороться на своем участке за то, чтобы приблизить победу, внести в нее собственный вклад. В капиталистических странах нельзя успешно бороться за мир и за социализм, если не осуществлено единство рабочего класса, и именно к этой цели должна быть направлена политическая деятельность коммунистических партий, работающих в конкретных условиях, созданных историческим развитием рабочего движения, и не могущих мириться с позицией изоляции.

«В интересах упрочения мира весьма важно, чтобы все силы, выступающие против войны, действовали единым фронтом и не ослабляли своих усилий в борьбе за сохранение мира. Огромное значение в этом деле имеет преодоление раскола в рабочем движении и установление деловых контактов между коммунистическими партиями и социалистами, а также другими партиями, которые на деле хотят отстаивать мир, бороться против империалистического гнета, защищать национальные интересы своих народов, демократию и независимость» [14].

Итальянские коммунисты знают: для того, чтобы выступать в качестве политической силы, надо продолжать борьбу за единство рабочего класса; объединенный рабочий класс сможет сплотить вокруг себя большинство народа и привести его в результате борьбы на путь социализма. Но единство пролетариата возможно осуществить, в свою очередь, только путем развития массовой политической и экономической борьбы. Только политика инициативы и борьбы позволит сохранить и укрепить пролетарское единство.

Осуществить единство рабочего класса — значит разбить политически ревизионизм и социал-демократизм в рядах рабочего движения, создать условия для развертывания борьбы, которая обновит итальянское общество и откроет возможность вопреки сопротивлению старых правящих групп для образования демократического правительства трудящихся классов. Но для того, чтобы разбить ревизионизм и социал-демократизм, коммунистам следует освободиться от всех сектантских настроений, преодолеть все тенденции к политической изоляции, научить-

---

[14] «Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза». Госполитиздат, 1956, стр. 6.

ся бороться повседневно, в любых условиях и тем самым осуществить самые широкие связи с рабочими и народными массами, возглавить их борьбу за непосредственные требования, за структурные реформы и за политику мира, независимости и свободы.

Тесно связанная с национальной действительностью, участвуя через посредство 1 800 тыс. членов партии в производственной деятельности и во всей жизни народа, ИКП повседневно борется во главе широких масс за защиту интересов рабочего класса и всего народа, за разрешение конкретных жизненных вопросов, за принятие решений, наиболее полезных для большинства нации. Она не ограничивается восхвалением величия и побед социалистической системы, а увязывает непосредственную борьбу с основной задачей — достижением социализма — и руководит ею таким образом, чтобы каждый эпизод в движении, каким бы незначительным он ни был сам по себе, способствовал великому делу освобождения и построения социализма.

Продолжая борьбу за единство рабочего класса, Итальянская коммунистическая партия стремится выполнить свою историческую миссию: не ожидать мировой победы социализма, а идти навстречу ей, приблизить ее наступление, чтобы и итальянский народ внес свой вклад в осуществление великого дела, начатого Октябрем.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СЛОВАКИИ

Павел Турчан

В июне 1958 г. XI съезд КПЧ, учитывая огромные успехи народно-демократической Чехословакии в борьбе за создание основ социализма, выдвинул лозунг — завершить в ближайшее время социалистическое строительство в стране. Опыт этого строительства является замечательным подтверждением правильности положения марксизма-ленинизма о том, что развитие разных стран по социалистическому пути совершается согласно одним и тем же общим закономерностям, о которых исключительно ярко говорит Декларация представителей коммунистических и рабочих партий социалистических стран, принятая на Московском совещании в ноябре 1957 года. Эти закономерности в их конкретном проявлении действуют не только в странах, унаследовавших от капитализма низкий уровень производительных сил, но и в странах, которые принадлежали в прошлом к числу государств с высокоразвитым капиталистическим хозяйством.

Одним из важнейших условий построения социализма в Чехословакии являлась ликвидация национального гнета и установление полного равноправия и братской дружбы между ее народами. В Чехословацкой республике в ходе социалистического строительства успешно ликвидируется экономическая и социальная отсталость Словакии. Политическое равноправие словацкого народа является основой для преодоления экономической отсталости Словакии, фактором, который способствует экономическому, социальному и культурному возрождению этой части страны, ставит ее на уровень передовых чешских земель. Главным звеном экономического развития Словакии является ее социалистическая индустриализация.

Чтобы правильно оценить результаты экономического подъема словацкого народа, необходимо учитывать, что в прошлом Словакия была слаборазвитой в капиталистическом отношении страной. В своем экономическом развитии она на 50—80 лет отставала от чешских земель и передовых капиталистических государств.

В период, когда в Западной Европе высокий уровень концентрации капитала и производства привел к перерастанию капитализма в его монополистическую стадию, в Венгрии (частью которой являлась Словакия) правящие классы прибегали к мерам, характерным для этапа раннего капитализма, к охранительной политике, проявлявшейся в форме «индустриальных законов», целью которых было поддержать капиталистическую индустриализацию. В то время как буржуазные правительства на Западе становились все более зависимыми от мощных монополий, в Венгрии еще господствовали помещичье-буржуазные группировки, опиравшиеся на отживавшие феодальные порядки. В Венгрии, которая сама испытывала политическую и экономическую зависимость от Австрии, проводилась политика жестокого хозяйственного и национального угнетения порабощенных народов, особенно словаков. Накопление капитала в нищей Словакии не могло привести к созданию значительных национальных капиталов. Промышленность находилась

преимущественно в руках венгерских и частично австрийских капит листов.

Словакия в прошлом всегда была слабой, политически неравнопра ной страной, в экономическом отношении эксплуатируемой более сильны политическим и экономическим целым, ведущую роль в котором игра правящий класс другой нации. Так было во времена, когда Словакі входила в состав Австро-Венгерской монархии, так было и в перис существования буржуазной ЧСР, а также в период так называемо словацкого государства, порабощенного экономически и политичес фашистской Германией.

О том, как складываются при империализме отношения между этн чески близкими народами, свидетельствует развитие Словакии в состав буржуазной Чехословацкой республики. С точки зрения культурно-пол тической возникновение Чехословацкой республики являлось больши шагом вперед. Но в экономическом отношении это было соединение дву хозяйственных комплексов, различных по своему уровню, структуре, тр дициям и внешним хозяйственным связям. Процесс слияния двух так комплексов в единый организм мог в условиях развитого капитализм проходить только по капиталистическому пути, то есть в ущерб слабей шему. В Словакии он нашел свое выражение в деиндустриализации, политике неравноправия в области железнодорожных тарифов, государ ственных заказов, цен, налогов и заработной платы. Конкурентная борь ба, вспыхнувшая между пришедшим к господству чешским финансовы капиталом, с одной стороны, и капиталом венгерским, преобладани которого в Словакии было унаследовано от прежнего времени,— с дру гой, ударила в конечном счете по трудящимся массам Словакии. Чеш ский капитал вытеснял венгерский в Кромпахе, Зволене и Лученце, и металлургической и литейной промышленности, из горного и текстиль ного дела. Конкуренция приводила к закрытию сотен предприятий; ты сячи безработных пролетариев и обнищавших крестьян стали е жертвами.

В годы существования так называемого словацкого государства хо зяйство Словакии стало частью гитлеровского «жизненного простран ства». В условиях гитлеровского господства Словакия, разумеется, н могла стать на путь индустриального развития и преодоления своей от сталости. Износ технического оборудования, истощение запасов, без удержная инфляция, опустошения, произведенные отступавшими фашист скими бандами,— таковы были неизбежные плоды фашистского хозяй ничанья в Словакии.

Словакия с опозданием вступила на капиталистический путь. Раз витие ее экономики тормозилось тяжелым грузом феодальных пережит ков; отсталость страны по сравнению с передовыми капиталистическими державами все более усиливалась. Все это проявлялось в совершенно недостаточном развитии тяжелой промышленности, в медленном проник новении капитализма в сельское хозяйство, в замедленных темпах кон центрации капитала и производства, в аграрном перенаселении, прояв лявшемся в особых, словацких формах. Структурный состав населения как в отношении деления на классы, так и в отношении профессиональ ном и деления на городских и сельских жителей свидетельствовал об отсталости страны.

В чешских землях уже в 90-х годах прошлого столетия число лю дей, занятых в промышленности, сравнялось с числом работников в сель ском хозяйстве. В 1930 г. в сельском хозяйстве было занято лишь 24,1% а в промышленности и ремесле — 42,5% всего населения. В то же время Словакия продолжала оставаться аграрной страной, что видно из таб лицы № 1, приводящей данные за 1900—1946 годы [1].

[1] «Štatistická priručka Slovenska. 1947». Bratislava. 1948, str. 25.

Таблица № 1

Изменения в составе населения Словакии

	Годы					
	1900	1910	1921	1930	1940	1946
Количество населения, занятого в сельском хозяйстве и лесоводстве (в %)	66,3	62,0	60,6	56,8	52,0	48,1
Количество населения, занятого в промышленности и в производственных ремеслах (в %) . .	15,8	18,5	17,4	19,1	21,0	22,7

Из каждых 100 жителей в промышленности в 1937 г. было занято в чешских землях — 10,9, а в Словакии — 3 человека.

Экономическая отсталость Словакии, слабое развитие промышленности, невозможность найти работу в городах — все это приводило к громадному аграрному перенаселению, хотя и носившему скрытые формы. Если в 1910—1932 гг. количество населения в сельском хозяйстве в чешских землях уменьшилось с 3 550 тыс. до 2 729 тыс., то в Словакии оно увеличилось с 1 830 тыс. до 1 892 тысяч. При значительно большей плотности сельского населения продукция на 1 га земли в Словакии была более низкой, чем в Чехии и Моравии. Урожайность с 1 га составляла в период 1934—1938 гг. в Словакии — 14,8 ц пшеницы, в чешских землях — 18,9 ц, ржи — 12,4 ц и 17,1 ц, ячменя — 14,0 ц и 19,2 ц и т. д. На одного человека, занятого в сельском хозяйстве, приходилось в чешских землях в 1930 г. крупного рогатого скота на 141%, свиней — на 134% больше, чем в Словакии. Ежегодный доход в сельском хозяйстве в 1926—1930 гг. с 1 га земли достигал в Чехии 1 931 кроны, в Словакии — 1 221 кроны. Доход на 1 члена семьи в Чехии составлял 3 105 крон, в Словакии — 1 688 крон.

Огромное аграрное перенаселение влекло за собой колоссальную эмиграцию из Словакии. В течение 1870—1914 гг. из страны ежегодно выезжало около 15 тыс. человек, то есть в среднем 5,6 на 1 тыс. жителей, что более чем вдвое превышало среднее число эмигрантов из чешских земель. В течение двадцатилетнего периода существования буржуазной республики, когда возможности эмиграции были сильно ограничены, Словакию ежегодно покидало в среднем свыше 10 тыс. человек; на 1 тыс. ее жителей приходилось приблизительно 3,4 эмигранта, то есть в 4 раза больше, чем в Чехии. Анализ классового состава эмигрантов показывает, что в основном это были люди, занятые в сельском хозяйстве. Кроме того, в 1919—1938 гг. из Словакии ежегодно уезжало за границу на сезонные сельскохозяйственные работы 10 тыс. человек [2].

При огромной эмиграции и одновременном абсолютном росте деревенского населения в Словакии сокращалось число сельскохозяйственных рабочих. Однако причиной этого являлось не увеличение количества машин и не втягивание крестьян в городскую промышленность, а то обстоятельство, что пролетарские элементы деревни заменялись полупролетариями и мелкими крестьянами, нанимавшимися на поденную работу к богачам. Количество мелких и мельчайших хозяйств, многочисленность которых объяснялась существованием сильных пережитков феодализма в деревне, еще более возросло в связи с аграрной реформой в буржуазной

[2] Ján Svetoň. Obyvatelstvo Slovenska za kapitalizmu. Bratislava. 1958. str. 142—183.

Чехословакии. Эта группа хозяйств поставляла землевладельцам постоянные кадры работников, причем значительная часть их отрабатывала в страдную пору взятые у богатых крестьян напрокат рабочий скот, машины, семена или расплачивалась своим трудом за денежные займы.

Соотношение промышленного и сельскохозяйственного производства в Словакии в 1937 г. составляло 36 : 64. Таким образом, удельный вес сельского хозяйства, отсталого и малоинтенсивного, почти вдвое превосходил удельный вес промышленности. При этом производительность общественного труда в Словакии была низкой. В 1937 г. на ее долю приходилось едва 8% промышленной продукции всей страны, в то время как население Словакии составляло 24,6% населения республики.

Мало сказать, что вообще промышленность в словацком народном хозяйстве играла незначительную роль. Надо подчеркнуть, что вся она, за исключением небольшого числа новых, главным образом машиностроительных и химических заводов, была технически отсталой, раздробленной, имела неудовлетворительную структуру. Слабо были представлены отрасли, которые с начала до конца перерабатывали сырье и полуфабрикаты, производившиеся в Словакии.

Природные богатства страны мало использовались; сырье большей частью в необработанном виде вывозилось за ее пределы. Все это, конечно, ни в коей мере не содействовало созданию базы для словацкой индустрии. В этих условиях руки и ум словацкого народа не находили применения, доходы населения были очень низкими, жизненный уровень значительно отставал от жизненного уровня жителей чешских земель.

В 1930 г. почти половина населения Словакии, занятого в производстве, представляла собою мелких производителей, в то время как в Чехии и Моравии мелкие производители составляли только одну треть. в Чехии $^2/_3$ рабочих были заняты в промышленности и строительстве, в Словакии же — $^1/_3$. Напротив, свыше 40% общего числа словацких рабочих были заняты в сельском хозяйстве [3].

Говоря о профессиональном составе словацкого населения, следует подчеркнуть преобладание в нем сельскохозяйственной части, если же иметь в виду классовую структуру, то преобладающей группой являлись мелкие производители. Промышленные рабочие в 1930 г. составляли вместе с занятыми в производственных ремеслах и со строителями лишь около 14% всего населения. В такой структуре населения нужно видеть социально-экономические корни мелкобуржуазной идеологии, живительную почву для национализма и клерикализма, расцветших главным образом под покровительством словацких фашистов в так называемом словацком государстве.

Коммунистическая партия Чехословакии, вождь рабочего класса и борец за жизненные интересы угнетенных народов, еще в домюнхенский период разработала программу экономического, социального и культурного подъема Словакии и добивалась ее осуществления [4]. Но стоявшая тогда у власти буржуазия отвергла и минимально возможные в условиях капитализма преобразования, выдвигавшиеся компартией.

Вся история Словакии в эпоху капитализма свидетельствует о том, что разрешение национального вопроса было невозможно при господстве буржуазии. Борьба за достижение этой цели, составляющей главное стремление словаков за последние сто лет, естественно сливалась с борьбой чехословацкого рабочего класса за победу социалистической революции, за диктатуру пролетариата.

Только в народной Чехословакии благодаря марксистско-ленинской

---

[3] По материалам Словацкого статистического управления.

[4] См. «План экономического, социального и культурного подъема Словакии», утвержденный на Общесловацкой областной конференции КПЧ в Банской Быстрице 16 и 17 мая 1937 года.

политике, которую с самого начала решительно проводила и проводит КПЧ, были созданы материальные и идейные основы для разрешения словацкого национального вопроса.

Наши революционные завоевания своими корнями уходят в национально-освободительную, антифашистскую борьбу чешского и словацкого народов, которой руководила Коммунистическая партия. Благоприятные условия для осуществления революции создал СССР своей победой над гитлеровской Германией и освобождением Чехословакии. Тот факт, что на землях обновленной республики в качестве освободительницы находилась Советская Армия, был первой особенностью революции в Чехословакии. Вторая особенность состояла в том, что господствовавшая ранее финансовая, промышленная и аграрная крупная буржуазия политически, идеологически и морально обанкротилась в глазах народа. Третьей особенностью было то, что в результате национально-освободительной, антифашистской борьбы образовался широкий национальный фронт чехов и словаков под руководством рабочего класса во главе с Коммунистической партией, объединивший широкие слои трудящихся города и деревни.

Национальная и демократическая революция решила свою главную задачу — восстановление самостоятельности Чехословакии. Власть перешла в руки народа в лице национальных комитетов и правительства, явившегося в стране первым революционным правительством во главе с коммунистами. Характер развивавшейся национальной и демократической революции определялся тем, что Коммунистическая партия, как вождь рабочего класса, завоевала в ходе национально-освободительной борьбы ведущее, решающее место. Уже 3 июля 1945 г. Клемент Готвальд говорил: «...направление, политическую линию правительства теперь определяет не крупный капитал, как это было раньше, а рабочие и трудящиеся во главе с Коммунистической партией» [5].

Первой программой, ознаменовавшей важный этап в национальной и демократической революции, была Кошицкая правительственная программа. Авторами ее основных положений являлись руководители КПЧ, добившиеся еще во время войны в переговорах с представителями буржуазного эмигрантского правительства признания своих главных требований. Кошицкая программа ставила своими задачами завершение народно-освободительной, антифашистской борьбы и установление народной власти во главе с рабочим классом. Решающее влияние КПЧ при разработке этой программы сказалось в определении внешнеполитической и военной ориентации Чехословацкой республики на Советский Союз, в том, что эта программа предусматривала замену старого, бюрократического, оторванного от народа административного аппарата новыми государственными и общественными органами — национальными комитетами, избираемыми самим народом. Говорилось в ней и о ряде мероприятий экономического характера, а также о решении вопроса об отношениях между чехами и словаками на принципе равенства.

Однако и после того, как было обеспечено политическое равноправие словаков в народно-демократической республике, то есть после создания в Словакии органов законодательной и исполнительной власти, словацкий вопрос все же продолжал существовать, но уже в смысле необходимости ликвидации унаследованной от прошлого экономической, социальной и культурной отсталости Словакии по сравнению с более развитыми чешскими землями. Словацкий вопрос стал «проблемой индустриализации и дальнейшего развития производительных сил,

[5] Klement Gottwald. Spisy. XII. Bratislava. 1955, str. 95.

проблемой повышения интенсивности сельского хозяйства и строительства школ разных профилей и ступеней» [6].

Марксистско-ленинская постановка национального вопроса и его конкретное разрешение Коммунистической партией позволили неизмеримо усилить чехословацкий рабочий класс в борьбе за победу социалистической революции, за решение вопроса «кто — кого?» в февральские дни 1948 года.

Постепенное повышение уровня экономического развития Словакии до уровня чешских земель стало главным содержанием политики КПЧ по отношению к Словакии. При этом партия подчеркивает, что такая политика не является актом односторонней помощи более развитой части страны менее развитой, а что это объективно неизбежная задача строительства социализма в Чехословацкой республике. В связи с индустриализацией Словакии К. Готвальд говорил: это не только одна из целей, но и одна из предпосылок построения социализма в Чехословакии [7].

Экономическое выравнивание Словакии с чешскими землями означает использование всех потенциальных источников, как материальных так и людских, в интересах быстрого развития производства во всем государстве на базе современной машинной техники. Наличие крупной отсталой области с неиспользованными природными богатствами не позволило бы поднять уровень производительных сил в ЧСР настолько чтобы обогнать капиталистические страны. Ускоренный рост народного хозяйства Словакии неизбежно обусловливался действием закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства при неуклонном росте производительности труда, что присуще экономике всех стран мировой социалистической системы.

Учитывая природные и экономические особенности обеих частей страны, а также разницу в исторических условиях их развития, нельзя видеть цель экономического выравнивания Словакии в том, чтобы сделать структуру ее народного хозяйства точно такой же, как в чешских землях. Политика экономического выравнивания исходит из стремления использовать сырьевые и энергетические ресурсы Словакии, ее географическое положение, свободные рабочие руки, учитывает растущие личные запросы людей и производственные потребности края. Но при размещении производительных сил, при определении пропорций отдельных отраслей решающим условием является пропорциональное развитие хозяйства всей социалистической Чехословакии. Словацкая экономика — это часть более крупного целого, которым является народное хозяйство Чехословацкой республики. Капиталовложения во всех частях страны осуществляются из единых общегосударственных источников и обеспечивают быстрое и эффективное пропорциональное развитие производительных сил всей страны.

Финансирование индустриализации Словакии производится за счет плановых социалистических накоплений, за счет использования части народного дохода, полученного во всей республике. При этом источником накопления является прежде всего высокоразвитая промышленность чешских земель, располагающая опытными и квалифицированными кадрами и известная своими славными производственными традициями. Создание и распределение национального дохода, так же как и весь процесс расширенного социалистического воспроизводства, осуществляются на основе единого государственного плана. Темпы и размах строительства современной промышленности Словакии, свидетелями которых мы являемся, были бы невозможны на основе только словацких ресурсов. Вместе с тем более медленные темпы и меньший объем капиталовложе-

[6] Viliam Široký. Za štástné Slovensko v socialistickom Československu. Bratislava. 1952, str. 169.

[7] Klement Gottwald. 1949—1950. Bratislava. 1952, str. 100.

ний потребовали бы настолько значительного участия накоплений из сумм национального дохода, что это было бы неизбежно связано с большими жертвами для населения. В условиях единого чехословацкого народного хозяйства, систематической помощи чешского рабочего класса Словакии, ее дальнейшая индустриализация протекает при одновременном непрерывном повышении материального и культурного уровня жизни населения. Для создания накоплений первостепенное значение имеют постоянное увеличение рентабельности во всех областях хозяйственной жизни, последовательное применение хозрасчета в целях снижения издержек производства.

При изучении вопроса финансирования индустриализации Словакии нужно помнить, что с развитием словацкой промышленности и сельского хозяйства, с увеличением продукции новых предприятий растет также ее участие в создании национального дохода всей страны, повышается ее доля в социалистическом накоплении.

Индустриализация Словакии является убедительным примером того, как в условиях социалистического строя рабочий класс высокоразвитой страны оказывает всестороннюю помощь делу экономического и политического подъема народа, который в прошлом под влиянием неблагоприятных исторических условий отставал в своем хозяйственном развитии. В то время как в составе капиталистического государства Словакия занимала положение внутренней полуколонии и ее промышленность все более приходила в упадок, не выдерживая конкурентной борьбы с промышленностью чешских земель, в условиях социалистического строительства промышленность чешских земель является основой словацкой индустриализации.

Помощь чешского рабочего класса весьма многогранна. Особое значение имеют упоминавшиеся выше накопления в промышленности чешских земель, значительная часть которых используется в целях индустриального строительства Словакии. Высокоразвитое горное дело, металлургия, машиностроение чешских земель являются материальной основой словацкой индустриализации. Чешский рабочий класс оказывает словацкому народу исключительную помощь при решении важной проблемы специалистов. Чешские техники, монтажники, квалифицированные рабочие помогали словакам овладевать производством на новых предприятиях. Они выступали в роли инструкторов и учителей рабочих словацких фабрик и заводов. Со строек новых заводов словацкие рабочие отправлялись в чешские земли, где опытные мастера и специалисты готовили из них квалифицированные кадры для словацких промышленных предприятий.

Чрезвычайно важную помощь оказывает Словакии чешская научная и техническая интеллигенция. Большое число словацких специалистов приобрело квалификацию в чешских высших учебных заведениях. Строительство высших школ в Словакии, особенно технического профиля, было бы невозможно без профессоров и работников вузов Чехии, которые помогают готовить специалистов всех направлений из представителей словацкой молодежи.

С другой стороны, после освобождения нашей республики Советской армией десятки тысяч работников из Словакии ушли на предприятия в чешские земли. Тем самым они помогли чехам преодолеть недостаток рабочих кадров в горном деле, металлургии, на важных стройках и в сельском хозяйстве. В то же время развитие горного дела и металлургии в Остравской, Северочешской и других промышленных областях является обязательным условием индустриализации Словакии. Всестороннее развитие этого края — неразрывная составная часть создания материально-производственной базы социализма во всей Чехословацкой республике.

Посредством экономического развития Словакии достигается равномерное размещение крупного социалистического машинного производ-

ства и других отраслей тяжелой промышленности ЧСР, что ведет к расширению сферы действия социалистических производственных отношени во всех частях страны, ускоряет развитие социалистического сектора сельском хозяйстве, приводит к изменению классового состава населения, количественному росту рабочего класса и усилению его организованности, возникновению нового класса — крестьян, ведущих коллективное хозяйство.

Развитие крупного машинного производства позволяет преодолет малопроизводительный характер экономики Словакии, а значит, и лив видировать социально-экономическую базу мелкобуржуазной идеологи Всестороннее развитие производительных сил и прежде всего социали стическая индустриализация Словакии укрепляют экономическу и социальную базу социализма в той части страны, котора вследствие недостаточного развития капитализма вступила в строителе ство социализма без высококонцентрированного производства и без мно гочисленного пролетариата.

В словацком вопросе КПЧ проводит политику, выражающую нерас рывное единство интересов трудящихся Словакии и дела строительств социализма в республике, ведущую к полному разрешению словацкоп национального вопроса и вместе с тем к созданию экономической материально-технической базы социализма.

Политика экономического выравнивания стави целью максимальное приближение уровня произво дительности общественного труда в Словакии уровню чешских земель. Социалистическая индустриализаци Словакии является главной, но не единственной частью этой политик Помимо нее, существует и другая задача, связанная с экономически подъемом края, — это развитие сельского хозяйства, повышение его ин тенсивности при условии систематического роста производительности тру да на базе развивающегося коллективного производства. Экономическо выравнивание, наконец, предусматривает строительство школ различны профилей и ступеней, развитие науки, подготовку большого числа специа листов, овладевших современной наукой и техникой.

Политику всестороннего развития Словакии, ее экономического, со циального и культурного подъема до уровня чешских земель при после довательном осуществлении принципа укрепления экономического един ства республики Коммунистическая партия проводила в борьбе с вражд дебными националистическими тенденциями как в чешских землях, та и — главным образом — в Словакии.

В первый период после освобождения ЧСР буржуазия чешских зе мель противодействовала индустриальному развитию Словакии, куда бы ла переведена часть промышленного оборудования из пограничных облас тей. Однако эти тенденции встретили сопротивление всего чешского рабо чего класса во главе с КПЧ, стоявшего за индустриализацию Словакии

Против социалистической индустриализации выступали и словацки реакционеры, так как индустриализация вела к расширению национали зированного сектора, увеличению численности и усилению организован ности рабочего класса, росту его сознательности и политического влия ния. Индустриализацию пытались сорвать националистические элемен ты. Сопротивляясь политике экономического подъема этого района учитывающей потребности всей чехословацкой экономики, необходимость ее укрепления, они требовали экономической «самостоятельности» Сло вакии, ее «независимости» от чешских земель, стремились создать в крае народное хозяйство с такой же структурой, как и в чешских землях, не считаясь с его природными, историческими, географическими и другими особенностями.

Экономическому развитию Словакии мешали всяческие националистические тенденции «борьбы против Праги», так как они ослабляли

единство чехословацкого рабочего класса и подрывали целостность на-лего планового хозяйства. Однако КПЧ своевременно разоблачила эти редные тенденции и сделала невозможным их серьезное развитие.

★

В процессе социалистической индустриализации Словакии можно ыделить три этапа.

Первый этап характеризуется созданием основ индустриализа-ии в условиях борьбы за развитие и укрепление социалистических про-зводственных отношений в чехословацком народном хозяйстве, глав-ым образом в промышленности, в условиях политической борьбы между ролетариатом и буржуазией, в ходе которой решался вопрос «кто — ко-о?». Хронологические рамки данного этапа — послевоенное восстанов-ение, связанное в Словакии с расширением промышленности. К этому ервоначальному периоду относится и основная часть двухлетнего плана. Первый этап, таким образом, охватывает 1946—1948 годы.

Второй этап начался после февраля 1948 г., когда пролетариат кончательно взял политическую власть в стране в свои руки; после ационализации, проведенной в феврале, социалистический сектор про-ышленности (по числу работников) вырос с 79,8% до 96,8%. Второй тап — это годы первой пятилетки (1949—1953), время бурного роста роизводительных сил во всей Чехословацкой республике, и особенно Словакии, строительства наиболее крупных предприятий, преимуще-твенно в области обрабатывающей промышленности. Выполнение пяти-етнего плана привело к быстрому росту валовой продукции, промышлен-ой занятости рабочих и перемещению освободившейся рабочей силы из еревни в город. Число рабочих, занятых в индустрии, выросло за этот ериод на 115 тыс. человек, то есть на 62%, в строительстве—на 25%, на ранспорте и в связи — на 23%. Значительное число работников сельского озяйства, особенно в восточных областях, ушло на крупные стройки и в едущие отрасли промышленности чешских земель, где ощущались труд-ости с рабочей силой. Число людей, постоянно занятых в сельском хо-яйстве, уменьшилось на 270 тысяч.

Быстрое развитие обрабатывающей промышленности, за которой не оспевали сырьевые и энергетические отрасли и особенно сельское хо-яйство, привело к некоторым диспропорциям в чехословацком народном озяйстве, в частности в Словакии. В результате темпы индустриализа-ии были замедлены, капиталовложения в обрабатывающие отрасли еньшены и увеличены вложения в добывающую промышленность, в ергетику и особенно в сельское хозяйство. Часть средств была исполь-вана для производства средств личного потребления населения и строи-льства, которое все больше ориентировалось на жилищные и обще-венные сооружения.

Третий этап социалистической индустриализации Словакии на-лся осенью 1953 года. Темпы роста промышленного производства за-длились, и в связи с этим уменьшился рост занятости в индустрии. исло людей, постоянно работающих в сельском хозяйстве, больше не кращалось, оно полностью стабилизировалось.

Остановимся подробнее на характерных чертах отдельных этапов циалистической индустриализации Словакии.

Рассмотрим первый из них. Начальные шаги строительства словац-й промышленности после освобождения государства от фашистской купации совпали с работами по восстановлению разрушенного войной зяйства. Декретами от 28 октября 1945 г. была в основном национали-рована крупная промышленность, в первую очередь производящая едства производства. Всего было национализировано 60% словацкой дустрии. В социалистический сектор вошли также коммунальные, го-

сударственные и общественные предприятия, конфискованные народно властью.

В 1946—1947 гг. в целях увеличения числа рабочих в словацко промышленности, а также использования промышленного оборудовани которое осталось после выселения немцев из пограничных областей, час этого оборудования была перевезена в Словакию. Так появилась во можность для привлечения в промышленность еще 23 871 человека. И этого числа перед февралем 1948 г. 74% было занято в социалистическо и 26% — в частном, преимущественно капиталистическом секторе.

Благодаря перемещению оборудования в Словакию здесь усилили в первую очередь текстильные предприятия, где появилось 8 034 новы рабочих места. Но перемещение было единичным действием, которо не могло оказать решающего влияния на структуру словацкого народн го хозяйства. Усиление отдельных отраслей промышленности проходил непланово и зависело от того, какое оборудование привозилось из погр ничных областей. Тем не менее перемещение имело большое значени так как оно дало возможность перевести из сельского хозяйства в пр мышленность почти 24 тыс. человек, то есть на 17% превысить число р бочих, занятых в промышленности в декабре 1946 года.

Начало плановой индустриализации положил двухлетний пла (1947—1948 гг.), хотя подлинную базу для ее полного осуществлени создал победоносный февраль. При этом нельзя не видеть, что инду стриализация с ее экономическими и социальными результатами — имен но в менее развитой Словакии — сыграла важную роль в обеспечени февральской победы и укреплении основ народной демократии.

По двухлетнему плану капиталовложения в словацкое народное хо зяйство составили 22,14 млрд. крон, или 31,6% общегосударственны Капиталовложения в словацкую промышленность исчислялись в 6,8 млр крон (27,4% от капиталовложений в промышленность всей Чехослова кии). Так были заложены основы для преодоления отставания Словаки от чешских земель. В результате выполнения двухлетнего плана объе словацкой промышленной продукции вырос на 61,6% (несколько боль ше, чем в Чехии и Моравии) [8]. Доля Словакии в чехословацкой промыш ленности увеличилась на 13,9%. Число рабочих, занятых в промышленно сти, в период с декабря 1946 по декабрь 1948 г. выросло на 45 098 чело век, то есть на 32%.

На первом этапе индустриализации, когда буржуазия еще сохранял за собой важные позиции в народном хозяйстве и партия проводила сво политику в условиях острой классовой борьбы, в экономическом развити Чехословацкой республики — при наличии двухлетнего плана — проявля лись элементы стихийности. Искоренение этих элементов и руководств экономикой, обеспечение неукоснительного авторитета государственно плана всюду — от руководящих органов до заводов — не могло про изойти само собой сразу же после февраля. Для этого нужны были вре мя, опыт и систематическое улучшение стиля руководства. Решительны поворот наступил только в 1950—1951 годах.

В начальный период индустриализации проявилось стремление про сто создавать «рабочие места», появилось «головокружение» от успехо желание развивать «хоть какую-нибудь», да промышленность. Создало буквально такое же положение, от которого предостерегал И. В. Стали в 1926 г., когда ошибочно считалось, что целью индустриализации, п крайней мере на первых порах, является простое увеличение доли про мышленности в народном хозяйстве. Вследствие этого политика капита ловложений в Словакии не ориентировалась на использование местно сырья; отставали добыча угля, руды и производство электроэнергии. Бе учета возможностей сырьевой базы расширялись и строились новы

[8] «Slovensko v dvojročnici». Bratislava. 1950, str. 27.

екстильные фабрики, росла кожевенная промышленность; позднее не-оторые из этих фабрик были переоборудованы для производства машин.

Недостатки первого периода словацкой индустриализации — распы-енность, неподготовленность и ошибки в проведении политики капита-овложений — частично сохранились и в последующие годы. Не учиты-ались в должной мере общегосударственные хозяйственные интересы и е обращалось достаточного внимания на эффективность в использова-ии средств. Распыленность капиталовложений и медлительность при уске новых предприятий в эксплуатацию приводили к тому, что на мно-ие годы замораживались огромные материальные средства и тем самым ормозилось развитие производительных сил. Оборудование старых за-одов использовалось не полностью, но при этом почти во всех отраслях промышленности создавались новые заводы. В условиях отставания угле-обычи и строительства энергетической промышленности это вело к воз-растающему напряжению в энергетическом балансе страны.

Ошибки первых лет индустриализации были подвергнуты критике на X съезде Коммунистической партии Словакии (1950 г.). В своем выступ-лении на съезде В. Широкий говорил: «Так как создание тяжелой про-мышленности — дело очень сложное, то при реализации планов тяжелой промышленности мы встречались с большими трудностями. Вместо того, чтобы направить свои силы на преодоление этих трудностей и обеспечить выполнение планов прежде всего по отраслям тяжелой промышленности, мы удовлетворялись тем, что план на этом участке не выполнялся, в то время как в легкой промышленности плановые показатели были намного перевыполнены» [9]. Партия подчеркивала, что в интересах пропорциональ-ного развития народного хозяйства Чехословацкой республики решающи-ми звеньями строительства должны быть энергетическая промышлен-ность, горное дело и тяжелое машиностроение.

Существенные изменения в развитии добычи угля, железной руды, ветных металлов, в увеличении всей продукции горного дела, в уско-ении создания энергетики при одновременном быстром росте машино-троения произошли в ЧСР только в 1951 году.

Приводимая ниже таблица № 2 показывает рост промышленного роизводства по сравнению с предвоенным 1937 годом (индекс произ-одства 1937 г.— 100%) [10].

Таблица № 2

Отрасли промышленности	1945	1946	1947	1948
Вся промышленность	59	121	168	196
Тяжелая промышленность . . .	57	144	196	229
Легкая промышленность (без пищевой)	59	114	182	209
Пищевая промышленность . . .	62	86	85	101

Как видим, уже первый год двухлетнего плана дал крупный прирост ромышленной продукции. Наиболее быстрыми темпами увеличивался ыпуск продукции тяжелой индустрии.

Остановимся на анализе второго этапа индустриализации. Его чало положило решение вопроса о политической власти в пользу про-етариата. Вместе с тем стал возможен и переход к долговременным, пя-летним, планам (первая пятилетка началась в 1949 г.). Доля социали-стического сектора в промышленности — включая национализированные редприятия, конфискованное имущество, потребительскую кооперацию — величилась к концу 1948 г. до 96,8%. В дальнейшем, к 1951 г., капитали-

[9] V. Široký. Указ. соч., стр. 220

[10] «Hospodársky rozmach Slovenska v prvej československej päťročnici». Bratislava. 54, str. 25.

стический сектор был полностью ликвидирован и вся промышленность пе решла в общенародную собственность.

На втором этапе — 1949—1953 гг.— темпы индустриализации был очень быстрыми, при этом начиная с 1951 г. отчетливо проявился преиму щественный рост производства средств производства, прежде всего маши ностроения, что и требовалось для перестройки чехословацкой промышле ности. В 1949—1953 гг. объем промышленного производства в Словаки вырос на 128%, в том числе производства средств производства — н 177% и производства предметов потребления — на 94%. Более детальнс представление о росте промышленной продукции дает таблица № (1948 г.— 100%) [11].

Таблица №

Рост промышленной продукции в течение первой пятилетки

	1949	1953
Промышленность в целом	115	228
Производство средств производства . . .	110	277
Производство средств потребления . . .	119	194

В ходе социалистической индустриализации, особенно в период пе вой пятилетки, коренным образом изменилась структура промышленност Это изменение вместе с ростом промышленного производства послужил основой для социалистического объединения в органическое единое целс промышленности Словакии и чешских земель. В то время как при капи тализме (о чем уже было сказано) хозяйственное слияние осуществлялос в ущерб более слабому партнеру и сопровождалось свертыванием словац кой промышленности, в народно-демократической Чехословакии данны процесс вел к интенсивному развитию словацкой промышленности, осо бенно тех ее отраслей, рост которых в наибольшей степени необходим дл пропорционального развития единого чехословацкого хозяйства.

Доля производства средств производства в общем объеме промыш ленной продукции увеличилась до 50%. Особенно быстро развивалось м шиностроение. Объем продукции машиностроения вырос в 1953 г. на 370% против 1948 г., а доля машиностроения в общем объеме производства все промышленности Словакии поднялась с 11% в 1948 г. до 22,4% в 1953 го ду. При этом производство средств производства росло несравненно быс рее, чем производство средств потребления.

В первую пятилетку отчетливо проявилась тенденция обеспечить бо лее быстрое развитие словацкой промышленности и постепенно прибли зить экономический уровень Словакии к уровню чешских земель. Об это свидетельствуют данные таблицы № 4.

Таблица №

Годовой прирост промышленной продукции Словакии и Чехословацкой республики (предшествующий год — 100%) [12]

	Годы				
	1949	1950	1951	1952	1953
Чехословакия	114	116	114	118	109
Словакия	115	125	116	121	113

Благодаря такому соотношению доля Словакии в общем объеме пр мышленного производства Чехословацкой республики значительно увел чилась [13]. Если в 1937 г. доля словацкой промышленности в промышле ности ЧСР равнялась 8%, то в 1948 г. она составила 13,9%, а 1953 г.— 16,2%.

[11] «Slovensko 1945—1957». Bratislava. 1958, str. 21, 30.

[12] «Statistická ročenka Republiky československé». Praha 1957, str. 77.

[13] «Hospodársky rozmach Slovenska v prvej československej päťročnici», str. 3

При изучении темпов экономического выравнивания Словакии с чешкими землями следует иметь в виду, что промышленность чешских земель акже развивалась чрезвычайно быстро; особенно интенсивно росла продукция старых промышленных предприятий, использовавших богатые месторождения угля и изделия машиностроительной индустрии. Экономический подъем старых областей явился предпосылкой для создания новых ловацких промышленных районов. Общая промышленная продукция в ловакии на одного человека превысила в 1953 г. на 13% продукцию чешких земель 1937 года. В то время как до войны на одного жителя Словакии приходилось лишь немногим более четверти стоимости промышленой продукции, падавшей на одного жителя чешских земель, к 1953 г. эта оля увеличилась до половины. На примере народной Чехословакии видно, ак органическое сочетание экономического подъема старых промышленых районов с подъемом новых районов служит общему развитию производительных сил в едином народном хозяйстве.

Рост промышленного производства в Словакии частично достигался счет лучшего использования существовавших мощностей, но главным бразом он происходил благодаря строительству новых заводов, особенно тяжелой промышленности. В общем фонде капиталовложений доля Словакии в отдельные годы выражалась следующими данными, приводимыми таблице № 5[14].

Таблица № 5

	Годы				
	1949	1950	1951	1952	1953
Доля Словакии в общей сумме капиталовложений ЧСР (в %) . .	25,5	27,9	28,7	27,9	26,2
Доля Словакии в капиталовложениях в промышленность ЧСР (в %)	20,7	22,2	23,8	24,8	24,9

В течение пятилетки было построено 125 новых предприятий, расшино и реконструировано 109 заводов[15].

Большие размеры капиталовложений, строительство современных задов, расширение и модернизация старых предприятий приводили к знагельному росту производительности труда. О повышении технического овня в промышленности свидетельствует рост потребления электроэнерзи одним рабочим на 57%. Производительность труда рабочих в промышнности увеличилась в 1953 г. по сравнению с 1948 г. на 70%, а всех ц, занятых на промышленных предприятиях,— на 51%.

Уже говорилось о том, что на первых этапах индустриализации Словакии имелись существенные диспропорции. Нужно, правда, отметить, что и явления не были специфически словацкими: они были присущи и всей хословакии, более того, в той или иной мере сопутствовали развитию огих стран социалистического лагеря.

Однако в Словакии эти диспропорции вызывались тем, что речь шла начительной степени о создании новой промышленности. Сосредоточе капиталовложений в обрабатывающих отраслях, особенно в машинооении, привело, с одной стороны, к ограничению вкладов денежных дств в другие отрасли народного хозяйства (энергетика, добывающая омышленность, сельское хозяйство); с другой — к тому, что в обрабазающей промышленности оставались неиспользованными производ-

[14] Там же.
[15] Там же.

ственные возможности. Об этом свидетельствует тот факт, что коэфф-циент сменности [16] в промышленности в 1953 г. составлял только 1,28. Пр этом самым незначительным было использование производственных мощностей в машиностроении. Этот существенный недостаток не был окончательно преодолен и в течение нескольких последующих лет.

Особенностью развития народного хозяйства Чехословацкой республики, и прежде всего Словакии, являлось отставание топливной промышленности и строительства электростанций. В Словакии каменный уголь вообще не добывается, а рост в течение пятилетки добычи бурого угля лигнита на 93% не мог удовлетворить потребностей [17]. Приходилось ввозить топливо из чешских бассейнов. Таким образом, в годы пятилетки увеличилась диспропорция между растущим промышленным производством и его энергетической базой.

При росте промышленного производства на 128% и быстром развитии спроса индивидуальных потребителей производство электроэнергии увеличилось за пятилетку всего лишь на 80%. В связи с этим бо́льшую часть необходимой стране энергии приходилось получать из Моравской энергетической системы. Отставание распространилось на добычу руд и некоторые другие отрасли индустрии, дававшие сырье и полуфабрикаты для обрабатывающей промышленности и строительства.

Для всей страны, в том числе и Словакии, критическим было отставание сельского хозяйства. Оно грозило стать серьезным тормозом социалистического строительства и, в частности, индустриализации. Поэтому изменения в политике капиталовложений и в направлении хозяйственного строительства были крайне необходимы. Партия и правительство отчасти приняли необходимые меры в области угледобычи и строительства электростанций уже в 1951—1952 годах. Однако важнейшие мероприятия были проведены во всей стране, а также в Словакии, после 1953 года.

Перейдем к рассмотрению третьего этапа. В 1954—1955 гг. (два годовых плана) хозяйственная политика КПЧ была направлена на устранение диспропорций, возникших в экономике, и тем самым на подготовку второй пятилетки, которая началась в 1956 году. В противоположность предшествующему периоду были относительно ограничены и при этом существенно сконцентрированы вложения в промышленность, увеличены расходы в сельском хозяйстве. Темпы индустриализации в связи с этим замедлились, и занятость в промышленности росла медленно. В сельском хозяйстве Словакии росла постоянная рабочая сила, что, правда, было связано уже с мероприятиями по подъему сельскохозяйственного производства и прежде всего с развитием его материального стимулирования. С уменьшением капиталовложений увеличились трудности с подготовкой производственных планов для машиностроительных заводов и использованием производственных мощностей. Особенно тяжелое положение сложилось на новых словацких заводах, которые не имели установленной традиционной производственной программы. Рост машиностроительного производства, притягивавшего к себе в Словакии большую часть новой рабочей силы, замедлился.

Однако и в этих условиях продолжалась дальнейшая индустриализация страны и сохранялось относительное преобладание темпов роста промышленности по отношению к чешским землям. Об этом свидетельствуют данные, приводимые в таблице № 6 (предшествующий год равен 100%) [18]

---

[16] Коэффициент сменности исчисляется дробью $\frac{\text{число всех рабочих}}{\text{число рабочих в полном составе смены}}$.

Таким образом, коэффициент сменности говорит о том, на сколько смен могла бы работать данное предприятие, отрасль производства и т. п. при полном использовании производственных мощностей.

[17] Потребность Словакии в каменном угле составляла 9,6% и в буром угле 11,1% государственной потребности 1953 года.

[18] «Statistická ročenka Republiky Československé». Praha. 1958, str. 119, 121.

Таблица № 6

Темпы роста промышленности

	Годы			
	1954	1955	1956	1957
Чехословакия . . .	104	111	109	110
Словакия	106	114	111	113

Таким образом, доля Словакии в промышленном производстве ЧСР 1955 г. достигла 16,3% (в том числе подразделение А — 14,5%, подразеление Б — 19,2%). В 1956 г. доля Словакии в промышленном производтве республики составила 16,5% (подразделение А — 14,3%, подразделение Б — 19,6%), в 1957 г.— приблизительно 16,7% (подразделение А — 4,4%, подразделение Б — 19,8%). Общий объем промышленного произодства в 1949—1957 гг. быстро повышался. По сравнению с 1948 г. промышленное производство увеличилось в Словакии в 3,5 раза, в ЧСР — 2,7 раза.

Ускоренный рост промышленного производства в Словакии по сравнению с чешскими землями стал возможным благодаря значительным капиталовложениям. При этом темп роста вложений в Словакии был более быстрым, чем в целом в государстве. В то время, как капиталовложения промышленность чешских земель выросли с 1948 по 1956 г. на 96%, в Словакии они увеличились на 196%. В 1956 г. доля Словакии в промышленных капиталовложениях ЧСР составила 26,7%.

В соответствии с законом пропорционального развития народного хозяйства производство средств производства росло быстрее производства средств потребления. Производство средств производства с 1948 до 1957 г. увеличилось в 4,2, а производство средств потребления — в 2,9 раза.

Замечательные итоги развития промышленности Словакии становятся особенно яркими при сравнении результатов в производстве главных отраслей промышленной продукции, достигнутых в 1957 г. и имевшихся в предшествующие периоды, особенно в предвоенный 1937 год [19].

Таблица № 7

Рост производства основных отраслей промышленной продукции

Название продукции	Единица измерения	1937	1948	1953	1957
Электроэнергия	млн. квч	433	837	1 506	3 216
Бурый уголь и лигнит	тыс. т	838	724	1 393	1 929
Железная руда	„	758	749	1 166	1 615

Благодаря строительству новых металлургических заводов продукция металлургии выросла с 1948 по 1957 г. в 7 раз. Продукция машиностроения в этот период увеличилась в 7,2 раза, химической промышленности — в 3,9 раза, производство строительных материалов — почти в 3 раз и т. д.

Индустриализация Словакии является важной частью социалистических преобразований в экономике всей страны. Прежде всего изменяется характер сельского хозяйства. Мелкое индивидуальное производство благодаря коллективизации превращается в крупное машинное социалистическое производство. В конце 1957 г. в 61,6% сел Словакии имелись единые сельскохозяйственные кооперативы высшего типа. Доля принадлежащих социалистическому сектору пахотных земель достигла 58,5%.

[19] «Slovensko 1945—1957», str. 30, 32, 33, 34, 36, 37.

За 1958 г. социалистический сектор еще более вырос. Одновременно коллективизацией осуществляется механизация сельского хозяйства, до стижения науки все более широко применяются в сельской практике происходит отвлечение свободных рабочих рук из деревни в город. Все это ведет в целом к существенному улучшению материального и культурного положения сельского населения. Исключительное значение для Словакии имели успехи в решении проблемы аграрного перенаселения. С 1946 по 1958 г. число людей, постоянно занятых в сельском хозяйстве, уменьшилось с 990,8 тыс. до 714 тысяч [20].

Значительные вложения в строительство и механизацию, а также прогрессирующее кооперативное движение позволили существенно повысить производительность труда, увеличить производство, несмотря на уменьшение числа работников. В конце 1957 г. в социалистическом секторе сельского хозяйства Словакии работало 14 746 тракторов, что в 10 раз превышало количество тракторов, имевшихся в 1946 г., 1 549 зерновых комбайнов, 417 свеклокомбайнов, 15 098 сеялок, 5 670 сноповязалок и т. д. В конце 1957 г. в Словакии имелись 83 МТС с 981 тракторной бригадой [21]. Машинные станции из года в год увеличивали объем своей деятельности и в настоящее время выполняют подавляющую часть основных полевых работ в кооперативах.

Быстро увеличивалась потребность сельского хозяйства в искусственных удобрениях. В 1956/57 г. в Словакии на 1 га потреблялось 12,4 кг азотистых, 14,3 кг фосфорных и 24,3 кг калийных удобрений (в питательных веществах) [22]. Это было в 4 раза больше, чем в 1946/47 году. По сравнению со среднегодовыми показателями предвоенных 1934—1938 гг. в 1957 г. вырос погектарный урожай пшеницы с 14,8 до 19,4 ц; ржи — с 12,4 ц до 16,5 ц; кукурузы — с 21,5 ц до 26,5 центнера. Увеличилось и поголовье скота. Количество крупного рогатого скота выросло с 1 038 тыс. голов в 1934—1938 гг. до 1 248 тыс. на 1 января 1958 г., в том числе коров с 540 тыс. до 629 тысяч. Особенно быстро в этот период росло количество свиней: с 657 тыс. до 2 106 тысяч.

Успехи в развитии сельского хозяйства проявляются в повышении доходов трудящихся крестьян, особенно членов кооперативов. Характерным показателем в этом отношении является почти пятикратный рост с 1949 по 1956 г. объема кооперативной розничной торговли на селе. Жизнь улучшается и благодаря быстрым успехам электрификации. До конца 1957 г. в Словакии было электрифицировано 84,2% сел, где проживало 90% населения.

Рост материального и культурного уровня жизни в Словакии является результатом ее успешного хозяйственного развития и проявляется как в деревне, так и в городе. За 1948—1957 гг. средняя заработная плата увеличилась на 62,6% — с 743 до 1 208 крон, в том числе промышленных рабочих с 760 до 1 265 крон [23]. Розничный товарооборот на каждого жителя повысился в 1956 г. по сравнению с 1949 г. на 73,5%.

Государство проявляет большую заботу о здоровье населения, социальном обеспечении престарелых и нетрудоспособных, воспитании и обучении подрастающего поколения. Показательны цифры размаха технического и высшего образования. Число учащихся технических училищ Словакии в 1957/58 учебном году почти в 4 раза превысило число учащихся в 1937/38 году. В промышленных училищах оно увеличилось больше чем в 10 раз. Студентов в высшей школе стало почти в 8 раз больше чем в 1937/38 году. При этом надо отметить, что особенно быстро развивается сеть технических вузов.

---

[20] Там же, стр. 62; «Statistická ročenka Republiky Československé». 1958, str. 223.
[21] См. «Statistická ročenka Republiky Československé». 1958, str. 234, 236.
[22] Там же, стр. 237.
[23] Там же, стр. 90.

Общим показателем грандиозных успехов социалистической экономики Словакии являются изменения в социальной структуре ее населения, отображенные в таблице № 8.

Таблица № 8

Классовая структура населения Словакии[24]

Классовая группа	1930	1950	1. I. 1957
Рабочие	43,3	48,9	53,9
Служащие	5,5	10,7	12,3
Крестьяне в кооперативах	—	0,0	8,4
Бедные и средние крестьяне	37,4	34,1	23,9
Другие крестьяне	2,6	1,5	0,6
Мелкие ремесленники	5,8	3,4	0,8
Другие предприниматели	3,4	1,0	0,0
Другие	2,0	0,4	0,1

Наиболее ярко изменения в общественной структуре выражают ликвидация эксплуататорских классов, рост числа работников в социалистическом секторе народного хозяйства (в 1948 г. число занятых в социалистическом секторе составляло 489 тыс., в конце 1957 г.— превысило 1 млн.).

Социалистические преобразования проявляются не только в изменении классовой структуры населения, но и в росте коммунистической сознательности трудящихся. Активное участие народных масс в индустриализации находит свое выражение в широком размахе социалистического соревнования, в движении рационализаторов, в борьбе за досрочное выполнение планов при одновременном снижении издержек производства. В 1949—1956 гг. 18 коллективов и 557 работников было награждено орденами и отмечено за заслуги в деле строительства социализма. В 1953—1956 гг. 494 предприятия получили Красное знамя. Из года в год растет число рационализаторских предложений работников предприятий. Если в течение первой пятилетки — 1949—1953 гг.— в промышленности было зарегистрировано около 39 тыс. рационализаторских предложений, то в 1954 г. число их составило 12 768, в 1955 г.— 15 930, в 1956 г.— 20 904. В 1956 г. было принято 14 464 (из 20 904) рационализаторских предложения, что дало 186 млн. крон сбережений. На предприятиях и стройках трудящиеся неуклонно выполняют решение партии, принятое 28 февраля 1957 г., об упорной борьбе за наибольшую эффективность народного хозяйства.

В процессе социалистической индустриализации не только постепенно преодолевается отставание Словакии от чешских земель, но и отмечаются крупные достижения в равномерном размещении ее производительных сил. Об этом свидетельствует рост занятости населения в промышленности в наиболее отсталых областях Восточной Словакии. Крупные капиталовложения, которые предполагается поместить в словацкое хозяйство, вместе с запланированным строительством новой металлургической базы радикально изменят в ближайшее десятилетие восточную область и превратят ее в один из наиболее развитых районов республики.

Коренные преобразования в хозяйстве Словакии стали возможными вследствие изменения общественного устройства в ЧСР, благодаря тому, что политику государства с 1945 г. определяют трудящиеся, возглавляемые Коммунистической партией. Быстрые темпы хозяйственного развития и особенно словацкой индустриализации были обусловлены решающей помощью словацкому населению со стороны трудящихся чешских земель. Использование естественных и экономических ресурсов Словакии,

[24] «Slovensko 1945—1957», str. 13.

сделавшееся возможным в результате значительных затрат общегосударственных средств, служит развитию производительных сил всей Чехословацкой Республики. Так укрепляется единство народного хозяйства государства, увеличивается вклад всех областей страны в общее дело завершения социалистического строительства в ЧСР.

Социалистическая индустриализация Словакии, как составная часть строительства социализма в Чехословацкой Республике, была бы невозможной без помощи Советского Союза, без связи нашей страны с другими странами социалистической системы. Непрерывное увеличение обмена товарами между странами социалистического лагеря, которое находит свое выражение в росте объема внешней торговли, позволяет обеспечить сырьем, средствами производства и постоянным сбытом продукции большую часть наших предприятий. Советский Союз помогает нам в проектировании новых фабрик и заводов, предоставляет комплекты технической документации (чертежи, описания передовых технологических процессов и т. д.). В наших шахтах работают советские комбайны, в металлургии, машиностроении и многих других отраслях промышленности осваиваются передовые советские методы труда. Рабочие наших заводов и фабрик учатся у советских новаторов производства: Мамаят Быкова, Борткевича, Колесова, Корабельниковой. Недалеко от Братиславы, в Богуницах, строится первая чехословацкая атомная электростанция, создаваемая на основе советского оборудования. В Комарно выросли современные верфи, где по долговременным советским заказам строятся крупные речные суда и буксиры.

В руководящих хозяйственных и политических учреждениях, на предприятиях, в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах трудятся десятки высококвалифицированных специалистов, окончивших советские вузы или советскую аспирантуру. Братское сотрудничество наших научных центров с институтами СССР является общепризнанной необходимостью, основой развития научных учреждений Чехословакии.

Осуществление великого проекта развития промышленности Словакии в третьей пятилетке, предусматривающего строительство горной и химической отраслей, будет в значительной мере возможным потому, что Словакия непосредственно граничит с Советским Союзом. Поставки железной руды из СССР создают условия для нормальной работы мощного металлургического комбината в Восточной Словакии. Плановое развитие химической промышленности основывается на крупных поставках советской нефти, которая потечет по нефтепроводу из Советского Союза.

Развитие мировой социалистической системы приводит к тому, что принципы пролетарского интернационализма, характерные для взаимоотношений народов Советского Союза и других социалистических стран, одерживают ныне все новые и новые победы. В этих условиях менее развитые народы социалистической части мира необычайно быстро преодолевают свою экономическую, социальную и культурную отсталость, вносят свой вклад во всестороннее развитие мировой социалистической системы. XXI съезд КПСС наметил величественную программу коммунистического строительства в СССР. Ее выполнение в огромной степени усилит мировой лагерь социализма, явится замечательным вкладом в дело победы коммунизма, к которому уверенно идут народы Чехословакии вместе со всеми странами социалистической системы.

ИСТОРИОГРАФИЯ

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЕ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ *

В. Е. Иллерицкий

Вопрос о государственной школе в русской историографии изучен недостаточно. Между тем разработка этой важной проблемы позволяет понять особенности буржуазной историографии на длительном этапе ее развития и на основе критического анализа воззрений виднейших представителей государственной школы и сопоставления их взглядов с другими направлениями исторической мысли определить подлинное место этой школы в русской историографии.

Впервые вопрос о государственной школе как особом направлении в русской историографии XIX в. был затронут П. Н. Милюковым [1]. Назвав эту школу «юридической» и отнеся к числу ее представителей К. Д. Кавелина, Б. Н. Чичерина, С. М. Соловьева и В. И. Сергеевича, он попытался раскрыть философские основы их исторических взглядов и в общей форме осветил понимание этими историками русского исторического процесса. Однако идеалистический характер воззрений Милюкова, ставшего впоследствии типичным представителем реакционной буржуазной историографии эпохи империализма, исключал возможность правильной оценки им государственной школы. Он не мог, разумеется, даже поставить вопрос о классовой сущности этой школы и указать на основной ее порок, заключавшийся в крайней переоценке роли государства в истории, поскольку такой порок был свойствен и взглядам Милюкова.

Больше того, принципы государственной школы в значительной степени отразились в его «Очерках по истории русской культуры». Милюков, следуя за Чичериным, доказывал полную якобы зависимость общественного развития и истории культуры в России от действий государственной власти. Он как идеолог русской империалистической буржуазии и ярый противник революции выступил в качестве апологета сильного государства. Другие буржуазные историки вопрос о государственной школе специально не рассматривали.

В советский период эта тема длительное время не выдвигалась в качестве самостоятельной. По сути, она не освещена ни М. Н. Покровским, ни его учениками [2]. И только Н. Л. Рубинштейн впервые посвятил

---

* В основу статьи положена глава автора о государственной школе в русской историографии в пореформенный период из подготовляемого Институтом истории АН СССР к печати второго тома «Очерков истории исторической науки в СССР» под редакцией М. А. Алпатова, Б. Г. Вебера, С. М. Дубровского, М. В. Нечкиной (ответственный редактор), А. Л. Сидорова, А. М. Станиславской, М. Н. Тихомирова.

[1] П. Н. Милюков. Юридическая школа в русской историографии. Журнал «Русская мысль», 1886, кн. 6, стр. 80—92.

[2] М. Н. Покровский в работе «Борьба классов и русская историческая литература» (Птгр. 1923) ограничился общей оценкой взглядов Б. Н. Чичерина и С. М. Соловьева, не рассматривая их как представителей единой школы. Стремясь раскрыть классовую основу воззрений этих историков, Покровский дал им упрощенную характеристику. Он писал, что «Чичерин был тамбовский помещик, Соловьев был городской житель»

государственникам особую главу в своей книге «Русская историография». Он в основном правильно осветил вопрос о классовой сущности государственной школы, определил круг проблем, разрабатывавшихся ее представителями, дал содержательную и в основном верную оценку воззрений К. Д. Кавелина и Б. Н. Чичерина как виднейших представителей этой школы. Но ряд положений, выдвинутых Н. Л. Рубинштейном, представляется спорным. Так, на наш взгляд, он неправ, отделяя С. М. Соловьева от государственной школы [3], не показывая эволюции воззрений государственников в пореформенный период. Кроме того, Н. Л. Рубинштейн искусственно связывал эту школу с развитием только дореформенной буржуазной историографии, рассматривал государственников в значительной мере изолированно от других направлений исторической мысли.

В основном такие же недостатки в трактовке государственной школы присущи первому тому «Очерков истории исторической науки в СССР» [4].

В итоге ряд важных проблем, раскрывающих характерные черты государственной школы, требует дополнительного изучения. К их числу относятся: время оформления и этапы развития государственной школы, в частности, в пореформенный период, ее состав, вопрос о месте государственной школы в русской историографии, поскольку в советской литературе недостаточно раскрывались тенденции к сближению ее представителей с официальной историографией и не подчеркивалась противоположность взглядов государственников историческим воззрениям революционеров-демократов.

Попытка наметить решение названных вопросов и составляет задачу настоящей статьи.

★

Государственная (юридическая) школа в русской историографии окончательно сложилась во второй половине 50-х годов прошлого века, ее коренные принципы были отчетливо сформулированы тогда в трудах главы этой школы Б. Н. Чичерина.

Завершение оформления государственной школы в указанный период было подготовлено предшествующим развитием буржуазной историографии, начиная с Эверса, и знаменовало вместе с тем новый этап в истории русской буржуазной исторической науки. Этот этап отразил идейно-политическую эволюцию помещичье-буржуазного либерализма, ясно определившееся к началу 60-х годов сближение либералов с крепостниками, происходившее в обстановке острой борьбы за капиталистическое развитие России.

Все более тесное сближение либералов с крепостниками явилось результатом их борьбы с демократическим лагерем, выражавшим революционные настроения крестьянских масс, было вызвано страхом перед надвигавшейся народной революцией. Обострение классовых противоречий в стране и расширение деятельности демократических элементов обусловили настойчивое стремление помещичье-буржуазных либералов сохранить сильную монархическую власть, способную предотвратить революционные выступления народных масс. Вследствие этого либералы

(стр. 61). Более содержательными являлись статьи учеников М. Н. Покровского (П. Соловьев. Философия истории Гегеля на службе русского либерализма. Историческая концепция Б. Н. Чичерина. Сборник «Русская историческая литература в классовом освещении». Т. I. М. 1927, стр. 119—204. З. Лозинский. Историк великодержавной России С. М. Соловьев. Там же, 205—276). Однако и в этих статьях оценка воззрений Чичерина и Соловьева дана односторонне. Авторы статей, как и Покровский, не рассматривали Чичерина и Соловьева в качестве представителей государственной школы, место этих историков в буржуазной историографии ими не определено.

[3] Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М. 1941, стр. 314.

[4] «Очерки истории исторической науки в СССР». Т. I. М. 1955, стр. 338—347.

готовы были отречься от своих робких оппозиционных настроений по отношению к самодержавию, выступали в качестве апологетов сильной власти, оправдывали расправу царизма с революционерами и крепили свой союз с реакционными дворянскими кругами. Они рассчитывали, что утверждение буржуазных порядков в результате реформ «сверху» окажется совместимым с сохранением помещичьего землевладения и самодержавия. Именно в период революционной ситуации в России обнажилась антидемократическая сущность и антиреволюционная направленность помещичье-буржуазного либерализма. В это время и завершилось оформление государственной школы в русской историографии.

Лидерами помещичье-буржуазного либерализма и его виднейшими идеологами в середине прошлого века были Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин. Эти деятели, будучи историками русского права, не случайно оказались и крупнейшими представителями государственной школы в русской историографии.

Особенности нового этапа в развитии либеральной помещичье-буржуазной историографии отразились с наибольшей полнотой в исторических воззрениях Чичерина. Он подчинил теоретические принципы государственной школы задаче исторического обоснования политической программы помещичье-буржуазного либерализма. В соответствии с этим признание государства в качестве основного творческого начала истории и ее движущей силы стало главным принципом государственной школы. Отсюда произошло и ее наименование.

Важнейшим идейным источником исторической концепции Чичерина являлась философская система Гегеля, ее консервативное содержание. Он был последователем правых гегельянцев и в духе последних трактовал исторический процесс. Чичерин подчеркивал ведущую роль государства в историческом развитии, видел в нем вслед за Гегелем творца истории и высшее достижение общественного прогресса. «Государство,— по его определению,—есть высшая форма общежития, высшее проявление народности в общественной сфере. В нем неопределенная народность, которая выражается преимущественно в единстве языка, собирается в единое тело, получает единое отечество, становится народом»[5]. Рассматривая государство в духе идеалистической философии Гегеля как «органический союз народа, соединение всех общих его интересов», в котором «воплощаются сознание и воля народа, как единого целого»[6], Чичерин видел в нем силу надклассовую и связывал с его деятельностью все изменения в общественной жизни. Наиболее определенно, по мнению Чичерина, руководящая роль государства обнаружилась в России, где сам народ был создан государством, которое будто бы собирало его, блуждавшего по необъятным просторам страны, под свою власть. Географические условия России якобы обусловили всемогущество самодержавного государства, которое «сверху», силой своей власти создало в нашей стране сословия, закрепостило их и заставило служить себе. Поэтому, делал вывод Чичерин, только государству принадлежало право освободить сословия. Эта теория закрепощения и раскрепощения сословий, сформулированная Чичериным накануне крестьянской реформы 1861 г., служила оправданию «освобождения» крестьян «сверху», в интересах имущих классов.

Самодержавному государству Чичерин приписывал даже создание общины в России для фискальных целей. Такая община, утверждал он в своей работе «Обзор исторического развития сельской общины в России» (1856 г.), сменила собой в XVII—XVIII вв. вотчинную, которая еще ранее пришла на смену общине родовой. Чичерин доказывал таким спосо-

[5] Б. Н. Чичерин. Очерки по истории русского права. М. 1858, стр. 369.
[6] Б. Н. Чичерин. О народном представительстве. М. 1866, стр. 389.

бом право самодержавного государства на разрушение якобы им же созданной общины с целью передачи земли крестьян помещикам.

Чичерину решительно возражал Н. Г. Чернышевский, вскрывший подлинный политический смысл выводов помещичье-буржуазного либерала. Немедленно после выхода статьи Чичерина он подверг критике исторические «доказательства» автора по вопросу о роли государства в создании общины в России и отсутствии связи между ее последовательно сменявшимися формами[7]. Важно подчеркнуть, что К. Маркс также опровергал положения Чичерина о создании общины в России государством и указывал, что эти домыслы использовались в своих целях немецкими реакционерами[8].

Выводы Чичерина о всесилии государства в русском историческом процессе были историческим обоснованием его тезиса о необходимости для России, где нарастала угроза демократической революции, сильной монархической власти, способной, как писал Чичерин в записке графу Милютину после 1 марта 1881 г., «показать свою энергию, доказать, что она не свернула своего знамени пред угрозою»[9]. В. И. Ленин не случайно использовал приведенные слова Чичерина для разоблачения монархических, контрреволюционных устремлений помещичье-буржуазных либералов в России.

Свои общие представления об истории России Чичерин раскрыл в работах «Обзор исторического развития сельской общины в России», «Холопы и крестьяне в России до XVI века», а также в ряде других статей, вошедших в сборник «Опыты по истории русского права» (1858 г.). В этих и последующих исследованиях он подверг анализу многочисленные и важные по своему значению юридические памятники, на основе обширного актового материала обстоятельно охарактеризовал историю учреждений, функции и содержание деятельности воевод всех разрядов, должностных лиц, им подчинявшихся, приказных лиц в Русском государстве XVII в. («Областные учреждения России в XVII веке», 1856 г.), осветил историю земских соборов (глава в книге «О народном представительстве», 1866 г.).

Эти труды объективно содействовали разработке новых вопросов и более полному освещению отдельных сторон русского исторического процесса, раскрывали в известной мере историю сословных отношений в России. Но в конечном счете все исследования Чичерина сводились к обоснованию выдвинутого им коренного принципа, согласно которому ведущая роль в истории России принадлежала будто бы государству.

Однако, создавая свои труды и разрабатывая историческую концепцию государственной школы, Чичерин во многом опирался на ее предшествующее развитие. Изучение им истории государственных отношений в России, ее учреждений и правовых норм, а также истории сословных отношений, столь характерное для всех государственников, исходило из давних традиций буржуазной историографии. Еще И. Эверс заявлял, что он «намерен показать на основании истории России постепенный ход права, возникновение из так называемого патриархального состояния гражданского общества»[10]. И. Эверс выступил в качестве создателя родовой теории права применительно к истории славян и наметил

---

[7] См. Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. III. М. 1947, стр. 649. Более подробно о полемике Чернышевского с Чичериным по вопросу о сельской общине в России см. В. Е. Иллерицкий. Вопросы древнерусской истории в освещении революционеров-демократов. «Труды» Московского государственного историко-архивного института. Т. 11. 1958, стр. 198—201.

[8] См. «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями». Госполитиздат. 1951, стр. 93.

[9] См. В. И. Ленин. Соч. Т. 5, стр. 50.

[10] И. Эверс. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПБ. 1835, стр. 14.

исходные теоретические принципы государственной школы. Родовую теорию Эверса разрабатывали в 40-х годах прошлого века предшественники и старшие современники Чичерина—Соловьев и Кавелин,— а проблема государства, выступавшего в качестве высшей формы общественного развития, стала основной для всех государственников. Соловьев и Кавелин являлись предшественниками Чичерина и в том смысле, что они ранее его обратились к философии Гегеля, как к теоретическому источнику, для обоснования своих представлений о ведущей роли государства в истории.

Самая схема исторического развития России, созданная Чичериным, согласно которой в нашей стране «союз кровный» сменился примерно в XII в. «союзом гражданским», а последний в период царствования Петра I — «союзом государственным», принципиально сходна со схемой Соловьева и Кавелина. Она при всей ее условности и абстрактности все же была более совершенной, чем построения дворянских историков, начиная от Татищева и кончая Карамзиным.

Следует заметить, что и важнейший принцип юридической школы о решающей роли государства, власти в историческом развитии России также получил достаточно определенное выражение в трудах Соловьева и Кавелина, изданных еще до начала литературной деятельности Чичерина. Так, Соловьев заявлял применительно к истории России, что «главное, начальное явление в основании государства — это соединение разрозненных племен через появление среди них сосредоточивающего начала — власти» [11].

Князья Киевской Руси, князья-вотчинники в удельный период, князья как собиратели русских земель, создатели Московского государства и носители принципа самодержавной власти — таковы, по мнению Кавелина и Соловьева, основные деятели русской истории, определившие особенности исторического процесса в стране.

Систематизируя эти представления своих предшественников, Чичерин выразил их в еще более определенной форме. «Образование государства,— заявлял он,—вот поворотная точка русской истории» [12]. Вся последующая история России, по Чичерину, была результатом деятельности княжеской власти: «Князья собрали воедино разрозненные славянские племена, князья по частному праву наследования раздробили это приобретенное ими достояние, князья же впоследствии соединили в одно тело разрозненные части» [13]. Подобные рассуждения Чичерина, непомерно возвеличивавшего значение княжеской власти в истории России, не имели научного значения. Они получили завершение в следующей формуле: «У нас княжеская власть сделалась единственным двигателем народной жизни» [14]. Эта формула служила для обоснования реакционнейшего вывода о том, что в нашей стране все творилось «сверху», самодержавной властью, по ее инициативе и благодаря ее направляющему и организующему воздействию. Общественное устройство в России, утверждал Чичерин, «получило бытие от государства; монархия сделалась исходною точкою и вожатаем всего исторического развития народной жизни» [15].

Крайнее преувеличение роли государства, вытекавшее из принципиально неверного понимания его значения в общественном развитии,

[11] С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Кн. I. Изд. «Общественная польза», стр. 103.

[12] Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 380.

[13] Там же, стр. 285.

[14] Там же, стр. 10—11.

[15] Б. Н. Чичерин. О народном представительстве, стр. 356. Приведенные утверждения Чичерина об историческом значении княжеской власти и монархии развивали применительно к истории России соответствующие положения Гегеля, который полагал, что «народ, взятый без своего монарха... есть бесформенная масса, уже не представляющая собой государства» (Гегель. Сочинения. Т. VII. М.-Л. 1934, стр. 305).

имело своей обратной стороной представление о народных массах как об инертной силе в истории, враждебной государственному началу. И в этом отношении Кавелин и Соловьев выступали предшественниками Чичерина.

Он пошел за ними и в трактовке вопроса о своеобразии географических условий России сравнительно с Западной Европой. Ссылка на особые географические условия нашей страны — обширность ее пространств, их слабую заселенность, что будто бы обеспечивало возможность «бродяжничества» для народных масс и уклонения от выполнения повинностей,— не выдерживает критики. Она понадобилась буржуазным историкам для обоснования необходимости усиления самодержавного государства в России.

Отмеченные черты принципиального сходства исторических воззрений Кавелина и Соловьева со взглядами их младшего современника Чичерина позволяют сделать вывод, что начиная с 40-х годов XIX в. в русской историографии происходил процесс оформления государственной школы, который завершился во второй половине 50-х годов. К этому времени школа объединила в своем составе Кавелина, Соловьева и Чичерина и ряд их сторонников. Но это объединение произошло тогда, когда характер отношений между названными историками уже изменился, когда ученик стал лидером своих учителей, более полно развил и систематизировал принципы государственной школы, придав им значение теоретических догматов. В таком виде эти принципы были использованы для обоснования политических позиций помещичье-буржуазного либерализма в новых исторических условиях. Поэтому с именем Чичерина правомерно связывать завершение оформления государственной школы в русской историографии.

Выступив в качестве виднейшего теоретика этой школы, Чичерин особенно настойчиво подчеркивал ведущую роль самодержавного государства как всесильного якобы творца истории России. Государство он полностью отрывал от социально-экономических закономерностей, и тем самым весь ход русской истории им извращался. К тому же Чичерин в отличие от Соловьева и Кавелина переоценил роль внешних факторов в истории России — варяжского и монгольского завоеваний, значение западноевропейских влияний в период осуществления реформ Петра I. В то время как Соловьев стремился установить органическую связь и преемственность между отдельными этапами русской истории, Чичерин в отдельных случаях отказывался признавать исторический процесс внутренне обусловленным.

Приведенные моменты своеобразия в воззрениях виднейших представителей государственной школы не носили принципиального значения, характеризуя лишь индивидуальные особенности каждого из них. При этом вполне понятно, что взгляды Чичерина как главы и основного теоретика школы имели бо́льшую определенность и завершенность. В среде государственников он отличался своим догматизмом и доктринерством [16].

Само собой разумеется, что указанным различиям необходимо уделять внимание при изучении воззрений каждого историка в отдельности. Когда же речь идет о тех же историках как представителях единой школы, то исследователь обязан выделить прежде всего общие коренные теоретические принципы, объединяющие историков в составе рассматриваемой школы, без которых не может быть понято ее качественное своеобразие.

В середине XIX в. в условиях назревания в России революционной

---

[16] Эту особенность Чичерина хорошо подметил А. И. Герцен, когда писал о нем как о «несгибаемом доктринере». (А. И. Герцен. Былое и думы. М.-Л. 1947, стр. 718).

ситуации и проведения буржуазных реформ «сверху» крупнейшие буржуазные историки все более прочно усваивали принципы государственников. Они делали это в основном под влиянием работ Чичерина, в которых получила четкое выражение и такая особенность буржуазной историографии рассматриваемого периода, как ее сближение с дворянской, официально-монархической историографией в трактовке коренных проблем русской истории.

Основой для сближения либеральной историографии с реакционной было прежде всего признание ведущей роли государства в истории России; эта точка зрения разделялась и дворянскими историками. Правда, буржуазные историки сделали попытку трактовать вопрос о государстве более разносторонне. Они стремились раскрыть эволюцию государственных отношений, изучить развитие норм права и деятельность государственных учреждений, учитывая при этом изменения, которые претерпели различные сословия. Но классовая ограниченность их мировоззрения в конце концов привела этих историков к тому, что они всю деятельность государства стали сводить к действиям правительства и даже преимущественно верховных носителей власти—князей и царей,— как это делали и дворянские историки.

Сближению буржуазной и дворянской историографии способствовали и другие моменты. На раннем этапе своего развития буржуазная историография разделяла многие принципы дворянских историков, лишь постепенно размежевываясь с ними. Впоследствии, особенно после образования государственной школы, дворянская историография, в свою очередь, стала все больше испытывать зависимость от буржуазной и воспринимать принципы государственников. Наконец, имел значение и тот факт, что виднейшие идеологи буржуазного либерализма и представители государственной школы Б. Н. Чичерин и К. Д. Кавелин, выражая интересы обуржуазивающихся помещиков, никогда не выступали принципиальными противниками дворянства и дворянского государства и не были поэтому последовательными критиками дворянской идеологии, в частности дворянской историографии. Во всех этих моментах проявлялось своеобразие процесса формирования буржуазных элементов и буржуазной идеологии в России, их зависимость от царизма и от официальной идеологии.

Но все то, что сближало буржуазных историков с дворянскими, противопоставляло их демократическому лагерю. Представители помещичье-буржуазного либерализма враждебно относились к демократическому движению в России и, будучи его классовыми противниками, отвергали демократические принципы в истолковании истории. Это полностью подтверждается воззрениями государственников.

Прежде всего, возвеличение буржуазными историками государства и стремление доказать его всемогущество в России уже содержали в себе отказ от признания решающей роли народных масс в истории. Отсюда и прямо противоположная у государственников и революционных демократов трактовка многих важных теоретических и конкретных исторических проблем: роли личности в истории, значения географических условий в общественном развитии, вопроса о возникновении государства, проблемы образования централизованного государства и его укрепления в России, вопроса о закрепощении крестьянства, об историческом значении крестьянских движений и ряда других. Свидетельством решительного расхождения во взглядах по принципиальным вопросам между революционными демократами и государственниками является замечательная статья Н. Г. Чернышевского «Б. Чичерин как публицист» (1859 г.), посвященная коренным вопросам общественного развития России. В этой статье Чернышевский справедливо рассматривал Чичерина как врага революционных преобразований, убежденного либерала,

готового вступить в сделку с правительством. Он недвусмысленно предупреждал, что Чичерин «не замедлит сделаться мертвым схоластиком и будет философскими построениями доказывать историческую необходимость [каждой статьи Свода законов] сообразно теории беспристрастия. Потом историческая необходимость может обратиться у него и в разумность» [17]. Предвидение Чернышевского полностью оправдалось. Герцен, давая в «Былом и думах» оценку Чичерину, с которым он встретился в Лондоне в 1857 г., писал: «С первых слов я почуял, что это не противник, а враг... С первых дней начался спор, по которому ясно было, что мы расходимся во всем... Он в императорстве видел воспитание народа и проповедовал сильное государство и ничтожность лица перед ним. Можно понять, что̀ были эти мысли в приложении к русскому вопросу. Он был гувернементалист, считал правительство гораздо выше общества и его стремлений и принимал императрицу Екатерину II почти за идеал того, что надобно России. Все его учение шло у него из целого догматического построения, из которого он мог всегда и тотчас выводить свою философию бюрократии» [18].

Чичерин, в свою очередь, враждебно относился к Чернышевскому и Герцену, называя их «проповедниками социалистических и материалистических теорий», с ненавистью писал о том, что демократические деятели — сторонники народной революции — готовы «загубить великое историческое дело», как он называл преобразования, готовившиеся царским правительством и помещиками в конце 50-х годов прошлого века [19].

В борьбе с демократическим движением и его идеологией Чичерин получал поддержку Кавелина. Политические и исторические взгляды последнего, начиная с 60-х годов, ничем существенным не отличались от воззрений Чичерина. Он также выступал сторонником сильной монархической власти, способной обуздать революционное движение и расправиться с революционерами. Именно Кавелина, одобрившего арест Чернышевского, В. И. Ленин расценил как одного из «отвратительнейших типов либерального хамства», а его выступления в 60-х годах рассматривал как «образчик профессорски-лакейского глубокомыслия!» [20].

Несомненен и либерально-буржуазный характер политических взглядов Соловьева. Об этом свидетельствует его деятельность как историка. Не следует забывать, что расцвет научной деятельности Соловьева с конца 50-х и до конца 70-х годов прошлого века совпал со временем, когда он стал более последовательно раскрывать в своих произведениях принципы государственной школы.

Откликаясь на злободневные вопросы современности, Соловьев издал в 1858 г. «Исторические письма», отразившие его либерально-буржуазную позицию по отношению к крестьянской реформе. Несколько позднее вышли в свет исследования Соловьева: «История падения Польши» (1863 г.), «Публичные чтения о Петре Великом» (1872 г.), «Император Александр I. Политика и дипломатия» (1877 г.). Его работы оказали значительное влияние на русскую историческую науку того времени.

Поскольку вопрос о принадлежности Соловьева к государственной школе не получил в исторической литературе обстоятельного освещения, на оценке его трудов в смысле отражения в них принципов государственников следует остановиться более подробно.

Несомненно, работы Соловьева в свое время значительно обогатили

---

[17] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. V. М. 1950, стр. 669.

[18] А. И. Герцен. Собрание сочинений. Т. IX. М. 1956, стр. 248—249.

[19] См. «Воспоминания Б. Н. Чичерина». М. 1929, стр. 22.

[20] В. И. Ленин. Соч. Т. 18, стр. 13; т. 5, стр. 30.

историческую науку. История России XVII и в особенности XVIII в. освещалась им во многом впервые и на основе новых материалов. Соловьев был крупнейшим буржуазным историком в России. По вкладу в историческую науку, разработке широкого круга проблем русской истории, тщательности изучения новых источников, в особенности архивных, Чичерин и Кавелин не могут идти с ним в сравнение[21]. Однако в теоретическом отношении Соловьев начиная с конца 50-х годов прошлого века в значительной мере шел за Чичериным и в своих работах основные проблемы истории России рассматривал с позиций государственников. Об этом, в частности, свидетельствует трактовка им такой актуальной для середины XIX в. проблемы, как закрепощение крестьянства в России. В данном случае Соловьев отправлялся, в сущности, от выводов, впервые сформулированных в работах Чичерина («Обзор исторического развития сельской общины» и «Холопы и крестьяне в России до XVI века»). В этих статьях Чичерин исходил из того положения, что до конца XVI в. крестьяне юридически оставались свободными, совершали беспрепятственные переходы от одного владельца к другому и лишь в конце этого столетия, по его мнению, они были закрепощены государством. Подобную точку зрения высказывал в «Истории России» и Соловьев, объясняя закрепощение крестьянства в духе чичеринской теории закрепощения всех сословий в России «сверху», государством. Вслед за Чичериным Соловьев писал о непрочности общественных связей в древней Руси, о «волнующемся жидком состоянии общества» до закрепощения сословий, о «бродяжничестве» крестьян. Государственная власть, полагал Соловьев, преодолевая всеобщее брожение, вынуждена была сначала заставить служить себе помещиков, а затем закрепостила крестьянские массы. С этих времен, замечает Соловьев, укоренилась «привычка русского человека к бродяжничеству, а у правительства стремление ловить, усаживать и прикреплять»[22]. Соловьев, подобно Чичерину, вполне одобрял крепостническую политику царизма, ссылаясь для ее обоснования на особые «исторические обстоятельства». Он решительно осуждал антикрепостнические крестьянские движения как «анархические». В таком духе рассматривал Соловьев в «Истории России» движения под руководством Болотникова, Разина и Булавина, обнаруживая в их оценке принципиально иной подход по сравнению с революционерами-демократами. Решительное осуждение Соловьевым протеста народных масс против крепостнического угнетения сближало его вместе с другими государственниками с официальной дворянской историографией.

В связи с вопросом о складывании крепостнических отношений в России следует отметить, что некоторые представители государственной школы, в частности Кавелин, идеализировали эти отношения. В статье «Мысли и заметки о русской истории» (1866 г.) Кавелин утверждал, что до начала XVIII в. отношения между крестьянами и помещиками носили патриархальный характер и не отягощали существенно крестьян, не исключали «попечительность о людях» со стороны помещика[23]. В своем понимании крепостного права в допетровской Руси Кавелин, по существу, солидаризировался со славянофилами. Кроме того, извращая историю, он пытался представить монархические настроения крестьян как национальную особенность русского народа. «В царской власти, сложившейся по типу власти домовладыки,—заявлял Кавелин,—русскому народу представилась в идеальном, преобразованном виде, та же самая

---

[21] Исторические взгляды С. М. Соловьева во всей их полноте и общее значение его исследований для развития исторической науки в России не рассматриваются в статье; в ней затронуты только те особенности воззрений Соловьева, которые раскрывают его отношение к государственной школе в русской историографии.

[22] С. М. Соловьев. История России. Кн. III, стб. 664.

[23] К. Д. Кавелин. Соч. Т. I. СПБ. 1897, стб. 629.

власть, которую он коротко знал из ежедневного быта, с которой жил и умирал»[24]. Кавелин не видел подлинных национальных качеств русского народа: его любви к труду, неустанных стремлений к социальному освобождению и духовному прогрессу. Он презрительно третировал народные массы, отводя им пассивную роль исполнителя предначертаний самодержавной власти. Такое толкование рассматриваемых вопросов в итоговой исторической работе Кавелина также свидетельствовало о сближении государственников с дворянской историографией в пореформенный период.

Коренные особенности государственной школы нашли свое выражение и в освещении ее представителями проблемы петровских преобразований в России. Этот вопрос затрагивался в работах Кавелина, который еще в своей ранней статье «Юридический быт в древней России» (1847 г.) связывал с деятельностью Петра I окончательное утверждение в стране государственных отношений.

Петровские преобразования, по мнению Соловьева, являлись важным этапом в историческом развитии России. Характерно, что в «Истории России» он придавал первостепенное значение деятельности правительства, государственной власти и ее носителю Петру I. В этом смысле его «История России» мало отличалась от «Истории царствования Петра Великого», написанной официальным историком Н. Г. Устряловым (1858—1864 гг.).

Заслуги Соловьева в изучении петровских преобразований, несомненно, значительны. Его труды основывались на обширных, во многом неизвестных ранее материалах и содержали новую оценку исторических предпосылок и прогрессивного исторического значения реформ Петра I. Однако не следует забывать, что соответствующие тома «Истории России» (XIII—XVIII), посвященные петровским преобразованиям и изданные в 1863—1868 гг., представляли собой историческое обоснование воззрений Соловьева как буржуазного либерала на реформы в России, проведенные в 60—70-х годах XIX века. В связи с этим он подчеркивал историческую неизбежность реформ Петра I и расценивал их как крутой перелом в развитии страны, достигнутый благодаря деятельности правительства, как «нашу революцию начала XVIII века», осуществленную волей самодержца. Попытка противопоставить реформы Петра I Французской революции конца XVIII в. и стремление доказать, что эти реформы, осуществлявшиеся самодержавной властью, служили универсальным средством общественных преобразований, свидетельствуют о том, что по своим взглядам Соловьев являлся буржуазным либералом[25]. Он идеализировал деятельность Петра I и превращал реформатора-самодержца в главного героя своего повествования.

Вернувшись позднее к теме петровских преобразований в «Публичных чтениях о Петре Великом» (1872 г.), Соловьев во многом повторил свои выводы, сформулированные в «Истории России». Вместе с тем он обнаружил и новые особенности в их понимании в связи с усилившимся воздействием на его взгляды принципов государственной школы. Так, в «Публичных чтениях» Соловьев уже не говорил о преобразованиях первой четверти XVIII в. как о крутом переломе в историческом развитии России и не сравнивал их с Великой Французской революцией. Напротив, он подчеркивал историческую подготовленность реформ, стремление Петра I сохранить в процессе преобразований все лучшее из старого, доказывал эволюционный характер реформ и сравнивал время правления Петра I с эпохой Возрождения в Западной Европе XV—XVI веков. Такое понимание преобразований Петра I, несомненно, было связано с возросшей умеренностью политических взглядов Соловьева, с его решитель-

[24] Там же, стб. 637.
[25] См. С. М. Соловьев. История России. Кн. III, стб. 803—806, 1055.

ным осуждением революционных потрясений, которые он характеризовал как «болезненные припадки», искажавшие якобы «нормальное» общественное развитие. В рассматриваемом произведении Соловьев, опираясь на исторический опыт петровских реформ, делал вывод, выявлявший общность его воззрений со взглядами государственников: «Народы в своей истории не делают прыжков»[26].

Характерно, что в «Публичных чтениях» Соловьев еще настойчивее подчеркивал мысль о том, что реформы Петра I были «народным делом», а сам Петр — «народным царем», что он своей политикой выражал народные интересы и сам являлся образцом труженика в деле преобразования страны. Соловьев оценивал Петра I как «великого учителя народного... великого помощника народного», рисовал образ «царя-работника»[27]. Начав идеализацию Петра I в «Истории России», Соловьев еще более усилил ее в «Публичных чтениях». К тому же и представление о народе у него было типичным для буржуазного историка. Народ в его представлении — сплошная инертная масса.

Вместе с тем реальная историческая действительность вынуждала историка, правда, эпизодически, отмечать непомерные тяготы, ложившиеся на плечи трудящихся масс в эпоху реформ Петра I. Но это не мешало Соловьеву полностью оправдывать политику правительства Петра I даже в тех случаях, когда он объяснял причины народных возмущений, происходивших в годы преобразований, таких, как движение Булавина или восстание башкир. В этих движениях историк видел неоправданный и мешавший реформированию страны протест «анархических» элементов народа «против призыва Петра к тяжелому труду»[28]. Подобные высказывания говорят о том, что точка зрения Соловьева на народные движения тождественна воззрениям государственников и противоположна взглядам революционеров-демократов.

Теоретические установки Соловьева, на которых основывалась оценка им реформ Петра I, не были случайными. Подобно Чичерину, он свел деятельность государства к деятельности правительства и даже последнюю ограничил действиями самодержца, по своей воле и почину преобразующего страну. В связи с этим следует сказать, что одновременно с подготовкой «Публичных чтений о Петре Великом» Соловьев работал над другим обобщающим произведением — «Наблюдения над исторической жизнью народов» (1868—1876 гг.), в котором также сформулированы некоторые важные теоретические принципы истолкования исторического процесса. В частности, он определил отношение между деятельностью правительства и жизнью народа, а также взаимоотношения народа и личности в истории. Соловьев писал: «Правительство, какая бы ни была его форма, представляет свой народ, в нем народ олицетворяется, а потому оно было, есть и будет всегда на первом плане для историка»[29]. Соловьев в этом вопросе следовал за идеалистическими философско-историческими представлениями Гегеля, утверждавшего, что народ без государства немыслим, поскольку «государство есть необходимая форма для народа».

Развивая свою мысль об отношениях между правительством и народом, Соловьев заявлял, что правительственная жизнь «служит самою

---

[26] С. М. Соловьев. Собрание сочинений. Изд. «Общественная польза», стб. 1008. Приведенная формула Соловьева, по существу, воспроизводила аналогичные суждения Чичерина в его известном письме к Герцену в 1856 году. Здесь Чичерин писал о «законе постепенности, проникающем все явления», утверждал, что «история, как природа, не делает скачков» и каждый народ в «нормальные», то есть мирные периоды своего исторического развития, совершает «свое шествие, медленное и постепенное» («Голоса из России». Ч. I. Лондон. 1856, стр. 31—32).

[27] С. М. Соловьев. Собрание сочинений, стб. 1016.

[28] Там же, стб. 1082.

[29] Там же, стб. 1123.

лучшей проверкою народной жизни... мы должны изучать деятельность правительственных лиц, ибо в ней находится самый лучший, самый богатый материал для изучения народной жизни... с другой стороны, деятельность правительственных лиц, обусловливаясь известным состоянием общества, производит могущественное влияние на дальнейшее развитие этого общества и потому должна обращать на себя особенное внимание историка»[30]. Отсюда и вытекало то положение, определившее понимание Соловьевым петровских преобразований в его «Публичных чтениях», согласно которому историк должен писать не о народных массах, а раскрывать деятельность правительства, направляющего жизнь народа.

Подобное понимание Соловьевым движущих сил истории было типичным для государственников и сближало их с дворянскими историками не только в трактовке реформ Петра I, но и в определении роли народных масс и государственной власти в историческом развитии всех народов[31]. Тем самым Соловьев выступил против коренного принципа исторической концепции революционных демократов — признания решающей роли народных масс в истории.

Отличаясь широтой исторических интересов, Соловьев в ряде своих произведений («История России с древнейших времен», «История падения Польши» (1863 г.), «Россия, Австрия и Англия во время движений 1848—1849 годов» (1877 г.), «Император Александр I. Политика и дипломатия» (1877 г.) уделил значительное внимание вопросам внешней политики. Это было вызвано не только стремлением историка осветить важную сторону русского исторического процесса, но и в значительной мере обострением отношений после Крымской войны между Россией и западноевропейскими государствами.

Научная ценность исследований Соловьева по вопросам истории внешней политики России несомненна. Он привлек обширный круг дипломатических документов, большей частью извлеченных из архивов, им впервые поставлены и освещены многие новые вопросы. Внешнюю политику России Соловьев рассматривал в тесной связи с историей международных отношений, а также с историей других, главным образом соседних европейских государств.

При всех научных достоинствах трудов Соловьева они носят на себе печать ограниченности государственной школы. В центре внимания автора оставалась деятельность государства, самодержавного правительства, представителей власти. Соловьев оценивал внешнюю политику России с великодержавных позиций, одобрял многие внешнеполитические акты царского правительства, имевшие захватнический и реакционный характер. Он не сумел оценить и подлинного значения экономических факторов, определявших взаимоотношения России с другими государствами, не показал роли народных масс в области внешней политики страны.

Однако при несомненном родстве воззрений Соловьева и представителей государственной школы следует отметить, что он, как уже говорилось, занимал в этой школе особое место и не являлся таким типичным государственником, какими были Чичерин и Кавелин. Признание Соловьевым исторического процесса внутренне обусловленным, закономерным, хотя принцип закономерности раскрывался им, как и

---

[30] Там же, стб. 1124.

[31] В этой связи достаточно указать на точку зрения официального дворянского историка Д. И. Иловайского: «...жизнь и движение народ проявляет в своих представителях. Вот почему история, по преимуществу, имеет дело с лицами, стоящими во главе народа, и вообще с теми деятелями, посредством которых он проявляет себя в разных сферах общественного развития» (Д. И. Иловайский. История России. Ч. I. М. 1876, стр. VI).

всеми представителями буржуазной историографии, разумеется, в идеалистическом плане, его тяготение к конкретному материалу, часто не укладывавшемуся в абстрактные юридические формулы, весьма характерны для взглядов этого историка. Поэтому на его работах в меньшей степени лежал отпечаток формально-юридической трактовки исторических проблем, нежели на сочинениях Чичерина и Кавелина. Если последние проявили себя в основном как теоретики государственной школы, то С. М. Соловьев своими трудами, несомненно, внес крупный вклад в русскую историческую науку своего времени.

Особенности взглядов Соловьева все же не дают оснований для отделения его от государственной школы. Поступать так — значит игнорировать самое главное в политических и исторических воззрениях Соловьева: его буржуазный либерализм, враждебное отношение к демократическому движению и к революционно-демократическому направлению в русской историографии, несомненную близость к официальной дворянской историографии. В закономерной связи с такими позициями Соловьева в политике и науке находились его теоретические принципы в истолковании исторического процесса, прежде всего понимание им роли государства и народных масс в истории, определившее и трактовку Соловьевым основных проблем истории России. По всем этим важнейшим вопросам Соловьев смыкался с государственной школой, и поэтому отличительные особенности его исторических взглядов сравнительно с ее наиболее типичными представителями имеют второстепенное значение [32].

В пореформенный период традиции государственной школы продолжила новая группа буржуазных историков, в основном ученики Б. Н. Чичерина, так сказать, «второе поколение» государственников. К их числу относились В. И. Сергеевич (1835—1911 гг.), А. Д. Градовский (1841—1889 гг.), в некоторой степени Ф. И. Леонтович (1833—1911 гг.), и ряд других историков. Их научная деятельность началась позднее, преимущественно в 60-х годах XIX века. В своих трудах они более полно отразили особенности буржуазной историографии пореформенного периода. Деятельность этих буржуазных историков изучена крайне слабо. Они рассматривались зачастую независимо от государственной школы в русской историографии [33]. Между тем их взгляды дают

---

[32] Необходимо отметить, что демократически настроенные современники Соловьева не отделяли его от государственников. Так, Чернышевский, признавая научные заслуги Соловьева и называя его «достойным историком», вместе с тем справедливо полагал, что он считал деятельность государства основным источником общественного развития. В этом смысле он называл Соловьева, вместе с Чичериным, «приверженцем бюрократической централизации» (Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений. Т. VII, стр. 796). Еще более определенно подчеркивали общие черты исторических взглядов Соловьева и государственников Г. З. Елисеев и Н. В. Шелгунов. Первый в обстоятельной рецензии на VII и VIII тома «Истории России» Соловьева писал, что автор «исключительно занят государственным началом и централизацией московскою» («Современник», 1860. Кн. 11 (т. 84), стр. 66). Н. В. Шелгунов отозвался на издание XIII тома «Истории России» Соловьева статьей под характерным наименованием «Ученая односторонность», в которой упрекал историка в одностороннем раскрытии только деятельности государства в истории России и в игнорировании интересов народа. «Зная вполне,— писал Шелгунов,— что нужно государству в его политических нуждах, мы не находим у г. Соловьева указаний на то, что нужно ему для удовлетворения потребностей народных» («Русское слово». 1864. Кн. 4, отд. II, стр. 36).

[33] В историографической литературе встречается как противопоставление государственной и историко-юридической школ в русской историографии, так и подмена первой второй. По нашему мнению, следует говорить не о двух школах, а о двух этапах в развитии одной государственной школы, так как историки, по традиции причислявшиеся к «историко-юридической школе», разделяли те коренные теоретические принципы, которые были ранее сформулированы историками-государственниками, прежде всего Б. Н. Чичериным. Разумеется, это не исключало своеобразных моментов в воззрениях представителей «второго поколения» государственной школы.

возможность показать эволюцию государственной школы, новые черты, характеризующие ее на новом этапе развития.

Сходство воззрений перечисленных историков с представителями государственной школы определялось политической основой их исторических взглядов. Как буржуазные либералы, они иногда выступали с робкой и непоследовательной критикой крайней реакции, но вся их деятельность свидетельствовала о том, что эти историки были убежденными и решительными противниками революционного движения, видели свой идеал в «правовом» государстве, полагая, что им может стать самодержавное государство при некоторых уступках буржуазным элементам, призванным поддержать и упрочить его могущество и этим предотвратить демократическую революцию в России.

Эволюция политических воззрений государственников пореформенного периода, как типичных буржуазных либералов, в условиях подъема демократического движения в годы второй революционной ситуации и усиления затем рабочего движения в стране шла в совершенно определенном направлении: их оппозиционные настроения все более выветривались, и они все теснее смыкались с силами реакции. В соответствии с этим «второе поколение» государственников вслед за своими предшественниками подчеркивало решающее значение государственной власти как в разрешении современных им общественно-политических проблем, так и в исторических судьбах России. В центре их внимания оставались вопросы развития государственных учреждений, правовых норм, законодательства, которое, по их мнению, регулировало все стороны общественной жизни с момента возникновения государства.

Однако своеобразные особенности пореформенной России не могли не наложить отпечатка на исторические воззрения и направление научных интересов представителей «второго поколения» государственной школы. Развитие капитализма привело к некоторым изменениям в классовой природе самого либерализма. Усиление буржуазных элементов в стране имело одним из своих последствий превращение помещичье-буржуазного либерализма в буржуазно-помещичий. Этот процесс сказался и на политической программе либералов, которые стали робко высказывать мысли о введении конституции, не ослаблявшей, однако, самодержавной власти, как силы, охранявшей буржуазию от народной революции. Вместе с тем проведение буржуазных реформ — крестьянской, земской, городской, судебной и других — и связанная с этим необходимость приспособления государственного аппарата самодержавия к новым условиям, подъем массового и революционного движения в стране привлекали внимание к ряду новых исторических проблем.

Необходимо также учитывать развитие буржуазной философии и социологической мысли в Западной Европе во второй половине XIX в., оказавших известное влияние на теоретические взгляды государственников. Так, В. И. Сергеевич испытал некоторое воздействие позитивистских теорий О. Конта, Милля, Льюиса, Спенсера. Свидетельством этого являлась его докторская диссертация «Задачи и метод государственных наук» (1871 г.). Дань позитивизму в своих работах отдал и А. Д. Градовский. Сергеевич в упомянутой диссертации отказался от широких обобщений и призвал исследователей сосредоточить внимание на установлении отдельных исторических фактов, обосновывал эмпиризм в исторической науке, частично предвосхищая те явления в буржуазной историографии, которые в эпоху империализма стали ее характерными признаками.

Для понимания особенностей исторических воззрений государственников пореформенного периода имеет значение также и то, что наиболее типичные из них являлись, как правило, историками-юристами со свойственной им тематикой исследований и формально-юридическим анали-

зом источников. В этом отношении Сергеевич, например, серьезно отличался от Соловьева и шел даже дальше Чичерина и Кавелина.

Центральная проблема всех государственников — проблема развития государственной власти и ее отношение к народу — получила освещение применительно к истории древней Руси в работе В. И. Сергеевича «Вече и князь» (1867 г.) В ней автор подверг во многом справедливой критике родовую теорию Соловьева, согласно которой отношения между князьями в древней Руси будто бы регулировались принципом старшинства в роде. Опровергая теорию лествичного восхождения при замещении княжеских столов, Сергеевич заявлял: «Корень ошибочного толкования источников родовой теорией заключается в том, что она отправлялась от предположения наличности строго выработанного порядка преемства для такого времени, когда люди действовали не столько по правилам, сколько в меру своей силы» [34]. В связи с этим он упрекал Соловьева в модернизации прошлого, в перенесении в древнюю Русь современных понятий права. Но такую же ошибку допускал сам Сергеевич, развивая теорию договорных отношений между князьями, между князьями и дружиной, а также народом, выдвинутую ранее Чичериным и обоснованную им в работе «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей» [35]. Согласно утверждению Сергеевича, договорные отношения определяли собой якобы все стороны государственной и общественной жизни древней Руси на протяжении веков. Древнерусское государство, по его мнению, результат договора между князем и народным представительством — вечем. В итоге правовые нормы рассматривались им в качестве источника политической организации, имевшего самодовлеющее значение.

В этих суждениях Сергеевича отразились не только его идеалистическое понимание исторического процесса и игнорирование социально-экономических отношений, определяющих государственную организацию, не только модернизация прошлого, выражавшаяся в оценке регулирующего значения договорных отношений с позиций буржуазного публичного права, но также искажение прошлого в том смысле, что вече рассматривалось в качестве общенародного представительства. Тем самым Сергеевич отрицал классовые противоречия в древнерусском обществе. Но при всех особенностях взглядов Сергеевича на характер государственной и общественной организации в древней Руси он сохранил принципиальную общность со всеми государственниками, главным образом с Чичериным, поскольку и у последнего княжеская власть выступала в качестве творческого начала в древнерусской истории.

Государственники «второго поколения» продолжали освещать в своих работах проблему происхождения крепостного права в России. Некоторые из них шли вслед за Чичериным, точно так же связывая закрепощение крестьян с деятельностью государства, якобы закрепощавшего и другие сословия. На таких позициях находились Градовский и Сергеевич. Так, Градовский полагал, что крестьяне в России были вольными до конца XVI века. «Вольно ходил и переходил он (крестьянин.— *В. И.*) по общему отечеству»; «деятельность нашего правительства начинается с постепенного прикрепления сословий, и полное развитие централизации совпадает с полным закрепощением всех сословий» [36], — заявлял Градовский. Длительное время Сергеевич настаивал на существовании особого акта, которым будто бы государство закрепостило крестьян в конце XVI в., повторяя, по существу, аналогичную ошибку Чичерина.

Несколько иначе объяснял этот вопрос Ф. И. Леонтович. Его несомненной заслугой являлось изучение процесса закрепощения крестьян

---

[34] В. И. Сергеевич. Древности русского права. Т. II. СПБ. 1908, стр. 369.

[35] См. Б. Н. Чичерин. Опыты по истории русского права, стр. 232—375.

[36] А. Д. Градовский. История местного управления в России. Т. I. СПБ. 1868, стр. 1, 5.

в Литовско-Русском государстве («Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий» (1863 г.).

Тема исследования Леонтовича была откликом на злобу дня: работа писалась в период проведения крестьянской реформы. В своей монографии Леонтович выяснил как общие черты процесса закрепощения крестьян в Юго-Западной Руси и в центральных областях России, так и его специфические особенности на изучаемой территории. При этом он не признавал мнения большинства историков о единовременном закрепощении крестьян в конце XVI в. применительно к Юго-Западной Руси, подвергал сомнению и правильность этого тезиса также по отношению к Центральной России. Леонтович считал, что в Юго-Западной Руси процесс закрепощения крестьян протекал постепенно и длительное время: «Нельзя указать момента, — писал он, — с которого, собственно, начинается несвободное состояние крестьян; переход к нему совершается незаметно. Крестьяне мало-помалу опутывались сетью зависимых отношений, которые вытекали из разнообразных источников и дали начало не менее разнообразным разрядам крестьянства» [37].

Точка зрения Леонтовича на происхождение крепостного права в России несколько отличалась от выводов Чичерина. Тем не менее Леонтович, подобно другим буржуазным историкам, утверждал, что деятельность государства является решающим условием закрепощения крестьян, и рассматривал отношения между крестьянами и помещиками преимущественно как правовые, выраженные и закрепленные в законодательстве. Этот формально-юридический подход к изучаемой проблеме сближал Леонтовича с государственниками.

Представители государственной школы начали разрабатывать в пореформенный период во многом новую для исторической науки проблему истории местного управления в России. Этой теме была посвящена докторская диссертация А. Д. Градовского, изданная им в 1868 году. В предисловии к книге автор подчеркивал созвучие темы злободневным вопросам современности [38].

Задумав свое исследование как начало изучения губернской администрации, Градовский ограничился первоначально характеристикой местного управления России XVI—XVII вв. на примере уездов Московского государства. Им был использован и обобщен новый и важный по своему научному значению материал разнообразных источников.

В рассматриваемой работе Градовский подверг анализу узловые вопросы: состояние класса земледельцев, земской и сословной общины XVI и XVII вв., общий характер административного и уездного управления этого периода, — но интерпретировал их в формально-юридическом плане. Он солидаризировался с коренным положением Чичерина о том, что отличия русского исторического процесса от западноевропейского заключались в решающей роли государственной власти в России. Он попытался исторически обосновать распространенную в либеральных кругах пореформенного периода идею «земского царя». «На Западе, — писал Градовский, — общины объявили себя непосредственными подданными короля после долгих усилий и кровавых побед над феодализмом; а в России роль земского князя и царя не только жила в сознании всех и каждого, но и была живою практическою действительностью» [39].

Стремясь исторически обосновать иногда проскальзывавшие у буржуазных либералов конституционные иллюзии, государственники пореформенного периода стали разрабатывать историю деятельности земских соборов в древней Руси. Посвященная этой проблеме монография В. И.

---

[37] Ф. И. Леонтович. Крестьяне Юго-Западной Руси по литовскому праву XV и XVI столетий. Киев. 1863, стр. 4.

[38] См. А. Д. Градовский. Указ. соч., стр. 1.

[39] Там же, стр. 132.

Сергеевича «Земские соборы в Московском государстве» (1875 г.) доказывала, что земские соборы являлись первой ступенью представительных учреждений и в качестве таковых сыграли важную роль в управлении государством. Сергеевич не разделял славянофильской идеализации земских соборов как органов выражения «народного мнения», но своей трактовкой характера деятельности этих учреждений он, безусловно, искажал их подлинное значение в духе современного ему буржуазного конституционализма, полагая, что они будто бы в известной мере ограничивали царскую власть.

Под несомненным влиянием реформ 60-х годов государственники изучали историю государственных учреждений. Продолжая традиции Чичерина, написавшего монографию об областных учреждениях России в XVII в., А. Д. Градовский издал в 1866 г. исследование «Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры». В ней он обосновывал необходимость преобразований высшей администрации в целях ее приспособления к условиям пореформенной России.

В общем понимании петровских реформ, в результате которых была создана новая высшая администрация в России, Градовский следовал Соловьеву. Объясняя новшества в государственном аппарате в первой четверти XVIII в., Градовский преувеличил воздействие иностранных влияний, прежде всего шведских образцов, и в этом смысле следовал за Чичериным.

Исследование Градовского, явившееся первым опытом систематической истории высших и центральных учреждений в России XVIII в., освещало деятельность Сената, Верховного тайного совета, административные преобразования в царствование Екатерины II и Александра I, особенно подробно характеризовалась деятельность генерал-прокуроров и их функции. Градовский высказал ряд общих суждений, раскрывающих его понимание русского исторического процесса в духе государственников. Так, он солидаризировался с Чичериным в вопросе закрепощения сословий. «Закрепощение одного сословия на службу государству, — писал он, — совершалось под условием такого же закрепощения крестьян на службу этого сословия» [40]. В духе Чичерина Градовский объяснял деятельность воеводской администрации XVII в., укреплявшей, по его мнению, государственные начала в России до реформ Петра I. «Сильная и энергичная деятельность воевод была единственным пунктом, где начиналось чувствоваться значение государства в новейшем смысле этого слова» [41], — отмечал он, ссылаясь на заключение в книге Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке». Наконец, Градовский вслед за Чичериным полагал, что историческое развитие России существенно отличалось от исторического развития стран Западной Европы и это различие якобы было обусловлено всесилием государства в нашей стране.

Таковы основные проблемы истории России, разрабатывавшиеся представителями государственной школы.

Подведем итоги. Государственная школа в своем развитии прошла через определенные этапы. Начальный период (40-е — первая половина 50-х годов) связан с именами С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина, в трудах которых были сформулированы некоторые важные принципы государственников. В этом смысле Соловьев и Кавелин могут считаться основоположниками государственной школы. Но окончательное оформление она получила в результате деятельности Б. Н. Чичерина, который в условиях назревания революционной ситуации в стране и подготовки проведения буржуазных реформ «сверху» выступил как лидер помещичье-буржуазного либерализма и дал историческое обоснование его политической

---

[40] А. Д. Градовский. Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры. СПБ. 1866, стр. 7—8.

[41] Там же, стр. 37.

программы, наиболее отчетливо сформулировал и последовательно реализовал в своих трудах коренные принципы государственной школы. Как глава этой школы, Чичерин оказал влияние в теоретическом отношении на своих старших современников — Кавелина и Соловьева, хотя они и сохранили, в особенности Соловьев, некоторые своеобразные черты своих прежних воззрений. Еще более сильное влияние Чичерин оказал на целую плеяду своих последователей, «второе поколение» государственников: В. И. Сергеевича, А. Д. Градовского и некоторых других, начавших научную деятельность в 60-х годах, то есть уже в условиях пореформенного периода.

Эволюция государственной школы отражала эволюцию буржуазного либерализма в России. Подобно тому, как последний все более утрачивал оппозиционные тенденции и теснее смыкался с силами реакции, начиная со времени буржуазных преобразований в стране в середине XIX в., так и представители государственной школы сближались с официальной историографией, постепенно утрачивая положительные черты буржуазной историографии в период ее подъема. Особенно характерны в этом смысле взгляды государственников пореформенного периода, которые стали отказываться от принципа закономерности истории даже в его идеалистической трактовке, начали следовать идеям позитивизма. Разрабатывая сравнительно широкий круг проблем, государственники «второго поколения» разрешали их, как правило, на более низком теоретическом уровне по сравнению, например, с Соловьевым, отрывали изучаемые явления от конкретной исторической обстановки, давали им одностороннюю юридическую трактовку, что было свойственно в наибольшей степени В. И. Сергеевичу.

Период наиболее интенсивной деятельности государственной школы приходился на 60—70-е годы XIX в., когда она занимала господствующее положение в русской буржуазной историографии. Однако и в это время буржуазная историография не поглощалась целиком государственной школой. Вне ее находился такой крупный либерально-буржуазный историк, как Н. И. Костомаров, воззрения которого заметно отличались по ряду вопросов от взглядов государственников. Своеобразными были также исторические взгляды А. И. Никитского, изучавшего проблемы экономического развития России, главным образом торговли, что не было характерно для государственников. Существенно отличался от государственников и В. О. Ключевский, начавший приобретать в 70-х годах известность своими трудами. Проявившееся уже в этих трудах внимание молодого историка к экономической и социальной проблематике также выходило за пределы основных интересов государственников. В 80-х годах, когда Ключевский уже выступил как зрелый и авторитетный ученый, он создал свою школу в буржуазной историографии, которая заняла с тех пор в ней господствующее положение.

В свое время представители государственной школы внесли, как было показано, определенный вклад в историческую науку, мобилизуя новый фактический материал и освещая ряд неисследованных вопросов. Они много сделали для изучения истории России XVII—XVIII вв., в особенности в разработке истории русского законодательства, деятельности земских соборов, истории государственных учреждений — местных, областных, центральных и высших, — истории органов самоуправления, сословий и ряда других вопросов.

Однако в соответствии со своим коренным убеждением относительно руководящей роли государства в истории России примыкавшие к этой школе историки рассматривали изучавшиеся ими проблемы прежде всего в правовом аспекте, в их законодательном выражении. В результате государственники обрекали себя на формально-юридическую трактовку исторического процесса, искажали и обедняли его подлинное содержание, оказывались бессильными понять истинные закономерности и движущие

силы истории. Вместе с тем они допускали модернизацию прошлого, привнося в правовые нормы пройденных этапов свои современные представления, и тем самым идеализировали деятельность самодержавного государства, которое строило свои отношения к народным массам на угнетении, произволе и насилии. Особенно сильно государственники извращали историю России, сводя ее к деятельности государственной власти, игнорируя и искажая деятельность народных масс. Эти ложные принципы выполняли совершенно определенную политическую функцию. В период подъема демократического движения и обострения классовой борьбы в стране государственники возвеличивали и поддерживали самодержавную власть, что показывает реакционную сущность буржуазного либерализма.

Несостоятельные методологические принципы государственной школы обусловливали ошибочные выводы и обобщения в отношении тех исторических проблем, которые изучались историками-государственниками.

Отмеченные особенности исторических взглядов представителей государственной школы выявляют классовую, помещичье-буржуазную природу их мировоззрения. Благодаря этому государственники оказали сильное влияние на развитие буржуазной историографии не только в период, когда государственная школа занимала в ней господствующее положение, но и в то время, когда она уже начала его утрачивать.

Воздействие основных принципов государственной школы отчетливо прослеживается, например, в завершающем труде В. О. Ключевского «Курс русской истории». Если до 90-х годов XIX в. можно видеть значительное различие между Ключевским и государственниками как в характере воззрений, так и в проблематике, то в завершающий период своей научной деятельности Ключевский все более полно воспроизводил в своих работах свойственное государственникам понимание русского исторического процесса.

Принципы государственной школы оказали известное влияние и на некоторых представителей старшего поколения советских историков, формировавшихся под воздействием буржуазной историографии, в частности под влиянием «Курса русской истории» В. О. Ключевского. Таким историкам, как М. М. Богословский, Ю. В. Готье, и другим пришлось преодолевать влияние государственной школы. Все это доказывает, насколько живучи были традиции государственников в русской историографии.

Одна из важных задач советских историков — всестороннее и глубокое изучение историографических проблем. К их числу относится и вопрос о государственной школе в русской историографии.

СООБЩЕНИЯ

К ВОПРОСУ О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1662 год

В. И. Буганов

В восстании в Москве 25 июля 1662 г. нашли яркое отражение сс
циальные противоречия русского города XVII века. Оно привлекл
пристальное внимание современников и историков; его историография на
чиная с 1672 г. насчитывает немалое количество работ общего и специальн
ного характера. Однако некоторые стороны истории восстания освещен
в литературе крайне слабо, в решение отдельных из них внесено немал
путаницы.

С нашей точки зрения, требуют дополнительного рассмотрения и ре
шения следующие вопросы: число участников, руководители восстания
ход его в Москве, участие солдат в движении, содержание прокламаций
послуживших одним из поводов к восстанию.

Первые русские и иностранные авторы (М. Меер, А. Я. Хилков и др.)
писавшие о событиях 1662 г., относились к ним резко отрицательно и
удовлетворением говорили о расправе с восставшими. М. Меер выдвину
ошибочную версию (ее затем поддержали В. Берх, Н. С. Арцыбыше
и др.) о том, что автором прокламаций был неизвестный московский дво
рянин [1].

Большинство историков XIX в. отмечало связь восстания 1662 г. с вве
дением медной монеты. Н. Костомаров следовал при этом официально
версии царских грамот, по которой все московские жители будто бы про
сили Алексея Михайловича «воров переловить и казнить», что и был
исполнено. В прошлом столетии были введены в научный оборот след
ственные материалы о восстании («История России» С. М. Соловьева
публикация А. Н. Зерцалова) и показания современников, в первую оче
редь Г. Котошихина. Истолковывая сведения последнего, одни исследова
тели (С. М. Соловьев и др.) говорили о нескольких сотнях повешенны
и 7 тыс. убитых и арестованных в результате разгрома восстания, други
(В. О. Ключевский и др.) — о 7 тыс. казненных и 15 тыс. приговоренны
к другим наказаниям [2].

---

[1] «Irenico-Polemographiae continuatio II das ist: Der Historisch — fortgeführte Friedens— und Kriegs Beschreibung Dritter oder deß Theatri Europaei. Neundter Thei von den denckwürdigsten Geschichten... welches alles, aus vielen trenlich mitgetheilte Schriften, nachrichtlichen Berichten und briflichen Urkunden, also zusammen getrage und beschrieben Martin Meher, vom Hahn in Schlesien». Frankfurt am Mayn. 1672 S. 647 (далее «Theatrum Europaeum». Ч. IX); А. Я. Хилков. Ядро российской исто рии. М. 1770, стр. 361; В. Берх. Царствование царя Алексея Михайловича всея Ве ликия и Малыя и Белыя Росии самодержца. Ч. I. СПБ. 1830, стр. 152—154 Н. С. Арцыбышев. Повествование о России. Т. III. М. 1843, стр. 142—143 E. Hermann. Geschichte des russischen Staats. Bd. 3. Hamburg. 1846. S. 664—666

[2] М. Заблоцкий. О ценностях в древней Руси. СПБ. 1854, стр. 81—82 А. Брикнер. Медные деньги в России 1656—1663 и денежные знаки в Швеци 1716—1719. СПБ. 1864, стр. 49; П. Шторх. Материалы для истории денежных зна ков в России с 1653 по 1840 г. «Журнал министерства народного просвещения («ЖМНП»), 1868, март, ч. CXXVII; С. М. Соловьев. История России с древней ших времен. Кн. 3. Изд. «Общественная польза», стр. 191—194; Н. Костомаров Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. XVII столетие. Вып. 4 СПБ. 1874, стр. 134—136; В. О Ключевский. Курс русской истории. Ч. III М. 1937, стр. 241; А. Н. Зерцалов. О мятежах в Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. «Чтения Общества истории и древностей российских» («ЧОИДР») 1890, кн. 3, стр. 295—360. Версию В. О. Ключевского впоследствии воспринял ряд

С крайних монархических позиций оценивали восстание 1662 г. Д. И. Иловайский, польский историк К. Валишевский, писавший об активной роли офицеров (солдатского полка) в движении. В. П. Алексеев рассматривал события 1662 г., исходя из либеральных конституционных иллюзий начала XX века [3].

В начале нынешнего века ряд историков (С. К. Богоявленский, В. Я. Уланов и др.) осветили восстание 1662 г. более подробно. Они в своих работах подвергли критике заявления официальных документов о «непричастности» к «гилю» ратных людей, утверждение Г. Котошихина о небольшом количестве (только 200 человек) активных участников восстания («настоящих воров») и др. В то же время вслед за В. О. Ключевским В. А. Никольский, М. Левшиновский доверяли показанию Г. Котошихина о друзьях и родственниках фальшивомонетчиков как инициаторах восстания. Е. Д. Сташевский и К. Валишевский писали, что восстанием руководил «военный элемент» [4].

Дворянско-буржуазная историография детально изучила фактическую сторону истории восстания 1662 года. Отношение к нему характеризовалось открытой враждебностью у одних историков, стремлением затушевать его классовый смысл и антифеодальную направленность — у других.

Советская историография по-новому подошла к исследованию событий 1662 года. В работах К. В. Базилевича это народное движение впервые получило марксистско-ленинское освещение. Ему удалось показать, что восстание 1662 г. было вызвано экономическим и финансовым кризисом 50-х—начала 60-х годов (расстройство денежной системы, дороговизна, голод и разорение), борьбой беднейших слоев торгово-ремесленного населения против посадской верхушки и феодально-крепостнического государства с его системой тяжелых поборов, налогов и обязательных служб. Движущими силами восстания явились низы посадского населения столицы и служилые люди московского гарнизона [5]. Основные выводы К. В. Базилевича правильны, и они приняты советской исторической наукой [6]. Но решение К. В. Базилевичем ряда вопросов истории так называемого «медного бунта», на наш взгляд, представляется спорным. На основании неточного анализа материалов следствия К. В. Базилевич преуменьшил число сосланных участников восстания. Он ошибочно счи-

---

историков: Н. А. Рожков («Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики)». Т. 5. Л.-М. 1928, стр. 63), М. Н. Покровский («Русская история с древнейших времен». Т. II. М. 1933, стр. 198—199), В. И. Лебедев («Московские восстания 1648 и 1662 гг.». Журнал «Борьба классов», 1934, №№ 7—8, стр. 54); «Материалы к теме: «Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.» под редакцией проф. А. В. Шестакова. Ростов-на-Дону. 1938, стр. 42. См. также Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Т. 38. Изд. 1-е, стр. 628.

[3] Д. И. Иловайский. История России. Т. 5. М. 1905, стр. 295—298; К. Валишевский. Первые Романовы. М. 1911, стр. 80—82; В. П. Алексеев. Борьба за идею законности в Московской Руси. М. Б. г., стр. 68—70, 99—100, 103.

[4] В. А. Никольский. Морозовщина. СПБ. 1908, стр. 67—74; М. Левшиновский. Серебряная и медная монета царя Алексея Михайловича (1645—1676). «Вестник археологии и истории». Вып. XX. СПБ. 1911, стр. 46; Е. Д. Сташевский. Народные волнения в Московском государстве. Киев. 1912, стр. 32—33; В. Я. Уланов. Финансовые реформы царя Алексея Михайловича и «гиль» 1662 г. «Три века. Россия от Смуты до нашего времени». Т. I. М. 1912, стр. 179—203; С. К. Богоявленский. Московские смуты в XVII в. «Москва в ее прошлом и настоящем». Т. VI, ч. III, М. Б. г., стр. 133—136.

[5] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича (1654—1663 гг.). «Известия АН СССР. Отделение общественных наук», 1935, № 3; его же. Восстание в Москве в 1662 г. Там же. №№ 4—5; его же. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г. М.-Л. 1936.

[6] См. разделы о восстании 1662 г. в курсах высших учебных заведений и обобщающих трудах, принадлежащих К. В. Базилевичу, Н. Л. Рубинштейну, А. А. Новосельскому. «История СССР». Т. I. Госполитиздат. 1948, стр. 458—461; «История Москвы». Т. 1. М. 1952, стр. 591—595; «Очерки истории СССР. XVII в.». М. 1955, стр. 256—264; «История СССР». Т. I. М. 1956, стр. 340—342; см. также БСЭ. Т. 28. Изд. 2-е, стр. 433; т. 50, стр. 148.

тал, что существовала одна следственная комиссия, а следовательно, и одно следственное дело. К. В. Базилевич не исследовал другие архивные материалы о восстании 1662 г., существенно дополняющие уже выявленные источники; поэтому в его работах не получили достаточного освещения события, происходившие во время восстания в Москве (внимание автора было сосредоточено в основном на Коломенском), ход следствия и др. Все это привело к недооценке истинных масштабов и размаха этого крупнейшего городского восстания XVII века.

В настоящей статье, помимо дополнительного исследования известных материалов, используются новые и малоизученные источники: часть документов коломенской следственной комиссии 1662 г., не изданных А. Н. Зерцаловым; данные московской следственной комиссии [7], крайне незначительно использованные К. В. Базилевичем. В этих материалах есть ценные сведения о событиях в Москве 25 июля (разгром восставшими купеческих дворов, ход следствия и т. д.). В документах о сыске участников восстания, бежавших из ссылки, также приведены дополнительные данные о его ходе и результатах следствия [8]. Представляют интерес свидетельства о награждении тех, кто подавлял движение: они позволяют судить о мерах, принятых царской администрацией против восставших, о численности войск, участвовавших в подавлении восстания [9]. Кроме того, использованы описания событий 25 июля 1662 г., оставленные современниками Г. Н. Собакиным [10] и А. Эберсом [11], рассказ из «Theatrum Europaeum» М. Меера, который был составлен, очевидно, на основании сообщений современников и, может быть, очевидцев восстания.

В исторической литературе высказывалось мнение, что восстание 25 июля 1662 г. было заранее подготовлено (слухи о предстоящем восстании ходили по городу с весны 1662 г., в ночь на 25 июля расклеивались прокламации и т. д.) [12]. Г. Н. Собакин дополняет эти сведения ценными данными: «Черныя люди и розных слобот и всякия волныя люди... надеялись на приказы стрелетцкия и на боярских дворов людей и посылали их тайным обычаем наговаривать, чтоб оне были с ними заодно» [13]. Он, таким образом, прямо указывает на попытку предварительной подготовки выступления. Весьма вероятно, что агитация в пользу восстания имела место и в солдатских и рейтарских полках, расположенных в Москве.

Непосредственным толчком к восстанию послужили прокламации, расклеенные на многих площадях, улицах и перекрестках Москвы в ночь на 25 июля. Прокламации были составлены заранее. Дьячок Алексеевского девичьего монастыря Д. Филипов на следствии показал, что о них говорили в Москве «до нынешнего смутного времени (то есть до восстания 25 июля.— *В. Б.*) дня за два» [14]. Текст прокламаций до нас не дошел; их содержание очень скупо пересказывается как современниками, так и в материалах следствия. В литературе не раз говорилось о краткости содержания прокламаций. Только К. В. Базилевич предполагал, что их размер (они были написаны на двух столбцах каждая) был больше, чем это

---

[7] Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 210, столбцы Приказного стола, дд. 327, 959.

[8] Там же, дд. 384, 975, 990, 1032; столбцы Московского стола, д. 398; столбцы Белгородского стола, д. 563; столбцы Новгородского стола, д. 188 и др.

[9] Там же, ф. 141, дд. 94, 109, 112, 113; ф. 396, дд. 317, 8140, 8266, 8283, 8308, 8625, 4236 и др.

[10] Там же, ф. 181, д. 115, лл. 12—26. Первая часть описания Г. Н. Собакина посвящена восстанию 1648 года. См. В. И. Буганов. Описание восстания 1648 г. в Архивском сборнике «Исторический архив», 1957, № 4.

[11] Опубликовано Г. В. Форстеном (Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648—1700), «ЖМНП», 1898, май.

[12] С. И. Тхоржевский. Народные волнения при первых Романовых. Птрг, 1924, стр. 150—154. К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 85.

[13] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 19об.

[14] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 300, 306.

ужно для перечисления 5—6 фамилий ненавистных лиц из окружения аря [15].

Сопоставление различных показаний источников дает возможность редполагать, что основной мотив прокламаций сводился к обвинениям «измене» влиятельных лиц, ведавших управлением всеми государствен-ыми делами; с этого, несомненно, начиналась прокламация. Так, на Красной площади восставшие кричали, что «нашли письмо, а написаны нем изменники» [16]. Наиболее полно излагает содержание прокламаций Г. Н. Собакин. Он утверждает, что в одной из них было написано, «бутто еликому государю изменяют» бояре И. Д. Милославский, И. А. Милославский, окольничие Б. М. Хитрово, Ф. М. Ртищев, дьяк Приказа тайных ел Д. М. Башмаков, гости В. Шорин с сыном, С. Задорин «и иныя гости»; далее шли конкретные обвинения: «бутто отпускают ево государеву азну х королю полскому в Литву пороховую и денежную многую и Моковскому государству разорение делают болшое» [17].

Г. Котошихин утверждает, что в «листах» говорилось, «бутто те бояре сылаются листами с польским королем, хотя Московское государство огубить и поддать польскому королю» [18]. Д. Филипов признавал на следствии: «Говорят де в миру..., что де присланы из Польши листы воровские ро окольничего про Федора Михайловича Ртищева». В день восстания, 5 июля, про гостя В. Шорина был пущен слух, что он бежал в Польшу з боярскими листами». С. Ларионов на следствии показал, что в «письме» ыл упомянут также И. М. Милославский [19]. Шведский комиссар А. Эберс, аходившийся во время восстания в Москве, писал о содержании «пасквильных воззваний»: в Москве мало войска и съестных припасов, солдаты мирают с голода из-за недостаточного жалованья, получаемого медными еньгами; полякам, с которыми поддерживают связь богатые господа и ости, легко будет взять Москву. В Коломенском восставшие показывали арю «экземпляры пасквилей» и требовали наказания «изменников» И. Д. Милославского и И. А. Милославского, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитро-о, думного разрядного дьяка С. Заборовского, гостей В. Шорина, С. Заорина, Облязова и В. Стоянова. Народное недовольство распространя-ось и на окольничего Р. М. Стрешнева. В «Theatrum Europaeum» М. Мера говорится, что, согласно прокламациям, бояре продали Москву поля-ам и татарам [20]. Слова прокламации о «большом разорении», причиняе-ом государству «изменниками», имели в виду, вероятно, не только отпуск Литву пороховой и денежной казны, но и нечто другое, о чем Г. Н. Собаин умалчивает. Но об этом писал П. Гордон: «мятежники» требовали довлетворения жалоб, говоривших о тяготах, вызванных введением медых денег, пошлиной на соль и другие предметы, и развесили по городу воззвания такого содержания»; на Красной площади «перед Земским риказом какой-то дьяк прочитал бумагу, в которой перечислялись вышепомянутые жалобы и имена злоупотреблявших лиц» [21]. Список «изменни-ов» А. Майерберг дополняет фамилией боярина С. Л. Стрешнева, дяди аря, 25 июля за этим боярином восставшие «гонялись» с палками, солдат олка А. Шепелева кричал: «Те де люди им и надобны» [22].

---

[15] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание Москве в 1662 г., стр. 86.

[16] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 309.

[17] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 19—19об.; в Коломенском восставшие требовали дачи тех же лиц. Там же, лл. 20—20об.

[18] Г. Котошихин. О России в царствование Алексея Михайловича. СПБ. 06, стр. 101, 103.

[19] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 301, 303.

[20] Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95—96, 97; «Theatrum Europaeum». Ч. IX. р. 647.

[21] «Дневник генерала Патрика Гордона». Ч. 2. М. 1892, стр. 23.

[22] «Путешествие в Московию барона Августина Майерберга». М. 1874, стр. 200; Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 296, 315, 317.

Прокламация состояла, таким образом, из двух частей: первая содержала список «изменников», в котором определенно перечислялись 9 человек: И. Д., И. А. и И. М. Милославские, Ф. М. Ртищев, Б. М. Хитрово, Д. М. Башмаков, В. Г. Шорин, Б. В. Шорин, С. Задорин; 5 фамилий — С. Л. и Р. М. Стрешневы, С. Заборовский, Облязов, В. Стоянов,— возможно, также упоминались в прокламации; по крайней мере, они тоже вызвали ненависть восставших. Все эти лица составляли тот круг придворных деятелей и крупных купцов, которые держали в своих руках управление государственными делами (И. Д. Милославский и др.), вели значительную торговлю (В. Шорин и др.) и были виновны в различных злоупотреблениях (монетная операция, махинация с фальшивыми деньгами и т. д.), вызвавших справедливую ненависть городских низов и служилых людей [23].

Во второй части прокламации говорилось об «измене» бояр и гостей (сношения с Польшей), о бедствиях, связанных с введением медных денег, недостатком соли и других предметов первой необходимости. Лозунгом восставших была не только борьба с боярской «изменой», но и требование снижения налогов, прекращения злоупотреблений, вызванных денежной реформой.

Восстание началось рано утром 25 июля. «В первом часу дня», то есть примерно с 4 час. 30 мин. до 5 час. 30 мин., в Москве было «тихо», на Сретенке еще не было народа. Во втором часу дня (между 5 час. 30 мин. и 6 час. 30 мин.) здесь состоялся совет «мирских людей»; на Лубянке, у решетки, где была прилеплена прокламация, собрался народ («многие люди»). В третьем часу дня (с 6 час. 30 мин. до 7 час. 30 мин.) о прокламациях уже стало известно московским властям [24]. Чтение «письма» на Лубянке, приезд С. Ларионова и А. Башмакова из Земского приказа для изъятия прокламации, поход восставших к Красной площади, чтение прокламации у Земского приказа происходили примерно в 6—8 час. утра.

Заслуживают внимания показания источников об инициативе, исходившей из Сретенской сотни. Не случайно рано утром («на первом часу дня») стрелец К. Нагаев, один из руководителей восстания, пришел со своего двора «из-за трубы» (место между Трубной площадью и Петровскими воротами) на Сретенку, а затем по Сретенке направился к Лубянской площади, где собралась возбужденная толпа [25]. Активная роль К. Нагаева, этого энергичного агитатора в пользу восстания, хорошо известна; возможно, он призывал стрельцов и солдат к выступлению еще до 25 июля. Однако Нагаев не был, конечно, единственным и главным вожаком восстания.

В материалах московского следствия сохранилось указание на «дело Ондрюшки Щербака» и сведения о том, что 13 августа в Челобитный приказ были посланы жена Щербака Марфа, поп с Дмитровки И. Кирилов, подьячий Каменного приказа И. Дмитриев, стрелец приказа М. Ознобишина Б. Назарьев и другие — всего 9 человек (6 мужчин и 3 женщины) [26]. Рядом с фамилией стрельца Б. Назарьева сделана помета «каз» (то есть казнен). Среди присланных в Челобитный приказ упоминается вдова иноземца К. Арпова Алена Ивановна; она, как и две другие женщины, очевидно, привлекалась к делу после выяснения вины ее мужа. Поэтому вполне возможно, что иноземец К. Арпов был, как и Б. Назарьев, казнен до 13 августа или же умер от пыток во время следствия. Вина

---

[23] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 106—112.

[24] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 258; д. 327, лл. 5—6; С. А. Белокуров. Дневальные записки Приказа тайных дел 7165—7183 г. «ЧОИДР», 1908, кн. 1(224), стр. 147; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 298.

[25] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 298—299.

[26] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 298—299; на л. 299об. заголовок: «Столпик о сыску воров мятежников 170-го году».

А. Щербака неизвестна; несомненно, она была немаловажной, если по этому делу были казнены один или два человека. Возможно, он тоже был казнен до 13 августа, поскольку не говорится о его присылке в Челобитный приказ. Андрей Щербак, может быть, и являлся одним из предводителей восстания 25 июля 1662 г., хотя окончательно об этом судить еще нельзя из-за недостаточно ясных показаний источников.

Народная молва, отразившаяся в показании Д. Филипова, связывала инициативу выступления 25 июля прежде всего с именем сретенского тяглеца Андрея. Его же, по-видимому, подразумевал и Г. Н. Собакин, когда писал, что «некоторой вор приклеил лист на Устретенских воротах воровский». И Филипов рассказывает о событиях у Сретенских ворот (хотя прокламации висели и в других местах города); «о некотором воре» у Г. Н. Собакина говорится после слов о «смуте от черных людей», их представителем и выступил этот неизвестный предводитель. Имя его сообщил Д. Филипов, а фамилию, возможно, раскрывает загадочное «дело Ондрюшки Щербака». «Theatrum Europaeum» сообщает, между прочим, что при разгроме восстания 25 июля в Коломенском был схвачен и предводитель [27].

Конечно, помимо главного предводителя, роль активных организаторов восстания сыграли еще несколько человек; одним из них был К. Нагаев. О другом находим упоминание у П. Гордона: некий дьяк (по показаниям П. Григорьева и Л. Жидкого — «подьячий, попов сын») прочел перед Земским двором «бумагу» и приглашал всех идти с ним к царю и требовать прекращения злоупотреблений и выдачи злых царских советников [28]. Возможно, это был подьячий Каменного приказа И. Дмитриев, привлеченный по «делу Ондрюшки Щербака». Под следствием находился и поп И. Кирилов с Дмитровки; может быть, он был в какой-то связи с «подьячим, поповым сыном». Если это предположение верно, то по делу А. Щербака привлекались, по-видимому, наиболее важные участники движения, его возможные предводители и организаторы. Стрелец Б. Назарьев, казнь которого говорит о его тяжелой вине в глазах руководителей следствия, мог быть одним из тех, кто «тайным обычаем наговаривал», призывал к выступлению стрельцов, солдат и рейтар. То, что арестованные по делу А. Щербака допрашивались в Челобитном приказе, не противоречит данным источников: приказ имел отношение к розыску участников восстания. Руководителю этого приказа окольничему В. С. Волынскому был послан 18 августа 1662 г. список активных участников движения (К. Нагаев, Л. Жидкий и др.) [29].

Менее заметную роль в восстании играл десятский Сретенской сотни Л. Жидкий. Он вручил в Коломенском прокламацию царю Алексею Михайловичу, но свидетели (сотский Сретенской сотни П. Григорьев, сторож Приказа денежного сбора К. Данилов) показывали, что Л. Жидкого в Коломенское «с тем письмом отвели неволею», 26 июля «розных чинов люди» говорили: «Житково де взяли в Коломенское с письмом сильно». Вручив «письмо» царю, он тотчас же ушел в Москву. Правда, Жидкий участвовал в мирском «совете» на Сретенке утром 25 июля, не отказался пойти с «письмом» в Коломенское, в то время как сотский П. Григорьев, «убояся... смерти, отпросился на сторону, а то писмо у подъячего приказал взять своей сотни десятцкому Лучке Житкому» [30]. Но Л. Жидкий не был таким активным организатором восстания, как стрелец К. Нагаев и, возможно, А. Щербак, И. Дмитриев, Б. Назарьев и др. С нашей

---

[27] Там же, ф. 181, д. 115, л. 19; «Theatrum Europaeum». Ч. IX, стр. 647; В. Берх. Указ. соч., стр. 153; Д. Филипов показал на следствии 26 июля: «Он же де, Демка, слышал от мирских людей..., что в том воровском заводе был Сретенския сотни тяглец Андрюшка...». А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 300.

[28] П. Гордон. Указ. соч., стр. 23; ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 8, 9.

[29] ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 294.

[30] Там же, л. 8; д. 959, л. 8; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 298.

точки зрения, в литературе его роль в событиях 1662 г. несколько преувеличена.

Ряд исследователей считает предводителями восстания Л. Жидкого, М. Титова и др.[31]. Ошибочным является и утверждение А. Н. Зерцалова о том, что «главные виновники мятежа» — лица, приговоренные в ходе следствия к казни и даже «начальные люди» полка А. Шепелева[32]. Эту ошибку повторили впоследствии К. Валишевский, В. А. Никольский, В. Я. Уланов и в известной степени К. В. Базилевич.

Действия восставших утром 25 июля в Москве не сопровождались ответными мерами властей. В отсутствие царя Алексея Михайловича и многих думных чинов всеми делами в столице правила особая комиссия во главе с боярином князем Ф. Ф. Куракиным. В эту комиссию входили окольничие В. А. Чеглоков, князь Д. С. Великого-Гагин, князь Т. И. Щербатый, Н. М. Боборыкин, М. С. Волынский, князь И. П. Барятинский, думный дьяк Л. Лопухин[33].

В Москве был расквартирован ряд стрелецких, солдатских, рейтарских полков; в Кремле и по всему городу несли караульную службу тысячи стрельцов многих приказов[34], но они соблюдали своеобразный нейтралитет. Возбуждение народа, собравшегося на Лубянке, чтение прокламации, преследование толпой руководителей Земского приказа С. Ларионова и А. Башмакова, которых едва не сбили с лошадей, видели стрельцы приказа Я. Соловцова, стоявшие у своей съезжей избы, находившейся на Лубянке, но они не сделали ни малейшей попытки вмешаться в ход событий[35]. Такую позицию занимали, очевидно, и другие полки, находившиеся под влиянием слухов об «измене» бояр.

Московские власти явно растерялись и не принимали никаких мер против восставших, которые заполнили Красную площадь. Всего собралось здесь несколько тысяч человек, большая часть их (4—5 тыс.) направилась в Коломенское[36]. Восставшие «мужики», «чернь», московские «всяких чинов люди», рассказывают источники, бежали в большом числе «розными улицами» из Москвы по направлению к Коломенскому; они несли не только прокламацию («воровской лист»), но и челобитную, были очень возбуждены и настроены весьма решительно. В Москве ударили в набат, по церквам звонили колокола, начались погромы дворов ненавистных народу лиц[37].

К восставшим присоединились некоторые ратные люди, в первую очередь солдаты полка А. Шепелева. В исторической литературе до сих пор слабо разработан вопрос о роли солдат и «начальных людей» в восстании. Только К. В. Базилевич считал, что некоторые офицеры вызвали подозрение властей своим поведением во время июльских событий 1662 года.

Между тем этот вопрос заслуживает более серьезного рассмотрения. Не следует, конечно, преувеличивать значение участия служилых людей столицы в восстании, основной действующей силой которого были посадские люди, но нельзя также забывать и о значительной роли «военного

---

[31] В материалах, изданных под редакцией А. В. Шестакова, среди предводителей первыми названы Лучкин и Житкин (Лука Жидкий превращен в двух «предводителей»). «Материалы к теме: Крестьянские войны и восстания угнетенных народов в XVII в.», стр. 42.

[32] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 244—245.

[33] ЦГАДА, ф. 210, Записная книга Московского стола № 12, лл. 171—171об.; «Дополнения к т. III Дворцовых разрядов». СПБ. 1854, стб. 342—343.

[34] С. А. Белокуров. Указ. соч., стр. 147 и сл. Представление об их количестве дают данные 1678 г.: из 22 504 стрельцов московских приказов на караулах стояло 5 437 чел. ЦГАДА, ф. 396, д. 48874, лл. 1—12; д. 8254, лл. 1—3. «На царском дворе и около казны» бывает по 500 стрельцов ежесуточно, как свидетельствовал Г. Котошихин (Г. Котошихин. О России, стр. 90).

[35] ЦГАДА, ф. 210, д. 327, л. 7; А. Н. Зерцалов. Указ соч., стр. 299.

[36] П. Гордон. Указ. соч., стр. 23; Г. Котошихин. О России, стр. 102.

[37] ЦГАДА, ф. 210, д. 327, лл. 33, 69, 70; ф. 181, д. 115, лл. 20—20 об.; Г. Котошихин. О России, стр. 102; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313, 315 и др.

лемента». В полку А. Шепелева в 1661—1662 гг. насчитывалось около ,5 тыс. солдат [38]. Более $^1/_5$ состава полка приняло участие в восстании. . Н. Собакин сообщает, что в Коломенское ходили 500 солдат с начальными людьми, все они двинулись из Москвы по собственной инициативе одни шли «с ружьем, а иные без ружья»). Это подтверждается показанием солдата полка А. Шепелева С. Вешнякова: «...пошли в Коломенское елобитчики, розных чинов люди, и они де, выборные солдаты, почели бить барабаны, и отобралося де их человек с пятьсот, и пошли в Коломенское, пристали к мужиком» [39].

Денежная реформа, маленькое жалованье, дороговизна, слухи о военой измене не могли не оказать влияния на полк, более половины кото-ого в 1661 г. принимало участие в военных действиях. В Москве солдатские роты этого полка были расквартированы в 10 слободах (Кожевниц-ой, Голутвенной, Покровской и др.). Рано утром в день восстания там учинился шум» среди «мужиков», посадских людей; на Покровке была рибита прокламация; солдаты выбегали из домов и, не слушая офицеов, присоединялись к восставшим. Кадашевец А. Семенов 4 августа поазал, что «солдаты де Агеева полку Шепелева и иные многие люди из авок всех людей выбили, а говорили: кто не пойдет, — хотели побивать». Командиры пытались остановить солдат, уговаривали их не ходить в Кооменское, но солдаты «учинились непослушны». Поэтому командиры вынуждены были отправиться в Коломенское, но отнюдь не из сочувствия восставшим. В обстановке начавшегося восстания, когда не от кого быо получить распоряжений и передавались слухи о сборе полка у Серпуовских ворот, о пребывании А. Шепелева в Коломенском (на самом дее он был в Кремле), солдаты вместе с посадскими людьми направились летней резиденции царя; командиры пошли вслед за ними, одни в наежде остановить солдат и вернуть в Москву, другие предполагали полуить в Коломенском указания от начальства (боярина С. Л. Стрешнева, олковника А. Шепелева) и принять участие в подавлении восстания [40].

Потоки восставших, к которым присоединилось более 500 ратных люей, между 8 и 9 часами утра разными улицами через ворота Земляного орода устремились («бежали») в Коломенское. Московские власти не огли этому воспрепятствовать, они только послали царю весть, «что на Москве учинилась смута и начали домы грабить» [41]. Восставшие («многие юди») всем встречным сообщали, что нашли «письмо», в котором напианы «изменники». Тяглецу Покровской сотни Т. Андрееву, шедшему из Коломенского в Москву, некоторые из них говорили, что в Москве «забиают всех ослопьем» и в Коломенское они идут «побить изменников, а удет кто учнет за изменников стоять, мы де и тех побьем, а самим всем тоять друг за друга и помереть всем заодно, и про листы ему на измеников сказывали» [42]. К месту назначения восставшие пришли, вероятно, ежду 9 и 10 часами утра [43].

Их приход был неожиданным. В Коломенском находилось в это время арское семейство (всего 14 человек); их обслуживал целый штат приворных; с царицей, ее детьми и золовками приехало более 100 человек [44].

[38] В это время по смете соль получали 2 461 урядник и солдат полка А. Шепева. ЦГАДА, ф. 141, д. 112, лл. 1—2; д. 113, л. 1. В начале 1663 г. полк насчитыал 2 287 чел. Там же, д. 109, л. 124.

[39] Там же, ф. 181, д. 115, л. 20; ф. 210, д. 959, лл. 227—228.

[40] Там же, ф. 210, д. 327, лл. 32—34, 66, 69—78, 92; д. 959, лл. 228—229; . Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 296—297, 313—323.

[41] Г. Котошихин. О России, стр. 102.

[42] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 326.

[43] Холопы В. Юрьев и В. Щеколдин вышли из Москвы в Коломенское: один — первом, другой — в третьем часу дня. В. Юрьев пришел в третьем часу (между час. 30 мин. и 7 час. 30 мин.), то есть шел около двух часов. В. Щеколдин пришел, ледовательно, после 9 часов, в это время в Коломенском уже начался «гиль». ЦГАДА, . 210, д. 959, л. 258; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 325.

[44] Там же, ф. 396, д. 8122, лл. 1—10.

С царем, помимо штата слуг, прибыли думные чины (бояре, окольнич и т. д.), придворные (спальники, стряпчие, стольники и т. д.), которы также для услуг имели своих холопов. Охрана дворца состояла из стрел цов. Г. Н. Собакин сообщает, что «государев двор» охраняли «головы стр лецкие». В ночь на 25 июля охрану несли стрельцы приказа Я. Соловц ва [45], с которым была, очевидно, половина приказа (примерно 400—5 стрельцов), так как остальные во главе с В. Баранчеевым находились Москве. Таким образом, в царской резиденции было свыше тысячи чел век, способных оказать сопротивление. Это подтверждается словам Г. Котошихина о том, что в Коломенском «было чем противитися» во ставшим. Мнение некоторых исследователей об отсутствии войска в К ломенском не соответствует действительности [46]. Более прав К. В. Баз левич, отмечавший, что охрана коломенского дворца была слабее, че охрана Московского Кремля [47]. Но не только этим можно объяснить раст рянность царя и властей. Последние не помешали восставшим безнак занно собираться на Красной площади и громить дворы в Китай-город хотя в Москве было больше войск. Дело в том, что число восставших б ло значительным, а их настроение — решительным. 4—5 тыс. человек, пр шедших в Коломенское, хотели идти на царский двор, но их туда не п стили стрельцы. Стрелецкие головы докладывали царю, что восставш «на двор великого государя насилством идут и ворота ломают», бь челом, чтобы царь принял челобитную и прокламацию («лист»), выда бояр «за их измену» и «велел казнить смертною казнию» [48]. Царь, будуч в церкви, выслал для переговоров бояр князя Я. К. Черкасского, Н. Н Одоевского, князя Ю. А. Долгорукова, окольничих Р. М. Стрешнева, И. Гавренева, думного дьяка С. Заборовского с приказом взять у пришедш людей «лист и челобитную» и передать им, чтобы возвращались в Мос ву; туда обещал направиться и сам царь. Но восставшие «бояром отка зали и листа и челобитной не дали и учинилися великого государя ука силны и били челом с великим невежеством». П. Гордон подтвержда слова Г. Н. Собакина: в Коломенском мятежники «бурно потребовали некоторых бояр и придворных, чтобы те доложили о них царю». Алексе Михайловичу, вышедшему из церкви, восставшие «били челом з болши невежеством и лист воровской и челобитную подносили». Теснясь вокру царя, они громкими «непристойными криками требовали уменьшения на логов» [49].

События в Коломенском продолжались, несомненно, более час красносельцы Ф. Иванов, С. Прокофьев, «постояв... с час» с восставшим ушли из села Коломенского; должно быть, восставшие оставались во дв ре коломенского дворца, который находился почти в осадном положени П. Гордон, посланный сюда полковником Кравфуирдом для получени приказаний, не смог попасть во дворец, ибо «мятежники так тщательн преградили всякий доступ ко дворцу, что Гордон не мог туда пройти и трудом избежал их рук». Вели себя восставшие «с шумом», «с воплем многим безчинием».

Решительными действиями и требованиями восставших и объясняет ся миролюбивый тон Алексея Михайловича. Царь и бояре «упрекали» и за «мятежное» поведение, уговаривали быть терпеливее, обещая уменьше ние налогов и расследование вины «изменников» — бояр. Восставшие по верили обещаниям царя, один из них (фамилия его неизвестна) «с царе бил по рукам». По-видимому, он был представителем восставших, може

---

[45] Там же, ф. 181, д. 115, л. 20; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 327, 32
[46] Г. Котошихин. О России, стр. 102; ср. С. К. Богоявленский. Ука соч., стр. 134; М. Снегирев. Московские слободы. М. 1947, стр. 117.
[47] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание Москве в 1662 г., стр. 86.
[48] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 20—20об.
[49] П. Гордон. Указ. соч., стр. 23.

ыть, их предводителем. После такого «договора» восставшие направи-
ись в Москву, где, согласно обещаниям царя и бояр, должно было на-
аться расследование боярской «измены». Это было, вероятно, между 10
11 часами утра [50].

В Москве события развивались еще более бурно. Погромы начались
тром (часов около восьми), вероятно, еще до ухода первой партии вос-
тавших в Коломенское. П. Гордон писал, что некоторые из восставших
азграбили дом В. Шорина, большая же часть их направилась в Коломен-
кое. Очевидец событий шведский комиссар А. Эберс рассказывал, что на-
од ворвался в дома В. Шорина и С. Задорина; все в этих домах было
азграблено и унесено. Восставшие (в погроме участвовало несколько
ысяч человек) наводили ужас в городе [51]. Именно этим объяснялось про-
олжавшееся бездействие московских властей. Из следственных материа-
ов известно, что было арестовано более 225 «грабельщиков», часть из
их была поймана без поличного; другие утверждали, что они подняли
ли отняли «грабленую рухлядь». 26 июля 18 чел. были повешены [52]. В их
исле, несомненно, наиболее активные участники восстания в Москве (во-
емь посадских людей: трубник К. Оборин, тяглецы Казенной слободы
Л. Деев, Ярославской Спасской слободы В. Седов, «гулящий человек»
. Григорьев, подьячий А. Пестриков и др., пять служилых людей: драгун
олка В. Змеева П. Ряполов, пушкарь Ф. Стоянов и др., два холопа:
I. Чекан и Г. Софронов и др.). Во время допросов в московской розыск-
ой комиссии, производившихся между 27 июля и 1 августа, были выяв-
ены и другие активные повстанцы.

Двор В. Шорина находился в Китай-городе около Варварских во-
от [53], С. Задорин жил на Посольской улице, около двора И. Безобра-
ова, недалеко от Большого Посольского двора на Ильинке [54]. Со двора
В. Шорина несли различное имущество, многое было брошено на улицах
перекрестках во время погромов и арестов. «Человек» В. Чанчикова
из Гостиной сотни) М. Еремеев показал: «Как грабили Васильев двор
Шорина, и он де в то время на Васильеве дворе был и винился, что взял
ве пары соболей». Холоп Б. Языкова И. Григорьев увидел со двора, как
каменщики несут грабленую рухлядь человек з дватцать», часть ве-
цей — волошскую попону, два песцовых лоскута и др.— они «покину-
и», остальное унесли с собой. Холоп В. Голохвастова И. Анисимов взял
запасу и рухляди, да ему же дал выборного Агеева полку Шепелева
олдат Ивашко Смыслов грабежные с Васильева же двора два образа
окладных». Крестьянин села Пахрина, Московского уезда, Г. Астафьев
приехал с овсом на Большой Посольский двор на Ильинку: «как де он
ъехал с Посольского двора,— и ухватили де ево грабельщики и наме-
али в телегу рыбы, и сами сели и поехали за Никольские ворота». Здесь
ечь идет о восставших, громивших двор гостя С. Задорина в Посоль-
ком переулке. Со двора В. Шорина были вынесены деловые бумаги, их
однял за Никольскими воротами Китай-города на Лубянке холоп
I. Иванов. В бумагах оказались «записка товаром и росписи черные с

[50] О приходе первой группы восставших в Коломенское см. ЦГАДА, ф. 181,
: 115, лл. 20—21; ф. 210, д. 959, лл. 228—229; А. Н. Зерцалов. Указ. соч,
тр. 297, 298, 309—310, 317, 325, 327, 329; П. Гордон. Указ. соч., стр. 23—24;
. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95—96, 97 (примеч.); «Theatrum Europaeum». Ч. IX,
тр. 647; «Древняя российская вивлиофика». («ДРВ»). Ч. V—VI. Мышкин. 1895,
тр. 26 (житие Ф. Ртищева); В. Берх. Указ. соч., стр. 153; К. В. Базилевич.
енежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 89—90.

[51] П. Гордон. Указ. соч., стр. 23; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96,
7 (примеч.).

[52] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 114—115.

[53] Там же, ф. 396, д. 1163 (Переписная книга церквей в Кремле и Китай-горо-
е. 1657 г.), лл. 64об.— 66, 68—70.

[54] Там же, д. 13107, лл. 1—8 (опись 1670 г. двора гостя С. Задорина, «что был
Одиных»); С. А. Белокуров. Планы г. Москвы XVII века. М. 1898, стр. 24—25
план Ильинки).

ценою. А гость Василей Шорин сказал: те письма ево товарные». В по-
громе участвовали служилые люди. Стрелецкий сотник С. Копьев по до-
носу «человека» В. Шорина Ивана Казанца арестовал 19 рейтар полка
В. Змеева из служек Ипатьевского монастыря, они были взяты с «гра-
бежными животами» В. Шорина (рыба, медные и оловянные сосуды
и др.) [55].

Погромы продолжались до ухода новой партии восставших из Мо-
сквы в Коломенское с сыном В. Шорина. Эпизод с сыном В. Шорина
приобретает совсем иной смысл благодаря известию о том, что он зна-
чился в числе «изменников», перечисленных в прокламации. Ненависть
к В. Шорину была перенесена и на его сына Бориса, который тоже был
гостем и вел торговые операции, несомненно, вместе с отцом [57]. Во время
погрома их двора восставшие, очевидно, искали обоих «изменников» —
отца и сына, но В. Шорин спрятался в Кремле на дворе Черкасских,
сын, переодевшись в крестьянское платье, «побежал с Москвы в телеге».
Его поймали в четвертом часу дня, то есть между 7 час. 30 мин. и 8 час.
30 мин. утра, вскоре после ухода первой партии восставших в Коломен-
ское. После этого Б. Шорина привели в Кремль «ко Мстиславскому дво-
ру», где, не встречая противодействия властей, восставшие, очевидно,
допрашивали его и «научили говорить, чтоб он сказывал, что отец его
побежал в Польшу вчерашнего дня з боярскими листами». Восставшие
после чтения прокламации были уверены в «измене» В. Шорина и бег-
стве последнего в Польшу, так как его не было дома во время погрома.
В Кремле собралось довольно много восставших («воров болше
5 000 человек»). Они вместе с Б. Шориным, свидетелем «измены» отца,
направились в Коломенское. Тем временем ударили в набат. У Варвар-
ских ворот «неведомо какие люди, а на них де бандалеры», то есть воен-
ные перевязи, посадили Бориса Шорина в телегу крестьянина М. Т. Бар-
дакова. Следовательно, в эпизоде с Б. Шориным не последнюю роль
сыграли служилые люди [58].

Лишь после ухода в Коломенское второй группы повстанцев мо-
сковские власти приняли меры против восстания. По «присылке» (при-
казу) из Коломенского боярин Ф. Ф. Куракин посылал для «уимки» вос-
стания своих «товарищей», в частности окольничего Н. М. Боборыкина
с ними стрелецких голов с приказами. Восставших арестовывали также
стрельцы полковника и головы А. Лопухина, срочно вызванные в Кремль
из Яузской слободы.

После прекращения погромов «бояре Москву велели запереть по
всем воротам кругом», чтобы никого не впускать и не выпускать из го-
рода [59]. На дворы И. А. Милославского, окольничих Ф. М. Ртищева,
Б. М. Хитрово и др. были направлены стрельцы «для всякого бережения
и грабежу» [60].

Встреча двух партий восставших (одна шла в Коломенское из Мо-
сквы, другая — из Коломенского в Москву) произошла где-то на полпути
между столицей и летней царской резиденцией, вероятно, уже после
11 час. утра; в Коломенское оба потока пришли около 12 час. дня; об-

---

[55] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 64—65, 135—136, 140—141, 155, 194—203, 230—231, 236—237, 241—242, 248, 253, 266.

[56] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 91.

[57] ЦГАДА, ф. 141, д. 58, лл. 18—19 (судное дело гостя Б. В. Шорина с колыванским бурмистром М. Пагельсеном).

[58] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 184; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 302, 326; С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 147; Г. Котошихин. О России, стр. 102—103.

[59] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, лл. 7, 20—21, 49, 129—131, 225—226; С. А. Белокуров. Дневальные записки, стр. 110—111, 125—126, 147—150; Г. Котошихин. О России, стр. 103.

[60] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 26. А. Эберс говорит, что стража была поставлена у домов «всех знатных»; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96.

щая численность восставших почти удвоилась, хотя часть участников первой партии уже отошла от движения и возвратилась в Москву (например, Л. Жидкий и др.). Огромная толпа снова заполнила площадь коломенского дворца; здесь по-прежнему были солдаты полка А. Шепелева.

Между тем в Коломенское стягивались войска. В литературе распространено мнение, что подавили восстание в Коломенском в основном два стрелецких приказа — А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева (К. В. Базилевич называет также полк Я. Соловцова) [61]. Это утверждение основано на неточных показаниях П. Гордона, который описал не все события восстания, а только то, что видел сам.

В Коломенском были собраны более значительные силы. А. Эберс утверждает, что при царе было 2 тыс. стрельцов; из Москвы прислано еще столько же. Из Москвы, писал Г. Котошихин, бояре послали все стрелецкие полки (это, конечно, неточно) и надворный полк солдат, всего 3 тыс. человек. К Коломенскому, помимо приказов А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева, пришли стрелецкий приказ Б. Бухвостова, полки Д. Крафорта (1 200 человек, стояли под Кожуховом), А. А. Шепелева (1 000—1 500 человек, стояли под Новинками) [62]. Полковник Д. Крафорт (Кравфуирд) 29 декабря 1662 г. за то, что «был в прошлом во 170 году июля в 25 числе в селе Коломенском для обереганья бунтовщиков», получил в награду серебряный ковш и 40 соболей. За такую же «службу» были пожалованы (по паре соболей) 29 полковников, 22 полуполковника, 24 майора, всего 75 человек (большей частью иностранцы). 19 августа 1662 г. «за службы» получили серебряные ковши также 9 голов московских стрелецких приказов [63].

Кроме того, в подавлении восстания принимали участие придворные; 25 июля их было в Коломенском около 400 чел. [64], из них после восстания приехало 64 чел., до и в момент восстания — 187 чел., время приезда остальных 142 уточнить не удалось. «Дворовые люди» принимали участие в расправе над восставшими. Известно, что 28 сентября 1662 г. они были награждены по именному указу Алексея Михайловича [65].

В Коломенском и вокруг него было собрано большое войско, а также придворные и холопы. Общее количество их достигало 6—7 тыс., а возможно, и 8—10 тыс. человек. Ряд полков, начальники которых получили довольно скромные награды, очевидно, не принимал активного участия в подавлении восстания; некоторые пытались схватить повстанцев между Коломенским и Москвой, другие охраняли арестованных в Коломенском и т. д.

Войска, придворные, иностранцы из Немецкой слободы стягивались чрезвычайно поспешно; некоторые полки и приказы не удалось собрать полностью. Стрелецкие приказы А. С. Матвеева и С. Ф. Полтева были «в слабом составе», полк А. А. Шепелева — «очень немногочисленным, так как многие из солдат присоединились к мятежникам» [66]. «Наспех вооруженные» стрелецкие полки, «укрываясь буераками и по загорью туда

---

[61] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 104.

[62] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22об.; Г. Котошихин. О России, стр. 103; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 97, примеч.; немецкий текст (перевод Г. В. Форстена в данном случае, как и в ряде других, неточен: он говорит о 200 стрельцах (!) в Коломенском. Там же, стр. 96); А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313—314, 319, 324 и др.; П. Гордон Указ. соч., стр. 23—25.

[63] ЦГАДА, ф. 396, д. 8140, л. 1; д. 8266, лл. 1—3; д. 8283, лл. 2—4, 1; д. 8308, л. 1; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 360—361.

[64] ЦГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, д. 497, л. 96.

[65] Там же, ф. 396, расходные книги товаров и вещей на жалованье, д. 317, лл. 6об.—7.

[66] П. Гордон. Указ. соч., стр. 24.

(в Коломенское.— *В. Б.*) пришли»[67]. Сначала отправились стрелецкие полки, затем выступил со своим полком А. А. Шепелев. У Серпуховских ворот его встретил боярин С. Л. Стрешнев, посланный, вероятно, поторопить этот полк. По его приказу А. Шепелев оставил в Даниловском монастыре роту солдат. С. Л. Стрешнев поехал в Коломенский дворец, захватив с собой встретившихся ему по дороге 10 капитанов и поручиков полка А. Шепелева (в том числе И. Грабленого), сделавших незадолго до этого вместе с окольничим Р. М. Стрешневым неудачную попытку «солдат отбивать» от восставших. В Коломенском за С. Л. Стрешневым, капитанами и поручиками «солдаты (полка А. Шепелева.— *В. Б.*) и всяких чинов люди бунтовщики учали гонять с палками», некоторых «начальных людей» (Д. Кудрявцева, И. Грабленого) «мужики и солдаты в Коломенском били и в воду вогнали», И. Грабленого «сбили с лошади». По-видимому, С. Л. Стрешнев сделал попытку уговорить солдат. Капитан Д. Кудрявцев показал, что «солдаты учинилися боярину непослушны, учали за ним гонять». С. Л. Стрешнев снова приехал в полк А. Шепелева (под Новинки). Затем, вероятно, состоялась третья попытка уговорить восставших солдат. Алексей Михайлович послал к ним боярина С. Л. Стрешнева и полковника А. Шепелева с указом, «чтоб оне к их (восставших.— *В. Б.*) воровству не приставали и к бунту и вину свою к нему, великому государю, принесли»[68].

Во время второго прихода восставших в Коломенское снова происходили какие-то переговоры с боярами («бояре выходили на улицу»). Переговоры не дали результатов, восставшие «сердито и невежливо» разговаривали с Алексеем Михайловичем и собирались перейти к решительным действиям. Поп Иван из Гончарной слободы кричал им: «Тепере де и пора, не робейте». Вслед за этим началась расправа. Царь «закричал и велел» стрельцам, придворным и дворовым людям «побивать» восставших до смерти, «сечь и рубить без милости, имавши их, вешать... и в реках топить и в болотах»; арестованных приказано было сажать в столовую избу; «многих черных людей и бунтовщиков и всяких вольных людей в селе Коломенском побили и перевешали»[69].

Восставших ловили и убивали в Коломенском, его окрестностях, на всех дорогах между селом и столицей, под стенами Земляного города[70]. События, начиная со второго прихода восставших и кончая расправой, разыгрались, вероятно, между 12—13 часами или немного позже. Рейтар П. Гребенкин пошел из Москвы в Коломенское на Потешный двор в восьмом часу дня (между 11 час. 30 мин. и 12 час. 30 мин.), «и, не допустя его к Потешному двору, на дороге поймали» и арестовали, по-видимому, около часу дня. Восстание было подавлено в середине дня 25 июля, примерно в 13 часов. Таким образом, продолжалось оно около 7—8 часов.

О количестве жертв во время расправы с восставшими и после расследования показания источников весьма разноречивы. Одни авторы говорят о «многих» убитых, повешенных, утонувших и потопленных (П. Гордон, Г. Н. Собакин); другие — о нескольких сотнях или тысячах убитых, казненных и т. д.[71]. Нам представляется, что более достоверные

[67] А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

[68] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22; ф. 210, д. 327, лл. 30, 71, 92; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 313—315, 317.

[69] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, л. 22; ф. 210, д. 327, л. 46; «ДРВ». Чч. V—VI, стр. 26; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 303; Г. Котошихин. О России, стр. 103.

[70] ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 327, л. 47; д. 959, лл. 49, 131, 258; столбцы Московского стола, д. 398, лл. 127—128, 130; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 324—326, 329—331, 333—334, 337, 348, 350—353; П. Гордон. Указ. соч., стр. 24—25.

[71] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 21об., 22об.; П. Гордон. Указ. соч., стр. 25; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 96, 97 (прим.); А. Майерберг. Указ. соч., стр. 201; «Theatrum Europaeum». Ч. IX, стр. 647; А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

ведения приводит Г. Котошихин. Он сообщает об аресте свыше 200 по-станцев в Москве, о 7 тыс. убитых и арестованных, более 100 утонув-ших в Москве-реке в Коломенском; там же было повешено «до 150 чело-ек». В ночь на 26 июля «пущих воров» потопили в Москве-реке с «боль-ших судов» (следовательно, «пущих воров» было немало, по-видимому, есколько десятков человек) [72]. Г. Котошихин не говорит, сколько ыло убито; вероятно, их было несколько сот человек (по А. Эберсу, 00). Во всяком случае убитых, утонувших, потопленных и повешенных ыло не менее 500 чел., а может быть, и больше. 7 тыс. посеченных и пе-еловленных — цифра, видимо, преувеличенная Г. Котошихиным, но не таких размерах, как полагает К. В. Базилевич. В результате неполного неточного анализа материалов следствия он, основываясь на данных о 200 участниках восстания, сосланных с женами и детьми, пришел к вы-оду, что число повстанцев не превышало 400 чел., так как средний раз-ер семьи был не меньше трех человек. Общее количество арестованных . В. Базилевич исчисляет в 450—500 чел. (то есть в 14—15 раз меньше, ем у Г. Котошихина) [73]. Но приведенная Котошихиным цифра (7 тыс.) ключает наряду с арестованными и убитых. К. В. Базилевич не учел, то данные о 1 200 ссыльных относятся только к тем восставшим, кото-ые были заключены в Николо-Угрешском монастыре, откуда их и вы-озили к местам ссылки. Более 250 человек было сослано через Мо-кву [74]. Кроме того, источники не подтверждают, что сосланные из Уг-ешского монастыря были направлены в Сибирь, Астрахань и т. д. сразу ке вместе со своими семьями. Это сделать было нелегко, так как у мно-их осужденных семьи находились далеко от Москвы и не могли быть быстро привезены в столицу. Значительная часть семей восставших со-всем не была сослана. Так, солдаты полка А. Шепелева, бежавшие впо-ледствии из мест ссылки, возвращались к своим семьям (в Курский, Черньский, Рыльский и др. уезды) [75]. В грамоте из Разрядного приказа Нижний Новгород в 1665 г. сообщались фамилии бежавших из ссылки 8 участников восстания (ростовцев, суздальцев, ярославцев, галичан, бе-оозерцев); грамота предписывала снова их сослать «з женами и з деть-ми». Сохранились известия о 26 сосланных за восстание бронниках, када-шевцах, хамовниках, о солдатах полков М. Кровкова, М. Вестова; все они е упоминаются в сыскных делах 1662 года [76]. Таким образом, ряд восстав-ших остался вне поля зрения сохранившихся следственных дел; многие из них были сосланы без семей. Приказ сыскных дел 3 августа 1662 г. пред-писывал московским властям в крайне спешном порядке готовить струги кандалы для 1 200 ссыльных, «а ково имяны колодников в ссылку по-лать и для сыску жон их и детей роспись прислана будет впредь». Та-им образом, предусматривалась ссылка только участников восстания; х семьи предстояло еще «сыскать» и сослать потом. Это полностью под-верждает Г. Котошихин: «бунтовщиков» «розослали всех в далные го-оды... и после их по скаскам их, где кто жил и чей кто был, и жен их и етей по тому же за ними розослали».

Участников восстания выслали, вероятно, в первой половине авгу-та. К этому времени их семьи нельзя было, конечно, собрать. 5 августа з Москвы в Угрешский монастырь были посланы 10 стругов «водою»,

---

[72] Г. Котошихин. О России. Перевод «со 150 человек» повешенных, данный 3-м изд. (СПБ. 1884, стр. 115—116), более точен, чем перевод в 4-м изд. (СПБ. 906, стр. 103—104) — «со 108 человек» (!).

[73] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание Москве в 1662 г., стр. 101.

[74] ЦГАДА, ф. 210, д. 959, л. 267; А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 352—354.

[75] ЦГАДА, ф. 210, столбцы Приказного стола, д. 384, лл. 407—408; д. 975, л. 52—57, 75—79, 82—83, 138—140; столбцы Белгородского стола, д. 563, лл. 131—134.

[76] Там же, столбцы Московского стола, д. 398, лл. 126—131; столбцы Белгород-кого стола, д. 563, лл. 127—129; столбцы Приказного стола, д. 990, лл. 1—60; ф. 396, . 981, лл. 45, 57, 64, 68, 85об.; д. 43236, лл. 1—9.

а кандалы «для поспешенья на подводах». Для охраны ссыльных было выделено 500 стрельцов во главе со стрелецким головой А. Бестужевым [77]. 1 200 ссыльных или подавляющее большинство из них являлись участниками восстания 1662 года. Вместе с высланными через Москву их насчитывалось около 1 450 человек. Но и это число нам не кажется окончательным, так как не все сведения о восстании известны. Сыск принял широкий размах, в нем участвовал ряд следственных комиссий и приказов. К сожалению, многие следственные документы не сохранились [78].

Результатом сыска, принявшего такие размеры, была ссылка, по-видимому, большего числа восставших, чем это можно заключить на основании обнаруженных источников. Всего было убито, потоплено, повешено и арестовано не менее 2 тыс. (в 4—5 раз больше, чем полагал К. В. Базилевич). Сведения о 7 тыс. казненных, 15 тыс. подвергнутых другим наказаниям, приводимые некоторыми историками, основаны на неправильном толковании данных Г. Котошихина, который имел в виду не участников восстания 1662 г., а фальшивомонетчиков [79]. Недоверие К. В. Базилевича к сообщению Г. Котошихина о повешении около Коломенского 150 участников восстания (у К. В. Базилевича — 108) и потоплении «пущих заводчиков» столь же необоснованно. К. В. Базилевич исходил из того, что в материалах следствия нет указаний, подтверждающих сообщения Г. Котошихина; по его мнению, не было никакого смысла сооружать «устрашающие орудия казни на полях в стороне от столицы»: столь массовые казни нанесли бы серьезный ущерб следствию [80].

Но упоминаемые в следственных делах 18 восставших, повешенных в Москве 26 июля, тоже принадлежали к числу наиболее активных участников движения, тем не менее их умертвили с такой поспешностью, которая говорит о классовой ненависти и страхе, испытываемых царем и его приближенными. Именно этими чувствами руководствовались царь и придворная верхушка, учиняя жестокую расправу в Коломенском. В обстановке погрома, происходившего в Коломенском, у карателей не было времени думать о будущем следствии; они рубили и вешали без пощады, не разбирая активных и пассивных участников движения, убивая, по выражению А. Я. Хилкова, «и невинных смотрельщиков, зане разбирать было некогда» [81]. Царь испытывал чувство страха и после разгрома восстания; по его приказу к дворам И. А. Милославского, Ф. М. Ртищева, Б. М. Хитрово должна была быть выслана охрана стрельцов. Князь А. Н. Трубецкой во второй половине дня 25 июля был срочно послан из Коломенского в Москву для сыска и руководства всеми делами [82]. Замена князя Ф. Ф. Куракина князем А. Н. Трубецким объясняется, очевидно, тем, что царь и придворные были недовольны медлительностью и нерасторопностью главы московской власти.

Исходя из своего анализа следственных документов и выводов о числе арестованных и сосланных, К. В. Базилевич сомневался в достоверности сообщений современников об общем количестве участников восстания. Но от следственных материалов, которые сохранились далеко не полностью, нельзя требовать ответа на этот вопрос. Показания современников (большинство из них очевидцы) на этот счет на редкость единодушны: Г. Котошихин говорит о двух партиях восставших, примерно по 5 тыс. чел. в каждой (10 тыс.); П. Гордон упоминает только первую

---

[77] Там же, ф. 210, д. 959, лл. 54—57, 63, 270, 273—274, 279; Г. Котошихин. О России, стр. 104.

[78] А. Н. Зерцалов. Указ. соч., стр. 247.

[79] Г. Котошихин. О России, стр. 105.

[80] К. В. Базилевич. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г., стр. 100—101.

[81] А. Я. Хилков. Указ. соч., стр. 362.

[82] ЦГАДА, ф. 181, д. 115, лл. 23об., 25 об.—26; ф. 210, д. 959, лл. 2—3; «Дополнения к т. III Дворцовых разрядов», стб. 344—345.

партию (4—5 тыс. чел.), вторую он не видел; А. Майерберг приводит цифру 9 тыс.; в «Theatrum Europaeum» сказано о 10 тыс.; у А. Эберса — «несколько тысяч» (подразумевается первая партия, о второй не говорится) [83]; в итоге — 9—10 тыс. участников восстания. Эти цифры, может быть, несколько преувеличены современниками, на которых события 25 июля произвели чрезвычайно сильное впечатление, но, тем не менее, названное ими число довольно близко к действительности.

Предположение К. В. Базилевича о 2—3 тыс. участников выступления опровергается показаниями источников. Если при подавлении восстания было убито и арестовано более 2 тыс. чел., то общее число восставших должно быть увеличено в несколько раз. В нем участвовала значительная часть московского населения, в первую очередь посадских людей, которые составляли большинство восставших; служилых людей среди участников движения насчитывалось менее 10% [84].

★

Таким образом, в историографии при освещении истории восстания 25 июля 1662 г. было сделано немало ошибочных выводов. Принципиальные вопросы этого восстания (его классовый смысл, цели, место в ряду других восстаний XVII в.) нашли свое решение в работах К. В. Базилевича. Но некоторые стороны восстания получили у него неправильное или недостаточное освещение. Выводы К. В. Базилевича объективно приводили к недооценке силы и размеров московского восстания 1662 г., которое, хотя и продолжалось всего полдня, парализовало действия властей в Москве и Коломенском. Этим, а также нерешительностью московского гарнизона, часть которого соблюдала даже известный нейтралитет, объясняется полная свобода действий восставших почти на всем протяжении выступления.

Действия восставших в Москве и Коломенском не ограничивались подачей челобитных, прокламаций и требованием казни «изменников». В Коломенский дворец восставшие ворвались, ломая ворота, преодолевая, очевидно, сопротивление стрелецкой охраны; здесь же дело едва не дошло до расправы с боярином С. Л. Стрешневым и «начальными людьми» полка А. Шепелева. В Москве были разгромлены дома гостей В. Шорина и С. Задорина; восставшие свободно входили на территорию Кремля, где под охраной стрельцов сидели в Золотой палате перепуганные представители московской власти. Общее количество восставших приближается к 9—10 тыс. чел., из них более 2 тыс. погибли или были сосланы после следствия. Ведущей силой восстания являлись посадские низы Москвы; заметную роль играли в нем также служилые люди. Из среды этих двух групп вышли предводители, организаторы восставших.

Подавление восстания стало возможным лишь после ухода из Москвы основной массы повстанцев и сосредоточения в Коломенском и вокруг него крупных военных сил (от 6 до 10 тыс.). Восстание в Москве 25 июля 1662 г. по количеству участников, их решительным требованиям и действиям явилось одним из крупнейших городских антифеодальных движений в России XVII века.

---

[83] Г. Котошихин. О России, стр. 102, 103; П. Гордон. Указ. соч., стр. 23, А. Майерберг. Указ. соч., стр. 200; «Theatrum Europaeum». Ч. IX, стр. 647; Г. В. Форстен. Указ. соч., стр. 95—97.

[84] Наблюдения К. В. Базилевича («Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 г.», стр. 95—98) над социальным составом восставших носили частный характер (так как они были основаны на анализе нескольких весьма неполных списков участников восстания, в которых перечислено менее 200 человек).

История СССР

СБОРНИКИ ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ В СИБИРИ

В последние годы резко усилилось исследование истории подготовки и проведения Октябрьской революции на местах, в том числе в Сибири, которая по числу населения и удельному весу в экономике страны составляла одну десятую часть бывшей Российской империи, а по площади превосходила Европейскую Россию в два раза[1].

Глубокому изучению истории борьбы за власть Советов в Сибири в значительной степени мешало отсутствие необходимой источниковедческой базы. Известно, что в годы гражданской войны и интервенции в Сибири погибло много ценных документов и целых архивов, а сохранившиеся долгое время были не разработаны и не публиковались. Отмечая 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, почти все сибирские краевые и областные государственные и партийные архивы издали сборники документов и материалов, отражающие героическую борьбу народных масс Сибири под руководством Коммунистической партии за установление Советской власти[2]. В этих сборниках содержится в общей сложности 1 889 документов, в то числе 822 архивных, извлеченных из фо дов местных, краевых и областных гос дарственных и партийных архивов, а та же Центрального государственного архив Октябрьской революции и социалистическо го строительства, архива Института ма ксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Цен рального государственного историческог архива в Ленинграде, Центрального гос дарственного архива Красной Армии и др большинство документов публикуетс впервые.

Достоинством публикаций является т что они показывают руководящую рол Коммунистической партии в борьбе з победу социалистической революции и у становление Советской власти в Сибир

В публикациях нашли отражение и ошиб ки сибирских большевиков. Главная и этих ошибок состояла в том, что больше вики в ряде городов Сибири совместно меньшевиками входили в состав так назы ваемых «объединенных» организаций.

К сожалению, сборники не дают четког представления о причинах этих ошибок Преодоление же их, выход большевико

[1] Территория Сибири, простирающаяся от Уральских гор до Байкальского озера, в 1917 г. была разделена на Тобольскую, Томскую, Енисейскую, Иркутскую губернии и Степной край (с центром в Омске), объединявший Акмолинскую и Семипалатинскую области. Несомненно, установление Советской власти в Сибири, обладавшей огромными экономическими ресурсами, имело большое значение для победы пролетарской революции в России.

[2] «Борьба за власть Советов в Иркутской губернии (октябрь 1917 г.— июль 1918 г.)». Сборник документов. Иркутск. 1957. 424 стр.; «За власть Советов». Сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 — июнь 1918 гг.). Красноярск. 1957. 332 стр.; «Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.)». Сборник документальных материалов. Томск. 1957. 570 стр.; «Большевики Западной Сибири в борьбе за социалистическую революцию (март 1917 — май 1918 г.)». Сборник докумен тов и материалов. Новосибирск. 195 368 стр.; «Борьба трудящихся за установле ние Советской власти на Алтае (1917— 1920 гг.)». Сборник документов. Барнаул 1957. 504 стр.; «Установление Советской вла сти в Кузбассе (1917—1919)». Сборник до кументов. Кемерово. 1957. 430 стр.; «Уста новление Советской власти на территори Курганской области (март 1917 — июн 1918 гг.)». Сборник документов и материа лов. Курган. 1957. 252 стр.; «Омские боль шевики в период Октябрьской революци и упрочения Советской власти (мар 1917 г.— май 1918 г.)». Сборник докумен тальных материалов. Омск. 1958. 278 стр

В настоящем обзоре не рассматриваютс сборники, изданные на Дальнем Востоке в национальных районах Сибири.

Для краткости сборники в тексте назы ваются по месту издания.

«объединенных» организаций, изгнание них меньшевиков, образование большестских организаций получили в публикаях известное отражение (Красноярский орник, док. №№ 24, 38, 57; Томский — к. №№ 93—96; Новосибирский — док. № 40—42, 51, 52, 54, 55, 63, 101; Иртский — док. № 5 и др.).

В сборниках имеются интересные докуенты, свидетельствующие о тесной связи К большевистской партии с сибирскиі парторганизациями и оказании им поощи (Красноярский сборник, док. №№ 25, , 36, 70, 119; Томский — док. №№ 105 — 8; Омский — док. №№ 41—43 и др.). ни показывают, как сибирские большевиі, несмотря на значительные трудности, степенно завоевывали трудящихся на ою сторону.

Однако в рецензируемых изданиях не нали отражения некоторые формы пропаганистско-агитационной работы сибирских ольшевиков, в частности митинги-беседы и лубная работа. Массовые митинги в Сибиі стали проходить с первых дней революіи и постепенно вошли в систему. Митині-беседы сыграли огромную роль в полиическом просвещении масс. Например, в зультате проводившихся в Красноярске . Н. Яковлевым митингов-бесед была соана большевистская военная организаія. В Красноярском сборнике помещено зетное сообщение об оформлении этой рганизации (док. № 62). Но опубликоваіе этого единственного документа создает еправильное представление о том, как быа образована военная организация. Полуется просто: созвано собрание, сделан оклад, принята резолюция о ее создании. ледовало опубликовать еще хотя бы обащение Сибирского бюро ЦК и Краснярского комитета РСДРП к участникам итингов-бесед[3], тогда было бы вполне сно, как готовилось создание этой органиации.

Значительную роль в политическом провещении масс сыграли партийные, рабоіе и солдатские клубы, открытые во всех ородах и крупных населенных пунктах Сипри. В них проводились читки большевистой литературы и газет, лекции и беседы, азъяснявшие программу партии, текущие обытия и отношение к ним различных парій. Сотни и тысячи рабочих и солдат готоились через клубы к вступлению в партию и пополняли ее ряды. Сибирские большевики придавали большое значение клубной работе, но составители сборников, к сожалению, не уделили этому внимания.

В публикациях представлен обширный материал, отражающий процесс образования и большевизации Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Он свидетельствует, что Советы в Сибири с первых же дней своего образования пользовались большим влиянием и поддержкой масс, выступали как органы революционной власти, постепенно расширяли сферу своей деятельности. Передовые Советы, руководимые большевиками, опираясь на поддержку и революционную инициативу масс, смело вторгались во все области политической и хозяйственной жизни, осуществляя на практике свое фактическое единовластие. Особый интерес в этом отношении представляют донесения и рапорты енисейского губернского комиссара Временного правительства, в которых он перечисляет мероприятия, проводимые Советами, и признает свое полное бессилие перед ними (Красноярский сборник, док. №№ 40, 46, 61), а также постановления Советов о введении 8-часового рабочего дня (Красноярский сборник, док. № 20; Кемеровский — док. №№ 5, 8; Новосибирский — док. №№ 8, 10; Омский — док. № 9; Барнаульский — док. № 4).

Серьезного внимания заслуживают документы и материалы, показывающие революционную инициативу и творчество трудящихся масс в борьбе с хозяйственно-экономической разрухой, против сокращения производства, за его сохранение и дальнейшее развитие. Смелыми революционными актами в этом направлении явились: учреждение Комитета контроля и охраны железной дороги в Красноярске (Красноярский сборник, док. № 15), устранение «вследствие преступного провокационного ведения дела» администрации Судженских копей Михельсона и введение на них рабочего контроля (Томский сборник, док. №№ 41—43; Кемеровский — док. №№ 15, 16); реквизиция завода акционерного общества «Абакан» и передача его в ведение профсоюза деревообделочников под контролем Совета рабочих и солдатских депутатов (Красноярский сборник, док. №№ 53, 54; Новосибирский — док. № 43 и др.).

Однако в рецензируемых изданиях освещены далеко не все революционные меры в борьбе с хозяйственной разрухой. Так,

[3] Газета «Известия Красноярского Совета», № 63, 9 июня 1917 года.

в них нет материалов об устранении администрации рудника и медеплавильного завода «Юлия» в Минусинском уезде, Енисейской губернии, и организации рабочего управления на этих предприятиях[4], отсутствуют данные о борьбе с дороговизной, вызвавшей в Красноярске установление рабочего контроля над торговлей[5], и т. п.

Не нашел в сборниках отражения и такой революционный акт борьбы против упадка сельского хозяйства, как роспуск солдат на весенние полевые работы, произведенный по решению Советов. В известной мере благодаря этому посевная площадь в Сибири в 1917 г. не только не сократилась, а значительно повысилась по сравнению с 1916 г., что имело важное значение не только для Сибири. Кроме того, роспуск солдат на полевые работы революционизировал деревню, способствовал складыванию и укреплению союза рабочего класса и трудового крестьянства. Приходится также пожалеть, что составители публикаций не дали материалов о работе предприятий, на которых был введен рабочий контроль, о противодействии этому контролю буржуазии, Временного правительства и его агентов на местах, в результате чего рабочие на собственном опыте убеждались в том, что, пока вся власть не перейдет в руки Советов, невозможна действительная борьба с хозяйственно-экономической разрухой.

Рецензируемые сборники содержат ценные документы и материалы об организации в Сибири профсоюзов, о стачечном движении, митингах и демонстрациях. Эти источники свидетельствуют о росте влияния большевиков в массах и сплочении трудящихся вокруг большевистских лозунгов. Уже с конца апреля начинают приниматься резолюции с требованием «Вся власть Советам!» (Новосибирский сборник, док. № 29). В дальнейшем подобные решения появляются все чаще. Однако составители не обратили должного внимания на выяв-ление и опубликование этих документов, представляющих несомненный интерес. Так, в Красноярский сборник почему-то включены первые резолюции с требованием «Вся власть Советам!», хотя имен-но в Красноярске они были приняты раньше всего[6].

Немалый интерес представляют доку-менты и материалы о демонстрациях солидарности с революционным Петроградом, состоявшихся в Красноярске 9 июля (Красноярский сборник, док. №№ 80—83) и Томске 14 июля (Томский сборник, док. №№ 63, 65, 66, 68). Составители Новосибирского сборника, опубликовав материалы о демонстрации в Красноярске (док. №№ 58, 61, 62, 64), почему-то умолчали об аналогичном выступлении в Новониколаевске, в городе, где составлялся сборник, хотя эта демонстрация состоялась одновременно с красноярской и была даже более мощной[7]. Не нашла отражения ни в Омском, ни в Новосибирском сборниках и самая большая демонстрация в Сибири, состоявшаяся 13 августа в Омске, с протестом против контрреволюционных действий Временного правительства и созванного в Москве государственного совещания[8].

Рецензируемые публикации показывают, как по мере развития революции активизировала свои действия буржуазия, перешедшая после июльских дней в открытое наступление против революционных сил. В этом отношении особый интерес представляет предписание начальника Томского почтово-телеграфного округа об изъятии корреспонденций В. И. Ленина, А. В. Луначарского и других известных большевиков (Томский сборник, док. № 84). Однако следует заметить, что в целом в сборники все же включено чрезвычайно мало документов такого рода. Например, не освещена посылка Временным правительством в августе 1917 г. карательной экспедиции в Красноярск с целью разгрома Красноярского Совета и большевиков и столкновение революционных сил с этим контррево-

---

[4] Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР и СС), ф. 406, оп. 2, д. 73, лл. 48—49; «Известия Красноярского Совета», № 74, 22 июня 1917 г.; газета «Красноярский рабочий», № 97, 14 июля 1917 года.

[5] ЦГАОР и СС, ф. 406, оп. 2, д. 71, лл. 38—39; «Красноярский рабочий», №№ 19 и 20, 7 и 8 апреля 1917 г.; «Известия Красноярского Совета», № 28, 26 апреля 1917 г.; газета «Сибирская жизнь», № 78, 14 апреля 1917 года.

[6] «Известия Красноярского Совета», № 28, 26 апреля 1917 г.; «Красноярский рабочий», № 44, 9 мая 1917 года.

[7] Газета «Известия Омского Совета», № 98, 18 июля 1917 года.

[8] ЦГАОР и СС, ф. 406, оп. 2, д. 66, лл. 58—64; газета «Знамя революции», №№ 59, 63, 66, 69, 73, 1917 г.; «Известия Омского Совета», № 120, 1917 г.; газета «Омский вестник», №№ 177, 178, 1917 года.

юционным отрядом; не показаны и такие факты, как попытки закрытия большевистских газет[9], аресты коммунистических агитаторов[10], увольнение наиболее активных, большевистски настроенных рабочих и т. п.

В рецензируемых изданиях отражена борьба масс с наступавшими силами контрреволюции, освещено положение в Сибири в связи с контрреволюционным выступлением генерала Корнилова. Почти во всех сибирских городах власть в эти дни фактически перешла в руки Советов или их комитетов, были произведены аресты сочувствующих корниловцам. Но такое важное событие, как отстранение от должности и арест командующего Западносибирским военным округом полковника Прединского и областного комиссара Временного правительства Лепко, не упомянуто в сборниках.

Особого внимания заслуживают документы об аграрном движении в Сибири, начавшемся с весны и резко усилившемся осенью 1917 года. Крупнейшим актом в этой связи явилась конфискация всех казенных, церковных и частновладельческих земель в Канском уезде, произведенная по решению съезда крестьянских депутатов этого уезда от 12 апреля 1917 г. (Красноярский сборник, док. №№ 29, 30, 40, 42). Более мелкие захваты бывших кабинетских, казенных, церковных и частновладельческих земель отражены во всех сборниках (кроме Иркутского и Новосибирского); представлены также документы о том, как Временное правительство и его агенты на местах противодействовали крестьянам в захвате земель (Курганский сборник, док. №№ 7, 13 и др.) Эти факты свидетельствуют о том, что и в Сибири аграрный вопрос сыграл немалую роль в складывании и укреплении союза рабочего класса с трудового крестьянства, в повороте крестьян на сторону Советской власти, что особенно отчетливо проявилось с осени 1917 года. Правда, надо сказать, что документы, освещающие положение в сибирской деревне, представлены в сборниках неоправданно скупо.

Гораздо полнее в них дан материал о триумфальном шествии Советской власти в Сибири. Различное соотношение классовых сил в отдельных городах и областях обусловило то, что переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства произошел не везде одинаково. Раньше всего Советская власть в Сибири установилась в Красноярске и Енисейской губернии в целом (Красноярский сборник, док. №№ 121—124 и др.). Большевики имели там преобладание в Советах и во всех массовых организациях. Советы, руководимые коммунистами, пользовались беззаветной поддержкой пролетариата и всех трудящихся, обладали большой силой и еще до Октября нередко осуществляли свое фактическое единовластие. При первых известиях о победоносном восстании в Петрограде Красноярский Совет юридически оформил свое единовластие. Контрреволюция здесь не имела сил, чтобы оказать вооруженное сопротивление, и Советская власть утвердилась мирным путем. В этой связи следует отметить резолюцию Красноярской городской думы от 28 октября 1917 г. (Красноярский сборник, док. № 123), в которой заявляется о решительной и полной поддержке Советской власти. Красноярская городская дума, в которой после июльских выборов получили преобладание большевики, была единственной в Сибири (да и не только там), которая без колебаний и решительно встала на поддержку социалистической революции. Контрреволюция в Красноярске оказалась лишенной организационного центра, каким стали думы в других городах.

Установление Советской власти в Западной Сибири произошло в основном также мирным путем, хотя и с некоторой задержкой. Материалы сборников проливают некоторый свет на ее причины. В Западной Сибири организационный разрыв большевиков с меньшевиками произошел с запозданием, и в массах еще не было полностью изжито влияние меньшевиков и эсеров, во многих Советах большевики не имели прочного преобладания. В Западносибирском объединенном комитете революционной демократии преобладали меньшевики-интернационалисты, которые при первом известии о революции в Петрограде хотя и высказались «за торжество революции» (Новосибирский сборник, док. № 121; Курганский — док. № 30), но были против диктатуры пролетариата, рассылали по всем городам Западной Сибири телеграммы и директивы, предостерегавшие местные Сове-

[9] ЦГАОР и СС, ф. 398, оп. 1, д. 37, л. 24 и сл.

[10] См., например, «Сибирская правда», № 8, 4 июня 1917 г.; «Красноярский рабочий», №№ 76 и 104, 18 июня и 23 июля 1917 года.

ты от взятия всей власти в свои руки, призывали к поддержке требования создания «однородного социалистического правительства»[11]. В ряде мест потребовалось произвести перевыборы Советов и исполнительных комитетов, после чего в них получили преобладание большевики (Новосибирский сборник, док. № 147; Курганский — док. №№ 33, 38 и др.). Это существенным образом изменило положение, но для этого потребовалось время.

Большой интерес представляют материалы и документы III Западносибирского съезда Советов, который сыграл исключительно важную роль в установлении Советской власти в Западной Сибири. Материалы этого съезда опубликованы в ряде сборников, но полнее других они представлены в Новосибирском (док. №№ 149—157). III Западносибирский съезд Советов высказался за немедленный переход всей власти на местах в руки Советов, избрал новый состав Сибирского областного исполнительного комитета, в котором большевики получили преимущество. Председателем его был избран стойкий большевик-ленинец, профессионал-революционер Н. Н. Яковлев. Съезд определил первоочередные задачи Советов, разработал конкретные мероприятия по заготовке хлеба, введению рабочего контроля над производством и решил ряд других вопросов.

В дни работы съезда Советская власть установилась в трех крупнейших городах и административных центрах Западной Сибири: Омске, Томске и Барнауле (Омский сборник, док. № 59; Томский — док. № 147; Новосибирский — док. №№ 161, 162). Вслед за этим Советская власть победила и в других городах и уездах Западной Сибири. Нельзя в этой связи не сделать упрека составителям некоторых сборников. Так, барнаульцы почему-то не опубликовали документ об установлении Советской власти в их городе; новосибирцы ограничились по этому поводу помещением обращения Исполнительного комитета Совета, указав его под датой 21 декабря, чем создали впечатление оттяжки факта установления в городе власти Советов; кемеровцы вообще не дали материалов об установлении Советской власти в том или ином пункте области.

Внимание исследователей привлекут документы сборников о так называемом «сибирском областничестве», в котором проявились специфически сибирские формы и методы борьбы буржуазии и ее агентов — меньшевиков и эсеров — против установления Советской власти. Увидев, что в Центральной России победила социалистическая революция и в ряде городов Сибири также установилась Советская власть, сибирская буржуазия попыталась спасти свое господствующее положение спешным «отделением» Сибири от России, противопоставив Советской власти власть «автономного сибирского правительства». С этой целью в начале декабря 1917 г. в Томске был созван контрреволюционный Чрезвычайный сибирский съезд, на котором в качестве высшей общесибирской власти была создана Временная сибирская областная дума и Временный областной совет как общесибирское правительство (Томский сборник, док. №№ 151—153). В своем обращении «К народам Сибири» областной совет объявил, что «волею съезда народов Сибири он принял на себя обязательство осуществления автономии Великой Сибири»[12].

Документы сборников ярко свидетельствуют о том, что трудящиеся Сибири отнеслись резко отрицательно к антисоветской затее «областников» (Томский сборник, док. №№ 148—150, 154, 162, 165, 175; Омский — док. №№ 57, 87; Красноярский — док. №№ 159, 164 и др.). Но буржуазия не хотела сдаваться без боя. Она спешно формировала отряды белой гвардии, готовила к выступлению юнкеров и казачество. Наиболее крупные силы контрреволюция собрала в Иркутске и решила, пока там еще не окрепли Советы, разгромить их, чтобы создать в Восточной Сибири плацдарм для борьбы с Советской властью, установившейся в других сибирских городах. За подписью областного комиссара Временного правительства и председателя Комитета спасения революции было выпущено воззвание «Ко всем сибирским гражданам», в котором говорилось, что «захват власти в Петрограде не должен простираться дальше Уральского хребта»[13].

Нападением на Советы и другие революционные организации началось вооруженное выступление контрреволюции в Иркутске, где на первых порах перевес в силах оказался на ее стороне. Большевики и ру-

---

[11] Газета «Революционная мысль», № 49, 16 ноября 1917 года.

[12] Журнал «Северная Азия», 1927, № 5—6, стр. 155.

[13] Газета «Иркутская жизнь, № 269, 1917 года.

одимые ими Советы других городов Си-
и оказали активную вооруженную под-
жку трудящимся Иркутска. Контрреволю-
ционное выступление буржуазии в ре-
льтате упорных девятидневных боев было
авлено. Материалы Иркутского сборни-
хорошо осветили эти важные события
к. №№ 47—49, 52—63). Иркутск явился
нственным городом Сибири, в котором
ановление Советской власти было свя-
о с вооруженной борьбой и неизбежны-
при этом жертвами и разрушениями.
кументы неопровержимо свидетельст-
от о том, что инициатором вооруженного
ступления и виновником жертв и разру-
ний была контрреволюционная буржуа-
и.

Особого внимания заслуживают материа-
сборников, отражающие настроения си-
ских крестьян в период установления Со-
тской власти. Они говорят о том, что и в
бири, где пролетариат был относительно
лочисленным, он сумел повести за собой
удящееся крестьянство, что партия боль-
виков создала и упрочила союз рабоче-
класса и беднейших крестьян (Новоси-
рский сборник, док. №№ 175—180, 210,
2, 223; Курганский — док. №№ 44, 45,
—51, 54, 56, 62, 64, 67, 68, 76, 82; Ом-
ий — док. №№ 53, 61, 72, 73, 86, 93; Ир-
тский — док. №№ 72, 80, 82, 90, 119,
0).

В сборниках имеются документы, показы-
ющие, как происходила ломка старого го-
дарственного аппарата и создание нового.
и материалы дают яркое представление
том, что первые мероприятия по укреп-
нию Советской власти осуществлялись в
ловиях обостренной классовой борьбы,
и ожесточенном сопротивлении буржуа-
и и ее агентов. В этой связи интерес пред-
авляют документы II Общесибирского
езда Советов, проходившего в Иркутске
16 по 28 февраля 1918 года. Съезд
общил первый опыт советского строи-
льства в Сибири и наметил практические
ры по дальнейшему укреплению Совет-
ой власти. Работа съезда наиболее полно
вещена в Иркутском сборнике, чему, не-
мненно, способствовало включение в не-
материалов из фондов ЦГАОР и СС.

Следует также отметить документы, осве-
ающие деятельность Советской власти в
бири в области хозяйственного строи-
льства и создания социалистической эко-
мики: введение рабочего контроля над
оизводством, национализацию промыш-
нных предприятий, золотых приисков и рудников, речного флота, железных дорог, мельниц и т. д. Среди этих материалов имеются сведения о состоянии и работе некоторых предприятий, которые после установления Советской власти, введения рабочего контроля и их национализации значительно улучшили свою деятельность (Кемеровский сборник, док. №№ 82, 103; Томский — док. №№ 192, 216 и др.). Привлекут внимание читателей и документы, отражающие первые шаги по социалистическому переустройству сельского хозяйства, организации трудовых сельскохозяйственных артелей и коммун (Томский сборник, док. №№ 258, 259; Новосибирский — док. №№ 275, 277; Кемеровский — док. №№ 89, 110; Курганский — док. №№ 117, 123 и др.).

Однако деятельность Советской власти в Сибири по осуществлению первых социалистических преобразований освещена все же недостаточно. Составители, как видно, недооценили значение этих документов. Они мало включили материалов о разделах земли, работе земельных комитетов и волостных Советов, о борьбе в них большевиков и крестьянской бедноты (преимущественно батраков и солдат-фронтовиков) против эсеров, кулачества, земств и т. д. В Барнаульском сборнике, например, нет ни одного документа о сельскохозяйственных артелях и коммунах. А между тем известно, что на Алтае была организована балтийскими матросами коммуна «Наш путь». Там же создалась коммуна из рабочих Обуховского завода и «Первая Московская трудовая коммуна». В Новониколаевском уезде был также организован ряд коммун, в том числе «Первая Обская коммуна», «Интернационал», «Союз деревенской бедноты» и другие. Они были созданы и в Енисейской губернии, в Черемховском уезде, Иркутской губернии и в других местах [14].

Особый интерес представляют документы и материалы об энергичной работе большевиков Сибири по заготовке хлеба и других продуктов и отправке их в промышленные центры России. Они свидетельствуют о том, что сибирский пролетариат в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии не только установил у себя Советскую власть, но и внес вклад в ее

[14] Журнал «Красный архив», 1938, № 89—90, стр. 65—75; газета «Голос труда», №№ 65 и 95, 6 апреля и 18 мая 1918 года.

упрочение в центре страны. Лучше других этот вопрос отражен в Новосибирском (док. №№ 155, 158, 163, 181, 182, 188, 196—207) и Омском (док. №№ 69, 70, 74, 81, 94, 109, 140, 151, 153) сборниках, показывающих трудности, способы и методы хлебозаготовок.

В документах отражено тяжелое продовольственное положение, в котором находилась молодая Советская республика. «Каледин и Рада отрезали Западные и Северные Армии и центры России от хлеба и топлива,— сообщал народный комиссар по военным делам Н. И. Подвойский в разговоре по прямому проводу с делегатом III Западносибирского съезда Советов Воеводиным.— Только Сибирь может спасти страну и армию от наступившего голода... Из Вашего округа должно быть отправлено не менее 150 вагонов маршрутными поездами пассажирской скоростью» (Новосибирский сборник, док. № 157). Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов требовал ускорить доставку сибирского хлеба в центральные районы страны (там же, док. № 170), за помощью к сибирякам обращаются путиловцы (там же, док. № 174). Центральный комитет по снабжению и продовольствию армии «требует и умоляет принять все меры к отправке мяса, хлеба и фуража из Сибири... Сибирь, и только Сибирь, если немедленно двинет все имеющиеся запасы и использует транспорт, может спасти еще положение» (там же, док. № 185).

Заслуги большевиков и трудящихся Сибири в снабжении страны продовольствием отметил в апреле 1918 г. чрезвычайный комиссар по продовольствию А. Г. Шлихтер. «Итоги четырехмесячной работы налицо,— говорил он.— Нам удалось спасти от голода революционные центры» [15].

Документы сборников рисуют тяжелую обстановку, сложившуюся в Сибири весной 1918 г. в связи с начавшейся интервенцией на Дальнем Востоке и активизацией внутренней контрреволюции, разжегшей гражданскую войну. Они свидетельствуют о том, что одна внутренняя контрреволюция оказалась не в состоянии свергнуть Советскую власть. Последняя временно пала в Сибири только в результате иностранной интервенции. Черное дело интервентов облегчалось тем, что Советская власть еще не успела окрепнуть, старая армия была демобилизована, а новая, Красная Армия только создавалась и была малочисленной, тому же значительная часть ее была брошена в Забайкалье на борьбу с бандами Семенова.

Пристального внимания заслуживают документы, раскрывающие силу пролетарского интернационализма, рассказывающие о том, как наряду с русскими рабочими и крестьянами на защиту Советской власти выступили интернациональные отряды из венгерских, австрийских, польских, чехо-словацких и немецких военнопленных, находившихся в Сибири. «Многие из них плечо в плечо вместе с нашими братьями — красноармейцами и красногвардейцами непроницаемой стеной стали на пути семеновских банд и поклялись победить или умереть, защищая нашу свободу... Многие из них решили не возвращаться к себе на Родину до тех пор, пока там не наступит революция» (Иркутский сборник, док. № 164; Новосибирский — док. № 246). Выступая на защиту Советской власти, они понимали международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, выражали уверенность, что героическая борьба рабочих и крестьян Советской России, руководимых Коммунистической партией, в итоге неизбежно «кончится победой трудящихся всего мира» (Иркутский сборник, док. №№ 168, 187; Красноярский — док. № 182; Томский — док. № 247; Омский — док. №№ 60, 84, 104).

В томской, барнаульской и кемеровской публикациях помещено много документов, освещающих героическую борьбу трудящихся Сибири против интервентов и белогвардейцев вплоть до их изгнания и восстановления Советской власти. Они показывают руководящую роль Коммунистической партии в борьбе с интервенцией, неуклонное развитие этой борьбы, героизм рабочих и крестьян, свидетельствуют о том, что борьба за восстановление Советской власти началась сразу же после ее падения.

Одним из первых крупных выступлений рабочего класса Сибири против марионеточного эсеро-меньшевистского Сибирского правительства была забастовка шахтеров Судженки и Анжерки 7—10 июля 1918 г. (Томский сборник, док. №№ 289, 291—293; Кемеровский — док. №№ 165—168). В дальнейшем эта борьба перерастает в вооруженные восстания, имевшие место в ряде городов и деревень, в которых наряду с пролетариатом все более активно участ-

[15] «Протоколы Чрезвычайного продовольственного съезда Западной Сибири и Урала». Омск. 1918, стр. 10.

вует трудовое крестьянство. Среди таких выступлений можно отметить, например, Чумайское восстание, охватившее ряд волостей Мариинского уезда (Томский сборник, док. №№ 320—327, 333; Кемеровский — док. №№ 152—156, 161), Славгородское (Барнаульский сборник, док. № 108) и ряд других. Вскоре борьба с интервентами и белогвардейцами приобретает форму широкого партизанского движения, также получившего отражение в материалах сборников. Несмотря на террористический режим, установленный контрреволюцией, и огромные жертвы, борьба против интервентов и белогвардейцев неуклонно возрастала. Целые уезды освобождались от контрреволюционеров, и в них восстанавливалась Советская власть. Осенью 1919 г. Советская власть утвердилась почти по всему Алтаю.

Документы сборников наглядно показывают, как мощное партизанское движение в Сибири отвлекало на себя значительные силы противника и оказало существенную помощь Красной Армии в разгроме Колчака и окончательном освобождении Сибири.

По количеству напечатанных источников первое место занимает Томский сборник. В нем помещено 439 материалов, из них около 50% архивных. В Барнаульском сборнике 76% всех помещенных документов извлечены из архивов, в Новосибирском — около 17% и в Иркутском — 19%. В изданных сборниках много перепечаток из периодических изданий 1917—1918 годов. Но и эти материалы представляют большую ценность для исследователей, особенно при изучении Октябрьской революции в Сибири. По ряду вопросов истории борьбы за власть Советов в Сибири единственным источником является повременная печать, которая к тому же тоже сохранилась далеко не полностью. Насколько нам известно, ни в одном архиве и книгохранилище, не исключая ЦГАОР и СС, государственные публичные библиотеки имени В. И. Ленина в Москве, имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, не имеется полных комплектов сибирских газет и журналов за 1917—1918 годы.

Документы и материалы в сборниках, как правило, расположены в хронологической последовательности и разбиваются на главы и разделы. Но единой периодизации в них нет. Это несколько затрудняет пользование публикациями, а деление материала на главы и их названия в некоторых сборниках неправильно ориентируют читателя. Так, в Красноярском сборнике до-октябрьскому периоду посвящены три главы. Помимо этого, еще выделена глава «Победа Великой Октябрьской социалистической революции и борьба трудящихся масс под руководством красноярских большевиков за демократический мир, установление и упрочение Советской власти в Енисейской губернии (октябрь 1917 г.— май 1918 г.)». В этой статье с расплывчатым заглавием обходится вопрос о начале социалистических преобразований, которые имели громадное значение в ходе революции. Здесь также выделена глава «Красноярские большевики в борьбе за создание Красной Армии и мобилизацию трудящихся Енисейской губернии против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции (январь — июнь 1918 г.)», чем нарушается принцип хронологического расположения материала, а образование Красной Армии отрывается от обстановки того времени и других мероприятий, которые проводились тогда. В Томском сборнике период интервенции и гражданской войны разбит на две части: «Борьба с белогвардейским эсеро-меньшевистским Временным сибирским правительством (май 1918 г.— ноябрь 1918 г.)» и «Борьба с иностранными интервентами и колчаковщиной. Восстановление Советской власти (ноябрь 1918 г.— декабрь 1919 г.)». Такое деление создает неправильное представление о том, что якобы эсеро-меньшевистское белогвардейское правительство в Сибири утвердилось без помощи интервентов и что иностранная интервенция там началась только с декабря 1918 года.

Хронологические рамки рецензируемых книг также не одинаковы. Например, материалы Иркутского сборника охватывают период с октября 1917 г. по июль 1918 г., вследствие чего публикация не отражает процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; не видна также огромная работа, проведенная партией большевиков накануне Октября. Остальные издания включают документы и материалы с марта 1917 г. по июнь — июль 1918 г., то есть охватывают весь период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции до начала интервенции и временного падения Советской власти в Сибири. Томский, Барнаульский и Кемеровский сборники содержат, кроме того, материалы периода гражданской войны и борьбы с интервентами до их изгнания и восстановления Советской власти, а Барнаульский сборник отражает

и дальнейшее упрочение Советской власти на Алтае после гражданской войны.

В заключение несколько замечаний о составе и вспомогательном аппарате сборников. Большинство из них снабжено предисловиями, примечаниями, приложениями, содержащими ряд ценных сведений, почерпнутых из других источников, что способствует лучшему восприятию документов.

В предисловиях и вводных статьях дается характеристика помещенных материалов и кратко излагается развитие событий в данной области, губернии, крае. Надо сказать, что характеристика документов, данная в предисловиях, в большинстве случаев сделана удовлетворительно. Что же касается исторических очерков, то, на наш взгляд, даже лучшие из них страдают схематизмом. Видимо, целесообразнее было бы ограничиться комментированием документов, вошедших в сборник, и, кроме этого, дать краткую характеристику тех источников, которые по разным причинам не вошли в данный сборник, но имеются в архивных фондах. Такие сведения особенно важны для исследователей и представляют интерес для широких кругов читателей.

Во всех сборниках имеются соответствующие примечания, поясняющие те или иные места в документах. Досадно только то, что в некоторые примечания вкрались неточности и ошибки. Так, в примечаниях Кемеровского сборника после излишне пространной справки об Учредительном собрании указывается: «В феврале состоялся 1-й Всероссийский (!) съезд Советов Сибири (!), на котором был избран ЦИК Советов Сибири (Центросибирь) и вся власть перешла в руки Советов» (стр. 404). Если читатель и поймет, что «Всероссийский съезд Советов Сибири» — это явное недоразумение, и догадается, что речь идет о Всесибирском съезде, то не всякий знает, что в феврале 1918 г. был не первый (он проходил в октябре 1917 г.), а второй Всесибирский съезд Советов. Неверным является и утверждение о том, что только после него вся власть в Сибири перешла в руки Советов: к этому времени Советы уже утвердились на местах. Подобные погрешности имеются, к сожалению, и в примечаниях других сборников.

Большой разнобой существует в справочном аппарате сборников. В некоторых из них (Томском, Красноярском, Новосибирском) есть именные указатели, а в Томском — также географический. Желательно было бы видеть именные, географические и другие указатели во всех сборниках, снабдить их перечнем фабрик и заводов, организаций РСДРП(б), Советов, профсоюзов, отрядов Красной гвардии и т. п.

В нашей печати уже отмечалось неоправданное дублирование ряда документов в местных публикациях. Страдают этим недостатком и рецензируемые сборники. В них неоднократно повторяются документы не только общероссийского, но и местного, сибирского значения. Резолюции Западносибирской апрельской конференции РСДРП, например, помещены в томской, красноярской, новосибирской публикациях, материалы I и II Всесибирских съездов Советов — в томской, красноярской, новосибирской, иркутской и других. Много материалов, относящихся к территории бывшей Томской губернии, дублируется в томском, новосибирском и кемеровском изданиях. В Новосибирском сборнике почти одна четвертая часть помещенных документов относится к Красноярску, при этом многие из них повторяются. Документы, относящиеся к Омской области, помещены в Омском и Новосибирском сборниках.

Параллелизм и дублирование являются прежде всего результатом отсутствия координации планов научных и архивных учреждений при подготовке публикаций. Такую координацию могло осуществить Главное архивное управление Министерства внутренних дел, но, к сожалению, оно этого не сделало. Не проявили в этом отношении должной инициативы и издатели. Вряд ли целесообразна также публикация документов по областям и краям современного административного деления, которое по своим границам не совпадает с существовавшими ранее экономическими и политическими районами. Это неизбежно ведет не только к дублированию, но и не дает возможности показать закономерности и особенности развития событий в данной области. Какие, например, закономерности и особенности можно установить на основе материалов, опубликованных в Курганском сборнике? Одна часть территории современной Курганской области входила ранее в состав Тобольской губернии, другая — в Пермскую и Оренбургскую. Не удивительно, что документы этого издания не дают цельного представления о развитии событий и их связи между собой. Устранение дублирования позволило бы при том же листаже включить в сборники многие ценные документы, которые сейчас в них отсутствуют.

Некоторые составители напрасно уклонились от использования фондов центральных архивов, так как, несомненно, привлечение таких материалов сделало бы публикации более полными, что значительно повысило бы их ценность. Главное архивное управление и центральные архивы также не помогли в должной мере местным архивам и издательствам в подготовке сборников. В одном только ЦГАОР и СС имеется огромное количество документов, отражающих развитие революции в Сибири. Например, в фонде Государственной думы хранятся многочисленные телеграммы и письма, показывающие отношение к Временному правительству трудящихся Сибири, говорящие о нуждах и требованиях сибирского крестьянства. Такие телеграммы только по одной Томской губернии составляют увесистый том [16]. О развитии аграрного движения и борьбе с ним Временного правительства и его агентов в Сибири имеются ценные документы в фонде Главного управления по делам милиции Министерства внутренних дел Временного правительства и др. К сожалению, эти материалы не привлекли внимания составителей.

Более деятельное и внимательное изучение периодической печати также помогло бы полнее осветить ряд важных вопросов. Так, ни в одно из рецензируемых изданий не вошла статья «Раскол в Иркутской социал-демократической организации» [17], в которой указывается дата (8 октября) выделения иркутских большевиков в самостоятельную организацию, а также состав избранного комитета и говорится о том, что окончательно порвать с меньшевиками и выделиться в самостоятельную организацию иркутским большевикам помогли красноярские большевики, Сибирское бюро ЦК РСДРП(б). В Красноярском сборнике не опубликованы резолюции об отношении к Временному правительству, принятые в марте 1917 г. на собраниях Красноярской организации РСДРП [18]. Между тем эти решения представляют огромный интерес и свидетельствуют о том, что красноярские большевики шли по пути, указанному В. И. Лениным в его знаменитых Апрельских тезисах. Нужно заметить, что во многих случаях местные газеты, журналы, листовки, брошюры служат такими же первоисточниками, как и другие документы.

Анализ сибирских публикаций показывает, что по подбору документальных материалов, их археографической обработке, научно-справочному аппарату лучшим из всех рецензируемых сборников является Томский. Его составители наряду с местными архивами использовали и центральные, что позволило им дать более или менее полное и равномерное освещение событий с марта 1917 г. по декабрь 1919 года. Материалы этого сборника хорошо отражают местные особенности борьбы за победу социалистической революции, во введении даются характеристика документов и материалов и обстоятельный исторический очерк. Сборник снабжен исчерпывающими, ясными примечаниями, именным и географическим указателями и иллюстрациями.

По полноте освещения дооктябрьского периода Томскому сборнику не уступает Красноярский, в котором опубликовано много интересных и ценных документов и материалов, характеризующих деятельность Красноярской большевистской организации, являвшейся ведущей в Сибири. Но период установления и упрочения Советской власти в нем освещен слабее, мало материалов, отражающих первые шаги Советской власти по созданию социалистической экономики в области промышленности, а о мероприятиях в области сельского хозяйства вообще нет ни одного документа. Из центральных архивов составители использовали только материалы ЦГАОР и СС, да и то слабо. Недостаточно использованы ими и местные архивы и повременная печать; поэтому ряд важных вопросов не нашел отражения в сборнике.

Основным недостатком Иркутского сборника является то, что в нем очень мало архивных документов и совершенно отсутствуют материалы центральных архивов. В сборнике не нашла отражения огромная работа по политическому просвещению и организации масс, проведенная большевиками с марта по октябрь 1917 года. Этому периоду посвящено всего лишь несколько документов. Но послеоктябрьский период в Иркутском сборнике отражен полнее и ярче, чем в других рецензируемых публикациях. Заслуживает одобрения и то, что составители этого сборника больше других опубликовали документов и материалов, отражающих настроения крестьян.

Еще меньше, чем в Иркутском сборнике, содержится архивных документов в ново-

[16] ЦГАОР и СС, ф. 4, оп. 2, д. 64.

[17] «Красноярский рабочий», № 175, 21 октября 1917 года.

[18] «Красноярский рабочий», №№ 5, 9, 12, 13, 1917 г.; газета «Енисейский край», № 219, 1917 года.

сибирской публикации. Составители совершенно не использовали фонды центральных архивов и лишь несколько документов взяли из Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. В этом сборнике опубликовано много материалов, не относящихся к Западной Сибири,— более половины их относится к Красноярску и Енисейской губернии. В то же время документов, характеризующих деятельность парторганизаций бывшей Тобольской губернии, в сборнике почти нет. Однако следует отметить, что такие вопросы, как отношение крестьян к Советской власти в период ее установления, заготовки хлеба для промышленных центров страны и другие, отражены в этом сборнике лучше, чем в других. Следует также сказать, что предисловие этого сборника написано слабо, в нем нечетко изложен вопрос об «объединенных» организациях РСДРП и о выделении большевиков в самостоятельные организации.

Автор предисловия смешивает процесс большевизации Советов с организационным разрывом большевиков с меньшевиками. Он указывает, что так же, как осуществлялась большевизация Советов, проходил и «процесс большевизации социал-демократических организаций» и «изоляция меньшевиков-оборонцев в партийных организациях», утверждая при этом, что «завершение процесса организационного разрыва с меньшевиками-оборонцами по партийной линии совпало с большевизацией Советов» (стр. 9). На самом деле происходил не «процесс большевизации социал-демократических организаций», а большевики преодолевали свою ошибку в организационном вопросе, порывали организационно с меньшевиками, и не только с меньшевиками-оборонцами, но и с меньшевиками-интернационалистами, изгоняли их из организаций, создавая чисто большевистские. Конечно, процесс большевизации Советов происходил быстрее там и тогда, где и когда большевики порывали организационно с меньшевиками. Однако в ряде Советов (Красноярском, Томском и др.) большевики получили преобладание еще до выделения в самостоятельные организации, в то же время в некоторых Советах (Омском, Иркутском и др.) большевики и после выделения в самостоятельные организации не сразу получили прочное преобладание. Так что нельзя механически объединять эти процессы. Предисловие не нацеливает внимание читателя на прослеживание процесса большевизации Советов. Не точно указаны даты установления Советской власти в отдельных городах Западной Сибири (стр. 11); такая же нечеткость имеется и по другим вопросам.

В Кемеровском сборнике, хотя архивные документы и составляют половину всех материалов, многие носят общий характер, неоднократно публиковались и широко известны. Ряд документов сборника не имеет никакого отношения к Кемеровской области (док. №№ 32, 36, 37, 54, 69, 98 и др.), в то же время события, происходившие на ее территории, отражены весьма слабо. Например, за апрель — май и ноябрь — декабрь 1917 г. есть всего 2—3 документа. Существенные недостатки имеет и научно-справочный аппарат и археографическая обработка документов этого сборника. Введение написано слабо и содержит ряд ошибок. В нем говорится, например, что «после Февральской революции владельцы добились ограничения прав рабочих организаций» (стр. 6), как будто бы до свержения самодержавия права рабочих организаций были больше; или «эсеры и меньшевики пытались и в Сибири начать травлю большевистских организаций, но из этого ничего не получилось» (стр. 10); в то время как на самом деле соглашатели не только «пытались начать», но и вели разнузданную травлю большевиков. Во введении сказано, что «Кольчугинский Совет за отказ от немедленного осуществления решений Совета отстранил от должности управляющего рудником» (стр. 5—6), при этом дается ссылка на док. № 6. Однако это резолюция не Совета, а общего собрания служащих и рабочих старост Кольчугинского рудника об устранении управляющего рудником вследствие его непригодности. Общесибирская конференция, состоявшаяся в Красноярске во второй половине апреля 1917 г., квалифицируется как конференция большевиков (стр. 9), в то время как известно, что это была конференция еще объединенных организаций.

Из всех рецензируемых сборников в Барнаульском содержится наибольший процент архивных документов. Однако его материалы отражают события крайне неравномерно. Так, за май опубликован лишь один документ, за июнь — три, за июль — один. Вообще предоктябрьский период освещен в этом сборнике очень слабо (всего 32 документа). К тому же в нем представлен ряд пространных документов третьестепенного

ачения, которые без ущерба можно было всем не опубликовывать или дать в изечениях, а вместо них поместить более нные материалы. Ряд документов помеен в сборнике со ссылкой на архивные фон без указания на то, что некоторые из них ли уже опубликованы (док. №№ 24, 41, и др.)

Наименьшим по объему и количеству едставленных в нем материалов является Курганский сборник, содержащий всего 7 документов. Его составление, безусловз, затруднялось тем, что территория совреенной Курганской области входила в 17—1918 гг. в три различные губернии. тому же составители совершенно не исльзовали центральные архивы, а из меных взяли лишь материалы бывшей Тольской губернии (архивы Кургана, Шаднска и Тюмени), обойдя архивы бывших ермской и Оренбургской губерний.

Достоинством Курганского сборника является то, что в нем лучше, чем в других, ражено аграрное движение, отношение естьян к Советской власти и первые шаги социалистическому строительству в деевне.

Основным недостатком Омского сборника ляется то, что в нем мало архивных доментов, а большинство материалов перечатано из ранее изданных публикаций. Неотря на это, сборник дает более или мее равномерное освещение событий с мар 1917 г. по май 1918 г., хотя некоторые жные события и факты в нем отражены або (стачечное движение, демонстрация августа 1917 г., устранение командующеоенным округом и комиссара Временноправительства, контрреволюционное выступление юнкеров и др.). Предисловие к сборнику написано довольно обстоятельно и относится к лучшим из рецензируемых публикаций. Однако некоторые вопросы в нем освещаются недостаточно четко, а порой и неправильно. Так, нельзя согласиться с утверждением автора предисловия о том, что «в Омске власть перешла в руки Советов к 30 ноября» (стр. 22). В этот день Совет только поручил Президиуму приступить к установлению Советской власти (док. № 56). Президиум осуществил этот наказ к 6 декабря, о чем и объявил в своем обращении «К гражданам Омска» (док. № 59).

По научно-справочному аппарату, археографической обработке, отбору документов и равномерности освещения событий этот сборник относится к лучшим из рецензируемых. В нем полнее, чем в других, показана борьба, которая происходила по тем или иным вопросам, так как составители не ограничивались публикацией одних только резолюций, а поместили в сборник протоколы заседаний, собраний, съездов и т. п.

В целом же рецензируемые издания, несмотря на имеющиеся в них недостатки и пробелы, являются ценным вкладом в историческую науку, в освещение истории подготовки и проведения Октябрьской революции, борьбы за власть Советов в Сибири. Они, несомненно, окажут помощь исследователям, занимающимся изучением героической истории рабочего класса и крестьянства нашей страны, которые под руководством славной Коммунистической партии первыми в мире осуществили победоносную социалистическую революцию.

С. А. Сидоренко

Всеобщая история

А. И. ДАНИЛОВ. *Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в.* Изд-во АН СССР. М. 1958. Стр. 368. Тираж 2000. Цена 17 руб. 50 коп.

Рецензируемая книга посвящена вопросам историографии. Такого рода исследования особенно актуальны и важны в наши дни, когда все больше обостряется идеологическая борьба между лагерем социализма и лагерем капитализма. Задача борьбы за чистоту марксистско-ленинской теории и разоблачение всех разновидностей буржуазной идеологии выдвинута в докладе Н. С. Хрущева на XXI съезде КПСС в качестве первоочередной для всех советских ученых в области общественных наук, и в том числе историков.

За последние годы интерес к историогра-

фическим вопросам в советской исторической науке значительно возрос. Однако разработка их ведется далеко не достаточно, на что неоднократно указывалось в печати. В частности, в советской литературе по историографии всеобщей истории все еще преобладают статьи, посвященные частным проблемам или характеристике отдельных историков. Между тем имеется насущная необходимость в монографических исследованиях по более широким вопросам истории исторической науки. К числу таких проблем относится изучение немецкой буржуазной медиевистики конца XIX — начала XX в., представленной большой группой ученых, оставивших богатое научное наследие, особенно в области истории раннего средневековья. В настоящее время рассмотрение этого периода невозможно без критического использования работ Лампрехта, Инама-Штернегга, Бруннера, Виттиха, Каро, Белова и многих других. Советские историки, занимающиеся вопросами историографии средних веков, давно ощущают настоятельную необходимость в критическом анализе с марксистско-ленинских позиций немецкой буржуазной медиевистики. Такой анализ позволил бы правильно оценить ее сильные и слабые стороны, вскрыть классовые реакционные тенденции. Вместе с тем следует разумно использовать те новые факты, которые впервые были приведены немецкими буржуазными медиевистами, а также то ценное, что имеется в частных выводах буржуазных историков. Эта задача тем более важна и актуальна, что исторические концепции, созданные немецкими историками средних веков конца XIX — начала XX в., в свое время оказали, а некоторые из них и до сих пор оказывают большое влияние на развитие западноевропейской буржуазной историографии. Это влияние особенно сказывается на многих специалистах средневековой истории Федеративной Республики Германии, которые зачастую развивают или повторяют, лишь несколько видоизменяя, реакционные взгляды Белова, Виттиха, Допша и др. Поэтому правильная оценка научного наследия немецких историков прошлого имеет не только историографический интерес. Она нужна и в целях успешной борьбы с современной реакционной зарубежной историографией.

В советской исторической литературе пока не было специального исследования, в котором давалась бы общая характеристика и критическая оценка немецкой медиевистики второй половины XIX — нач XX века. А. И. Данилов, являющийся с циалистом по аграрной истории ранн средневековья и в области историограф предпринял исследование такого рода как нам кажется, успешно справился с ставленной задачей.

Рецензируемая монография состоит введения, трех частей и заключения. введении автор показывает коренные пр циплы научного, марксистско-ленинск подхода к историографическим темам рассказывает о задачах своего исследо ния. Первая часть работы посвящена н яснению идейно-методологических осн немецкой буржуазной историографии ср них веков конца XIX — начала XX ве Автор прослеживает эволюцию политич ских идей, господствовавших в немецк буржуазной историографии на протяжен этого периода (§ 1), постепенную метод логическую перестройку буржуазной м диевистики, выразившуюся в переходе позитивизма и вульгарно-экономическо историзма, которые составляли ее метод логическую основу в 70—90-х годах, неокантианству в конце 90-х годов XIX в. начале 900-х годов (§§ 2—4).

В заключение первой части показано, к на базе неокантианской методологии во никло новое историографическое направл ние, названное автором «критическим», дана общая характеристика основных пол жений, выдвигавшихся его представител ми (Гекк, Виттих, Вебер, Кнапп, Рамм, Б лов и позднее Допш) (§ 5). Итак, в перво части работы А. И. Данилов ставит ря общих проблем развития буржуазной ист риографии и отчасти философии, хотя ан лизирует их главным образом в связи состоянием буржуазной медиевистики Германии рассматриваемого им периода.

Вторая и третья части монографии нося более специальный характер. В них дает подробная интерпретация проблем общин марки (часть вторая) и феодальной вотч ны (часть третья) в немецкой буржуазно медиевистике на разных этапах ее разв тия начиная с 60-х годов XIX в. до 900- годов. Выбор этих проблем для развер того анализа конкретно-исторических взгл дов и методических приемов немецк историков XIX — начала XX в. предста ляется нам вполне закономерным.

Марковая и вотчинная теории на прот жении этого периода стояли в центре все работ по аграрной истории средневековь группируя вокруг себя остальные вопрос

ицо каждого историка, его основные вы-
оды и методы исследования поэтому
значительной мере определялись его от-
ошением к этим двум проблемам.

Анализ эволюции теории марки автор на-
инает с рассмотрения взглядов Вайца, Ган-
ена, обстоятельно разбирает концепцию
аурера, касается работ Ландау, Тудиху-
а (часть вторая, § 1), дает интерпретацию
арковой теории Гирке, Инама-Штернегга,
ампрехта и Мейцена (§ 2). Особый раздел
§ 3) посвящен выяснению принципиальных
азличий между буржуазной марковой тео-
ией, созданной Маурером, и марксист-
кой концепцией эволюции марки и вооб-
це аграрного строя раннего средневековья.
заключение второй части (§ 4) автор
одробно останавливается на рассмотрении
еории марки в работах историков «кри-
ического» направления конца 90-х годов
IX в.—900-х годов: Гальбан-Блюмен-
итока, Гильдебранда, Гутмана, Виттиха,
Рюбеля, Каро и др.

По такому же принципу построена и
ретья часть книги. В начале (§ 1) на при-
ере концепций Инама-Штернегга и Лам-
рехта подробно рассматривается вотчин-
ая теория в том виде, в каком она сложи-
ась в немецкой медиевистике в 70-х — на-
але 90-х годов. Затем А. И. Данилов пе-
еходит к анализу понимания вотчины у
редставителей одной из разновидностей
критического» направления — так назы-
аемой «страсбургской школы» (Кнаппа,
Виттиха, Гутмана) (§ 2), заканчивая свою
нигу вопросами характеристики средневе-
ковой вотчины в трудах таких представите-
ей «критического» направления, как Белов,
Каро и Зелигер (§ 3). В заключение автор
одводит итоги своего исследования.

Таким образом, монография А. И. Дани-
ова дает подробную и в общем цельную
артину развития немецкой историографии
редних веков в изучаемый период. В ней
овольно обстоятельно изложены концеп-
ии почти всех крупных германских уче-
ых того времени по истории раннего сред-
евековья, охарактеризованы важнейшие
школы и направления, показана та полити-
еская атмосфера, в которой зарождались
развивались конкретные исторические
оззрения немецких буржуазных медиеви-
тов, вскрыты идейно-методологические ос-
овы их концепций.

Выдвигая во введении главные проблемы
задачи своего исследования, автор верно
одчеркивает решающее воздействие на
азвитие исторической мысли и историче-
ской науки в каждый данный период со-
циально-политической деятельности и пре-
жде всего классовой борьбы, происходив-
шей в обществе. В то же время он ука-
зывает, что для правильной характеристи-
ки и оценки того или иного этапа в разви-
тии исторической науки недостаточно огра-
ничиться только изучением политических
идей. Автор верно отмечает, что наря-
ду с этим необходимо рассмотреть методо-
логический фундамент, на котором разви-
вается историография, установить связь
между изучаемым и предшествующим эта-
пами, проанализировать присущие данной
школе или историку методы исследования.
Только на основе такого многостороннего
анализа можно дать обоснованную оценку
того или иного историографического насле-
дия (стр. 6). А. И. Данилов верно подчер-
кивает, что многоплановое синтетическое
исследование может обеспечить правильное
решение исторических проблем только в том
случае, если оно основано на фундаменте
марксизма-ленинизма, на принципе партий-
ности, которые гарантируют ученого от
объективистских ошибок и являются зало-
гом правильной оценки историографии про-
шлого с позиций научного коммунистиче-
ского мировоззрения, с позиций интересов
рабочего класса (стр. 9—13).

Эти узловые принципы историографиче-
ского анализа в работе не являются декла-
ративными. Они легли в основу всего тру-
да в целом, определив его структуру и со-
держание.

А. И. Данилов дал глубокую оценку и
развернутую критику различных проявле-
ний буржуазной методологии в области
истории, характерных для конца XIX — на-
чала XX в., — позитивизма и его разнови-
дности — вульгарно-экономического истори-
зма — и двух наиболее отчетливых вариан-
тов неокантианства в применении к исто-
рии: философских концепций Г. Риккерта
и М. Вебера. Потребность в детальном
рассмотрении названных течений буржуазной
методологии давно назрела: без этого не-
возможна последовательная борьба совет-
ских историков с буржуазной историогра-
фией в прошлом и настоящем. Особенно
удачен раздел первой части книги (§ 4),
где А. И. Данилов анализирует основные
положения неокантианской теории познания
Риккерта и Вебера. Автору удалось пока-
зать неокантианство как философскую осно-
ву апологии частной собственности, капита-
лизма, социального неравенства, а также
внутреннюю противоречивость неокантиан-

ской теории исторического познания и ее полную несостоятельность с точки зрения критерия исторической практики (стр. 106—120).

Нельзя не отметить, что вопросы методологии рассматриваются в книге в динамике. Анализируя основные философские течения, господствовавшие в буржуазной науке, А. И. Данилов в то же время показывает процесс изменения методологических основ буржуазной историографии в Германии начиная с 70—80-х годов XIX в. до 900-х годов. Он прослеживает, как в начале 90-х годов отдельные элементы неокантианской методологии зарождались у Дильтея, Зиммеля и др. (часть первая, § 2), как эти элементы стали оформляться во время «методологической» дискуссии по вопросам философии истории в середине 90-х годов (часть первая, § 3). Автор отмечает, что новая философская основа историографии, окончательно оформившаяся в работах Риккерта, была взята на вооружение большинством немецких историков молодого поколения, которые отвергли позитивизм как устаревшую доктрину. А. И. Данилов вскрывает глубокую социально-политическую основу этой эволюции в области методологии. Хотя позитивизм и экономический материализм, утверждает автор, были резко враждебны марксизму и в 70—90-х годах служили буржуазной историографии как средство борьбы с ним, с начала 90-х годов они оказались слишком слабым оружием в этой борьбе. В условиях обострения классовых конфликтов в эпоху империализма буржуазии понадобилось более острое философское оружие, каким, с ее точки зрения, и явилось неокантианство. Этот совершенно верный вывод автора важен и тем, что он показывает, как возникновение и широкое распространение марксизма во второй половине XIX в. вынуждало буржуазных историков в поисках новых средств борьбы с историческим материализмом двигаться все дальше и дальше по пути реакции как в области политики, так и методологии.

Не меньший интерес представляет прослеживаемая в работе А. И. Данилова проблема возникновения и развития на рубеже XIX и XX вв. нового направления в немецкой медиевистике, которое автор называет «критическим».

Анализируя методологические основы, исследовательские приемы и выводы историков, принадлежавших к этому направлению, автор убедительно показывает, что в целом «критическое» направление было шагом назад по сравнению с предшествующим этапом в развитии немецкой буржуазной медиевистики. Исходя из неокантианского отрицания существования объективных исторических закономерностей, историки данного направления, как об этом говорится в рецензируемой книге, отвергали историческую эволюцию, постепенно отказывались от изучения экономической истории, возвращаясь к политико-юридическому ее истолкованию, не признавали периодизации по хозяйственным ступеням и, по существу, отрицали такие понятия, отражавшие действительно существовавшие общественные отношения, как феодализм, марка, вотчина и др.

А. И. Данилов в ряде мест правильно указывает, что, видя своего главного врага в историческом материализме и борясь в первую очередь с марксистской концепцией средневековой истории, представители «критического» направления попутно ниспровергали и буржуазный историзм XIX в. и созданные им концепции истории раннего средневековья, в которых они без всяких к тому оснований видели «уступку» марксизму.

Прослеживая процесс зарождения и становления «критического» направления в немецкой медиевистике и выявляя его характерные черты, А. И. Данилов показал общие закономерности развития буржуазной историографии в целом на рубеже XIX и XX вв., когда в связи с наступлением эпохи империализма начался кризис буржуазной исторической науки.

Разоблачение реакционной сущности «критического» направления имеет тем бо́льшее значение, что представители этого направления повсюду (а не только в Германии) отметили его появление сенсационной шумихой, выступив в качестве ниспровергателей «господствующих» концепций и устаревших методов исследования. В результате они стяжали себе в буржуазной историографии славу «новаторов» и якобы добросовестных и объективных исследователей, чуждых какой-либо тенденциозности. Эта «слава» сохраняется за ними отчасти и до сих пор в современной буржуазной историографии, в некоторых кругах которой, особенно в Западной Германии, она всячески искусственно поддерживается.

Книга А. И. Данилова разрушает этот миф. На большом фактическом материале она показывает, что в Германии историки

итического» направления строили свои цепции на тенденциозном подходе к чникам и в целом извращали историю него средневековья. При этом автор отает, что они ввели в научный оборот го новых источников и по отдельным росам подвергли заслуженной критике итивистскую и вульгарно-экономическую лы.

рослеживая развитие немецкой медиетики от позитивистского к «критическому» направлению, автор подчеркивает, что всех различиях между ними немецкая жуазная историография конца XIX — ала XX в. в целом была крайне реакнной и стояла на службе агрессивной итики германского империализма.

тличительной стороной монографии И. Данилова является привлечение им ериала источников для полемики с буразными исследователями и критики их цепций и выводов. Так, при помощи лиза «Капитулярия о поместьях», «Обцов описей земель королевских и церных», грамот Сен-Галленского картуля (стр. 276—281) автор доказывает нетоятельность утверждения Инама-Штерга о том, что вотчинное хозяйство было нным производством с более передовыметодами, чем хозяйство крестьянина. итикуя взгляд Лампрехта, согласно кому в вотчинах раннего средневековья ская запашка не имела особенно больго значения, он опирается на некоторые ные Алеманнской и Баварской правд р. 284 — 285). Выступая против непраьной трактовки представителями «страргской школы» Виттихом и Гутманом кой вотчины как универсальной надыстоеской категории, А. И. Данилов привлет данные «Описи аббата Адаларда», бразцов описей» и других документов -Бертинского аббатства, а также Лоршго, Вейсенбургского, Прюмского монарей (стр. 292—302).

К анализу Баварской и Алеманнской вд обращается автор и для доказательа несостоятельности утверждений Гильранда и Гутмана о том, что полноправе свободные бавары VII—VIII вв. являсь мелкими вотчинниками (стр. 242—). Исследование ряда картуляриев Юголадной Германии используется им, чтопоказать, насколько ошибочно мнение х авторов о неразрывности связей межобщинной организацией и вотчиной в I—IX вв. (стр. 246—262). На материале очников построена и критика концепций Каро и Зелигера по вопросу о феодальной вотчине (стр. 316—327, 346—355).

Благодаря последовательному применению такого метода весьма наглядно обнаруживается односторонность и тенденциозность методики исторического исследования, присущей тому или иному из буржуазных ученых. При оценке места и значения в общем развитии исторической науки каждого историка, концепции или целого направления автор рассматривает их как бы с двух сторон: в их отношении к предшествующему этапу историографии и к историческому материализму. Это дало возможность А. И. Данилову весьма остро критиковать буржуазных историков и в то же время отмечать все положительное, что тот или иной из них внес в развитие медиевистики.

Работа А. И. Данилова не лишена и некоторых недостатков. На наш взгляд, несколько упрощенно представлена связь, устанавливаемая А. И. Даниловым между прусским путем развития капитализма в Германии 50—60-х годов и возникновением марковой теории, в частности исторической концепции Маурера. Политический консерватизм Маурера и его эволюционизм в подходе к аграрной истории средневековья несомненны. Очевидно и то, что аграрные преобразования, происходившие в Германии в середине XIX в., вызывали у немецких историков этого периода особенно живой интерес к аграрной тематике. Однако тезис А. И. Данилова о том, что политические идеалы Маурера отражали чаяния немецкого дворянства, становившегося на путь капиталистического развития (стр. 155), по нашему мнению, недостаточно аргументирован. Он не подтверждается ни приведенными в работе высказываниями самого Маурера, ни какими-либо данными о его политической деятельности, ни сущностью его марковой теории. Остается неясным, почему апология маркового строя и признание изначального существования общинной собственности на землю должны рассматриваться именно как отражение идеалов капиталистического развития, когда последнее даже в его прусской форме разрушало общинные порядки и скорее было враждебно им.

Возникновение марковой теории в немецкой медиевистике, как нам кажется, было связано не только с аграрными преобразованиями, но и с одной из актуальнейших проблем политической жизни Германии 50—60-х годов XIX в.— с проблемой поли-

тического объединения страны. Попытки решить этот вопрос побуждали всех наиболее крупных немецких историков того времени искать исторические традиции германского буржуазного национализма и государственности в институтах далекого прошлого. К сожалению, эта сторона вопроса в связи с характеристикой той социально-политической атмосферы, в которой зародилась марковая теория Маурера, А. И. Даниловым даже не отмечена.

Общая оценка значения концепции Маурера дана автором в целом совершенно правильно; при этом он обращает особое внимание на ее консерватизм и другие слабые моменты. Вместе с тем А. И. Данилов, на наш взгляд, недостаточно подчеркнул, что эта концепция все же была большим шагом вперед по сравнению с предшествующим этапом развития немецкой медиевистики (историческая школа права, школа Ранке, гейдельбергская школа, несмотря на либерализм и радикализм некоторых представителей последней).

Одна из задач работы, поставленная автором во введении, заключалась в том, чтобы проследить изменения, происходившие в методике исследования немецких историков на протяжении изучаемого периода. И действительно, во многих разделах книги А. И. Данилов отмечает особенности методических приемов, использовавшихся отдельными историками или целыми направлениями, и подвергает их критике. Однако эти вопросы получили в книге, как нам кажется, не совсем равномерное освещение. Гораздо полнее и глубже они исследуются в третьей части, где подчеркиваются характерные черты методических приемов представителей каждого из рассматриваемых направлений.

Во второй же части вопросы методики исследования даны в довольно общем виде; меньше внимания уделяется источникам, на основе которых создавали свои концепции марки различные историки и исторические школы. Кроме того, такое неравномерное освещение данного вопроса несколько затушевывает общую тенденцию развития исследовательских приемов немецкой медиевистики от 60—70-х, 90-х годов XIX в. к началу 900-х годов, что, напротив, следовало бы особо подчеркнуть.

Эта тенденция, характерная и для современной буржуазной историографии, состояла в постепенном переходе от широкой постановки проблем к локальной и частной тематике, от использования большого круга разнообразных источников к анал строго ограниченных, однородных видов кументов, от широких сопоставлений, сн ственных сравнительно-историческому тоду, к скрупулезным, детальным иссле ваниям, часто с применением статисти ского метода. Ввиду того, что эта тенд ция не прослеживается в работе достат но отчетливо, от внимания читателя уск зает одна весьма важная сторона пост ленного автором во введении вопроса преемственности и борьбе старого с но в историографии.

Идейно-методологические корни возн новения «критического» направления от ливо вскрыты А. И. Даниловым. Но, к жалению, он недостаточно показал, что падки представителей «критического» правления на позитивистские и вульгар материалистические концепции имели по объективные основания: многочисленн противоречия этих концепций, их слабая гументация в отдельных звеньях, ча примитивные и устаревшие методичес приемы.

А. И. Данилов совершенно прав, утвер дая, что эти нападки велись с реакци ных методологических позиций и что в нечном итоге новые методы исследован оказались не лучше старых. Но, на н взгляд, следовало бы указать, что на ру же XIX и XX вв. действительно возни потребность в более совершенных мето исследования, которые соответствовали возросшему уровню исторических знаний количеству доступных историкам источ ков. Важно было подчеркнуть, что удов творение этой потребности оказалось не п силу буржуазной историографии, включ представителей «критического» направл ния.

Следует также отметить известную четкость, допущенную автором при отне нии тех или иных историков к «крити скому» направлению. Рассматривая за ждение этого направления, А. И. Данил относит к числу его представителей (хо и недостаточно категорически) историк так называемой «страсбургской школы» Виттиха, Кнаппа, Гутмана (стр. 12 В других местах книги автор противо ставляет этих историков Каро, Зелиге Белову и другим представителям «крити ского» направления (стр. 286, 303), не м тивируя это противопоставление.

Досадно, что в книге мало вниман уделено Г. Белову — этой наиболее кру ной фигуре среди немецких историков «кр

еского» направления. О нем говорится нь кратко в связи с методологической скуссией 90-х годов (стр. 86—89), хотя т историк был одним из наиболее яростх и злобных оппонентов Лампрехта. Что ается конкретно-исторических взглядов лова, то они довольно бегло и суммарно агаются лишь в разделе, посвященном тике вотчинной теории (стр. 303—308). ль Белова в развитии марковой теории сть вторая) вовсе не рассматривается, я он сам, как известно, особенно в перй период своей деятельности, считал се- защитником этой теории.

В работе явно не хватает также подробго разбора и критики взглядов А. Допша вопросам марковой и вотчинной теории, я, как указывает А. И. Данилов, имен- Допш подвел своего рода итоги исслеваниям «критического» направления, таясь на их основе построить новую обю концепцию истории раннего средневевья (стр. 132—133). Правда, общий кратй обзор этой концепции Допша дан авром в конце раздела, посвященного возкновению «критического» направления сть первая, § 5). Однако во второй и етьей частях, где так и просится развертая, аргументированная критика взглязв Допша, его имя даже не упоминается. о придает некоторую незавершенность рослеженной автором эволюции немецкой ториографии, и в частности «критическоа направления, с конца 90-х годов XIX в. 1914 года. Приходится пожалеть, что И. Данилов не включил в книгу, хотя бы тично, тот интересный материал, связанй с критикой допшианской концепции него средневековья, который содержитв его обширной статье, опубликованной сборнике «Средние века»[1]. Без этого книга несколько проигрывает в смысле своей цельности и законченности.

Наконец, следует отметить, что в первой части работы, где речь идет о сложных идейно-методологических проблемах, изложение автора носит слишком сухой и лаконичный характер, что затрудняет понимание этих вопросов неспециалистами в области философии и историографии. Не всегда автор считает нужным разъяснять сложные понятия, которые едва ли будут ясны для широкого круга читателей: «генерализующий метод», «номологический метод», «индивидуализирующий метод», понятие «культурной ценности», «метод отнесения к ценности», «относительно-исторические» понятия и некоторые другие.

В заключение нельзя не пожалеть о том, что Издательство Академии наук СССР выпустило в свет серьезный научный труд А. И. Данилова без именного указателя и библиографии, особенно необходимых в книге на историографическую тему.

Все отмеченные недостатки не лишают рецензируемую работу большого научного значения. Она, безусловно, вызовет живой интерес у советских историков. Эта работа окажется весьма полезной для дальнейшей разработки историографических проблем с позиций марксизма-ленинизма; она, несомненно, послужит одним из ценных пособий для преподавателей и студентов по курсу историографии средних веков, облегчит советским историкам изучение проблем раннего средневековья. Мы полагаем также, что книга будет полезна не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей, интересующихся историей Германии и историей идеологии.

Е. В. Гутнова

А. И. Данилов. К критике допшианой концепции ранне-средневековой вотчины. Сборник «Средние века». Вып. IX. М. 1957.

ЛИТЕРАТУРА ГОСПОЛИТИЗДАТА, ПОСВЯЩЕННАЯ XXI СЪЕЗДУ КПСС

С огромным интересом советские люди изучают исторические решения и материалы XXI съезда КПСС, представляющие собой образец творческого развития марксистско-ленинской теории на основе обобщения практики коммунистического строительства и важнейших событий современного международного развития.

В пропаганде материалов и решений XXI съезда партии важная роль принадлежит нашим издательствам и прежде всего Госполитиздату. Государственное издательство политической литературы выпустило массовыми тиражами доклад товарища Н. С. Хрущева «О контрольных цифрах развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 годы» и его заключительное слово на съезде; резолюцию съезда по докладу Н. С. Хрущева; утвержденные съездом контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на ближайшее семилетие. Опубликован сборник «Материалы внеочередного XXI съезда КПСС», речи на съезде членов Президиума ЦК КПСС и кандидатов в члены Президиума.

В изучении исторических документов XXI съезда большую помощь трудящимся окажут выпущенные Госполитиздатом наглядные пособия. Тиражом 75 тыс. экземпляров и форматом в $^1/_2$ печатного листа издан альбом «Боевая программа строительства коммунизма», который состоит из 21 плаката с красочными диаграммами, характеризующими развитие основных отраслей народного хозяйства СССР в 1959—1965 годах. По разделу промышленности эти диаграммы, кроме обобщающих показателей, освещают также перспективы развития черной металлургии, химических и топливных предприятий, электрификации, машиностроения, производства товаров народного потребления. При этом цифры приводятся в сравнении — за 1913, 1940, 1958 и 1965 годы. По разделу сельского хозяйства наряду с общими показателями даны отдельные плакаты-диаграммы по вопросам земледелия; животноводства, механизации и электрификации. Имеются в альбоме плакаты, посвященн развитию транспорта, промышленнос строительных материалов, новостройкам милетки, жилищному строительству, рос благосостояния советского народа, дальн шему улучшению охраны здоровья насел ния, народному образованию и междун родному значению семилетнего плана.

Тиражом в 100 тыс. экземпляров выпуш альбом «Цифры великого плана. 1959 1965 гг.». Формат плакатов — $^1/_4$ печатно листа. Альбом содержит шесть плакатов красочными диаграммами.

Изданы также портативные наглядн пособия книжного формата: «Партия нас коммунизму ведет» и «Крупный шаг к в ликой цели» (тираж 100 тыс. экземпляро в которых все основные показатели сем летнего плана представлены в красочн диаграммах с текстуальными выдержка из контрольных цифр развития народно хозяйства СССР в ближайшем семилетн

Издательство наметило выпустить бол шое количество научно-популярных и ма сово-политических брошюр, пропагандир ющих решения и материалы съезда.

Многие брошюры посвящены теоретич ским проблемам развернутого коммунист ческого строительства: «Партия ведет к ко мунизму», «Новый этап в осуществлении л нинского плана строительства коммунизма «Международное значение семилетнего пл на развития народного хозяйства СССР «Основные черты периода развернуто строительства коммунизма», «О закономе ностях перерастания социализма в комм низм», «Об одновременности перехода коммунизму социалистических стран» и др гие.

И. П. Помелов в брошюре «О полной окончательной победе социализма в СССР расскажет об истории развития маркс стско-ленинского учения о полной и оконч тельной победе социализма, иллюстрир теоретические положения большим фактич ским материалом.

Л. Я. Берри и Г. С. Толмачев подгота

ают брошюру «Материально-техническая а коммунизма». Главное внимание авто- уделяют рассмотрению важнейших черт ериально-технической базы коммунизма аправлений ее дальнейшего развития. брошюре будет раскрыто значение семи- ки для создания материально-техниче- й базы коммунистического общества.

І. С. Ромашкин и С. А. Покровский на- али брошюру на актуальную тему «Раз- ие функций Советского государства в иод построения коммунизма». В ней рас- ывается роль Советского государства как вного орудия построения коммунистиче- го общества, анализируются его внешние нутренние функции, показывается их из- нение в период развернутого строитель- а коммунизма. Особое внимание авторы елили тем новым теоретическим положе- м, которыми обогатил XXI съезд КПСС ксистско-ленинское учение о государ- е. Вместе с тем в брошюре подвергнуты тике взгляды ревизионистов, выступаю- х за отмирание социалистического госу- ства в современных условиях.

В брошюре Ю. В. Борисова «Новый этап развитии мировой системы социализма» атель найдет новые данные об экономи- ком и культурном развитии братских со- алистических стран в современных усло- х, познакомится с многообразными фор- ми их сотрудничества и взаимопомощи. большом фактическом материале автор ещает борьбу народов стран лагеря со- ализма за победу нового строя, за укреп- ие мира на всем земном шаре.

Семилетка и экономическое соревнова- социализма и капитализма» — так на- ли свою брошюру А. Алексеев и М. Ра- ович. Авторы анализируют важнейшие кторы, определяющие успешное решение овной экономической задачи СССР, по- ывают значение семилетнего плана в льнейшем экономическом и культурном витии нашей страны. В брошюре рас- ывается также роль семилетки в соревно- ии систем социализма и капитализма.

Следует отметить книгу Т. Т. Тимо- ва «Борьба марксистско-ленинских пар- против ревизионистской идеологии», ющую актуальное значение. В ней дана вернутая критика современных ревизио- тских теорий о роли буржуазного госу- ства, социально-экономических и полити- ких последствиях технического прогрес- «бескризисном» развитии капитализма, о «революции» в распределении доходов и других реакционных взглядов, при помощи которых апологеты империализма пытаются дезорганизовать рабочий класс и отвлечь его от революционной борьбы. Автор приводит богатый материал, освещает современный опыт борьбы коммунистических и рабочих партий капиталистических стран против ревизионистской идеологии. Книга показывает, что непримиримая борьба против ревизионизма привела к расширению и упрочению связей коммунистических и рабочих партий с трудящимися, к сплочению братских партий на основе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, к укреплению их позиций в борьбе за мир, за демократию и социализм.

Большое место в плане выпуска литературы, пропагандирующей материалы и решения XXI съезда КПСС, имеет раздел массовых, популярных книг для народного чтения. Это малообъемные, от одного до трех печатных листов, брошюры, с красочно оформленными обложками и с иллюстрациями. Они рассчитаны на широкий круг читателей — рабочих, колхозников, учащуюся молодежь, и поэтому издательство предъявляет к авторам этих книг особо высокие требования в отношении языка и литературного стиля. Образное и популярное изложение, доступное и для малоподготовленных читателей, отличает эти брошюры от других видов политической литературы.

Хорошо встречена читателями брошюра «Это начало счастливой эпохи», в которой писатель В. Захарченко в форме небольших очерков обстоятельно рассказывает о волнующих перспективах развития народного хозяйства и культуры нашей страны, открываемых семилетним планом. Прославленный новатор социалистического труда Н. Я. Мамай в брошюре «Слово коммуниста» делится своим опытом, говорит о том огромном воодушевлении и энтузиазме, с которыми встретили советские люди разработанный партией грандиозный план дальнейшего продвижения нашей Родины по пути к коммунизму. В брошюре С. Я. Гегузина «Огни горы Соколиной» рассказывается о бригадах коммунистического труда.

Кроме опубликованных, большой интерес представляют и те брошюры для народного чтения, которые будут изданы в ближайшее время. Среди них отметим брошюру В. И. Горбунова «Думы о съезде. Рассказ рабочего, делегата XXI съезда КПСС». Автор, рабочий Адмиралтейского завода Ле-

нинграда, рассказывает читателям свои впечатления о съезде. Живо и ярко пишет он об обстановке на съезде, о докладе товарища Н. С. Хрущева, о своих встречах и беседах с делегатами и представителями братских партий. Читатель с интересом познакомится с мыслями автора, навеянными решениями съезда, узнает, с каким энтузиазмом коллектив завода, где работает В. И. Горбунов, борется за выполнение величественной программы развернутого коммунистического строительства, намеченной партией.

В работе Ю. А. Моралевича «Великое семилетие», хорошо иллюстрированной и увлекательно написанной, рассказывается о творческом содружестве ученых, инженеров и рабочих. В ней показаны подлинные чудеса нашего сегодня в области энергетики и металлургии, химии и транспорта, сельского хозяйства и строительства. Но особо интересен раздел книги, посвященный будущему, где образно говорится о том, что будет представлять собою наша страна после претворения в жизнь семилетнего плана.

Сборник очерков «Страна шагает на Восток» в увлекательной форме повествует о природных богатствах Сибири и Дальнего Востока, о бурно развивающейся там промышленности, о растущей культуре таежных городов и сел, о замечательном будущем края, которому суждено стать одной из крупнейших экономических и культурных баз великой Советской страны. Много хороших, ярких слов сказано в книге о славных тружениках Сибири и Дальнего Востока, мужественных, сильных, самоотверженных, горячо любящих свой край людях, об их делах, овеянных романтикой трудовых подвигов.

Журналист Б. Л. Леонтьев готовит популярную брошюру на животрепещущую тему «Исключить войну из жизни общества». Будет ли новая война? Можно ли ее избежать? Эти вопросы волнуют сотни миллионов людей во всех странах. Убедительный ответ на них дает Б. Л. Леонтьев, разъясняя одно из важнейших теоретических положений XXI съезда КПСС: еще до полной победы социализма на всем земном шаре мировая война может и должна быть исключена из жизни общества. Хорошо показаны в брошюре реальные общественные силы, способные навсегда устранить войну как средство решения международных вопросов.

«Наука — мир — коммунизм» — так называется брошюра А. Ф. Плонского, в которой рассказывается о мирных завоевани советской науки, об ученых — активн строителях коммунизма. В популярной фо ме автор знакомит читателя с гигантски синхрофазотронами и атомными реактора космическими кораблями и «думающим машинами, с домами из «пены» и кара лем из синтетического волокна. Автор яр показывает, что коммунизм строится на ба достижений современной науки и техни

Готовятся к выпуску книги методическо и справочного характера, которые окаж большую помощь агитаторам и пропаганд стам.

Полезным пособием явится популярн словарь-справочник «О семилетнем план Он состоит из кратких статей-справок, ра положенных в алфавитном порядке и охв тывающих весь круг основных заданий милетнего плана. В справках по общим просам экономики — производительнос труда, темпы развития и пр.,— а также отдельным видам продукции — сталь, уго нефть, автомобили, тракторы, зерно и т. д наряду с заданиями семилетнего плана пр ведены и сравнительные данные по капит листическим странам. Цифры семилетки с провождаются в словаре живо написанн текстом, оригинально выполненными дн граммами и схемами. Для удобства польз вания словарь выпускается в карманн формате.

Кроме отдельных брошюр, пропаганд рующих теоретические проблемы коммун стического строительства, и книг для нарс ного чтения, издательство выпускает ее две специальные серии: «Семилетний пла и «Популярные брошюры по вопросам ко мунистической морали».

В серии «Семилетний план» выход шесть брошюр по вопросам развития пр мышленности, сельского хозяйства, тра порта, капитального строительства, а так работы, посвященные социалистическ культуре, науке и технике. В этой же сер готовится к изданию сборник статей о ра витии в предстоящем семилетии экономи и культуры всех союзных республик.

В материалах и решениях XXI съез КПСС важное место отведено задачам во питания нового человека, активного твор коммунистического общества. В этой свя имеет большое значение, особенно для м лодежи, серия «Популярные брошюры коммунистической морали». По этой сер намечено к изданию около двух десятк брошюр, часть которых уже вышла

чати, а другие выйдут в ближайшее емя. Брошюры написаны живо и увлека-льно, в форме литературных очерков. Они ссматривают злободневные вопросы со-алистического общежития, быта, комму-стического воспитания.

Открывает серию брошюра В. Колобанов-ого «Самая человечная», в которой рас-азывается о том, что такое коммунистиче-ая мораль, как она возникла и развива-ись, каковы ее основные принципы, кому а служит и почему является самой про-ессивной, самой человечной в мире. На ких примерах автор раскрывает принци-иальные отличия коммунистической морали лицемерной буржуазной морали.

Писательница Е. Кононенко подготовила рошюру на тему «Красота душевная». Эта рошюра представляет собою ряд очерков замечательных советских людях, облада-щих большой душевной красотой и мо-альной силой. Через всю брошюру крас-ой нитью проходит мысль о любви к чело-ку, о высоких душевных качествах людей циалистического общества. Автор расска-ывает о благородных поступках советских одей, о характерном для них чувстве кол-ктивизма и дружбы, о том, что подвиги вершаются у нас не только в исключи-льной обстановке, но и в повседневной изни.

В брошюре А. Сгибнева «Воля рождается борьбе» говорится о людях сильной воли, воспитании подлинно советского характе-. Ставя вопрос, как воспитать и закалить ою волю, автор указывает, что лучшей колой воспитания, самым строгим учите-м является реальная действительность. олько в борьбе за претворение в жизнь ммунистических идеалов, в самоотверже-м труде, в творческих исканиях, в преодо-нии препятствий закаляется воля челове-. Главная идея брошюры состоит в том, о все победы нашей страны — результат ззаветного мужества, сознательного и охновенного труда советских людей.

И еще одна тема, имеющая непосред-венное отношение к серии брошюр по ммунистической морали, воспитанию мо-дых строителей коммунизма, нашла свое освещение в брошюре В. Карбовской «Белые ручки чужие труды любят».

Автор этой брошюры справедливо заявляет, что обидно в нашем обществе звучат слова «белоручка», «маменькин сынок». Так называют тех, кто, не желая трудиться, предпочитает жить за счет других, постепенно превращаясь в тунеядца. Автор большое внимание уделяет вопросу о роли родителей, школы, общественных организаций в трудовом воспитании подрастающего поколения.

Интересную брошюру на тему «Превосходная должность быть на земле человеком» готовит очеркист Е. Рябчиков. Брошюра повествует о славном героическом пути советского народа, преодолевшего неимоверные трудности, поборовшего голод и разруху, прошедшего через огонь революций и войн, построившего социализм и вступившего ныне в период развернутого строительства коммунизма. Описывая людей большой моральной силы и душевной красоты, автор не упускает из виду и нравственно опустошенных людишек, пристроившихся на задворках жизни. У него находятся меткие и гневные слова, клеймящие эгоистов, тунеядцев и прочих моральных уродов, путающихся под ногами советских людей.

Трудовой деятельности советского человека посвящена брошюра С. Крутилина «Жить и работать по-коммунистически». В яркой публицистической форме автор рассказывает о роли труда при социализме и коммунизме, о тех коренных изменениях, которые произошли во взглядах людей на труд в нашем обществе. На смену конкуренции, частному предпринимательству и зверской эксплуатации человека человеком пришли новые, подлинно гуманистические отношения между людьми — отношения товарищеского сотрудничества, поддержки и взаимопомощи. Рассказывая о трудовых подвигах советских людей на различных участках коммунистического строительства, автор вместе с тем гневно бичует теневые стороны нашей жизни: тунеядство, пренебрежение к физическому труду, иждивенческое отношение к обществу.

С. М. Майоров

О РАБОТЕ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР в 1958 году

Коммунистическая партия и Советское правительство поставили перед нашими историками задачу создать обобщающие научные труды, достойные великой эпохи развернутого строительства коммунистического общества. Особое внимание при этом должно быть уделено разработке такой наиболее актуальной проблемы, как история социалистического строительства в СССР и закономерности переходного периода от социализма к коммунизму. Долг наших ученых — вести решительную борьбу против всех проявлений буржуазной идеологии, за чистоту марксистско-ленинских идей, беспощадно разоблачать современный ревизионизм и псевдонаучные теории буржуазной историографии. В выполнении этих задач большую роль призван сыграть многочисленный коллектив научных сотрудников Института истории Академии наук СССР.

В 1958 г. в соответствии с планом научно-исследовательской работы в институте был завершен ряд оригинальных трудов, основанных на глубоком изучении документальных материалов. Многие из них являются первыми исследованиями по малоизученным или совершенно не разработанным в исторической литературе темам. Активизировалась в 1958 г. работа по созданию трудов, направленных против ревизионизма и буржуазной идеологии, в частности был подготовлен сборник статей «Против буржуазных фальсификаторов истории». Этой важной теме значительное внимание уделено и в других исследованиях, а также в статьях, опубликованных в прошлом году в различных сборниках и периодических изданиях института.

Всего в течение 1958 г. Институтом истории издано 55 книг общим объемом в 1 600 печатных листов. Кроме того, было подготовлено к печати 85 работ общим объемом в 2 360 печатных листов. Основные силы научных сотрудников были заняты в 1958 г. написанием главным образом коллективных трудов и монографий. Одновременно больших усилий потребовала подготовка к печати сборников документов и литературных памятников.

По разделу «Великая Октябрьская социалистическая революция и ее всемирно-историческое значение» в прошлом году опубликованы три работы. Монография доктора исторических наук П. Н. Соболева «Беднейшее крестьянство — союзник пролетариата в Октябрьской революции» посвящена изучению складывания и упрочения союза пролетариата с крестьянской беднотой. Автор показывает формы и методы работы большевиков среди трудящихся деревни, а также среди солдат. Книга, написанная в основном на архивном материале, охватывает период с февраля 1917 по август 1918 года. В работе А. Е. Иоффе «Русско-французские отношения в 1917 г. (февраль — октябрь)» на основе большого архивного материала излагаются вопросы внешнеполитической истории России накануне социалистической революции. Вышел также сборник статей «Международное значение Великой Октябрьской социалистической революции».

В 1958 г. была закончена и рекомендована к печати монография Ф. В. Чебаевской «Организация и укрепление местных Советов в РСФСР в первый год диктатуры пролетариата», представленная в качестве докторской диссертации. Сдан в печать также второй том «Хроники событий Великой Октябрьской социалистической революции», охватывающий период с 6 мая по 2[illegible] июля 1917 г.; закончена подготовка третьего тома этой хроники.

По разделу «История социалистического строительства в СССР» в минувшем году выпущен обобщающий коллективный труд «Развитие союза рабочего класса и крестьянства в СССР», охватывающий период с Октябрьской революции до настоящего времени. В изданной монографии М. Л. Боденко «Строительство зерновых совхозов в годы первой пятилетки (1928—1932 гг.)» рассмотрен один из важнейших вопросов социалистической реконструкции сельского хозяйства в СССР. Автор изучил и обобщил значительный архивный материал о развитии сельскохозяйственного производства в совхозах, возникших на целинных и залежных землях в первые годы коллективизации. Вышла также книга Ю. А. Полякова «Московские трудящиеся в обороне советской столицы в 1919 г.», в которой рассказывается об участии населения Москвы, руководимого коммунистами, в отражении похода Деникина летом и осенью 1919 года.

Среди подготовленных к печати работ необходимо отметить монографии Ю. А. Арутюняна «Формирование постоянных м

низаторских кадров МТС в послевоенный риод (1946—1955 гг.)» и С. Н. Иконникова абоче-крестьянская инспекция в борьбе укрепление Советского государства в сстановительный период».

Завершено несколько монографий по ис-рии Великой Отечественной войны. 1958 г. была сдана в издательство ра-га А. В. Карасева «Трудящиеся Ленин-ада в годы блокады (1941—1943 гг.)», кончены и рекомендованы к печати моно-афии А. В. Митрофановой «Рабочий класс СР в первый период Великой Отечест-нной войны (1941—1942 гг.)» и Н. П. Ли-гова «Трудовой героизм рабочего класса строительстве предприятий черной ме-ллургии Урала в годы Великой Отечест-нной войны (1941—1945 гг.)». М. Г. Бра-н написал книгу «Великая битва под оскВой в рассказах ее участников». Кроме го, к печати рекомендованы два коллек-вных труда, подготовленных сектором ис-рии СССР в годы Великой Отечественной йны и в послевоенный период: «Великая тва под Москвой» и «СССР в годы Ве-кой Отечественной войны. Хроника собы-й».

Большое место в научно-исследователь-их планах секторов истории советского щества отведено было в прошедшем году зработке ряда важнейших переходящих м. Среди них следует прежде всего отме-ть: «СССР в период перехода к социа-стической реконструкции народного хо-йства»; «Рабочий класс СССР в борьбе социалистическую реорганизацию про-шленности»; «Рабочий класс СССР в ды первой пятилетки»; «Рабочие в тяже-й промышленности в годы второй пяти-тки»; «История коллективизации сельско-хозяйства в СССР»; «Социально-эконо-ческое и политическое развитие казах-ого аула (1926—1929 гг.)»; «Крестьянство ФСР в восстановительный период»; «Со-ально-экономические отношения в совет-ой деревне накануне коллективизации»; оветско-американские отношения в 1917—25 гг.»; «Советско-французские отношения 1929 по 1935 г.»; «Советско-иранские от-шения 1917—1927 гг.»; «Государственная тельность В. И. Ленина в области куль-рного строительства (1917—1924 гг.)» и угие. Всего по истории советского обще-ва в 1958 г. в Институте истории было дано или подготовлено к печати 5 кол-ктивных работ и 12 монографий, не счи-я документальных публикаций.

Необходимо отметить, что соответствующим секторам пока не удалось полностью преодолеть отставание в разработке отдельных важнейших проблем истории советского общества. Так, до настоящего времени слабо ведется исследование внешнеполитической истории СССР, совершенно недостаточно внимания уделяется изучению послевоенного периода. Затянулось создание обобщающих научных трудов по истории Октябрьской революции, индустриализации и коллективизации в нашей стране.

Значительная работа проделана по проблеме «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР, в странах Европы и Востока». В 1958 г. была издана монография И. И. Смирнова «Очерки политической истории Русского государства в 30—50-х годах XVI века». В советской историографии это первая фундаментальная работа, непосредственно посвященная событиям середины XVI века. Закончил и сдал в издательство свою книгу «Реформы Ивана Грозного» А. А. Зимин.

По теме «Исторические связи русского народа с другими народами СССР» подготовлена к печати монография Н. Г. Аполловой «Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX века».

По проблеме «Внешняя политика России в эпоху феодализма» опубликованы две работы: П. Т. Яковлевой «Первый русско-китайский договор 1689 г.» и Л. Г. Бескровного «Русская армия и флот в XVIII веке». Монография П. Т. Яковлевой является первым опытом изучения общих предпосылок зарождения и развития русско-китайских связей в XVII веке. Автор показывает политику царской России в Восточной Сибири в то время, дает критический анализ имеющейся литературы о русско-китайском договоре 1689 года. Книга Л. Г. Бескровного представляет собой серию очерков, в которых рассмотрены организация, комплектование и тактика русской армии и флота, их материальное обеспечение, боевая подготовка и способы ведения войны в XVIII веке. Л. Г. Бескровный раскрывает зависимость развития военного дела от экономического состояния страны и от социальной структуры общества, показывает связь между организацией войск и флота.

По проблеме «История сельского хозяйства, крестьянства и крестьянских движений у народов СССР» в 1958 г. вышла из печати

монография П. К. Алефиренко «Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века». На основе большого и разнообразного архивного материала автор подробно исследует крестьянское движение в основных районах России. В книге анализируется экономическое состояние русской деревни, показаны различные формы, содержание и направление борьбы крестьян. П. К. Алефиренко доказывает необоснованность оценки буржуазными историками крестьянского движения той эпохи только лишь как «воровских» и «разбойничьих» нападений, характеризует отношение основной массы крестьян к крепостному праву.

В изданной в прошлом году монографии В. Д. Мочалова «Крестьянское хозяйство в Закавказье к концу XIX века» проанализирована крестьянская реформа в Грузии, Азербайджане и Армении и рассмотрено ее воздействие на социально-экономическое развитие края. По первоисточникам автор исследует превращение натурального крестьянского хозяйства в товарное и капиталистическое, выясняет роль торгово-ростовщического капитала в этом процессе. В работе обобщен большой фактический материал и изучены вопросы роста товарного производства в Закавказье под влиянием развития капитализма в России. Закончены и рекомендованы к печати также книга Г. Е. Кочина «Сельское хозяйство на Руси в период образования и укрепления Русского централизованного государства (конец XIII — начало XVI в.)» и монография Л. С. Прокофьевой «Вотчинное хозяйство в XVII веке».

Большая работа велась также над рядом переходящих исследований: «Крестьянская война 1773—1775 гг.»; «Политика России на Дальнем Востоке в XVII в. и хозяйственное освоение края»; «Хозяйственное развитие Южной Украины в первой четверти XIX в.»; «Очерки по истории местного управления Русского государства второй половины XVI в.»; «Феодальные отношения в западных русских землях XII—XV вв.»; «Очерки по истории социально-экономического строя Русского государства XIII—XV вв.»; «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XV—XVII вв.»; «История русского крестьянства XV — первой половины XVII в.»; «Русская крестьянская колонизация Зауралья в XVII—XVIII вв.»; «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.» и др.

Приведенные факты свидетельствуют том, что Институт истории добился некоторых успехов в разработке вопросов отечественной истории периода феодализма. Однако следует отметить необходимость усиления в ближайшие годы внимания изучению таких проблем, как генезис феодализма и происхождение государств на территории нашей страны, история классовой борьбы, и в частности народных движений, в эпоху феодального строя.

Напряженная работа в 1958 г. велась институте по разделу «Генезис капитализма и освободительное движение народов СССР, Западной Европы и Востока». прошлом году было издано несколько работ по этой теме, в том числе второй том труда академика Н. М. Дружинина «Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева», а также монографии П. Г. Рындзюнского «Городское гражданство дореформенной России», А. В. Фадеева «Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века» А. Г. Рашина «Формирование рабочего класса России» и др.

Работа Н. М. Дружинина представляет собой глубокое исследование конфликта производительных сил и производственных отношений в дореформенной России на примере одной из основных социальных групп государственных крестьян, составлявших почти половину русского крестьянства. Автор раскрывает экономическое развитие государственной деревни в 50-х годах XIX в., а также связь между преобразовательной попыткой П. Д. Киселева и крестьянской реформой 1861 года. Выход этой книги особенно важен ввиду предстоящего столетия со дня отмены крепостного права в России. В монографии П. Г. Рындзюнского преимущественно на основе неопубликованных архивных материалов рассматривается социальная история русского города с конца XVIII до середины XIX в связи с разложением феодальной системы и развитием капиталистических отношений. Содержание работы опровергает неправильные утверждения русской дореволюционной и современной зарубежной буржуазной историографии о неорганичности городского развития в России, о его будто бы коренном отличии от соответствующих процессов в Западной Европе и об отсутствии якобы в русских городах освободительного движения. А. В. Фадеев исследовал не изучавшиеся еще советскими историками вопросы дипломатической борьбы великих

ожав на Ближнем Востоке и на Балканах кануне и в период русско-турецкой войн 1828—1829 гг., а также отношение разчных социальных слоев России к указанм событиям.

В вышедшей из печати монографии Б. Кафенгауза «Очерки внутреннего нка России в первой половине XVIII ве» на основе материалов внутренних тажен рассматриваются торговые связи зеро-западного района России (Новгоро- Великого и Петербурга), Москвы как нтра складывавшегося всероссийского нка, Макарьевской ярмарки, а также вопросы торговли между русскими и украинми областями. Большинство статей сборка «К вопросу о первоначальном накоплеи в России (XVII—XVIII вв.)», выпуенного в 1958 г., посвящено изучению жнейшей проблемы отделения непосредвенного производителя, главным образом естьянина, от средств производства и оеобразия этого явления в условиях феольно-крепостнической России. Авторы орника показывают не только имущестнное, но и классовое расслоение сельско- и городского населения.

В сборнике «Вопросы формирования русой народности и нации» освещаются отльные малоизученные проблемы, связанне с образованием русской народности и ции. В статьях сборника много внимания елено историческим условиям формирония и развития русской народности, соально-экономическим предпосылкам обзования русской нации, а также истории сского языка и роли русской литературы формировании нации.

Вышли из печати в 1958 г. монографии С. Волка «Исторические взгляды декаистов» и А. В. Пясковского «Революция 05—1907 годов в Узбекистане». Кроме го, подготовлены и сданы в издательство онографии Э. Э. Крузе «Рабочий класс етербурга в 1912—1914 гг.»; Н. А. Баклавой «Торгово-промышленная деятельность лмыковых»; А. Ц. Мерзона «Рынок Усга Великого во второй четверти XVII в.»; А. Тихонова «Рынок Устюга Великого в —70-х годах XVII в.» (две последние раты будут опубликованы под общим заавием «Рынок Устюга Великого в период ладывания всероссийского рынка VII в.)»); Ю. Р. Клокмана «Очерки соально-экономической истории городов серо-запада России середины XVIII в.»; Ф. Гиндина «Государственный банк и экономическая политика царизма в период капитализма (1861—1892 гг.)»; И. А. Баклановой «Рабочие-судостроители в России в XIX в.». Закончили работу над своими книгами К. В. Сивков («Сельское хозяйство России к концу XVIII в.»), Н. И. Казаков («Россия и национально-освободительное движение народов Балканского полуострова в первой трети XIX в.») и А. М. Станиславская («Англо-русские отношения в конце XVIII — начале XIX в.»).

По разделу «История развития передовой общественной мысли в России» в 1958 г. был опубликован фундаментальный труд А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники (Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI в.)». Основная проблема книги — исследование особенностей русского реформационного и гуманистического движения. Автор показывает, как в середине XVI в. общественная мысль отражала подъем классовой борьбы. В монографии вскрыты социальные корни различных политических учений и отображена напряженная борьба, которую вели русские вольнодумцы с реакционной доктриной воинствующей церкви.

Вышла также монография Ш. М. Левина «Общественное движение в России в 60—70-х годах XIX в.», охватывающая период от Крымской войны до второй революционной ситуации. Книга посвящена исследованию борьбы революционной интеллигенции, а также истории массового крестьянского и рабочего движения в период реформы и в первые пореформенные десятилетия. Автор прослеживает историю общественно-политической борьбы от Герцена и Чернышевского до «Народной воли». В своей книге Ш. М. Левин подводит известный итог достижениям советской науки в области изучения русского освободительного движения разночинно-демократического периода в указанные годы. Закончена и рекомендована к печати монография А. И. Клибанова «История развития гуманистическо-реформационной мысли в России конца XV— начала XVI века». Сдана в издательство монография А. И Андреева «Очерки по источниковедению Сибири» (второе, дополненное и значительно расширенное издание).

В институте в 1958 г. продолжалась исследовательская работа над переходящими темами по данному разделу. Среди них в первую очередь следует назвать следующие. «Советы рабочих депутатов в 1905—

1907 гг.»; «Рабочий класс России во второй период революции 1905—1907 гг.»; «Русско-американские экономические отношения в конце XIX — начале XX в.»; «Русская армия накануне первой мировой войны»; «Борьба классов и партий в России по вопросам внешней политики накануне первой мировой войны»; «Финансовый капитал в тяжелой промышленности России в период первой мировой войны»; «История уральской промышленности в первой половине XIX в.»; «Мануфактура и фабрика в дореформенной России»; «Развитие капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период»; «Народная воля»; «Революционное народничество в начале 70-х годов XIX в.»; «Земля и воля» 60-х годов XIX в.»; «Русская деревня после отмены крепостного права» и др.

Следует подчеркнуть, что институтом еще не созданы обобщающие труды по истории рабочего движения в России в XIX — начале XX в., а также по истории первой русской революции; по-прежнему слабо ведется работа в области вспомогательных исторических дисциплин; не всегда своевременно и далеко не по всем вопросам выступают наши ученые против буржуазных фальсификаторов истории. Обращает на себя внимание и то, что в институте до самого последнего времени недостаточно разрабатывалась такая научная проблема, как исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. Между тем сектор истории СССР периода капитализма, который является одним из наиболее крупных в институте, имеет достаточно сил для того, чтобы активизировать исследовательскую работу по указанной тематике.

Важнейшей задачей Института истории в 1958 г. продолжала оставаться подготовка десятитомной «Всемирной истории». Уже вышли IV и V тома, сданы в издательство VI и VII тома. IV том «Всемирной истории» посвящен эпохе разложения феодализма и зарождения в недрах его капиталистического уклада. В V томе показан процесс становления капитализма. В прошлом году велась также работа по написанию, рецензированию и редактированию материалов VIII, IX и X томов «Всемирной истории».

В 1958 г. была закончена подготовка макета первого тома учебного пособия «Новейшая история стран Западной Европы и Америки (1918—1939 гг.)». Это одна из первых в советской исторической литературе попыток создать обобщающий труд по новейшей истории зарубежных стран в период первого этапа общего кризиса капитализма. Макет в настоящее время обсуждается в вузах и научно-исследовательских учреждениях страны.

Значительные исследования были проделаны в 1958 г. по проблеме «История международного рабочего движения». Сдан в издательство сборник «Очерки по истории международного рабочего движения». В него включены статьи, посвященные борьбе К. Маркса и Ф. Энгельса за единство рабочего движения, вопросам истории I Интернационала, а также рабочего движения в Англии, Франции и Германии. Значительное место в сборнике отведено истории борьбы с ревизионизмом.

В минувшем году вышла монография Х. Гарсиа «Испания народного фронта». Впервые в нашей литературе автор дает полное и яркое изложение истории испанской революции 30-х годов XX века. Работа в значительной мере основана на неопубликованных материалах. Х. Гарсиа анализирует важнейшие проблемы испанской революции, дает запоминающиеся картины героического подвига испанского народа и его коммунистической партии.

Для изучающих историю первой международной организации революционного пролетариата — «Союза коммунистов», а также теоретическую и организационную деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса после революции 1848 г. большой интерес представляет законченная в 1958 г. и рекомендованная к печати монография М. И. Михайлова «Союз коммунистов» после революции 1848 г.».

Подготовлены к печати монографии Б. Р. Лопухова «Борьба трудящихся масс Италии против наступления фашизма в 1920—1922 гг.» и И. Н. Ундасынова «Рабочее движение в Англии в 1929—1932 гг.». Сданы в издательство сборники: «40 лет Ноябрьской революции в Германии»; «Из истории борьбы трудящихся масс Италии»; «Испанский сборник» и монографии: В. С. Дякина «КПГ и проблема единого фронта в годы относительной стабилизации (1925—1926)»; И. Г. Сенкевич «Национально-освободительное движение в Албании в 1908—1912 гг.»; П. В. Жогова «Внешняя политика Германии во время первой балканской войны»; Т. М. Исламова «Политическая борьба в Венгрии в начале XX века (1900—1907 гг.)».

Изданная в прошлом году книга И. Рутенбурга «Народные движения в алии» представляет собой первый обоб-ющий труд по истории городских дви-ений в Италии в период зарождения ран-капиталистических отношений. В работе двергнута критике буржуазная историо-афия и показаны истоки революционных адиций итальянского народа. Основы-ясь на многочисленных источниках, в том сле и на материалах из итальянских ар-вов, автор рассматривает процессы раз-жения цеха, зарождения наемного труда, также условия жизни и первые выступ-ния предпролетариата и его программу.

По проблеме «Происхождение и исто-я второй мировой войны» Г. Н. Сево-ьяновым подготовлена к печати фунда-ентальная монография «Происхождение орой мировой войны на Тихом океане 937—1941 гг.)», представленная в каче-ве докторской диссертации.

По теме «Возникновение и развитие роя народной демократии у народов Ев-пы и Востока» закончены монографии И. Пушкаша «Аграрные преобразования Венгрии (1944—1948 гг.)» и Г. Н. Горош-вой «Движение немецкого Народного нгресса за единство Германии и мирный говор (1947—1949 гг.)».

Известные успехи достигнуты научным ллективом, разрабатывающим историю ериканского континента. Закончено не-олько работ, в частности, первый том ерков по истории США (1492—1917 гг.), м очерков по новой и новейшей истории ексики, доведенный до 1945 года. Кроме го, завершили работу над монографиями И. Бухаров — «Дальневосточная поли-ка США (1953—1955 гг.)» и А. М. Зори-— «Национально-освободительное дви-ение на Кубе в конце XIX века». В теку-ем году вышли в свет монографии: И. Бухарова «Политика США в отноше-и Китайской Народной Республики 949—1953 гг.)», в которой показана рессивная политика США в отношении тайского народа и борьба КНР и СССР мир и ослабление международной на-яженности на Дальнем Востоке; Ф. Иванова «Борьба негров за землю и ободу на Юге (1865—1877 гг.)», рассмат-вающая негритянское национально-осво-дительное движение и проблемы, связан-е со второй американской буржуазной волюцией 1861—1865 гг.; Г. П. Куропят-ка «Захват Гавайских островов США».

Значительное внимание уделялось в 1958 г. исследованиям по переходящим темам всеобщей истории: «Историография второй мировой войны»; «Франция на первом этапе второй мировой войны»; «Англо-американские отношения в период второй мировой войны»; «Рабочее движение в США в период мирового кризиса 1929—1933 гг.»; «История международного рабочего движения»; «Рабочее движение в Испании в 1931—1934 гг.»; «Очерки новейшей истории Австрии»; «Политический кризис в Австро-Венгрии и ее распад в 1918 г.»; «Подъем массового революционного движения в Румынии в 1917—1921 гг.»; «Испания в годы военно-монархической диктатуры Примо де Ривера (1923—1930 гг.)»; «Германия в первые годы фашистской диктатуры (1933—1936 гг.)»; «Борьба венгерского народа за установление и упрочение народно-демократического строя (1944—1948 гг.)»; «Очерки по новой и новейшей истории Аргентины»; «Очерки по новой истории Бразилии»; «Рабочее движение в Германии перед первой мировой войной (1907—1914 гг.)»; «Забастовочное движение в Англии накануне первой мировой войны»; «Парижская коммуна 1871 года» и др.

Однако секторы всеобщей истории института до сих пор еще не организовали по-настоящему изучение истории социалистических идей, международного рабочего движения, в том числе деятельности II Интернационала. Далеко не всегда и не по всем вопросам ведется решительная борьба против буржуазных фальсификаторов истории и современного ревизионизма, не развернута в должной мере критика идеологических основ реакционной историографии Запада.

По проблеме «Возникновение и развитие рабовладельческих отношений в странах Средиземноморья и Востока» вышла монография М. Е. Сергеенко «Очерки по сельскому хозяйству древней Италии» (II в. до н. э. — I век н. э.). В работе рассматриваются вопросы развития садоводства, полеводства, а также животноводства. Кроме того, в 1958 г. были закончены и рекомендованы к печати исследования Ю. Я. Перепелкина «Переворот Аменхотепа IV» и Э. Л. Казакевич «Рабовладение в Афинах в IV в. до н. э. по данным социальной терминологии». Продолжалась работа и по ряду других тем данной проблематики. Однако не всегда исследуются важнейшие

вопросы древней истории. Следует также отметить, что отдельные выполненные уже работы чрезвычайно велики по объему (например, двухтомная монография об Аменхотепе IV); это затрудняет их публикацию.

По теме «Развитие феодальных отношений и народные движения в странах Центральной и Западной Европы» вышла монография А. И. Данилова «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX — начала XX в.». Она посвящена развитию медиевистики в Германии, начиная с «марковой теории» Г. Маурера и кончая концепциями Белова, Каро и Зелигера. Критика буржуазных исторических школ в книге основана на глубоком и творческом анализе источников по социально-экономической истории раннего средневековья в Германии. В прошедшем году закончены также работы А. П. Каждана «Византийская деревня и город на рубеже IX—X вв.» и Б. Т. Горянова «Очерки византийской культуры XIII—XV вв.». Сдан в издательство сборник статей Н. П. Грацианского «Из истории западноевропейского средневековья».

Религия и религиозные организации, как известно, весьма широко используются империалистами в их борьбе против социалистического лагеря. Поэтому разработка истории религии и атеизма в наши дни приобретает особенно важное значение. В 1958 г. вышли монографии М. М. Шейнмана «Ватикан и католицизм в конце XIX — начале XX в.»; М. М. Персица «Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР (1917—1919 гг.)»; Ю. Я. Когана «Просветитель XVIII в. Я. П. Козельский». В книге М. М. Шейнмана на основе архивных и литературных материалов раскрыта реакционная социальная и политическая роль Ватикана, показана эволюция католицизма, рассмотрены вопросы истории христианского социализма и христианской демократии, а также дан анализ политики папства в эпоху империализма и его позиции в годы первой мировой войны. М. М. Персиц в своей книге исследует положение церкви в царской России и ее роль как союзника самодержавия, рисует обстановку, в которой Советское правительство проводило декреты об отделении церкви от государства и школы от церкви. В монографии обстоятельно рассказано о том, как Советская власть впервые в истории обеспечила гражданам действительную свободу совести. Однако в деятельности ученых, занимающихся исследованием истории религии и атеизма, имеются существенные недостатки. Так, многие работы посвящены слишком отдаленным от современности вопросам, в силу чего они недостаточно способствуют разоблачению современных церковных мракобесов.

Значительное место в работе института занимает подготовка и публикация сборников документов и литературных памятников. В 1958 г. вышли в свет такие публикации, как «Революционное движение в России в апреле 1917 г. (апрельский кризис)», «Первые шаги индустриализации в СССР», «Внешние займы царизма (1891—1909 гг.)», «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси» (II том), «Герои и подвиги» (первый том советских листовок Великой Отечественной войны), путеводитель по архиву Ленинградского отделения Института истории. Изданы также следующие литературные памятники: Лукреций «О природе вещей», С. Марешаля «Избранные атеистические произведения», Уриэль Дакоста «О смертности души человеческой» и другие произведения. Кроме того, сданы в издательство сборники документов: «Великая Октябрьская социалистическая революция (Июльская демонстрация. Разгром корниловщины)», «Протоколы Центробалта», «Подготовка условий для массовой коллективизации в СССР (1927—1929 гг.)», «Крестьянская война под предводительством Степана Разина» (т. III), «Революционное движение в России весной и летом 1905 г.» и др.

В течение 1958 г. Институтом истории выпущено двадцать два номера журналов общим объемом в 522 печатных листа («История СССР», «Новая и новейшая история», «Исторический архив», «Вестник древней истории»). Сотрудниками института было написано и частично опубликовано более 150 плановых и внеплановых статей.

Таким образом, всего в прошлом году коллективом института закончено и издано свыше 4 700 печатных листов научной продукции. Однако публикация рекомендованных к печати научных работ очень часто затягивается из-за узости полиграфической базы. В системе Академии наук СССР довольно прочно укоренилась такая практика, когда чуть ли не каждая монография лежит в издательстве АН СССР минимум

а года. Отдельные работы в связи с этим значительной степени утрачивают свою туальность. Часть научной продукции обще годами не издается. Достаточно, пример, напомнить, что из подготовленх в 1958 г. к печати 2 360 авторских лиов в издательский план АН СССР было лючено лишь около 900 авторских листов.

В 1958 г. на Ученом совете института и о четырех секциях был заслушан и обжден ряд интересных научных докладов, том числе: академика М. В. Нечкиной Некоторые основные вопросы истории сотской исторической науки»; члена-корспондента АН СССР Б. Н. Пономарева Об освещении некоторых вопросов истоии советского общества в новой книге История КПСС»; доктора исторических ук А. С. Ерусалимского «О работе коссии историков СССР и Германской Деократической Республики и группы по зучению истории ГДР»; академика Лео Штерна (ГДР) «О съезде немецких исторов в Трире (Западная Германия)»; проессора Вальтера Бартеля (ГДР) «О рзте немецких историков»; члена-корресондента АН СССР А. А. Губера «Об нгло-советской конференции историков»; ктора исторических наук В. И. Шункова О советско-французской конференции сториков»; доктора исторических наук . Н. Соболева «О поездке группы советких историков в ГДР»; кандидата исторических наук И. М. Краснова «Иностранная итература по истории советского общетва и задачи борьбы против буржуазных альсификаторов»; старшего научного соудника Ф. В. Чебаевского «Об организаии и укреплении местных Советов в СФСР в первый год диктатуры пролетаата» и др.

Восемь заседаний Ученого совета было священо обсуждению докторских диссерций, представленных в виде монографий: . К. Алефиренко «Крестьянское движе-е и крестьянский вопрос в России в 30—-х годах XVIII века»; М. А. Барга «Иседование по аграрной истории английого феодализма в XI—XV вв.»; А. И. Далова «Проблемы аграрной истории ранго средневековья в немецкой историограии конца XIX—начала XX века»; К. Житова «Победа Великой Октябрьой социалистической революции в Узбестане»; Н. В. Каменской «Участие белосского народа в разгроме интервентов и логвардейцев и социалистическое строильство в Белоруссии в годы гражданской войны»; И. И. Саладкова «Большевики Белоруссии в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции»; Е. А. Токаржевского «Очерки истории Советского Азербайджана 1921—1925 гг.».

Активизировали свою работу созданные в конце 1957 г. по решению Отделения исторических наук АН СССР при Институте истории научные советы по важнейшим проблемам: «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции»; «История Великой Октябрьской социалистической революции»; «Генезис капитализма у народов СССР, в Европе и на Востоке»; «Генезис и развитие феодальных отношений на территории СССР, стран Европы и Востока». Научными советами были составлены и отпечатаны типографским способом записки по проблемам: «История Великой Октябрьской социалистической революции», «Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции» и «Генезис капитализма у народов СССР, в Европе и на Востоке». Готовятся к печати такие же записки и по другим проблемам.

Значительное количество научных докладов в 1958 г. было заслушано и обсуждено на секторах. Так, в секторе новой и новейшей истории стран Америки было обсуждено шесть докладов: «Русско-американские отношения в первой трети XIX века» (Н. Н. Яковлев); «Историография происхождения «нового курса» Рузвельта в трудах американских буржуазных историков» (В. Л. Мальков и Д. Наджафов); «Распространение марксизма в странах Латинской Америки во второй половине XIX века» (В. И. Ермолаев); «Из истории русско-американских отношений на рубеже XIX и XX вв. (по материалам русских банков)» (А. А. Фурсенко); «Научная деятельность Вильяма Дюбуа» (Р. Ф. Иванов); «Американская историография и происхождение доктрины Хэя» (Н. Н. Болховитинов). В секторе истории социалистического строительства только по аграрной тематике были заслушаны доклады: В. П. Данилова «О характере производственных отношений в доколхозной деревне»; И. Б. Берхина «Кооперативный план В. И. Ленина и его международное значение»; Ю. С. Борисова «Организационно-хозяйственная деятельность Советского государства по руководству колхозами на новом этапе колхозного строя»; М. А. Вылца-

на «Рост колхозного производства во второй пятилетке» и др.

На заседаниях секторов с докладами выступали ученые зарубежных стран, а также историки из других республик или городов. Только на секторе византиноведения, например, в течение года выступили со своими докладами академик Г. А. Острогорский (Югославия) «Византийский город в период раннего средневековья»; профессор Дж. Бошкович (Югославия) «Основные черты сербской средневековой монументальной живописи» и «Раскопки в Старом Баре и Ульцине»; И. Дуйчев (Болгария) «Семь славянских племен»; М. Я. Сюзюмов (Свердловск) «Об особенностях наемного труда в Византии в V—XI вв.» и др.

Усилились связи института с историками союзных и автономных республик. Помимо рецензирования макетов учебников и отдельных монографических и коллективных работ, научные сотрудники института выступали с докладами на местах и принимали там участие в обсуждении ряда научных проблем. Так, в Межреспубликанском научном симпозиуме по аграрной истории Восточной Европы второй половины XVIII — первой половины XIX в. приняли участие академик С. Д. Сказкин, доктора исторических наук К. В. Сивков, Н. В. Устюгов и другие. На научной сессии в Кишиневе с докладом на тему «Из истории общественной мысли в Румынии и Молдавии на рубеже XV—XVI вв.» выступил доктор исторических наук Л. В. Черепнин. На межобластной научной конференции по истории Урала, которая проходила 8 февраля 1958 г. в Свердловске, сделали доклады Н. И. Павленко и А. А. Преображенский. Сотрудники института участвовали также в работе научных сессий, состоявшихся в Баку, Ташкенте и других городах страны.

Значительно расширились в 1958 г. научные контакты с учеными зарубежных стран, что способствовало дальнейшему укреплению взаимопонимания между советскими и иностранными историками, а также более широкому распространению за рубежом правды о советской исторической науке. Участие советских ученых в работе международных научных сессий, конференций и совещаний дало возможность лучше разобраться в различных направлениях западной историографии. Кроме того, использование советскими историками материалов зарубежных архивов и библиотек обогатило их исследования. В прошлом году выезжало за границу для участия в конференциях и съездах, а также для работы в архивах более 30 научных сотрудников Института истории. В свою очередь институт принял у себя свыше 70 иностранных ученых, в том числе около 30 из стран народной демократии.

Как правило, сотрудники Института истории, выезжавшие за границу, выступали там с научными докладами. Так, член-корреспондент АН СССР А. А. Губер выступил на Международном конгрессе востоковедения в Мюнхене. Профессор Л. В. Черепнин прочел доклад в Брюсселе на очередном съезде Международной комиссии по истории представительных и парламентских учреждений при Международном Комитете исторических наук (МКИН). Доктор исторических наук В. Г. Трухановский выступил в Страсбурге на очередном съезде Международной комиссии по истории социальных движений при МКИН. Старший научный сотрудник З. В. Удальцова приняла участие в работе съезда византиноведов в Праге, где ею был прочитан доклад. Л. В. Черепнин и старший научный сотрудник М. Г. Сазина выступили на сессиях по истории советско-румынских связей (Бухарест). Профессор В. К. Яцунский представлял советских историков на VIII съезде польских историков в Варшаве, где сделал доклад. Несколько сотрудников института входили в состав советской делегации на первом советско-английском коллоквиуме, происходившем в Лондоне, где академик Е. А. Косминский, профессор В. М. Лавровский и доктор исторических наук В. Г. Трухановский прочитали свои доклады. Академики М. В. Нечкина и С. Д. Сказкин, профессора Б. Ф. Поршнев и А. Б. Манфред в составе советской делегации участвовали в первом советско-французском коллоквиуме в Париже, на котором выступили с докладами. На международных конференциях и съездах советские историки стремились показать достижения советской науки. В своих выступлениях они противопоставляли точку зрения советской марксистской историографии теориям современной буржуазной историографии.

Институт истории укрепляет дружеские связи с научными центрами стран социалистического лагеря. Так, сотрудники института помогли венгерским историкам в подготовке к изданию произведений Бела Куна. Практическая помощь была оказа

. албанским ученым в подготовке к печа- первого учебника по истории Албании. нститут оказывал содействие также исто- ікам Чехословакии, ГДР, Румынии и ольши.

В 1958 г. был расширен обмен научной іформацией, а также литературой между ветскими историками и учеными других ран, в первую очередь стран народной емократии. Только в журналах «Визан- ийский временник» и «Вестник древней стории», например, были опубликованы ли приняты к печати статьи ученых из ольши, ГДР, Чехословакии, Румынии, енгрии, Болгарии, Югославии, Индии, нглии, Италии, Объединенной Арабской еспублики. Советские историки прини- мают участие совместно с зарубежными учеными в написании коллективных трудов. Расширение научных связей, безусловно, способствовало улучшению исследовательской работы, проводимой институтом.

Перед научными сотрудниками Института истории, как и перед всеми советскими учеными, встала сейчас почетная и ответственная задача всеми силами способствовать претворению в жизнь грандиозных планов, намеченных XXI съездом Коммунистической партии Советского Союза. Нет сомнения в том, что наши историки, руководствуясь марксистско-ленинской теорией и указаниями Коммунистической партии, с честью выполнят свой патриотический долг.

А. М. Синицин

О ПОСТАНОВКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

К ИТОГАМ СОВЕЩАНИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Осуществляемые в настоящее время в на- шей стране в соответствии с историческими ешениями XXI съезда КПСС и указания- ии Центрального Комитета партии карди- альные меры по перестройке высшего и реднего образования направлены на даль- ейший подъем просвещения и культуры, а приближение школы к жизни, к прак- ике коммунистического строительства.

Вынесенные на обсуждение трудящихся езисы ЦК КПСС и Советского правитель- тва «Об укреплении связи школы с жизнью о дальнейшем развитии системы народ- ого образования в стране» получили пол- ое всенародное одобрение и поддержку. Принятый в декабре 1958 г. сессией Вер- овного Совета СССР закон по этому во- росу ознаменовал собой новый этап в раз- итии высшего и среднего образования.

Советская школа сыграла важнейшую оль в осуществлении культурной револю- ии в СССР, способствовала подъему куль- урного уровня трудящихся. В результате оследовательного проведения в жизнь енинской национальной политики все на- оды СССР имеют школу на родном языке, ля них открыт широкий путь к просвеще- ию и культуре. В нашей стране осуще- твлено всеобщее семилетнее обучение, все- тороннее развитие получило среднее, профессионально-техническое и высшее образование. Обеспечен небывалый подъем науки, литературы и искусства.

Важную роль в жизни и деятельности страны сыграли высшая школа и средние специальные учебные заведения. В настоящее время в народном хозяйстве СССР работает около 7,5 млн. специалистов с высшим и средним специальным образованием. Создание этой многочисленной армии специалистов, вышедших из народа и служащих ему верой и правдой, является одним из крупнейших завоеваний Коммунистической партии и Советского государства.

Советский Союз выдвинулся на одно из первых мест в мире в области науки и техники, превзошел наиболее развитые капиталистические страны по темпам и качеству подготовки специалистов. Советская интеллигенция своим самоотверженным трудом в промышленности, на строительстве, транспорте, в совхозах и колхозах, во всех областях хозяйства и культуры успешно участвует в решении задач коммунистического строительства.

Однако, несмотря на все эти достижения, наша общеобразовательная, средняя специальная и высшая школа отстает от требований современности, имеет серьезные недостатки в работе. Главным из них яв-

ляется известный отрыв обучения от жизни, слабая подготовленность оканчивающих школы к практической работе. На нынешнем этапе коммунистического строительства этот недостаток системы народного образования тем более не может быть терпим, ибо перед страной встают все более сложные и ответственные задачи.

Проводимая перестройка народного образования направлена на то, чтобы советская средняя, профессионально-техническая и высшая школа играла более активную роль во всей созидательной деятельности нашего народа. Предстоящее семилетие наряду с мощным развитием экономики будет ознаменовано дальнейшим подъемом социалистической культуры, ростом духовного богатства советского общества, повышением уровня сознательности строителей коммунизма. Поэтому коммунистическое воспитание масс, особенно подрастающего поколения, приобретает в современных условиях исключительно важное значение, становится центральным вопросом деятельности государственных и общественных организаций.

Важная роль в осуществлении этой задачи принадлежит и советской школе. Социалистическое государство строит свою школу так, чтобы она служила народу, давала знания трудящимся, содействовала развитию народных талантов. Наша школа воспитывает подрастающее поколение в духе самых прогрессивных идей, формирует у молодежи коммунистическое мировоззрение — основу подлинно научного познания мира. Как указывается в резолюции XXI съезда КПСС по докладу товарища Н. С. Хрущева, «партийные и советские организации должны обеспечить неуклонное претворение в жизнь всех мероприятий, связанных с перестройкой средней и высшей школы, добиться того, чтобы советская школа тесно увязывала обучение с производством, с практикой коммунистического строительства, готовила всесторонне образованных и сознательных граждан, специалистов средней и высшей квалификации».

В настоящее время в нашей стране развертывается практическая работа по претворению в жизнь мероприятий партии и правительства по перестройке высшего и среднего образования. В этой связи первостепенное значение приобретают высококачественная разработка программ и правильная организация всего учебного дела, точное определение объема дисциплин в тех или иных школах и последовательности их изучения.

В ряду других предметов видное место занимает отечественная и всемирная история. Как организовать изучение этих курсов? Какую последовательность принять в изложении исторических явлений и событий? Каким образом распределить материалы между первым и вторым этапами обучения в средней школе? Что и в каком объеме включить в школьную программу? Все эти и подобные им вопросы глубоко волнуют преподавателей истории в школах и широкий круг советских историков.

В свете этого большой интерес представляет состоявшееся на историческом факультете Московского государственного университета совещание по обсуждению разработанных Академией педагогических наук проектов программ и системы изучения истории в средней школе.

Со вступительным словом на совещании выступил член-корреспондент Академии педагогических наук А. И. Стражев. Он обратил внимание на то, что тезисы ЦК КПСС и Советского правительства о развитии системы народного образования и закон «Об укреплении связи школы с жизнью и развитии системы народного образования» поставили перед средней школой ряд новых задач. Осуществление этих задач, как указывал выступающий, в значительной мере выпадает на долю тех людей, кто занимается воспитанием, привитием марксистско-ленинского мировоззрения в школе, то есть в первую очередь на огромную армию учителей по истории и Конституции СССР.

А. И. Стражев указал далее, что предусмотренная законом Верховного Совета СССР перестройка школы прежде всего исходит из необходимости создания совершенно новой структуры среднего образования, в том числе определения новой системы изучения истории. Самое важное в новой структуре, по мнению выступающего, состоит в том, что среднее школьное образование будет слагаться из двух этапов. Первый этап — 8-летнее обучение и второй — 9-й, 10-й и 11-й классы. Между этими двумя этапами предусматривается некоторый разрыв во времени, ибо значительная часть оканчивающих восьмилетку будет уходить на производственную работу и лишь при наличии известного производственного опыта и стажа сможет продолжать свое образование во втором концентре средней школы.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, А. И. Стражев считает, что изучение истории в 8-летней школе должно иметь скоторый законченный цикл, хотя оно в альнейшем может быть и продолжено. Поэтому, определяя программы исторического образования двух этапов средней школы, по мнению А. И. Стражева, необходимо добиться того, чтобы каждый из них являлся ельным и в известной мере завершенным. ыступающий обратил также внимание на о, что при изучении истории в 5—8-х классах необходимо особо учитывать возрастной остав учащихся, ибо там учитель имеет ело с детьми от 12 до 15 лет. Что касается второго этапа, то для него возрастные собенности не имеют существенного знаения, поскольку туда будут приходить ольшей частью совершеннолетние люди. азница состава контингентов первого и торого концентра средней школы предопрееляет и известное своеобразие в изучении урсов истории. Если для второго этапа ри разработке программ и последователього изложения материалов главное внимаие должно быть сконцентрировано на воросах содержания преподаваемых дисциплин, то на первом этапе в зависимости т возраста учащихся наряду с содержанием ажно проявить особую заботу о форме изложения материалов.

А. И. Стражев напомнил о том, как было организовано преподавание истории в школе до перестройки. На древнюю историю отводилось в общей сложности 100 часов, причем она изучалась в 5-м классе и в ервой половине 6-го. Истории средних веов также уделялось 100 часов (во второй оловине 6-го класса и в 7-м классе). На овую историю планировалось 130 часов, коорые распределялись между вторым полуодием 8-го класса и первым 9-го класса. Іа историю народов СССР отводилось 50 часов, а изучалась она в 8-м, 9-м и 0-м классах. В последний период обучения средней школе включался еще курс новейшей истории объемом в 40 часов.

Что было хорошего в этой прежде существовавшей системе исторического образования?—спрашивает выступающий.— Хорошо о, что в ней последовательно, начиная с ладших классов и кончая старшими, изучалась и всеобщая история и история народов ССР. Поэтому эта система давала довольо высокое историческое образование.

Но у этой системы были и крупные недотатки. Один из них состоял в том, что исторический курс распределялся на 6 лет, с пятого по десятый класс включительно. Начало курса, а именно древнюю историю, изучали дети 11—12 лет, а заканчивали курс 18-летние юноши и девушки. Вследствие этого настоящего научного охвата всего курса у учащихся не получалось. Второй недостаток, по мнению выступающего, заключался в том, что большое количество учащихся уходило в жизнь после 7-го класса. Они оканчивали семилетку лишь со знанием древней и средневековой истории, а истории нашей Родины и истории капиталистического мира, по существу, не знали.

Эту систему, говорил А. И. Стражев, теперь придется изменять, и мы должны думать о том, как это лучше сделать. Он обратил внимание на серьезную ответственность преподавателей истории, ибо прежде всего посредством исторического образования наша молодежь воспитывается в духе патриотизма, познает исторический путь и традиции народов. К выработке новой системы исторического обучения надо подойти ответственно еще и потому, отметил выступающий, что она должна быть рассчитана на длительное время; ее нельзя ломать каждый год. Нужно будет затратить по крайней мере 7 лет для того, чтобы одному поколению пройти через тот курс исторического образования, который будет определен.

Выступающий обратил внимание и на изучение истории в четвертых классах начальной школы. Критикуя недостатки теперешнего учебника по истории для этого цикла обучения, А. И. Стражев вместе с тем считает глубокой ошибкой предложение тех историков и преподавателей, которые ставят вопрос о полной ликвидации преподавания истории в начальной школе. Наличие элементарного исторического курса в 4-м классе важно потому, что именно на этом этапе у детей впервые пробуждается интерес к тому, что такое человеческое общество, возникает интерес к опыту поколений. Поэтому требуется не исключать преподавание истории в начальных классах, а преподносить ее в ярких картинах, содержательно и интересно, живым и образным языком. Окончание начальной школы — это известный перевал в идеологическом воспитании детей, чрезвычайно ответственный и важный. Поэтому, по мнению А. И. Стражева, предложение Академии педагогических наук о прекращении преподавания исторического курса в 4-м классе не имеет

никаких серьезных оснований. Более того, оно способно принести большой вред делу.

Далее А. И. Стражев остановился на планировании исторического образования в восьмилетке. Обращая внимание на то, что имеются разные подходы к решению этого вопроса, разные варианты программ и системы обучения, он стремился подчеркнуть главное в каждом из представленных вариантов.

Авторы первого варианта исходят из того, что в восьмилетке следует давать самые элементарные исторические знания. Они считают, что на этом этапе образования нецелесообразно изучать комплекс исторических дисциплин. Основная линия этого проекта состоит в том, что в 5-м, 6-м, 7-м и 8-м классах необходимо иметь дело главным образом с историей народов СССР. Понимая, однако, что наша Родина развивалась не изолированно от других стран, а в связи и взаимодействии с ними, авторы проекта предусматривают некоторые отрывочные и самые элементарные сведения по истории стран Европы и других континентов.

На первый взгляд данный вариант имеет известные преимущества, ибо предусматривает углубленное изучение истории народов СССР. Однако в действительности, по мнению выступающего, он имеет коренной порок, ибо сводит на нет изучение всеобщей истории. Более того, авторы проекта предлагают изучать всеобщую историю не в систематизированном виде, а посредством отдельных параллельных, синхронических экскурсов: кусок по западноевропейской истории, соответствующий кусок по истории СССР и т. д. Это не даст возможности учащимся представить себе историю зарубежных стран в стройном и последовательном виде, создать у них цельное представление о крупнейших всемирно-исторических явлениях и событиях.

Есть еще один важный, по мнению выступающего, недостаток первого варианта. При изучении истории в этом случае детям пришлось бы переходить от одних, резко отличающихся картин исторического бытия, к другим, например от Западной Европы к Востоку или к истории нашей Родины. Это могло бы затруднить восприятие исторических сведений. Есть и еще одна трудность изучения истории по программе первого варианта. После окончания изучения истории народов СССР в 4-м классе учащиеся, поступив в 5-й класс, должны сразу же вновь начать изучение этого курса, что может в известной мере притупить их интерес к предмету.

К недостаткам первого варианта А. И. Стражев относит и то, что предусматриваемая им растяжка изучения истории народов СССР на 4 года не даст возможности школьнику всесторонне и осмысленно, в цельном виде представить весь исторический процесс, ибо то, что он будет осваивать в 5-м классе, далеко отстоит от изучаемого материала в 8-м классе. Весьма сомнительно в первом варианте и то, что история нашей Родины дается в нем не в своей последовательности, а в переплетении с «элементами» всеобщей истории, что создает путаницу в сознании учащихся.

Затем А. И. Стражев дал характеристику второго варианта программы и системы исторического образования. Этот вариант не ограничивает изучение истории лишь рамками нашей Родины, а преследует цель дать всестороннее историческое образование, хотя и в элементарном объеме. Он исходит из того, что наряду с изучением отечественной истории должна систематически осваиваться история и других стран.

Тем самым будет исключена возможность упрощенчества и схематизма в историческом образовании, которые способен породить первый вариант и тем самым привести к рецидивам ошибочной линии «школы Покровского». Кроме того, при осуществлении второго варианта не придется ломать специализацию и заново готовить учителей по истории, ибо они смогут опереться на ранее накопленные знания и опыт, использовать в известной мере прежде отработанные понятия, образы и т. д. В качестве положительного момента второго варианта А. И. Стражев отмечает и то, что в нем изучение отечественной истории не растягивается на 4 года, как в первом варианте, а сосредоточивается в старших классах — седьмом и восьмом. Это даст возможность учащимся более компактно и концентрированно освоить данный предмет и создаст у них более яркое представление о том, как развивалась наша Родина.

В качестве недостатка второго варианта программы выступающий отмечает прежде всего то, что в нем слишком мало часов отводится на новую историю, даже меньше, чем в первом варианте. С учетом этого недостатка был разработан третий вариант, который значительно увеличивает количество часов на новую историю за счет со-

ращения времени, отводимого на древнюю средневековую историю. Тем самым изучение различных этапов всеобщей истории равновешивается, становится более равномерным. При этом варианте, так же как при втором, предусматривается хронологический принцип изучения материалов. По классам изучение материалов распределяется так. В 5-м классе и в первом полугодии 6-го класса проходится древняя и средневековая история. Во втором полугодии 6-го класса начинается изучение истории народов СССР и продолжается изучение всеобщей истории, а именно новой истории. При этом авторы данного варианта считают, что всеобщую историю нужно давать не в элементах, не в извлечениях, как это предусматривал первый вариант, а в виде последовательной системы знаний, охватывающих главные события истории различных стран и народов.

Авторы третьего варианта обращают внимание на то, что они отводят значительно больше времени на изучение истории народов СССР и новой истории по сравнению с древней и средневековой историей, количество часов на которые в отличие от второго варианта урезывается. Если во втором варианте на отечественную и новую историю отводится сравнительно мало времени, то в третьем варианте соотношение часов между древней и средневековой историей, с одной стороны, и историей народов СССР и новой историей—с другой, выглядит соответственно как 1,5 и 2,5. Исходя из этого, выступающий считает, что третий вариант является наиболее удачным из всех.

Затем А. И. Стражев остановился на организации изучения истории во втором концентре средней школы. Этот концентр, по его мнению и мнению авторов всех проектов, должен остаться в таком же виде, как был прежде. Иначе говоря, в 9-м, 10-м и 11-м классах должна изучаться новая и новейшая история и история народов СССР, как это было до сих пор в 8-м, 9-м и 10-м классах. К этой основной линии, разделяемой авторами всех трех проектов, имеются некоторые поправки, что определяется различием ранее охарактеризованных вариантов. Поскольку, например, первый вариант не предусматривает в 8-летней школе систематического изучения древней и средневековой истории, постольку авторы этого проекта предлагают включить данные курсы в программу второго этапа средней школы наряду с новой, новейшей и отечественной историей. Сторонники второго и третьего вариантов выступают против этого, ибо они предусматривают изучение древней и средневековой истории на первом этапе среднего образования. Высказывалось пожелание и о том, чтобы накануне изучения новой, новейшей и отечественной истории во втором концентре предусмотреть некоторое время на введение к этим курсам для освежения в памяти учащихся сведений по древней и средневековой истории.

В обсуждении сообщения А. И. Стражева принял участие научный сотрудник Академии педагогических наук Ф. П. Коровкин. Прежде всего он обратил внимание на то, что закон о перестройке школы не требует законченного образования в восьмилетке, рассматривая ее лишь как первый этап. Поэтому, как считает он, 8-летний школьный план по истории, как и по другим предметам, нельзя рассматривать изолированно от последующего этапа обучения. Его необходимо рассматривать во всей совокупности курса обучения в 11-летней школе. Вместе с тем, как отмечал выступающий, нельзя не учитывать и того, что второй этап обучения в средней школе для многих учащихся наступит не сразу после первого этапа; между ними неизбежен и определенный перерыв. Многие после восьмилетки будут получать профтехническое образование и смогут возвращаться для продолжения обучения в школе лишь через 2—3 года. Не исключено и то, что у ряда лиц гражданское совершеннолетие наступит прежде, чем они начнут учиться в 11-летней школе. Вследствие этого 8-летняя школа, хотя она и не в состоянии дать полного исторического образования, тем не менее должна обеспечить известную политическую, гражданскую подготовку своих воспитанников, в том числе известный минимум сведений и по вопросам истории.

Отсюда Ф. П. Коровкин считает совершенно обязательным, чтобы в 8-летней школе учащиеся получали достаточные знания по отечественной истории. В этом он видит то общее, что присуще всем представленным на обсуждение вариантам программ и системы исторического образования. Но наиболее отчетливо, по мнению Ф. П. Коровкина, данная линия выражена в первом варианте. Этот вариант исходит из того, что в основе исторического образования в советской школе должно быть изучение истории народов СССР. Изучение отечественной истории предусматривается им как

систематический курс, а всеобщей истории — как эпизодический, не преследующий цель дать всестороннее представление о ней, позволяющий ознакомить учащихся лишь с некоторыми картинами, с известными параллелями из этой области при изучении курса истории народов СССР.

Во втором варианте, как утверждает выступающий, также на первом плане находится изучение истории народов СССР. Но в то же время этот вариант предусматривает систематическое изучение древней и средневековой истории в восьмилетке, причем это мыслится не как освоение некоторой суммы исторических картинок и случайно почерпнутых впечатлений, имен и лиц, а в определенной, строго последовательной связи. Одной из положительных особенностей этого варианта выступающий считает и то, что он создает известный простор для изучения истории народов СССР и новой истории в старшем концентре, отводя на эти курсы большее количество часов. Характеризуя третий вариант системы исторического образования, Ф. П. Коровкин считает, что он есть нечто среднее между первым и вторым вариантами.

В заключение выступающий говорил о том, что определение системы исторического образования является чрезвычайно важным и ответственным делом. Мы должны, подчеркнул он, рассчитывать ее действие минимум на 10—15 лет, а уже это само по себе предъявляет высокие требования к составителям. Помимо трудностей как для учителей, так и для учащихся при переходе от одной системы обучения к другой, такого рода ломка связана с большими затратами средств на новые учебники и учебные пособия. Поэтому при определении системы исторического образования требуется заботиться не только о ближайшем будущем, но и об отдаленной перспективе.

Следующим в обсуждении представленных проектов выступил академик М. Н. Тихомиров. Мне хотелось бы высказаться по этому вопросу не как ученому, сказал он, а как педагогу, много лет проработавшему в разных видах школы. Он обратил внимание на то, что разработанная Академией педагогических наук система изучения истории в школе произвела на него крайне тяжелое впечатление. Мне кажется, подчеркнул выступающий, что представленные проекты были подготовлены механически, с помощью ножниц и клея, путем сокращения и урезывания вузовской программы. А если это так, то проведенная работа не могла увенчаться и не увенчалась успехом.

Далее М. Н. Тихомиров разобрал многие более или менее важные погрешности и ошибочные положения в представленных проектах программ, обращая внимание на ряд непоследовательностей, недомолвок и т. д. Критикуя шероховатости программ, выступающий обратил внимание присутствующих на то, что они наполнены загадками, которые могут быть понятны только их составителям. При этом он подчеркнул, что программы должны быть ясны и понятны преподавателю средней школы, в них требуется четко расшифровать то, с чем он должен обращаться к учащимся, в какой последовательности призван излагать факты и события. Без этого перечисление тех или иных тем не принесет пользы ни преподавателям, ни учащимся.

Академик М. Н. Тихомиров особо подчеркнул, что рассматриваемые проекты программ ни в коем случае нельзя одобрить, а тем более окончательно утвердить. Работать в Академии педагогических наук, говорил он, — это значит прежде всего быть педагогами. Разумеется, нельзя всем сотрудникам Академии претендовать на эрудицию Макаренко, но квалифицированными педагогами, понимающими интересы, цели и задачи средней школы, разбирающимися в методике преподавания, они обязаны быть. Однако этого не видно из представленных проектов программ.

Затем М. Н. Тихомиров дал оценку представленных вариантов системы изучения курса истории, отметив прежде всего, что первый вариант является совершенно непригодным. Не давая систематических знаний по всеобщей истории, ограничиваясь лишь известными экскурсами в ее область, этот вариант противоречит строению детского ума и лишь может вызвать сумятицу в сознании школьника. Этот вариант, как заявил выступающий, является замаскированной формой возвращения к «Обществоведению» Вольфсона, которое в свое время было осуждено. Если Коммунистическая партия и Советское правительство своим известным постановлением 25 лет назад восстановили историю как науку в системе образования и тем самым оказали огромную помощь в развитии исторических знаний в нашей стране, то авторы первого варианта, по существу, исходят из выдвинутой ими перспективы упразднения истории, во всяком случае всеобщей истории, ибо под-

няют подлинно историческое образование кими скоропалительными и ничего не да- цими экскурсами в прошлое тех или иных ран и народов.

М. Н. Тихомиров говорил и о том, что в етней школе требуется давать системати- ский курс исторических знаний, несмотря то, что изучение истории и не заканчи- ется на данном этапе. Это необходимо по- му, что большое количество детей после летнего обучения не будет сразу прохо- ть обучение во втором концентре, а неко- рые, может быть, и вообще не станут его родолжать. М. Н. Тихомиров считает не- бходимым в 8-летней школе давать уча- имся полное представление об истории ародов СССР, а в 9—11-х классах вновь звращаться к этому, но уже более углуб- енно, сосредоточивая главное внимание не а проблемах древности, а на современ- ости.

В заключение академик М. Н. Тихомиров новь обратил внимание на то, что проекты рограмм по истории должны быть непре- енно переработаны с тем, чтобы они соот- етствовали требованиям повышения исто- ических знаний учащихся.

Выступивший затем доктор исторических аук А. В. Фадеев указал на то, что хотя ервый и второй этапы средней школы не тгорожены друг от друга глухой стеной, ем не менее необходимо отдавать отчет в ом, что многие люди будут заканчивать вое образование в 8-летней школе. Поэтому н считает целесообразным давать оканчи- ающим восьмилетку всестороннее представ- ение не только об отечественной истории, о и о всемирной истории. В этой связи, по нению А. В. Фадеева, первый вариант про- раммы не выдерживает никакой критики. реподавать систематический курс истории ародов СССР лишь с элементами всеоб- ей истории, как это предусмотрено в пер- ом варианте, это значит возвращаться к орочной и давно осужденной системе. ключение элементов всеобщей истории в урс истории народов СССР не только не оможет делу познания исторических явле- ий и событий, но, наоборот, создаст пута- ицу и мешанину, затруднит работу учителя в конечном итоге нанесет ущерб истори- ческому образованию подрастающего поко- ения.

Что касается второго и третьего вариан- ов, то, по мнению А. В. Фадеева, в них сть рациональные стороны, которые при альнейшей доработке проектов позволят создать действительно полноценную систему исторического образования. Он считает, что как история народов СССР, так и всеобщая история должны преподаваться в 8-летней школе в виде самостоятельных курсов, хотя и неодинаковых по объему.

А. В. Фадеев предлагает в 5-м классе ⅔ времени, отведенного на изучение истории, уделять всеобщей истории и ⅓ — отечественной. В 6-м классе на изучение материалов всеобщей истории выступающий рекомендует отводить половину всего времени, то есть как и на историю народов СССР. В 7-м классе, по соображениям А. В. Фадеева, должны уже преобладать материалы по отечественной истории. Здесь на это должно быть затрачено приблизительно ⅔ времени, а на всеобщую историю — ⅓. В 8-м классе почти все время, а именно ¾ его, выступающий считает необходимым уделять изучению истории народов СССР, причем, по его мнению, в этом классе следует изучать историю советского общества. Примерно ¼ времени стоит отводить изучению новейшей истории.

А. В. Фадеев поддержал предложение А. И. Стражева о том, что в 4-м классе начальной школы должен быть сохранен элементарный курс отечественной истории. В заключение он обратил внимание на важность для повышения уровня исторического образования в школе создания полноценных учебников. Без таких учебников, подчеркнул он, все наши, даже самые лучшие варианты программ и системы исторического образования не будут ничего стоить. Поэтому наряду с разработкой этих документов Академия педагогических наук и другие заинтересованные учреждения должны незамедлительно и всерьез развернуть работу по подготовке новых учебников по истории для средней школы, обратив внимание и на их структуру, и на содержание, и на форму и стиль изложения материалов.

Академик Б. А. Рыбаков в начале своего выступления отметил то, что он концентрирует свое внимание на системе исторического образования, поскольку она еще не определилась. В этой связи еще преждевременно всерьез обсуждать содержание представленных программ, ибо изменение структуры обучения неизбежно скажется и на программах. Задачи изучения истории очень сложны, подчеркивает выступающий, они не ограничиваются накоплением знаний к экзаменам. То, что ученики получат в средней школе, с этим они пойдут в жизнь.

если им не представится возможность поступить на исторические факультеты вузов. Поэтому Б. А. Рыбаков, как и другие выступающие, считает чрезвычайно важным известную цельность и законченность исторического образования на каждом этапе обучения в средней школе. Это, как подчеркивает он, должно быть аксиомой.

Переходя к характеристике представленных вариантов системы исторического образования, Б. А. Рыбаков, так же как и другие участники совещания, не одобрил предложения авторов первого варианта об отрывочном, эпизодическом изучении всеобщей истории в 8-летней школе. Тем не менее он считает возможным сочетать изучение всеобщей истории с изучением истории народов СССР, показать существо и многообразие исторических процессов в мире в связи с историческим опытом нашей Родины. При этом он обратил внимание на то, чтобы его не понимали как защитника социологизма. Я боюсь опасности возрождения покровщины, говорит Б. А. Рыбаков, что проявляется в отдельных выступлениях историков, в попытках полностью реабилитировать «школу Покровского». Эта тенденция крайне опасна, и с ней необходимо бороться. Предлагаемые варианты системы исторического образования, по мнению выступающего, дают возможность для осуществления такой борьбы.

Главное внимание при изучении истории, по мнению Б. А. Рыбакова, должно быть направлено на создание у учащихся представления о единстве исторического процесса. Он говорил о том, что не следует слишком резко разделять историю на древнюю, средневековую и новую, ибо провести демаркационные линии между ними в применении к отдельным странам и народам — дело довольно трудное. Эти линии будут искусственны и не всегда нужны. Выступающий предложил не обращать столь пристального внимания на разделение истории по периодам, как это обычно делалось, а рассматривать исторический процесс в подробностях там, где это возможно и необходимо, и в виде общих картин там, где нет такой необходимости. Тогда будет возможно изучить исторический процесс в целом и довести изучение до сегодняшнего дня. При этом академик Б. А. Рыбаков предложил организовать изучение исторических дисциплин таким образом, чтобы к концу 8-го года обучения дать учащимся завершенное представление об историческом процессе. Выступающий, далее, поддержал предложение ряда других товарищей о необходимости создания высококачественных учебников и наглядных пособий, а также методических разработок по истории, ибо без этого невозможно вести полноценное преподавание.

Доктор исторических наук И. С. Галкин в начале своего выступления сделал несколько критических замечаний по представленным проектам программ, обратил внимание на то, что они, по его мнению, составлялись в тиши методических и других кабинетов Академии педагогических наук и не учитывают в должной мере потребностей действительного преподавания истории в школе, плохо отражают подлинное положение в этой области. Он говорил при этом и о том, что весьма важна не только форма, но и глубокое содержание программ.

Методика, отметил выступающий, — великое дело, искусство преподавания — великое дело, но прежде всего от преподавателя требуется знать, что он преподает, о чем должен вести речь перед учащимися. Однако представленные варианты программ, как указал И. С. Галкин, меньше всего обращены в эту сторону. Выступающий говорил также о том, что Академия педагогических наук не привлекла к разработке проектов программ работников других исторических учреждений: исторического факультета Московского государственного университета, Института истории АН СССР, ряда педагогических институтов и т. д.

По мнению И. С. Галкина, есть еще один весьма существенный дефект программ, а вместе с тем и предлагаемой системы исторического образования. Как указал он, представленные проекты в известной мере нацелены на свертывание изучения истории, как и гуманитарного образования в целом. В то время, когда партия и правительство обращают внимание на важность общественных дисциплин, такой курс работников Академии педагогических наук по меньшей мере выглядит странным. Мы не только не имеем права суживать общее гуманитарное образование нашего молодого поколения, но должны всячески заботиться о его расширении и лучшей постановке.

Обращаясь к представителям Академии педагогических наук, И. С. Галкин сказал: «Раз вы занимаете должное место, будьте добры доказать, как это подобает, что ис-

рия есть наука, да еще такая наука, ко-рая в значительной мере формирует знание и идеологию молодого поколения, следовательно, сумейте доказать, чтобы стория заняла соответствующее место сре-и других школьных дисциплин».

Переходя к характеристике вариантов рограмм и системы исторического образо-ания, выступающий, как и предыдущие раторы, резко отрицательно оценил первый ариант. «Я не только не могу согласиться этим вариантом,— говорил он,— но меня росто в дрожь бросает от него, как чело-ека, который в свое время близко стоял к редней школе. Трудно даже говорить о озможностях исправления этого варианта, бо он порочен в своей основе. Перечеркни-е этот проект, выбросьте его скорее,— за-вил И. С. Галкин, обращаясь к авторам ервого варианта,— и чем скорее вы это делаете, тем больше принесете пользы ис-орическому образованию».

Указывая на важность изучения отече-твенной истории, которая, по мнению вы-тупающего, должна занимать первостепен-ое место, И. С. Галкин вместе с тем ре-омендовал обеспечить хорошую постановку зучения всеобщей истории в школе, при-ем, как он полагает, учащиеся, даже на ервых этапах обучения, в состоянии разо-раться в явлениях всеобщей истории. Это-о можно добиться, если материал будет реподноситься школьникам в доступном и щательно продуманном виде, путем систе-атического, цельного изложения, а не по-редством выхватывания отдельных фактов фактиков из тех или иных этапов разви-ия человеческого общества.

Подобно другим выступающим, И. С. Гал-ин считает целесообразным, чтобы древняя средневековая история изучалась в систе-атизированном и строго последовательном иде на первом этапе средней школы. Он тстаивал правомерность второго варианта истемы исторического образования.

Выступающий высказал несогласие с не-оторыми соображениями академика . А. Рыбакова. По его мнению, их осуще-твление могло бы повести к смешению со-ытий одного периода с событиями другого, дной формации с другой, что чревато не-риятными последствиями. В самых небла-оприятных случаях это может привести к арушению историчности и в конечном ито-е мешать лучшей постановке исторического бразования.

Кандидат исторических наук П. П. Е п и-ф а н о в в своем выступлении отметил, что работа по перестройке школы только начинается и что историки, как и другие представители советской науки, должны внести свой вклад в это дело, помочь осуществить ее в короткие сроки и на высоком уровне. Одним из выражений отрыва школы от жизни, по мнению выступающего, было то, что преподавание предметов было оторвано от развития наук, от работников научных учреждений. Оратор говорил далее о том, что обсуждение тезисов ЦК КПСС и Советского правительства о перестройке школы и принятие закона Верховным Советом СССР по данному вопросу дали толчок к тому, чтобы уничтожить этот разрыв, сблизить школу с жизнью, обеспечить тесную связь средней школы с высшей.

Выступающий отметил, что преподавание истории в школе должно представлять собой всестороннее, глубокое и обстоятельное изложение коренных положений и материалов исторической науки, а не быть лишь иллюстрациями, картинками, эпизодами, отдельными случайно извлеченными из цепи исторических событий фактами. Если не соблюсти этих важнейших требований, подчеркивает П. П. Епифанов, то можно скатиться к установкам «школы Покровского» и тем самым нанести огромный ущерб делу исторического образования и самой исторической науке.

Критикуя первый вариант проекта программ по истории, П. П. Епифанов обратил внимание на то, что авторы этого проекта пытаются толкнуть изучение данного предмета на путь субъективизма, то есть, иначе говоря, на путь приукрашивания реальной действительности. Преподавание истории в средней школе должно быть предметным, всесторонне аргументированным и систематическим. Это является, по мнению выступающего, обязательным условием успешного формирования коммунистического мировоззрения подрастающего поколения. Он подчеркнул и то, что в процессе преподавания исторических дисциплин должна соблюдаться строгая хронологическая последовательность.

Выступающий подверг критике некоторые соображения академика Б. А. Рыбакова. Хотя внешне, по мнению оратора, эти соображения выглядят убедительно, так как предлагается сосредоточить внимание на всестороннем изучении общественных формаций, но в действительности дело обстоит не так гладко, ибо смена общественных фор-

маций в различных странах сильно разнилась в сроках, причем эта разница в ряде случаев измеряется даже не веками, а тысячелетиями. Ни для кого не секрет, что наряду со странами, у которых имели место рабовладельческая и феодальная формации, существовали народы, общественное развитие которых значительно отставало. Если исходить из выдвинутого Б. А. Рыбаковым принципа, получится резкое нарушение хронологии в рамках того или иного этапа общественно-экономического развития. Выступающий также говорил о том, что в ходе преподавания истории должна соблюдаться синхронность исторических знаний. А это может быть достигнуто лишь таким построением курса, который оправдал себя десятилетиями в деятельности советской школы.

П. П. Епифанов поддержал предложение академика М. Н. Тихомирова о создании полноценных учебников по истории для средней школы. Чтобы дело поставить действительно солидно, требуется обеспечить подготовку и новых программ и учебников, написанных в соответствии с программами, специально для определенного вида обучения. Как и другие выступающие, оратор считает неправильной существовавшую прежде практику, когда программы по истории в средней школе фактически копировали программу высшей школы, отличаясь лишь незначительными изменениями. Они представляли по существу своему сокращенный и ухудшенный вариант вузовских программ. А между тем в средней школе свой контингент учащихся, свои условия и особенности обучения, свои задачи. Поэтому при осуществлении перестройки исторического образования следует обратить внимание и на этот вопрос. Требуется обстоятельная, вдумчивая, ответственная работа в этом направлении, которая призвана обеспечить тщательный отбор исторических явлений и событий, их глубокую оценку и целесообразное планирование их изучения в процессе прохождения курса.

Что касается новых учебников по истории, то П. П. Епифанов считает необходимым наличие самостоятельных курсов для различного типа школ, предлагает дифференцированно подойти к решению этого вопроса. Они не должны представлять собой различные варианты одного учебника, в той или иной мере удлиненного или укороченного, а должны создаваться заново для каждого вида обучения с учетом специфики тех или иных школ, а также возрастного состава учащихся. По его мнению, необходимо также разработать особые, отличные от стационарных школ учебники и учебные пособия для заочников, ибо условия обучения в одном и в другом случаях сильно разнятся.

П. П. Епифанов остановился далее на характеристике представленных проектов системы высшего образования и, как другие ораторы, подверг критике первый вариант. По мнению выступающего, более или менее приемлем второй вариант, но и он, с его точки зрения, не может быть принят как окончательный, ибо нуждается в серьезной доработке. Наиболее неудачным во втором варианте, как указывает П. П. Епифанов, является планирование изучения курса истории народов СССР. Если при изучении древней и средневековой истории обеспечивается необходимая систематичность и последовательность, то этого, по его мнению, нельзя сказать относительно курса отечественной истории. П. П. Епифанов считает неудачным также во втором варианте предлагаемую постановку изучения новой и новейшей истории.

В заключение выступающий остановился на вопросах изучения истории во втором концентре средней школы. Он считает необходимым на данном этапе изучать историю КПСС и советского общества, причем на значительно более высоком уровне, чем это предусматривается историческим образованием в начальных классах средней школы. Что касается всеобщей истории, то, по мнению выступающего, на последнем этапе необходимо изучать новейшую историю, в том числе историю народов Азии, Африки и Америки, чтобы всесторонне подготовить учащихся к сознательному восприятию мира.

Кандидат исторических наук А. Г. Бокщанин в своем выступлении обратил внимание на то, что, решая вопрос о преподавании истории в школе, как и других дисциплин, мы должны думать не только и не столько о подготовке будущих студентов вузов, в составе которых сразу после окончания среднего образования окажется сравнительно небольшой процент учащихся, а прежде всего заботиться о культурном кругозоре наших будущих советских граждан—строителей нового общества. Как подчеркнул выступающий, это налагает особую ответственность на работников исторического фронта при разработке программ и определении системы исторического образования.

Выступающий обратил внимание также на необходимость увеличения объема препо-

вания исторических дисциплин в школах, скольку они играют большую роль в вос- тании подрастающего поколения. При ом А. Г. Бокщанин сравнивает положе- ие истории среди общественных наук с м, какое место занимает математика сре- и технических дисциплин. Так же, как льзя изучать технические науки без зна- я математики, без освоения истории, по нению оратора, нельзя плодотворно и об- оятельно познавать другие общественные уки. В этой связи А. Г. Бокщанин отме- л, что отсутствие 25 лет назад препода- ания истории в школе привело к резкому адению общего культурного уровня мно- х граждан, которые учились в ту пору.

Переходя к оценке представленных ва- антов программ и системы исторического бразования, А. Г. Бокщанин отметил, что х нельзя еще рассматривать всерьез, ибо ни не могут быть приняты даже в первом риближении. Они представляют собой ишь элементарные наброски, которые нуж- аются в коренной переработке. Давая от- ицательную оценку первому варианту и оглашаясь в этой связи с предыдущими вы- ступающими, А. Г. Бокщанин считает, что и ругие варианты не отражают в полной ме- е необходимых требований. Он говорил акже о том, что представленные варианты рограмм, как и прежние программы по стории в средней школе, в сущности пред- тавляют собой сокращенные варианты про- рамм высшей школы. Уже одно это, по его нению, свидетельствует о том, что их необ- одимо кардинально перерабатывать.

Подобно многим другим выступающим, ратор считает необходимым сохранить пре- одавание отечественной истории в виде пециального предмета в 4-м классе началь- ой школы. Он решительно восстал против опыток встать на рельсы социологизма в реподавании истории, что, по сути дела, редлагают авторы первого варианта про- раммы, и настаивает на том, чтобы изла- ать историю предметно, систематически и оследовательно. Особо останавливается . Г. Бокщанин на преподавании отече- твенной истории в восьмилетке, подчерки- ая при этом ту мысль, что уже на данном апе обучения учащиеся должны получать омплекс исторических знаний, который по- волил бы им сознательно разбираться в стории нашей Родины.

Доктор исторических наук С. Ф. Найда в своем выступлении отметил, что пере- ройка школы на новых началах не долж- на создать представления о том, что все старое было у нас плохо. Говоря о новом, выдвигая по-новому целый ряд вопросов и фактически коренным образом в ряде случаев меняя постановку дела, мы ни в коем случае не должны клеймить прошлое, ибо в нем было много ценного. Выступающий решительно возразил против заявлений отдельных лиц, которые, одобряя намеченные мероприятия по перестройке школы, пытаются очернить и перечеркнуть все то, что имелось в области среднего образования до настоящего времени. Это было бы, подчеркивает С. Ф. Найда, неправильно и вредно и означало бы, по существу, нарушение исторического подхода к оценке явлений и событий.

Мы с полным правом можем гордиться и действительно гордимся нашей школой. То, что достигнуто в СССР, решительно превосходит уровень образования в буржуазных странах, а в ряде случаев не идет ни в какое сравнение с положением в них, не говоря уже о том, что принципы обучения в Советском Союзе, его идейная направленность в корне противоположны тому, что имеет место в лагере империализма. В этой же связи выступающий говорил и о том, что при разработке теперешней системы исторического образования необходимо взять и творчески применить в новых условиях все лучшее, что есть в опыте прошлого.

Как и другие выступающие, С. Ф. Найда подверг критике первый вариант программ и системы исторического обучения и поддержал второй вариант. Игнорирование в первом варианте вопросов всеобщей истории, по его мнению, свидетельствует о неправильном представлении авторов программы о воспитательном значении различных разделов исторических знаний. Вполне естественно, что первостепенную роль в воспитании юношества играет изучение отечественной истории. Однако из этого не следует, что познание всеобщей истории не имеет значения в воспитании и образовании подрастающего поколения. В недопонимании данного вопроса, по мнению выступающего, и заключается основной порок первого варианта, который сводит дело лишь к изучению истории народов СССР и игнорирует всеобщую историю. Второй вариант исправляет ошибки первого и наряду с освоением истории народов СССР предусматривает систематический курс всемирной истории.

Значительное место в своем выступлении

С. Ф. Найда уделил вопросу о месте истории в системе других наук в средней и высшей школе. Наряду с курсом на повышение роли технических и естественных наук, что является вполне закономерным в современных условиях, необходимо решительно усиливать роль общественных наук, в том числе и истории. Выступающий подверг критике некоторые нездоровые, по его мнению, тенденции, имевшие место среди отдельных работников Министерства просвещения и Академии педагогических наук, как и Министерства высшего образования, направленных на упразднение или резкое свертывание социально-экономических наук, в том числе и истории. В этой связи он считает весьма неудачным выступление заместителя министра высшего образования В. Н. Столетова, который в дискуссионной статье в период подготовки к XXI съезду высказал неправильные соображения о месте социально-экономических наук в вузах. Не случайно эта статья получила осуждение на ряде кафедр.

В заключение С. Ф. Найда остановился на подготовке новых учебников по истории. Создание авторских коллективов по написанию учебников и учебных пособий— дело чрезвычайно ответственное. Необходимо устранить какие бы то ни было случайности в нем, подбирать для этого наиболее квалифицированных историков, хорошо знающих условия и специфику работы школы. К решению этого вопроса требуется привлечь не только сотрудников Академии педагогических наук, но и историков из других научных учреждений и учебных заведений, а также опытных преподавателей истории средней школы.

Кандидат исторических наук А. М. Сахаров в начале своего выступления говорил о том, что перед составителями новых программ по истории в средней школе стояли объективные трудности. Одна из них не новая и связана с возрастными особенностями учащихся. Дело в том, что, во-первых, исторические явления и события необходимо излагать в хронологической последовательности. С другой стороны, требуется учитывать, что материалы древней истории, рабовладельческого общества и феодализма более трудны для освоения в младшем возрасте.

Вторая трудность возникла в связи с перестройкой средней школы и состоит в том, что при сохранении общего количества часов на историю необходимо разделить изучаемые материалы по двум этапам, по двум концентрам, и в соответствии с этим, волей или неволей, сократить объем времени для освоения той или иной проблемы на том или ином этапе обучения.

Выступающий затем дал оценку первого варианта программ, представленного Академией педагогических наук. Главное, что, по его мнению, не учитывает этот проект, заключается в том, что учащиеся должны ясно знать, что им преподают. «Как историк народов СССР, в узком, утилитарном смысле, я должен бы был,— заявил А. М. Сахаров,— выступать за первый вариант, поскольку в нем отводится больше часов на отечественную историю. Тем не менее на эту позицию встать нельзя, ибо следует заботиться и об изучении истории в целом. Наряду с систематическим курсом по истории народов СССР, несомненно, необходим цельный курс и по всемирной истории».

А. М. Сахаров останавливается далее на качестве имеющихся учебников по истории СССР и задачах создания новых учебников. Имеющиеся учебники, говорил он, способны скорее пробудить устойчивое и прочное, на всю жизнь, отвращение к истории, нежели вызвать живой интерес к ней. Они скучны, схоластичны и, по существу, являются худосочными конспектами учебников высшей школы. Эти учебники во многих случаях созданы в период борьбы с установками «школы Покровского», когда для советских историков было важно сконцентрировать внимание на уточнении общих концепций в оценке явлений и событий. И поэтому на этом пройденном этапе учебники страдали недостаточностью конкретных материалов, живых и ярких фактических данных. Однако с той поры минуло уже много лет, а дело радикально не изменилось. Поэтому существующие ныне учебники не могут удовлетворять предъявляемым требованиям. Как подчеркнул оратор, ныне речь должна идти не только о том, чтобы создать обстоятельно и глубоко разработанные программы, но и заново написать на более широкой документальной базе полноценные учебники и учебные пособия, яркие по форме и глубокие по содержанию.

В заключение А. М. Сахаров высказал несогласие с соображениями П. П. Епифанова о необходимости дифференцированных учебников для разных типов школ. По его мнению, нужно дифференцировать не учебники, а преподавание, методы обучения, но в основе оно должно быть единым, а эту

иную основу может дать не только еди-
я программа, но и наличие единого
ебника.

Выступивший затем профессор Г. А. Но-
цкий поддержал второй вариант про-
амм, считая, что он наиболее удачно
ражает задачи и интересы исторического
разования в средней школе. Однако, по
о мнению, этот вариант также нуждается
доработке. Прежде всего, по мнению вы-
ступавшего, необходимо расширить коли-
ство часов, а следовательно, и изучаемые
териалы по новой и новейшей истории в
летней школе, поскольку в течение ряда
т эта школа будет единственным источ-
ком исторических знаний для значитель-
го числа советских юношей и девушек.
частности, он считает совершенно недо-
аточным количество часов, отводимых во
ором варианте программ на историю
ран Востока. В современных условиях,
гда Китай, Индия, Вьетнам и другие во-
очные страны приобретают все более
жное значение на международной арене,
кое положение с изучением стран Во-
ока могло бы выглядеть по меньшей мере
ранным.

Касаясь, далее, в своем выступлении во-
роса о создании новых учебников и учеб-
ых пособий по истории для средней шко-
ы, Г. А. Новицкий подчеркнул, что этот
опрос чрезвычайно сложен и его нельзя
ешать скоропалительно. Он предложил
бсудить данный вопрос на специальном со-
ещании, а может быть, на нескольких со-
ещаниях, с привлечением широкого круга
сторикoв и преподавателей средней школы.

Выступивший на совещании доктор исто-
ических наук В. Д. Блавацкий при-
единился к предыдущим ораторам в от-
ошении критической оценки первого ва-
анта программы и одобрительно
тозвался о втором варианте. Он считает,
то разработке программ и системы исто-
ического образования необходимо уделить
ачительно больше внимания, чем было до
их пор. По мнению оратора, было бы целе-
образно выступление в печати предста-
ителей Ученого совета исторического фа-
ультета МГУ с обоснованием тех точек
ения, которые разделяются большинством
сторикoв и преподавателей. Он считает
обходимым также резче подчеркнуть роль
стории как основы общегуманитарного
бразования и одного из важных средств
ормирования мировоззрения молодежи.
то, по его мнению, явилось бы наиболее
фективным ответом тем лицам, которые
стремятся принизить роль истории в сред-
ней школе и сократить количество часов,
отводимых на ее изучение.

Доктор исторических наук Е. М. Чер-
менский в своем выступлении отметил,
что при обсуждении представленных ва-
риантов программ необходимо сохранять
чувство реального. Раз важнейшим видом
образования становится школа с производ-
ственным обучением, подчеркнул он, то,
естественно, требуется идти на сокращение
часов по всем «непроизводственным» пред-
метам, в том числе и по истории. Весь во-
прос теперь состоит в том, в каком напра-
влении идти, как это лучше сделать. Вы-
ступавший не разделяет точку зрения пре-
дыдущих ораторов, отрицающих правомер-
ность первого варианта программы и систе-
мы исторического обучения. Если мы сохра-
ним в полной мере систематическое препо-
давание истории СССР, древнего мира,
средних веков, новой и новейшей истории в
8-летней школе, заявляет Е. М. Черменский,
то опять встанем на опасный и скользкий
путь «школы Покровского», ибо придется
неизбежно урезывать количество часов на
все эти курсы. Изучение истории может
стать сугубо схематичным, не будет давать
глубокого изложения событий и явлений
и тем самым будет толкать учащихся на
путь зазубривания некоторых общих поло-
жений.

По мнению выступавшего, надо по-
жертвовать историей древнего мира и сред-
них веков как самостоятельными предмета-
ми в первом концентре школы и ограни-
читься лишь сообщением учащимся кратких
и совершенно необходимых сведений по
данным периодам. Это даст возможность
уделить значительно больше внимания
истории народов СССР, новой и новейшей
истории, которые оказывают наибольшее
воздействие на формирование сознания
подрастающего поколения.

Как и другие ораторы, Е. М. Черменский
придает большое значение созданию
новых учебников по истории, ибо они явят-
ся фундаментом для полноценного исто-
рического образования. Поэтому, как подчер-
кивает он, необходима глубокая работа
историков над решением этой важной за-
дачи. Выступавший отметил также чрезвы-
чайную важность подготовки высококвали-
фицированных кадров преподавателей по
истории, ибо если учителя не будут иметь
соответствующей подготовки, то и при на-
личии хороших учебников они не смогут
обеспечить необходимого уровня преподава-

ния, а это, естественно, отрицательно скажется на общем уровне постановки исторического образования.

Кандидат исторических наук И. П. Рахманова в начале своего выступления говорила о том, что представленные на обсуждение проекты программ и системы исторического изучения не претендуют на законченность и абсолютную истину. Их авторы рассматривают данные документы лишь как первые наброски, которые нуждаются в том, чтобы их всесторонне обсудил широкий круг специалистов и преподавателей. Она возражает против того, что эти проекты, как утверждали многие выступавшие, разрабатывались в тиши кабинетов Академии педагогических наук. Это не так. К их составлению привлекались работники исторических учреждений и школ. Тем не менее она считает, что этого было недостаточно, и соглашается с тем, что в дальнейшем для их доработки, а в ряде случаев, может быть, и коренной переработки следует привлечь значительно более широкий круг историков и преподавателей. Выступавшая заявила, что проекты программ обсуждаются на учительских конференциях и в исторических учреждениях.

Как сотрудник Академии педагогических наук И. П. Рахманова подчеркнула важность сделанных участниками совещания критических замечаний и предложений. Она говорила о том, что только при условии тесного содружества с историками и преподавателями работники Академии смогут подготовить полноценные программы. А это, в свою очередь, поможет успешнее провести перестройку исторического образования и разрешить те ответственные задачи, которые стоят перед исторической наукой,— задачи формирования коммунистического мировоззрения нашей молодежи. Выступавшая считает несправедливыми также упреки в адрес работников Академии педагогических наук в том отношении, что они будто бы не борются за время, отводимое на изучение истории. Мы делаем все возможное в этом направлении, отметила она. Тем не менее при решении данного вопроса нельзя игнорировать целый ряд других важных моментов, которые так или иначе сказываются на определении количества часов, отводимых на преподавание истории.

Выступивший вторично другой представитель Академии педагогических наук, Ф. П. Коровкин, поддержал соображения И. П. Рахмановой и, в свою очередь, высказал некоторое несогласие с утверждениями ряда участников совещания. В то же время он указал, что в основном и главном обсуждение представленных проектов программ и системы исторического образования прошло на высоком научном уровне и принесет большую пользу при окончательной доработке этих документов.

Ф. П. Коровкин с особым удовлетворением отметил подчеркнутое в выступлениях ряда товарищей желание работников исторических учреждений принять участие в написании учебников для средней школы. Если это желание будет претворено в жизнь, заявил он, то это будет чрезвычайно важно для успеха всего дела исторического образования СССР.

Отмечая ценность высказанных соображений общего порядка, Ф. П. Коровкин обратился с просьбой к присутствовавшим на совещании историкам и другим лицам, которые могли бы быть привлечены к этому делу, детально изучить представленные проекты программ и высказать конкретные постраничные замечания и о том, что в них есть, и о том, что необходимо включить дополнительно. Это было бы практической помощью работникам Академии педагогических наук.

С заключительным словом на совещании выступил А. И. Стражев. Он с удовлетворением отметил, что большинство членов Ученого совета одобрило в основном и главном второй вариант представленных проектов, ибо в этом варианте удачно отражены основные задачи исторического образования. В то же время выступавший высказал сожаление, что не получил единодушного одобрения третий проект, который с его точки зрения, также заслуживает серьезного внимания. Важным преимуществом третьего варианта перед вторым, по мнению А. И. Стражева, является то, что в нем за счет некоторого уменьшения часов по древней и средневековой истории увеличено количество часов на изучение новой и новейшей истории, а также истории советского общества, что имеет большое значение. Изучение истории СССР, новой и новейшей истории является сердцевиной исторического образования, и этому делу должно быть уделено первостепенное внимание.

Выступавший высказал несогласие с некоторыми предложениями Б. А. Рыбакова. Выдвигаемое Б. А. Рыбаковым цикличе ское построение изучения истории в средней школе, по мнению оратора, может по

ечь к схематизму, что наиболее резко
ражено в первом варианте представлен-
ых проектов. А. И. Стражев подчерк-
л далее важность конкретных критиче-
ских замечаний по проектам программ. По
о мнению, было бы целесообразно все-
оронне рассмотреть их на кафедрах исто-
ического факультета МГУ и высказать со-
бражения не только по отдельным пунктам,
о в целом, детально рассмотрев проек-
ы. Это было бы полезно во всех отноше-
ниях.

Закрывая совещание, председательство-
вший доктор исторических наук
. А. Федосов предложил не прини-
ать никаких решений по обсуждаемому
опросу. Высказаны различные точки зре-
ия, заявил он, будет обсуждение проектов
других учебных заведениях, где также,
есомненно, будут высказаны ценные заме-
ания и советы. Работники Академии педа-
огических наук изучат эти материалы и
се необходимое учтут.

И. А. Федосов счел нецелесообразным
а данном этапе высказывать и постраниц-
ые замечания по отдельным параграфам
рограмм, поскольку их фактически нужно
азрабатывать заново. При этом он под-
еркнул необходимость отказаться от ме-
анического приспособления вузовских про-
рамм к задачам средней школы. Програм-
ы для этой школы требуется подготовить
епосредственно, исходя из конкретных
словий и задач среднего образования. От-
ечая, что большинство выступивших на со-
ещании историков поддержало второй ва-
иант, И. А. Федосов обратил внимание на
о, что и этот вариант нуждается в дора-
отке, а в ряде случаев и в коренной пере-
аботке, ибо в нем имеется много противо-
ечивых и неясных мест. И. А. Федосов от-
етил также, что третий вариант программ
и системы исторического образования наи-
более последователен, логичен и правил-
ен.

★

Проведенное на историческом факультете МГУ совещание свидетельствует о том, что советские историки проявляют живой интерес к перестройке работы средней и высшей школы. Высказанные в ходе обсуждения проектов программ и системы исторического образования соображения, критические замечания и советы окажут большую помощь в окончательной разработке этих документов.

Участники совещания обратили внимание на серьезные недостатки в подготовке указанных документов. Как видно из обсуждения, столь важное дело вначале осуществлялось по-келейному, к нему мало привлекались наиболее квалифицированные силы историков и преподавателей средней школы. В результате этого не был обеспечен в полной мере творческий, подлинно научный подход к решению задач перестройки исторического образования. Научная разработка проектов программ и системы преподавания истории в школе в ряде случаев была подменена механическим приспособлением соответствующих вузовских документов к новым требованиям, о чем справедливо высказывались критические замечания на совещании.

Итоги совещания свидетельствуют о необходимости повышения требовательности к осуществлению перестройки исторического образования. Они обязывают работников Академии педагогических наук сделать все необходимые выводы из обсуждения на историческом факультете МГУ подготовленных ими проектов.

Н. А. Николаев

Хроникальные заметки

В 1875 г. на квартире революционера ученого Н. И. Кибальчича во время обы-ка жандармы нашли список «Манифеста оммунистической партии», о чем немедлен-о было сообщено Александру II. Список Манифеста», найденный у Кибальчича, последствии упоминался в трудах некото-ых историков. О нем говорили вскользь, ак как, по-видимому, предполагалось, что го рукописный экземпляр перевода, сделан-ого Бакуниным. Но совсем недавно в фон-дах Особого присутствия правительствую-щего сената, в описи которого значились ве-щественные доказательства по процессу «193-х», обнаружено несколько страниц ру-кописного текста, оказавшегося отрывком из перевода «Манифеста». Это были те са-мые листы, которые восемьдесят четыре го-да назад жандармы изъяли у Н. И. Кибаль-чича. Находка представляет собой не пол-ный текст «Манифеста», а лишь отрывок из него — «Введение» и часть первой главы.

Исследование текста показало, что найден новый, неизвестный перевод работы Маркса и Энгельса, причем он значительно лучше, чем бакунинский. Текст очень близок к современному переводу «Манифеста Коммунистической партии», а иногда дословно совпадает с ним. Возможно, что автором найденного перевода являлся Н. И. Кибальчич, который был знаком с учением К. Маркса и прекрасно владел несколькими западноевропейскими языками. Находка представляет большую научную ценность.

В одном из домов города Арзамаса, в котором с 1902 г. вплоть до Октябрьской революции находилась библиотека, во время ремонта был обнаружен сундучок. В нем оказалось большое количество разнообразной политической литературы: издания ЦК РСДРП (1904 г.); несколько экземпляров газет «Искра», «Социал-демократ»; брошюры изданий 1901—1906 гг. со статьями К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина; извещение о созыве II съезда партии; листовки. Здесь же находились издания Саратовского, Казанского, Астраханского комитетов РСДРП, а также находившиеся в то время под запретом произведения А. М. Горького, Л. Н. Толстого и другие материалы. Известно, что А. М. Горький в период пребывания в Арзамасе в ссылке передал в эту библиотеку значительное количество книг, среди которых, возможно, находились и нелегальные издания. В ближайшее время найденная литература будет выставлена для обозрения в Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике.

Работники Государственного архива Томской области в фонде Томского губернского управления обнаружили «Дело о политической благонадежности Кржижановского Г. М. Начато 27 июля 1901 г. Окончено 23 сентября 1901 г.». В фонде управления Сибирской железной дороги было найдено также дело о службе Глеба Максимилиановича Кржижановского. Все документы о нем были направлены в департамент полиции министерства внутренних дел. В уведомлении самарского губернатора томскому губернатору от 17 сентября 1901 г. говорится, что на основании «отношения департамента полиции от 18 минувшего августа за № 8393 определение состоящего на службе Сибирской железной дороги помощника начальника Таежного участка тяги Глеба Максимилиановича Кржижановского на должность инженера по дорожным сооружениям Самарского губернского земства министерством признано крайне нежелательным, так как политическая благонадежность названного лица удостоверена быть не может».

В Луганском областном государственном архиве обнаружен неизвестный до сего времени подлинник письма выдающегося деятеля международного коммунистического движения Клары Цеткин. Документ представляет собой написанную 7 апреля 1928 г. листовку к пролетариям и трудящимся Луганска и Донбасса с призывом поддержать МОПР, председателем которого в то время была К. Цеткин. В листовке, в частности, говорится: «Пролетарии, трудящиеся Луганска и всего Донбасса! Дело МОПРа должно быть также и Вашим делом! Вы трудитесь в самых первых рядах героев труда, которые участвуют в социалистическом строительстве в Советском Союзе. Ваш созидательный труд и Ваша борьба особенно важны для успеха этого огромного дела. С любовью становитесь также в самые первые ряды МОПРа, поддерживая его... Пролетарии, трудящиеся Луганска и Донбасса, я сердечно приветствую Вас, твердо надеясь, что расширение деятельности МОПРа встретит Вашу самоотверженную, энергичную поддержку. За работу!..». Листовка написана на немецком языке.

В марте с. г. исполнилось двадцатилетие Шуйского государственного музея М. В. Фрунзе. За этот период музей собрал в архивах страны более тысячи копий документов о М. В. Фрунзе, свыше двухсот подлинных его рукописей, стенограмм выступлений, исправленных его рукой, писем, телеграмм, приказов и других ценных материалов. В музее хранятся кадры кинохроники 1924—1925 гг. и сотни фотоснимков, среди которых есть уникальные. В шести залах музея экспонируется более семисот предметов, в том числе картины, скульптуры, оружие боевых дружин, документы и знамена периода гражданской войны. Экспозиции ежегодно пополняются. В предстоящем семилетии работники музея планируют издание документов и научно-документированной биографии полководца. В настоящее время развертывается подготовка к 75-летию со дня рождения М. В. Фрунзе, которое будет отмечаться 2 февраля 1960 года.

內 容

社論　第二十一次党代表大会和世界社会主义体系进一步的巩固

論 文

論德国軍国主义在两次世界大战中失敗的原因……格·阿·捷波林，古·費·查斯塔温科，波·謝·帖尔普霍夫斯基
立陶宛共产党爭取农业社会主义改革的斗爭……普·約·奥列卡斯（維尔紐斯）
論十九世紀60－80年代沙皇政府的經济政策問題……約·弗·京丁
英国統治集团在裁軍問題上的政策（1928—1933）……阿·尼·克拉西尔尼科夫
意大利共产党爭取工人阶級統一的斗爭……意共中央委員会書記阿明多拉
斯洛伐克的社会主义工业化……巴·图尔昌（捷克斯洛伐克）

历史学

我罗斯历史学上关于国立学校的問題……弗·叶·伊列里茨基

情 报

論1662年莫斯科武裝起义的問題……維·伊·布加諾夫

書 評

历史科学在苏联

国家政治出版社出版的关于苏共第二十一次代表大会的書籍……謝·米·馬約罗夫
談苏联科学院历史研究所1958年的工作……安·米·西尼岑
論关于中学历史教育問題的提法……尼·亚·尼古拉耶維奇

CONTENTS

Editorial: The Twenty-First Congress and Consolidation of the World Socialist System. Articles: **G. A. Deborin, G. F. Zastavenko and B. S. Telpukhovsky.** The Reasons for German Imperialism's Defeat in the Two World Wars; **P. I. Olekas** (Vilnius). The Lithuanian Communist Party's Struggle for the Socialist Transformation of Agriculture; **. F. Gindin.** The Tsarist Government's Economic Policy in 1860-90; **A N. Krasilnikov.** The British Ruling Quarters' Disarmament Policy in 1928-33; **Giorgio Amendola, Member of he Secretariat of the Italian Communist Party's Central Committee.** The Italian Communist Party's Struggle for Working-Class Unity; **Pavol Turcan** (Czechoslovakia). The Socialist Industrialization of Slovakia. Historiography: **V. Y. Illeritsky.** A Propos of he State School in Russian Historiography. Reports: **V. I. Buganov.** The Moscow Uprising of 1662. Criticism and Bibliography. Historical Science n the U.S.S.R.: **S. M. Mayorov.** Books on the Twenty-First CPSU Congress Recently Put Out by the State Publishers of Political Literature. **A. M. Sinitsin.** The Work Done in 958 by the Institute of History of the U.S.S.R. Academy of Sciences; **N. A. Nikolayev.** Study of History in Secondary Schools.

SOMMAIRE

Editorial: Le XXI Congrès et les progrès de la consolidation du système socialiste mondial. Articles: **G. A. Déborin, G. F. Zastavenko, B. S. Telpukhovsky.** Sur les causes de la défaite de l'impérialisme allemand dans les deux guerres mondiales; **P. I. Olékas** (Vilnus). La lutte du Parti communiste de la Lituanie pour la réorganisation socialiste de l'agriculture; **I. F. Gindin.** A propos de la politique économique du gouvernement tsariste dans les années 60-80 du XIX siècle; **A. N. Krassilnikov.** La politique des milieux dirigeants de la Grande Bretagne dans le domaine du désarmement (1928-1933); **Giorgio Amendola, membre du Secrétariat du C.C. du Parti communiste Italien.** La lutte du Parti communiste italien pour l'unité de la classe ouvrière; **Pavol Turcan** (Tchécoslovaquie). L'industrialisation socialiste de la Slovaquie. Historiographie: **V. E. Illéritsky.** « Ecole d'état » dans l'historiographie russe. Communications: **V. I. Bouganov.** Sur la question de l'insurrection de Moscou en 1662. Critique et bibliographie. Science historique en U.R.S.S.: **S. M. Majorov.** Littérature consacrée au XXI Congrès du P.C.U.S. des Editions d'Etat de la littérature politique; **A. M. Sinitsin.** Sur le travail de l'Institut de l'histoire de l'Académie des sciences de l'U.R.S.S. en 1958, **N. A. Nikolaev.** L'enseignement de l'histoire à l'école secondaire.

INHALT

Leitartikel: Der XXI. Parteitag und die weitere Konsolidierung des sozialistischen Weltsystems. Beiträge: **G. A. Deborin, G. F. Sastawenko, B. S. Telpuchowski.** Die Ursachen der Niederlage des deutschen Imperialismus in beiden Weltkriegen; **P. I. Olekas** (Wilnjus). Der Kampf der Kommunistischen Partei Litauens für die sozialistische Umgestaltung der Landwirtschaft; **I. F. Gindin.** Zur ökonomischen Politik der zaristischen Regierung in den 60er bis 80er Jahren des 19. Jahrhunderts; **A. N. Krasilnikow.** Die Politik der regierenden Kreise Englands in der Abrüstungsfrage (1928-1933); **Giorgio Amendola, Mitglied des Sekretariats des ZK der Italienischen Kommunistischen Partei.** Der Kampf der Italienischen Kommunistischen Partei für die Einheit der Arbeiterklasse; **Pavol Turčan** (Tschechoslowakei). Die sozialistische Industrialisierung der Slowakei. Historiographie: **W. E. Illerizki.** Über die „Staatsschule" in der russischen Geschichtsschreibung. Mitteilungen: **W. I. Buganow.** Der Moskauer Aufstand von 1662. Kritik und Bibliographie. Die Geschichtswissenschaft in der UdSSR: **S. M. Majorow.** Die Literatur des politischen Staatsverlages zum XXI. Parteitag der KPdSU; **A. M. Sinizin.** Die Tätigkeit des Instituts für Geschichte bei der Akademie der Wissenschaften der UdSSR im Jahre 1958; **N. A. Nikolajew.** Über das Studium der Geschichte in der Mittelschule.

Редакционная коллегия:

С. Ф. НАЙДА (главный редактор), Ю. В. БОРИСОВ (заместитель главного редактора), Р. П. ДАДЫКИН, Л. М. ИВАНОВ, Н. И. МАТЮШКИН (первый заместитель главного редактора); А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, И. А. ОРБЕЛИ, Г. Н. СЕВОСТЬЯНОВ, С. Д. СКАЗКИН, Н. А. СМИРНОВ, П. Н. СОБОЛЕВ, П. Н. ТРЕТЬЯКОВ, П. И. ФЕДОТОВ, И. А. ХРЕНОВ, Л. В. ЧЕРЕПНИН.

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 18-б, комн. 29, тел. Д 3-55-08.

А 00692. Подписано к печати 6/V 1959 г. Тираж 29 800 экз.

Изд. № 633. Заказ № 704. Формат бум. 70×108 1/16. 7 бум. л.— 19,18 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

НОВЫЕ КНИГИ

ЭНЬ ДЭН-ЮАНЬ. **Чжунго цзювэнь** эвняя история Китая), том I. Пекин. ьлян шудян чубань. 3,680 стр.

ЭНЬ ЦИ-ВЭЙ. **Сун Цзинь чжань-** и **шилю** (Война сунского Китая с рчженьским царством Цзинь. 1125— гг.). Ухань. Хубэй жэньминь чу- шэ. 1958. 184 стр.

ЭН ВЭНЬ-ТУН. **Чжоу Цинь шаошу** ьцзу яньцзю (Национальные мень- ства в Китае в период династий у и Цинь). Шанхай, Лунмэнь ляньь- цуцзюй. 1958. 4, 109стр.

Э ЧАН-ЦЮНЬ. **Хань Тан цзянь фэн-** льды го ю тудичжи юй цзюнь тень- (Система землевладения и земле- зования в период феодальных го- рств в эпоху Хань и Тан). Шанхай, нхай жэньминь чубаньшэ. 1958, стр.

нянь чжаньчжэн моци инцзюнь цзай цзян сяюды циньлюе цзуйсин. Чжун- кэсюеюань, Шанхай лиши яньцзюсо бей вэйюань хойбень. (Агрессивные ствия английских войск в низовьях Янцзы в последний период опиум- войны 1840—1842 гг. Сост. Шанхай- институт истории АН КНР). Шан- Шанхай жэньминь чубаньшэ. 1958, 1, 392 стр. с илл.

сюй бяньфа люши чжоунянь цзи- ь цзи. Хоу Вай-лу чжубянь (Сто дней орм. Сборник статей к 60-й годов- е «ста дней реформ» 1898 г. Под Хоу Вай-лу). Пекин. Кэсюе чубань- 1958, 2, 82 стр.

ЖАН ГО-ГАНЬ. **Синьхай гэмин ши-** (Материалы об истории Синхайской олюции). Шанхай, Лунмэнь ляньхэ зюй. 1958, 349 стр.

Ізнь-Гань-Нин бяньцюй цаньихой сянь хойцзи. Чжунго кэсюеюань ли- яньцзюсо дисаньсо бяньцзи (Народ- олитический Совет пограничного она Шэньси-Ганьсу-Нинся. Сборник ериалов. 1939—1946. Сост. 3-й инсти- истории АН КНР). Пекин. Кэсюе аньшэ. 1958, 6, 379 стр.

оуцзин бао гу бяньлунь цзи. (Совре- ное благосостояние и прежняя ни- а. Сборник дискуссионных материа- Ист. фак. университета Фудань) нхай, Шанхай жэньминь чубаньшэ, , 88 стр.

ратка история на България. София. ка и искусство. 1958, 410 с.

АЛЕВ М. **За дружба с руския народ.** бата на българския воини срещу атурата на Батенберг и Стамболев. —1887 г. София. Държ. воен. пр. , 104 с.

ИРШНОВ Г. **Съвременният ревизио-** ьм — идеология на антикомунизма. ия. БКП, 1958, 112 с.

ení o Karlu IV. a jeho době. (Z pra- ů). Uspoř. a z lat. přel. F. Heřmans- Praha. «Melantrich». 1958. 486 str.

HOLOTIK, Ľ. **Októbrova revolúcia a národnooslobodzovacie hnutie na Slovensku v rokoch 1917—1918.** Bratislava, NSAV, 1958, 165 str.

Cesta k Mnichovu. Sborník statí k 40 výročí vzniku ČSR a 20 výročí Mnichova. Praha. 1958. Vojen. polit, akademie, str. 288. (rotaprint).

TOPOLSKI J. **Gospodarstwo wiejskie w dobrach arcybiskupstwa gnieźnieńskiego od XVI do XVIII wieku.** Wstęp. St. Hoszowskiego. Poznań. 1958. PWN, s. 434.

DEMEL J. **Stosunki gospodarcze i społeczne Krakowa w latach 1853—1866.** Wrocław-Kraków. 1958. Ossolineum. s. 730.

Inwentarz archiwum Nachzelnego Komitetu Narodowego (1914—1920). Opracowali Łysiak L., Ptaśnikowa A. Zajacowa H. Wstępem poprzedril L. Lysiak. Warszawa, Łódź. 1958, PWN. s. 138.

BEREND. T. IVÁN, RÁNKI GYÖRGY. **Magyarország gyáripara.** A második világháború előtt és a háború idöszakában (1933—1944). Budapest. Akadémiai kiadó. 1958, 624 old.

L'ESTOILE. **Journal pour le règne d'Henri IV (1601—1609).** Paris. Gallimard. 1958. 688 p.

CROUZET M. **L'Epoque contemporaine.** A la recherche d'une civilisation nouvelle. 2-e éd. Paris. Presses Universitaires de France. 1958. 844 p.

LEUILLIOT P. **La Première Restauration et les Cent jours en Alsace.** Paris. Service d'édit. et de vente des Publications de l'Education nationale. 1958. 294 p.

CHARPY J. **La Fondation de Dakar (1845—1857—1869).** Paris. Emile Larose. 1958. 596 p.

AUPHAN A. et MORDAL J. **La Marine française pendant la seconde guerre mondiale.** Paris. Hachette. 1958. 522 p.

McELWEE W. **The Wisest Fool in Christendom.** The Reign of King James I and VI. London. Faber. 1958. 296 p.

BRETT S. R. **Oliver Cromwell.** London. Black. 1958, 96 p.

MOWRY G. E. **The Era of Theodore Roosevelt: 1900—1912.** London. H. Hamilton. 1958. 330 p.

LIVERMORE H. V. **A History of Spain.** London. Allen and Unwin. 1958. 479 p.

CLEATOR P. E. **Wat aarde bewaarde.** De huidige stand van het archeologisch onderzock. Utrecht-Antw., Vitgeverij. „Het Spectrum". 1958. 216 blz.

СИРЕ НИХОН СИ. (Материалы по истории Японии). Токио. 1958. Т. I, 5, 236 стр. Т. 2, 6, 276 стр.

МИСИНА АКИФУСА. **Нихон кодайси** (Древняя история Японии). Токио, Согэнся. 1958. 6, 289 стр. с илл.

Цена 7 руб.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 10-томное издание Соцэкгиза

«ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ»

«Всемирная история» дает читателю научное марксистское представление о развитии человеческого общества (экономическом, политическом и культурном) с древнейших времен до конца второй мировой войны.

Материал в каждом томе излагается в хронологической последовательности:

Том I — **История первобытного общества, возникновение и развитие ранних рабовладельческих обществ до середины I тысячелетия до нашей эры.**

Том II — **История древнего мира с V века до нашей эры до середины V века нашей эры.**

Тома III и IV — **История средних веков.**

Тома V, VI и VII — **Новая история.**

Тома VIII, IX и X — **Новейшая история.**

Все тома снабжены цветными картами, иллюстрациями и справочным аппаратом, состоящим из хронологических таблиц, именного и географического указателей и списка важнейших исторических работ на русском и иностранных языках.

Подписку можно оформить на полное издание, а также, по желанию подписчиков, на «Новую историю» (тома V—VII) или на «Новую историю» и «Новейшую историю» (тома V—X).

Цена тома — 40 рублей.

Подписчикам выдаются вышедшие из печати четыре тома.

Подписка принимается книжными магазинами книготорга и потребительской кооперации.

«СОЮЗКНИГА»